

Вестник Российской университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 Том 29 № 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-2

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издаётся с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Руководство производством журнала,

техническое и организационное

обеспечение, формирование редакционной

политики, взаимодействие и контакты

с партнёрами и официальными структурами.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович, **Никитина Валентина Сергеевна**,

доктор юридических наук,

профессор, РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Научная политика, организация

отбора статей, качество

публикуемых материалов,

формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Никитина Валентина Сергеевна,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Переписка с авторами,

документооборот журнала,

информационная инфраструктура

журнала, организация

рецензирования материалов.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даурен Даукович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамbarян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клиниас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфжонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагiotopoulos Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Петрробон Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт Петербург, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *РИНЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. уголовно-правовые науки; 5.1.5. международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы К.П. Перегудова, К.В. Зенкин

Редактор-переводчик В.В. Степанова

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: law@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2025. Выход в свет 28.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,78. Тираж 500 экз. Заказ 771. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2025 VOLUME 29 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-2

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Valentina S. Nikitina,

RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gamkaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LLD (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors K.P. Peregudova, K.V. Zenkin
Editor-translator V.V. Stepanova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru
Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕНЫЕ-ПРАВОВЕДЫ-ФРОНТОВИКИ

- Кашанина Т.В. Правовое регулирование и правовое воздействие как твердая и мягкая силы: к 100-летию со дня рождения Сергея Сергеевича Алексеева 297

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Лихтер П.Л. Концептуальные подходы к пониманию категории «истина» в юридической науке 313
- Залоило М.В. Метапарадигмальность научного познания и междисциплинарные повороты в исследовании правовой культуры 327
- Касаткин С.Н. Критика Г. Хартом учения Г. Кельзена о единстве, непротиворечивости и автономии права. 345

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Надточий М.Д., Макарчук З.В., Зеленцов А.Б. Налоговые рулинги в системе налогового администрирования: опыт зарубежных стран 365

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Монастырский Ю.Э. Закономерное и особенное в правовом режиме нематериальных благ в Российской Федерации. 382
- Андреев В.К., Лаптев В.А. Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности 400

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Бельский К.Е. Восстановительное правосудие по уголовным делам – замена состязательному процессу как «игре с нулевой суммой»: на примере штата Виктория, Австралия 416

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Логвинец Е.А., Каторгина Н.П. Концептуальные подходы к пониманию временных характеристик события преступления в экспертной практике 424

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

- Aleksei P. Klementyev. The single Agreement Concept in international Framework Contracts for Cross-Border Derivatives and other financial Transactions 438
- Лаптёнок В.О. Синтез политico-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза 456
- Ломовский С.А. Классификация климатических споров в аспекте международного права 473

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Клебанов Л.Р., Лизикова М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: правовые вызовы и международное сотрудничество в поисках подходов к регулированию	494
Иванова Л.В., Аржиловский Д.Е., Калашников Н.А. Правовая характеристика робототехники в контексте юридической ответственности	509
Киселев А.С. Возможности правового нивелирования политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта	524
Ефимцева Т.В., Жукова Е.Э. Последствия использования искусственного интеллекта в процессе обучения в юридическом вузе	544
Макаров В.О. Правовое регулирование телемедицины в России	562

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Никитина В.С., Перегудова К.П. Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право: обзор Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, 7 декабря 2024 г.	582
Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В. Судебная власть и судоустройство: обзор II Международной научно-практической конференции	589

CONTENTS

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. CONTRIBUTIONS FROM FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

- Tatyana V. Kashanina. Legal regulation and impact: Hard and soft forces in commemoration of Sergei S. Alexeev's centenary 297

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

- Pavel L. Likhter. The Concept of 'Truth' in Legal Science: A Theoretical Exploration 313
Maksim V. Zaloilo. The Metaparadigm of Scientific Knowledge and Interdisciplinary Perspectives on Legal Culture 327
Sergei N. Kasatkin. H. Hart's Criticism of H. Kelsen's Doctrine of Unity, Consistency and Autonomy of Law 345

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

- Mikhail D. Nadtochiy, Zlata V. Makarchuk, Alexander B. Zelentsov. Advance Tax Rulings in the System of Tax Administration: International practices 365

CIVIL LAW

- Yuri E. Monastyrsky. The Civil Law Regime Governing Immaterial Values in the Russian Federation 382
Vladimir K. Andreev, Vasilii A. Laptev. Legal Problems in Public-Private Property Interactions within Entrepreneurship 400

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Kirill E. Belsky. Restorative Justice in Criminal Cases – Replacing the Adversarial Process as a "Zero-Sum Game": Case Study of Victoria, Australia 416

FORENSIC SCIENCE. FORENSIC ACTIVITY. INVESTIGATIVE ACTIVITY

- Elena A. Logvinets, Natalya P. Katorgina. Temporal Aspects of Crime Events: Conceptual Approaches in Expert Analysis 424

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

- Aleksei P. Klementyev. The single Agreement Concept in international Framework Contracts for Cross-Border Derivatives and other financial Transactions 438
Violetta A. Laptsenak. Synergy of Political and Legal Instruments in European Union Internal Digital Transformation and External Competencies Practice 456
Sergey A. Lomovsky. Classification of Climate Disputes from the Perspective of International Law 473

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

- Lev R. Klebanov, Marina S. Lizikova. Artificial Intelligence in Nuclear Energy: Legal Challenges and International Cooperation in the Search of Approaches to Regulation 494

Liliya V. Ivanova, Dmitriy E. Arzhilovskiy, Nikita A. Kalashnikov. Defining ‘robotics’ for legal responsibility: A conceptual framework	509
Alexander S. Kiselev. The Possibilities of Legal Leveling of Political, Organizational and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence	524
Tatiana V. Efimtseva, Elena E. Zhukova. Consequences of Using Artificial Intelligence in the Process of Studying at a Law School	544
Vladislav O. Makarov. Legal Regulation of Telemedicine in Russia	562

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Valentina S. Nikitina, Kseniia P. Peregudova. Key Insights in Jurisprudence and Law from the Interuniversity Conference with International Participation, December 7, 2024	582
Evgeny Y. Komlev, Denis A. Dobryakov, Yuliia V. Sukhostavskaya. Contemporary Challenges in Judicial Power and Judicial Systems: A Review of the II International Conference	589

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕНЫЕ-ПРАВОВЕДЫ-ФРОНТОВИКИ

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. CONTRIBUTIONS FROM FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-297-312>
EDN: WIOBJD

Научная статья / Research Article

Правовое регулирование и правовое воздействие как твердая и мягкая силы: к 100-летию со дня рождения Сергея Сергеевича Алексеева

Т.В. Кашанина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
 kashanina@mail.ru

Аннотация. Утверждается, что правовое регулирование и правовое воздействие – это не равнозначные понятия. Цель правового регулирования – упорядочить общественные отношения, а цель правового воздействия – сориентировать людей в правовом пространстве. Правовое воздействие – это сравнительно новая категория в юридической науке. Правовое воздействие оказывает дополнительное, но отнюдь не малозначимое влияние права на сознание людей, хотя и не предполагает жесткой регламентации их поведения. Выделяется шесть компонентов правового воздействия: информационное, психологическое, ценностное, идеологическое, политическое, международное. Автор делает вывод, что если правовое регулирование, будучи мощным средством управления обществом и активно влияющим на социум, – это «твёрдая сила», то правовое воздействие – это своего рода «мягкая сила» права. И только в совокупности эти две «силы» могут обеспечить упорядочение жизни общества.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, инструменты механизма правового регулирования, особенности правового регулирования, специфика правового воздействия, компоненты правового воздействия, информационное правовое воздействие, психологическое правовое воздействие, ценностное правовое воздействие, идеологическое правовое воздействие, политическое правовое воздействие, международное правовое воздействие

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кашанина Т.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 21 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Кашанина Т.В. Правовое регулирование и правовое воздействие как твердая и мягкая силы: к 100-летию со дня рождения Сергея Сергеевича Алексеева // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 297–312. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-297-312>

Legal regulation and impact: Hard and soft forces in commemoration of Sergei S. Alexeev's Centenary

Tatyana V. Kashanina

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation
 kashanina@mail.ru

Abstract. The article characterizes and schematizes the central legal category of the “mechanism of legal regulation” (MLR), as originally formulated by S.S. Alekseev in 1966. Despite its established presence in legal science, the MPR continues to be interpreted in diverse ways. The author argues that this stems from a confusion between the concepts of “legal regulation” and “legal influence”, which are not equivalent. Legal regulation aims to streamline social relations, whereas legal influence aims to orient individuals within the legal space. Legal influence is a relatively new category in legal science, representing an additional, though insignificant, impact of law on people’s consciousness, even without strict behavioral regulation. Legal influence comprises six components: informational, psychological, value-based, ideological, political, and international. The author concludes that while legal regulation is a “hard power”, actively managing and influencing society, legal influence is a form of law’s “soft power”. Together, these two forces ensure order in society.

Key words: mechanism of legal regulation, instruments of the legal regulation mechanism, features of legal regulation, specifics of legal impact, components of legal impact, information legal impact, psychological legal impact, value legal impact, ideological legal influence, political legal impact, international legal impact

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st February 2025

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Kashanina, T.V. (2025) Legal regulation and impact: Hard and soft forces in commemoration of Sergei S. Alexeev's centenary. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 297–312. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-297-312>

Введение

В 2024 году Сергею Сергеевичу Алексееву исполнилось бы 100 лет со дня рождения (1924 – 2013 гг.). Он стоял на вершине юридической науки. Наследие Сергея Сергеевича Алексеева входит в золотой фонд юридической науки. Оно составляет около трехсот научных работ. Одной из ярких его работ является книга «Механизм

правового регулирования в социалистическом государстве». Конструкция механизма правового регулирования, которая в ней изложена, в науке используется и сегодня. Задача его последователей состоит в дальнейшем развитии учения о правовом регулировании и обогащении его новыми знаниями. Именно на это направлены усилия автора.

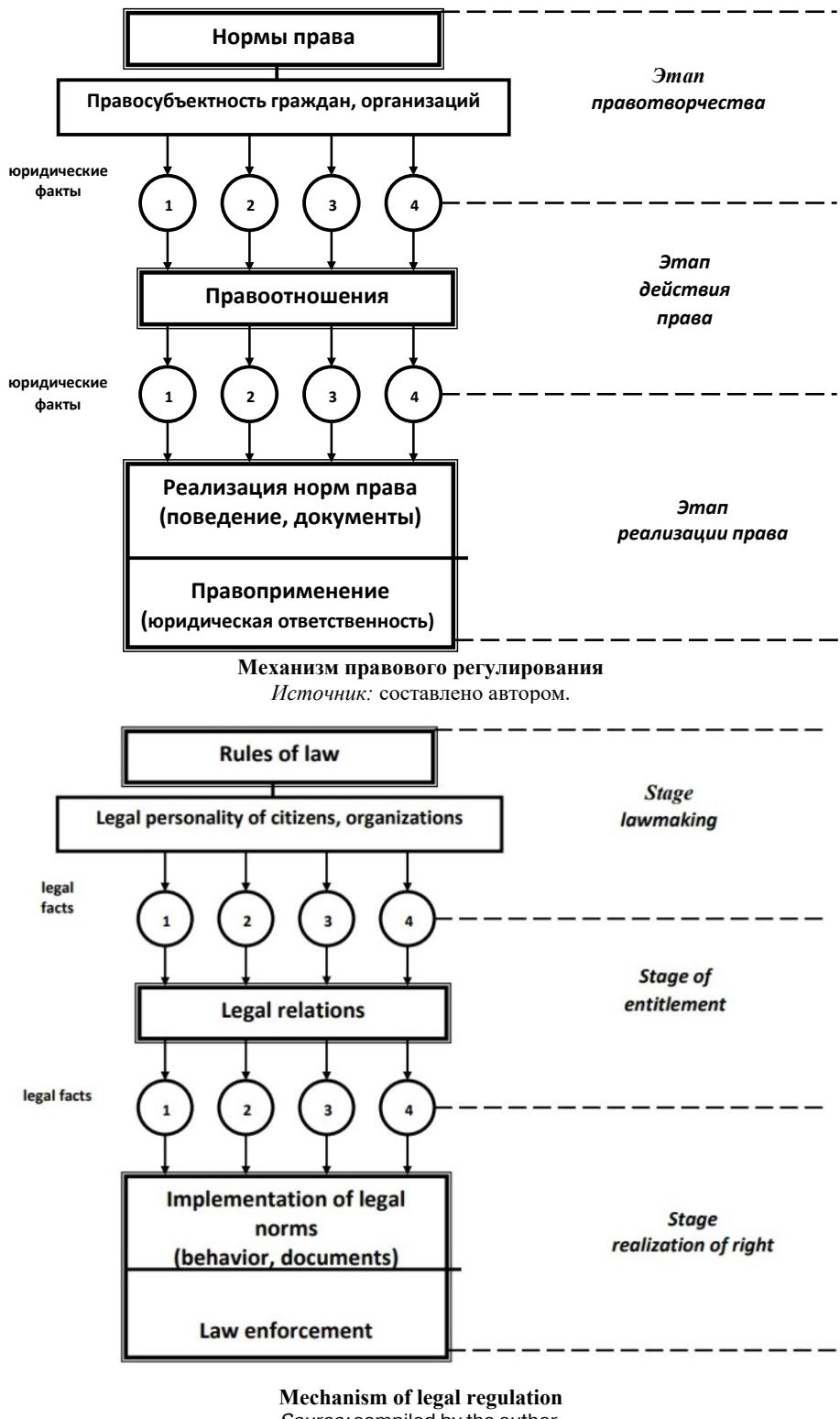
Механизм правового регулирования и его инструменты

Категория «механизм правового регулирования» (далее – МПР) вошла в юридическую науку в 1966 г., а в учебную программу по теории государства и права она была включена несколько позднее. Понятие МПР и охарактеризовано впервые Сергеем Сергеевичем Алексеевым. Понятно, что это было сделано не на пустом месте: перед этим он изучил все научные работы по вопросу о правовом регулировании (Aleksandrov, 1961; Yavich, 1961; Gorshenev, 1972). Подробную ретроспективу относительно формирования категории МПР дает Н.Н. Тарасов (Tarasov, 2020). Таким образом, встав на плечи своих предшественников, С.С. Алексеев сформулировал МПР и последовательно описал все его части.

Под МПР С.С. Алексеев понимал *систему правовых средств, с помощью которых происходит упорядочение общественной жизни, используемых последовательно на различных этапах правового регулирования* (Alekseev, 1966). В дальнейшем костяк МПР или основные его средства (нормы права, правоотношения, акты реализации) он дополнил и другими инструментами, которые лежат как бы в глубине, назвав их *функциональными средствами*. К ним он отнес способы воздействия (запреты, предписания, дозволения) и инструменты реализации (юридические факты, правосубъектность, компетенцию государственных органов и др.) (Alekseev, 2009). Да, это не совсем однопорядковые специально-юридические средства, но в целом они и составляют инструментарий МПР (рис.).

Конструкция МПР стала общепризнанной и до сих пор никем не оспаривается. Однако ее интерпретации имели место и не исключено, что появятся и в будущем. Вот одна из них. Л.Н. Берг в своей докторской диссертации, рассуждая о правовом воздействии на общество, ведет речь об *инструментальном воздействии права*, которое осуществляется с помощью специально-юридических средств и включает в себя следующие элементы:

- 1) *правовое установление*;
- 2) *правовое регулирование*, когда действуются абсолютные правоотношения (в случае превентивного действия правовых норм) или относительные правоотношения (когда конкретизируются все субъекты права);
- 3) *реализация норм права*, т.е. фактическое упорядочение общественных отношений в виде поведенческих и/или документальных актов;
- 4) *правовая охрана* применяется, когда что-то пошло не так и имеет место сбой или опасность сбоя в правовом регулировании, а посему надо применять правовое принуждение в виде санкций и других мер защиты;
- 5) *правовая регламентация*, характеризующая процессуальное обрамление процесса применения права в деятельности государственных органов и ограничивающая свободу их действий (Berg, 2018).

Если понимание инструментального правового воздействия Л.Н. Берг сравнивать со структурой МПР С.С. Алексеева, то сходство окажется разительным: те же правовые средства упорядочения общественных отношений (нормы, правоотношения, нормативные акты, акты реализации, правовое принуждение, одетое в процессуальную форму), та же последовательность расположения специально-юридических средств (по терминологии Л.Н. Берг, элементов). Разница же касается терминологии (у С.С. Алексеева – это МПР, у Л.Н. Берг – инструментальное воздействие). Кроме того, у Л.Н. Берг представлена компоновка частей (этапов) чуть более дробная. Одним словом, конструкция МПР, разработанная С.С. Алексеевым, устояла. Почему появляются столь разнообразные интерпретации и наименования МПР? Думается, что дело здесь в смешении понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие»¹.

Правовое регулирование и его особенности

Сначала уточним термин «*регулирование*». Регулировать означает упорядочивать, налаживать, направлять развитие, движение чего-либо с целью привести в такое состояние, которое обеспечивает нормальную и правильную работу². *Правовое регулирование – это упорядочение общественных отношений с помощью права*. Такое его определение в науке не оспаривается. Правовое регулирование – центральное ядро правового переустройства мира, а МПР – это его каркас. В чем состоят особенности правового регулирования, отличающие его от правового воздействия? Вот некоторые из них.

1. Термин «регулирование» (от лат. *regulo*) означает «устраиваю», «налаживаю», «привожу что-то в соответствие с чем-то». Правовое регулирование – это упорядочение общественных отношений с помощью правовых средств, но не простое по типу «что получится, посмотрим», а с в соответствии с заданной целью (стабилизация правопорядка, координация деятельности субъектов права и т.п.). Да, цель может быть и не достигнута. Но здесь важно подчеркнуть *активную позицию* регулирующего субъекта, его целеполагание, ориентированное на поддержание равновесия на правовом поле, желание очертить границы поведения субъектов права и т.п. Таким образом, правовое регулирование представляет собой организованное детализированное регламентирование для упорядочения общественной жизни и достижения конкретного результата.

2. Объектом правового регулирования являются общественные отношения: экономические, политические, социальные, национальные, имущественные, личные и т.д. Одним из непременных их компонентов является прежде всего *поведение человека*. Понятно, оно не может не быть связано с его сознанием. И тем не менее, глубокое восприятие своего поведения у какого-либо из субъектов может и отсутствовать. Внимание субъекта сосредоточено прежде всего на ближайших шагах и желании достичь своей цели, избегая негативных последствий, которые становятся

¹ Именно как синонимы эти две категории понимает Л.Н. Берг: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы юридических средств (норм, правоотношений, нормативных актов, актов реализации, актов толкования) результативное в о з д е й с т в и е на общественные отношения в целях их упорядочения» (Berg, 2016).

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26842> (дата обращения: 04.02.2025).

неминуемыми, как только наступят все условия, необходимые для действия правовой нормы. В процессе правового регулирования главным является *деятельностный момент* (или поведение человека), а не его сознание. Так работает МПР: четко, почти автоматически. Для обеспечения его единственности существует такое правило: незнание закона не освобождает правонарушителя от ответственности. Этим самым обеспечивается более высокая эффективность именно правового регулирования.

3. Правовое регулирование предполагает отслеживание ситуации, связанной с действием правовых норм. И если дело пойдет не так, как запланировано, то возможно вмешательство в правовую ситуацию. Тогда предпринимаются меры по корректировке ситуации (стимулирование, восстановительные, предупредительные и другие меры). Т.е. *ведется контроль* за тем, как идет правовое регулирование и будет ли достигнута поставленная цель.

4. Правовое регулирование предполагает *возложение неблагоприятных последствий* в том случае, если заданная цель не достигается, и налицо результат, прямо противоположный задуманному. Это позволяет все же стабилизировать положение дел и не допустить хаоса в процессе регулирования общественных отношений.

5. В процессе действия МПР возникают *конкретные правоотношения*, когда обе стороны четко определены, как, впрочем, и их права и обязанности. Вот почему МПР весьма действенен и достаточно оперативен.

Правовое воздействие и его специфика

О том, что право имеет помимо МПР и другие каналы действия (психологическое, информационное, ценностно-ориентационное), писал еще С.С. Алексеев. Он их относил к общим закономерностям функционирования идеологии и не считал их юридическими (Alekseev, 1981). И лишь в последнее время проблема правового воздействия попала под прицел ученых-юристов. Стало понятно, что МПР будет более эффективным, если его «смазывать», как двигатель в автомобиле, и не просто моторным маслом, а маслом с присадками, еще более улучшающими работу МПР. Таким образом, ученые вплотную приступили к разработке категории «правовое воздействие».

Термин «воздействие» трактуют несколько иначе, а именно как систему действий, имеющих целью повлиять на что-либо³. Иными словами, воздействие – это непроизвольное, незапланированное влияние (по типу: «ну, посмотрим, что выйдет в результате действия тех или иных норм права...»). Однако при этом все же ставится цель – оказать прессинг, давление, получить какой-либо эффект, хотя он четко не прорисовывается и не носит детализированного характера. Правовое воздействие нацелено не на изменение чего-либо. Его цель – подтолкнуть субъекта в нужную сторону⁴. Это всего лишь правовое сообщение, призванное побудить субъекта права

³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 04.10.2024); Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3579> (дата обращения: 04.02.2025).

⁴ В.Д. Чураков, характеризуя технологию «подталкивания» (*nudge*) отмечает, что она не лишает человека свободы выбора. Она дает хороший эффект применительно к иррациональным акторам, имеющим когнитивные ограничения, коих среди людей большинство. Право может направлять поведение людей в необходимое русло и не применяя принудительные механизмы. Он предлагает шире использовать «подталкивание» в правовом регулировании в качестве инструмента, доказавшего свою эффективность (Churakov, 2023).

к заданным изменениям объекта правового воздействия, *сориентировать его в правовом пространстве*. Но это отнюдь не жесткая регламентация его поведения. Допустим, в СМИ появилось сообщение о том, что бизнесмен, дочь-первоклассница которого стала учиться на двойки, пришел в класс и на глазах учеников класса избил учительницу, бросив фразу: «сама знаешь за что». Понятно, что даже если за этим не последовало назидательности, воздействие на читателей оказано. Чем же правовое воздействие отличается от правового регулирования?

1. Правовое воздействие – это *дополнительный результат*, получаемый от действия МПР, но *отнюдь не второстепенный*. Оно сродни теплу и свету, исходящих от солнца. Надо отметить, что порой правовое воздействие превосходит эффект от правового регулирования. Так, нормы УК РФ удерживают миллионы граждан от совершения преступлений, тогда как применение УК РФ в процессе разрешения уголовных дел касается нескольких тысяч... Нельзя сказать, что правовое воздействие не требует от государства никаких затрат. Формулирование правовой политики – дело интеллектуально емкое. И тем не менее государство как правотворческий субъект действует здесь *не столь быстро и напористо*, как, допустим, в случае с совершением правонарушений.

2. Объект правового воздействия иной – *сознание людей*. Да, при правовом воздействии субъекты права испытывают на себе влияние правовых норм, вполне воспринимая те положения, которые выдвигает законодатель и которые вытекают из правовых установлений (предписаний, дозволений, запретов и т.п.). Но их восприятие не отличается четкостью. Оно скорее носит общий характер. В нашем примере люди не одобрят действия предпринимателя, избившего учительницу, но они не будут вдаваться в детали этой правовой аномалии.

3. Правовое воздействие *не предполагает жесткого отслеживания положения дел*, поскольку результат становится виден на отдаленной дистанции. И порой полученный результат всех потрясает. Отсутствие запланированных результатов правового воздействия – это еще не самый плохой вариант, как в случае с запретом абортов уже некоторыми регионами РФ (как показали статистические данные, на повышение рождаемости эта мера пока не оказала влияния). Иногда бывает результат правового воздействия прямо противоположный тому, который хотели получить. Тогда на ум приходит расхожее выражение: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». В примере с двойками у первоклассницы возможно найдутся сторонники бизнесмена, который, по их мнению, возмутился справедливо тем, что учительница еще не успела первокласснице чему-либо научить, а уже засыпала двойками и окончательно убила ее мотивированность к учебе. Вполне возможно, что возмущенные родители класса будут требовать пересмотра методики обучения младших школьников, которую рекомендует Министерство просвещения в качестве базовой.

4. Правовое воздействие не предполагает и столь жесткого отношения к правовой ситуации, которая пошла не так, как планировали. Так, например, выяснилось, что запрет абортов не принес нужных результатов. И что? Здесь вариативность поведения государственных органов не такая однозначная, как в процессе правового регулирования (применить санкцию, чтобы не допустить дисбаланса в обществе). В процессе правового воздействия *рамки значительно шире*, чем в процессе правового регулирования. Что, к примеру, можно сделать для решения проблемы с повышением рождаемости? Мер таких много: повышение уровня жизни семей и их

доходов, поддержка многодетных семей, поддержка работающих родителей (при-смотр и уход за детьми), улучшение жилищных условий семей с детьми и др.

5. Правовое воздействие осуществляется через существующие перманентно *общие правоотношения*, поскольку связь субъектов права с государством и между субъектами постоянна. В силу этого участникам общественных отношений приходится соблюдать правовые нормы, хотя некоторые могут так никогда и не вступить в определенные виды конкретных правоотношений. Именно так действует, например, Уголовный кодекс – запреты на совершение деяний, признанных преступлениями и снабженные весьма жесткими санкциями, оказывают предупредительное воздействие.

Как видим, различия между правовым регулированием и правовым воздействием весьма определенные. И это заставляет признать особый статус-кво за каждым из них⁵.

Компоненты правового воздействия

Если категория «правовое регулирование» привлекала внимание многих ученых, и она неплохо охарактеризована, то проблема правового воздействия такой сфокусированности пока не удостоилась, поскольку эта категория оформилась в качестве самостоятельной лишь недавно. В научной юридической литературе по вопросу о правовом воздействии пока пестрая картина: называется разное количество видов правового воздействия, используется неоднозначное их наименование, идет подмена одного вида другим, квалифицируется как воздействие права то, что таковым не является и т.п. В принципе, такое положение дел нормально на начальном этапе исследования какой-либо проблемы. Я же хочу предложить не только свою трактовку правового воздействия (изложенную выше), но выстроить систему его компонентов в порядке уменьшения их значимости для общества.

1. *Информационное правовое воздействие*. Понятием «правовая информация» охватываются прежде всего сведения, содержащиеся в нормативных правовых актах. Но не только: акты толкования, правореализационные и правоприменительные акты, материалы обсуждения нормативных актов в СМИ, научные статьи на правовые темы, справочные материалы, сведения о нормах права, передаваемые из уст в усту и т.п. – все может нести правовую информацию. Цель информационного воздействия права состоит в том, чтобы донести до людей, какие и как регулируются правом общественные отношения.

Под влиянием правовой информации люди строят или изменяют свое поведение, мнения или убеждения. Если таковым источником является государство в лице своих органов, то это вряд ли будет просто подача информации о нормах права. Информация будет подаваться в определенном ракурсе и будет носить целенаправленное воздействие на субъекта права для изменения его поведения. Допустим, принимается закон, предоставляющий новые льготы беременным женщинам

⁵ Однако другие ученые иначе видят соотношение правового регулирования и правового воздействия. Так, например, Е.К. Щербакова считает, что правовое воздействие – это более широкая категория, чем правовое регулирование, и она вообще не определяется непосредственно через понятие «правовое регулирование», поскольку осуществляется как системой специальных юридических средств, так и общесоциальными явлениями, отраженными в сфере права (информационно-психологическими, воспитательными, организационными, а также такими правовыми явлениями, как правосознание, правовая культура, правовые принципы и т.д.) (Shcherbakova, 2018).

и женщинам, имеющим малолетних детей. В преамбуле этого нормативного акта может быть указано на ценность семьи, заботу о детях, которые определяют будущее страны, благополучие их родителей в старости и т.п. Подтекст данного закона могут без труда осмысливать все граждане, тем более, что демографические проблемы сейчас встали во весь рост. Сообщение будет носить определенный мотивационный «заряд» и формировать представление о принципах поведения, одобряемого правом.

Особенность информационного способа воздействия состоит в том, что в нем нет открытого принуждения (типа: «рожай детей, а то проиграешь...»), хотя принудительный аспект воздействия информации о норме права все же имеется. В нашем примере его можно прочесть следующим образом: будь гражданином своей страны и думай о будущем, а в противном случае твоя старость возможно и не будет такой комфортной, как могла бы быть.

Не факт, что правовая информация субъектами будет непременно считана и усвоена. Она может раствориться в потоке иной информации, быть незамеченной или казаться ненужной. Конечно, правовая информация, указывающая на объективно-необходимые и наиболее значимые моменты, касающиеся жизни тех или иных людей, дойдет до адресата. Например, если семья арендует жилую площадь, информацию о льготной ипотеке человек не пропустит. Но если жильем семья обеспечена, то эта информация окажется незамеченной.

Правовая информированность – это важная константа для обеспечения эффективности МПР. Естественно, что знание правовых норм не является гарантией правомерного поведения, точно так же как незнание требований права далеко не всегда влечет правонарушение. Однако процент соблюдения норм при соответствующем уровне их осознания значительно повышается. Таким образом, четкая организация передачи правовой информации оказывается необходимым элементом в механизме правового воздействия.

II. Психологическое воздействие права. Еще Л. Петражицкий писал, что право – это продукт социально-психологической жизни (Petrashitsky, 2000). Действительно, в зоне пристального внимания юристов психологический механизм оказался давно. Однако он продолжает занимать умы ученых юристов и сегодня (Berg, 2023). Практически все согласны с тем, что убежденность субъекта в том, что так надо поступать, а не иначе, делает нормы права эффективными. В психологическом отношении к нормам права есть рациональный и эмоциональный аспекты.

Схематично механизм психологического воздействия выглядит так:

- 1) восприятие субъектом правовой информации;
- 2) ее переработка в соответствие с имеющимися знаниями и приобретенным по жизни опытом;
- 3) выработка мотивов соблюдения / несоблюдения требований норм и соотнесение их со своими интересами;
- 4) составление модели поведения;
- 5) осуществление поведения.

Все это моменты рационального свойства.

Оценивание же полученного результата вызывает эмоции, что в совокупности позволяет человеку ощутить психологический комфорт / дискомфорт. Любой человек стремится к психологическому комфорту и бесконфликтной жизни. Здесь действует закон сохранения энергии. Вот почему законопослушных людей подавляющее большинство. Противозаконное поведение требует дополнительной энергии и

мотивации, которая должна быть более сильной и перевешивать ценность внутренней безмятежности: ведь за правонарушение может последовать санкция.

Отсюда вывод: государство должно прогнозировать и отслеживать появление противоправной мотивации с тем, чтобы реализация норм права не была нарушена. Оно не может при этом вести себя пассивно. Задача здесь такова: целенаправленно применять меры психологического воздействия на субъектов права, как то убеждение, поощрение, стимулирование, угроза санкционирования, распространение опыта применения санкций и т.п.

III. Ценностное воздействие права. Ценности – это идеи, касающиеся основополагающих проблем бытия. Иначе это цели, к которым стремятся люди, и связаны они с удовлетворением их потребностей. Понятно, что у каждого человека есть свои потребности, но они на самом деле различаются не существенно. Вот почему мы можем выделить общие, господствующие в обществе ценности. Именно они воспринимаются как нечто очевидное и не требующее обоснования, но они создают смысловые границы существующему праву. В отличие от идеологии ценности всегда носят *положительный заряд* и рассматриваются как *благо, добро, польза, должно* (Nenovski, 1987).

Процесс их кристаллизации непростой. Вначале они осмысливаются учеными и упрочиваются в правовой доктрине. И лишь затем они внедряются в законодательство. Там они формулируются в виде принципов, общих положений, которые и становятся обязательными ориентирами для правоприменителей. На основе декларируемых ценностей определяются основные направления государственной политики, которые последовательно реализуются в конкретных сферах законодательного регулирования (Lang, 2021).

Ценностное измерение не остается неизменным, и причиной тому является динамика самой жизни. В советское время главной ценностью было государство (сначала думай о Родине, а потом о себе). Теперь положение изменилось: согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Справедливо указывает А.Н. Бабенко, что «мир права должен быть «взвешен» ценностями для определения в нем места человека и придания этому миру подлинно гуманного, человеческого смысла» (Babenko, 2002).

Ценности, которые право транслирует субъектам, можно разделить на две группы: материальные и нематериальные. Первые связаны с кардинальными потребностями людей. Это – порядок, безопасность, благосостояние. Нематериальные ценности – это свобода, равенство, справедливость, демократия, права человека, прогресс. В современном мире особо значимой стала такая ценность, как идентичность (признание, уважение) (Fukuyama, 2019). Игнорирование ее даже способно стать причиной военных конфликтов между государствами... Существуют и другие классификации правовых ценностей⁶. Сегодня наблюдается дрейф от материальных ценностей, связанных с выживанием, к ценностям, связанным с самовыражением и качеством жизни. И это должно учитываться в процессе ценностного воздействия. Ценностное воздействие права на общество, группу людей, человека не сродни

⁶ С.В. Михайлов предложил иерархическую классификацию правовых ценностей: 1) абсолютные ценности – свободу, справедливость, равенство, демократию, правопорядок; 2) основные ценности, под которыми предлагается понимать человека и те ценности, которые с ним связаны (жизнь, здоровье, честь, достоинство); 3) специальные ценности, которые охватывают безопасность, частную собственность, свободу вероисповедания и т.п. (Mikhailov, 2011).

«скорой помощи». Это более отдаленное по времени воздействие, изменяющее его ориентацию в правовой сфере постепенно. Ценности, если усвоены, то оказывают подталкивающее поведение в определенном направлении, поскольку люди, экономя энергию, прибегают к шаблонным решениям. Да, конечно, нормы права рассчитаны на людей, сознательно делающих свой выбор между правомерным и противоправным поведением. Но в реальности обычный человек не склонен постоянно просчитывать варианты своего поведения. Ценностное воздействие – это тот дополнительный способ влияния на субъектов, создающий простой и оптимальный способ для выбора человеком правомерного поведения. Ценностно-ориентированное воздействие представляет собой такой аспект воздействия, который изменяет поведение людей предсказуемым образом, не исключая различные варианты выбора. Таким образом можно побуждать граждан к принятию позитивных решений в пользу отдельных граждан, либо всего общества, не прибегая к жесткому ограничению свободы путем принятия правового решения.

IV. Идеологическое воздействие права. Идеология – это совокупность знаний, дающих картину общества, объясняющих социальные процессы, происходящие в нем, *с точки зрения интересов определенных социальных групп*. Идеи могут касаться переустройства общества, направлений его развития. Это, иначе, мировоззрение, взгляды на жизнь. Идеология, которую исповедуют правящие круги, выполняет прежде всего консолидирующую роль. Такие идеи, как правило, закрепляются в преамбулах нормативных актов. Они ярко выражаются в конституционных актах.

Идеология влияет на принятие правовых решений. Так, в СССР раньше ведущей объявлялась коммунистическая идеология. Это было закреплено в Конституции СССР, и право всецело было ею пропитано. Сейчас же в Конституции Российской Федерации записано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, и что в РФ признаются политическое многообразие, многопартийность. Однако идеи по поводу переустройства общества существуют и будут существовать. Общественные силы, представляя те или иные слои общества, в процессе продвижения законов непременно дают их оценку с позиции их интересов.

Идеология не может быть дана раз и навсегда. Даже господствующая в обществе идеология меняется. Так, например, когда коммунистическая идеология обнажила свою несостоенность, то в 1990-е гг. ей на смену пришла либеральная идеология, в которой упор делается на права и свободы личности. В 2000-х гг. ее сменила идеология патриотическая. Ее восприняли далеко не все слои населения, уже будучи пропитаны идеями глобализации. Сейчас педалируется идеология возрата к традиционным взглядам. Это, по существу, консервативная идеология. В западном мире идеология прав и свобод человека сегодня считается ведущей, которую идеологи и политические деятели готовы помочь внедрить и в другие страны.

Однако здесь не все так просто. Идеология, которая волей или неволей транслируется в нормативных правовых актах, возникает в обществе отнюдь не искусственно. Любая идеология должна соответствовать уровню развития общества. Если она забегает вперед и не соответствует социально-экономическим условиям, то люди дезадаптируются, поскольку они к ней не готовы психологически (Kazakova, 2014). Так, например, провозглашение в 1993 г. в Конституции РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью, т.е. по существу западной идеологии, сделано было преждевременно: российский народ пока не готов за них бороться с государственной

властью, поскольку рассматривает ее не как служанку общества, а склонен воспринимать ее некритически и почитать безропотно и безоглядно.

Бывает и другая ситуация. Общество продвинулось вперед, а нормы права, отражающие прежний правопорядок и идеологию, стоят на месте. Сейчас серьезная трансформация необходима институту семьи, который основан на традиционалистском подходе, согласно которому семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие общее хозяйство⁷. Однако в настоящее время раздельное проживание супружеских пар не редкость, и далеко не всегда это ставит под угрозу существование семьи. Получается, что темп жизни «давит» на человека, изменяется идеологическое обоснование многих параметров нашей жизни, но это изменение не отражается в юридических нормах. И эта темпоральная рассогласованность, как справедливо отмечает М.А. Капустина, играет на руку консервации жизни и консервативной идеологии, которая замедляет развитие и продвижение вперед, а то и полностью его останавливает (Kapustina, 2004).

Значение идеологии и ее влияние на право гораздо сильнее в отсталых странах, где большинство людей мыслит иррационально. В этих странах люди не склонны расширять емкость своей мысли и стремиться к глубокому осмыслению действительности. Они готовы познавать мир в виде синтеза знаний, в виде готовых идей, да еще и так, чтобы в них сразу содержались ответы на все вопросы жизни. Идеология дает ускоренное и искусственное познание жизни, тем более что в ее основе не всегда лежат передовые идеи (например, идеология национализма, фашизма). Поэтому было бы лучше, если бы идеологическое воздействие на право было бы минимальным, чтобы право ею не столь было пропитано и транслировало ее как можно меньше. Это снизит идеологическое воздействие права на людей и подвигнет их думать самостоятельно и желательно углубленно.

V. Политическое воздействие права. Политика – это деятельность в сфере отношений между большими социальными группами, целью которой является завоевание, удержание и использование государственной власти. Используя возможности государственной власти, политические силы могут с большим успехом реализовывать задуманное, свои интересы. То есть речь идет о политике, которую проводит государство, и ее отражении в законодательстве.

Предполагается, что государственный аппарат должен демонстрировать добродетель государства. В реальности политика государства не всегда основана на моральных ценностях. В ней могут возобладать конъюнктурные интересы, а интересы избирателей отодвинуты на обочину.

Прежде чем попасть в законодательство, политические идеи могут быть закреплены в таких документах общего характера, как *программы, концепции, стратегии, доктрины и т.п.* Иногда такого рода идеи высказываются политическими лидерами, а в недемократических государствах их речи воспринимаются как руководство к действию. Политические идеи для убедительности могут быть приправлены статистикой, философскими постулатами, социологическими исследованиями и т.п.

Право всегда в определенной мере имеет политическое содержание, и эта мера зависит от политического режима, существующего в государстве. Одно дело демократический режим, и тогда власть боится оголтелого выражения в законодательстве

⁷ Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 43, ст. 4904.

своих политических устремлений. В основном обладание властью заставляет принимать ее такие законы, которые будут стабилизировать и консолидировать общество (например, налоговые законы, меры социальной поддержки неблагополучных слоев общества). Можно вспомнить, как долго в Польше люди бастовали против запрета абортов, но все же добились (хотя и частичной) отмены запрета.

Другое дело тоталитарное или авторитарное государство, которое старается обеспечить жизнедеятельность и присвоение ценностей определенными социальными группами. Тогда оно открыто использует право как выражение проводимой им политики, жестко ограничивает оппозицию, проводит карательные мероприятия относительно несогласных с теми или иными правовыми решениями. Так, в России не удалось добиться отмены пенсионного закона, увеличившего возраст выхода на пенсию. Или сейчас развернулась политическая компания за снижение уровня эмиграции в стране, и для этой цели была подготовлена серия законов (например, Закон о признании отягчающим обстоятельством совершение преступления нелегальным мигрантом, Закон об ужесточении наказания за пособничество незаконной миграции).

Наблюдается следующая закономерность: в процессе развития государства и усиления в нем демократических начал обнаруживает себя тренд на снижение использования права для решения политических проблем и социальных конфликтов (Kireeva, 2003). Начинают преобладать правовые способы стабилизации общественного порядка или, как пишет Е.Н. Дубинина, усиливается юридизация правового регулирования за счет снижения его политизации (Dubinina, 2016). Одновременно усиливается авторитет моральных норм, развиваются самоуправление и самоорганизация жизни.

VI. Международное воздействие на право. Оно несомненно. С усилением процессов глобализации, широким внедрением информационных технологий влияние участников международного общения только растет.

С одной стороны, это может быть признано явлением позитивным. Так, например, поднятая на щит проблема прав и свобод человека со временем президентства Д. Картера (1977–1981 гг.) затронула весь мир: даже самые свирепые диктаторы африканских стран вынуждены были хотя бы формально отреагировать на это и закрепить в своих конституциях перечень прав и свобод, что надо признать явлением положительным. Или во многих странах Европы и Азии с воодушевлением была воспринята идея о правовом государстве, получившая распространение в мире в начале XX в. Они взяли ее на вооружение в процессе конституционного обновления.

С другой стороны, международный фактор может повлиять и негативно. Так, объявление санкций Российской Федерации в связи с присоединением Крыма заставило ее реагировать на это не самым лучшим образом: было принято решение о введении антисанкций, и в ответ ряд европейских продуктов подверглись уничтожению (например, сыр, хамон, яблоки и прочее).

Международное воздействие, как представляется, будет и впредь нарастать, но здесь главное – в процессе правового регулирования не действовать в ущерб себе.

Заключение

Правовое регулирование – это мощное средство управления обществом, активно влияющее на социум или иначе это «твёрдая сила». Правовое же воздействие,

в отличие от правового регулирования, будучи побочным продуктом права, придает ему дополнительную энергию и также несет в основном положительный эффект. Но это своего рода «мягкая сила» права. И только в совокупности эти две «силы» могут обеспечить упорядочение жизни общества.

References / Список литературы

- Aleksandrov, N.G. (1961) *Law and Legality in the Period of the Developed Construction of Communism*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздан, 1961. 271 с.
- Alekseev, S.S. (1966) *Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State*. Moscow, Jurid. Lit. Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Alekseev, S.S. (1981) *General Theory of Law*. Vol. 1. Moscow, Jurid. Lit. Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2 томах. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
- Alekseev, S.S. (2009) *General Theory of Law*. 2d ed. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб и доп. М.: Проспект, 2009. 576 с.
- Babenko, A.N. (2002) *Legal Values and Their Development by the Individual*. Doctor of Legal Sciences dissertation. Moscow, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (in Russian).
Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2002. 395 с.
- Berg, L.N. (2018) *Research of Legal Impact: Methodology, Theory, Practice*. Doctor of Legal Sciences dissertation. Yekaterinburg, Kutafin Moscow State Law University. (in Russian).
Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-р юрид. наук. Екатеринбург: Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина, 2018. 429 с.
- Berg, L.N. (2016) The Epistemological Foundations of the Legal Regulation. *Society: Politics, economics, law*. (12), 115–118. (in Russian).
Берг Л.Н. Гносеологические основы правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 115–118.
- Berg, L.N. (2023) Psychological Aspect of Legal Impact. *Lex russica*. 76 (8), 88–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098> (in Russian).
Берг Л. Н. Психологический аспект правового воздействия // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 88–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098>
- Gorshenev, V.M. (1972) *Methods and Organisational Forms of Legal Regulation in Socialist Society*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Горшенин В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Госюриздан, 1972. 258 с.
- Dubinina, E.N. (2016) The Yuridization and Political Relations: Interaction Problems. *Law and Education*. (7), 25–30. (in Russian).
Дубинина Е.Н. Юридизация и политические отношения: проблемы взаимодействия // Право и образование. 2016. № 7. С. 25–30.
- Kazakova, R.A. (2014) Actual Problems of Ideological Influence of Law in Modern Russian Society. *Economics. Law. Printing. Bulletin of the Kuban Socio-Economic Institute*. (3–4 (63–64)), 161–165. (in Russian).
Казакова Р.А. Актуальные проблемы идеологического воздействия права в современном российском обществе // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. 2014. № 3–4 (63–64). С. 161–165.

- Kapustina, M.A. (2004) Legal Regulation in Society: Mechanism, Sphere of Influence. In: Salnikova, V.P. & Romashova, R.A. (eds.) *Law and Society: From Conflict to Consensus*. St. Petersburg, St.-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 107–119. (in Russian).
- Капустина М.А.* Правовое регулирование в обществе: механизм, сфера воздействия // Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2004. 477 с.
- Kireeva, E.A. (2003) Socio-political Factors in the Application of Legal Norms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 9 (2), 31–39. (in Russian).
- Киреева Е.А.* Социально-политические факторы применения норм права // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 9. № 2. С. 31–39.
- Lang, P.P. (2021) *Axiological Dimension of Legal Matter: Theoretical and Utilitarian-Practical Aspects*. Samara, Standard Polygraphic Association LLC Publ. (in Russian).
- Ланг П.П.* Аксиологическое измерение правовой материи: теоретические и утилитарно-практические аспекты. Самара: ООО «Полиграфическое объединение „Стандарт“», 2021. 192 с.
- Mikhailov, S.V. (2011) *Legal Values: Theoretical and Legal Aspect*. Candidate of Legal Sciences dissertation. Rostov-on-Don, Volgograd State University. (in Russian).
- Михайлов С.В.* Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Волгоградский государственный университет, 2011. 200 с.
- Nenovski, N. (1987) *Law and Values*. Trans. Safronov, V.M. Moscow, Progress Publ. (in Russian).
- Неновски Н.* Право и ценности : перевод с болгарского / вступ. ст. и перевод В.М. Сафонова; под ред. В.Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. 246 с.
- Petrazhitsky, L.I. (2000) *Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality*. World of Culture, History and Philosophy. St. Petersburg, “Lan” Publ. (in Russian).
- Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия «Мир культуры, истории и философии» СПб. : Издательство «Лань», 2000. 608 с.
- Tarasov, N.N. (2020) The Mechanism of Legal Regulation: Creation of a Concept. *Russian Law Journal*. (5), 90–115. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-5-90-115> (in Russian).
- Тарасов Н.Н.* Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 90–115. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-5-90-115>
- Fukuyama, F. (2019) *Identity: The demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow, Alpina Publ. (in Russian).
- Фукуяма Ф.* Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
- Churakov, V.D. (2023) Prospects and Limitations of Using the Nudge Technology in Legal Regulation. *Russian Law Journal*. (3), 10–17. (in Russian).
- Чураков В.Д.* Перспективы и ограничения использования технологии «подталкивания» (*nudge*) в правовом регулировании // Российский юридический журнал. 2023. № 3. С. 10–17.
- Shcherbakova, E.K. (2018) On the Problem of the Relationship between Legal Impact and Legal Regulation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. (1 (120)), 74–82. (in Russian).
- Шербакова Е.К.* О проблеме соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 74–82.
- Yavich, L.S. (1961) *Problems of Legal Regulation of Soviet Public Relations*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
- Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М. : Госюриздан, 1961. 172 с.

Сведения об авторе:

Кашанина Татьяна Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина; 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2

ORCID: 0009-0006-3610-3513, SPIN-код: 4955-9680

e-mail: kashanina@mail.ru

About the author:

Tatyana V. Kashanina – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Theory of State and Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin; Russian Federation, 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 2

ORCID: 0009-0006-3610-3513, SPIN-code: 4955-9680

e-mail: kashanina@mail.ru

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

EDN: WYSXYV

Научная статья / Research Article

Концептуальные подходы к пониманию категории «истина» в юридической науке

П.Л. Лихтер

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
lixter@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные аспекты понимания категории «истина» в юридической науке. С одной стороны, истина является целью любого правового исследования, с другой стороны – это автономная сущность, которая обладает самостоятельной ценностью из-за возможности отражения в научном познании объективной реальности. Классическая корреспондентная концепция истины исходит из соответствия рационального знания объективной реальности (лат. *veritas est adaequatio rei et intellectus*). Однако методологических инструментов классических теорий не всегда достаточно для общей теории права и отраслевой доктрины. В статье предлагается дополнить классические подходы достижениями современной науки, в том числе рассмотреть возможность использования применяемого сегодня в аналитической философии понятия супервентности. Несмотря на то, что объектам правовой реальности присущи признаки формальности, абстрактности, темпоральности, следует признать факт их существования как умопостигаемых элементов объективного мысленного бытия участников правоотношений. Соответственно, в статье обосновывается самостоятельный онтологический статус правовых феноменов. Отмечается важность характерного для объективного идеализма приоритета рациональной идентификации над чувственным восприятием. Автор классифицирует объекты правовой реальности на эссециональные, торсионные и фиктивные, которые могут отражать, искажать или деформировать истинную сущность. Особое внимание уделяется алгоритму различия реальных и кажимых явлений юридической действительности. Разрешение поставленных задач достигается с помощью диалектического, системного, логического, нормативно-ценостного, структурно-функционального, историко-правового, формально-юридического, теоретико-прогностического методов. По итогам исследования делается вывод о возможности совмещения корреспондентной теории истины и концепции супервентности правовой реальности для установления онтологических предпосылок возникновения юридических конструкций.

© Лихтер П.Л., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: истина, справедливость, правовая реальность, правовые феномены, супервенience, объективный идеализм, онтология права, философия права

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Лихтер П.Л. Концептуальные подходы к пониманию категории «истина» в юридической науке // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 313–326. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

The Concept of ‘Truth’ in Legal Science: A Theoretical Exploration

Pavel L. Likhter

Penza State University, Penza, Russia
✉ lixter@mail.ru

Abstract. The author explores the concept of “truth” in jurisprudence, positioning it both as the ultimate goal of legal research and as an autonomous entity with independent value due to its ability to reflect objective reality in scientific knowledge. While the classical correspondence theory (“truth is the adequation of things and intellect”, Latin: *Veritas est adaequatio rei et intellectus*) provides a foundation, its methodological tools are often insufficient for the general theory of law and legal dogmatics. To address this, the article proposes enhancing classical approaches with modern scientific advancements, specifically incorporating the concept of supervenience from contemporary analytic philosophy. Despite the formality, abstractness, and temporality associated with legal reality, these should be recognized as intelligible elements of the objective mental existence of participants in legal relations. The article posits and substantiates the independent ontological status of legal phenomena, emphasizing the priority of rational identification over sensory perception, characteristic of objective idealism. Legal reality objects are categorized as essential, torsion, and fictitious to reflect, distort, or deform the true essence. The article pays special attention to the algorithm for distinguishing between real and apparent phenomena of legal reality. Achieving these goals is feasible through the use of dialectical, systemic, logical, normative-value, structural-functional, historical-legal, formal-legal, and theoretical-prognostic methods of cognition. The research findings demonstrate the relevance of combining the correspondence theory of truth with the concept of supervenience of legal reality to establish the ontological prerequisites for the emergence of legal constructions.

Key words: truth, justice, legal reality, legal phenomena, supervenience, objective idealism, ontology of law, philosophy of law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 20th September 2023

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Likhter, P.L. (2025) The Concept of ‘Truth’ in Legal Science: A Theoretical Exploration. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 313–326. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

Введение

Понятия «истина», «истинность», «истинная справедливость» активно используются в философско-правовом дискурсе и отраслевой докторатике, однако неочевидным остаются их содержание и существенные критерии. Проблема заключается в некорректном использовании логико-философской терминологии в правовой науке, которое влечет смешение метафизики и эпистемологии истины с вопросами истинности/ложности юридических фактов. Часто термин некритически используется для формального обоснования положительной или негативной оценки законотворческих инициатив, правоприменительных действий. Использование связки с категорией «истина» провозглашает формальное соответствие знания фактам реальности, однако подобная предикативная связка вполне может скрывать и фиктивную сущность. Важно, чтобы правовые институты неискажали фундирующие их (определяющие суть) предпосылки, в том числе если речь идет об абстрактной категории «справедливость».

Нередко в нормативных актах¹ и судебных решениях² используются термины «объективная истина» и «абсолютная истина». В то же время критерий объективности определяется сущей, независимой от человека характеристикой, которая всегда требует уточнения, когда речь идет о праве как области социального взаимодействия. Вот почему в некоторых случаях некорректно заявлять о достижении «абсолютной истины» как исчерпывающего знания об объекте в условиях постоянных технических, социально-экономических, культурных изменений. Требуется научно обоснованное разграничение понятий «абсолютная истина», «бесспорная истина», «неопровергимая истина», «объективная истина» и т.п.

Провозглашение объективной истины оправдано в точных науках (впрочем, с точки зрения скептицизма и это спорно). В общественных же науках истина во многом определяется восприятием субъекта. Некоторые исследователи обосновывают когерентную концепцию истины (от лат. *cohaerens* – «находящийся в связи»), которая предлагает оценку знаний с точки зрения соответствия другому знанию, полагаемого истинным, в рамках единой логической системы. Однако в юридической науке большая предметная область исследования находится вне рамок признаваемой всеми системы верификации – этические, аксиологические, эстетические и другие аспекты. Когерентная концепция истины не дает окончательный ответ на вопрос об определении достаточных критерии признания истинным или ложным определенного каталога ценностей, целей, субъективных прав.

¹ Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (принят в г. Лондоне 16.11.1945) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 40–43.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3424; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 80-УД21-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобные проблемы приводят к тому, что появляются теории, признающие любую истину относительной. Соответственно, обосновываются постмодернистские концепции (в том числе в юридической науке), уравнивающие знание и субъективное мнение (Chestnov, 2012). В то же время такие характеристики постмодерна, как релятивизм, антинарратив, неверное прочтение, деконструкция, разорванность смысловой структуры, могут быть средствами достижения художественных целей в искусстве, но не в юриспруденции. Отказ от поиска истины содержит риски субъективного произвола, что актуализирует необходимость установления объективных онтологических оснований при формировании правовой реальности.

Рассмотрению отдельных аспектов категории «истина» в области юридической науки посвящены работы В.И. Пржиленского (Przhilensky, 2015:23–43), М.В. Антонова, В.В. Оглезнева (Antonov & Ogleznev, 2020:42–61), С.И. Захарцева, В.П. Сальникова (Zakhartsev & Salnikov, 2016:96–100). Среди зарубежных авторов необходимо выделить Д. Паттерсона (Patterson, 1996), Дж. Колемана (Coleman, 1995), С. Хаак (Haack, 2003).

Установление соотношения знания и объекта исследования в терминах истинности-ложности важно не только для отраслевой доктрины, но и для общей теории права, где сохраняется проблема верификации соотношения знания и факта. В то же время правоведы в основном рассматривают истину в узком значении – для описания качественных характеристик элементов гражданского (Bonner, 2009) или уголовного процесса (Bezryadin et al., 2021:133–143). Предложенная в настоящем исследовании концепция предполагает возможность инструментального применения категории «истина» при изучении самостоятельного онтологического статуса базовых составляющих правовой реальности.

Основной целью статьи является исследование некоторых аспектов понимания категорий «истина» для определения возможной методологии поиска сущностных предпосылок элементов правовой реальности.

Исходя из целей работы планируется разрешить следующие задачи:

- 1) краткий обзор классических концепций истины в истории философско-правовой мысли;
- 2) анализ некоторых современных подходов, в том числе в аналитической философии;
- 3) поиск критериев истинности правовых феноменов с точки зрения объективного идеализма;
- 4) постановка проблемы самостоятельности онтологического статуса правовых институтов;
- 5) установление истинности знания о правовых феноменах на примере соотношения их с категорией «справедливость».

Разрешение поставленных задач достигается с помощью диалектического, системного, нормативно-ценностного, структурно-функционального методов. При анализе сложившихся правовых феноменов используются историко-правовой, формально-юридический, теоретико-прогностический и нормативно-ценственный методы познания. Функциональный, логический, и системный методы применяются при установлении зависимости между базовыми основаниями правовой реальности и ее феноменами.

Краткий обзор некоторых подходов к пониманию категории истины в истории философско-правовой мысли

На различных этапах человеческой истории сформировалось несколько основных концепций истины: когерентная, конвенциональная, прагматическая, верификационистская, плюралистическая. Критериями истинности соответственно могут признаваться ясность, полезность, непротиворечивость или общепризнанность. Для юридической науки теоретическое и практическое значение сохраняет возникшая в Древней Греции корреспондентная (от лат. *correspondentia* – соответствие) концепция, суть которой заключается в том, что знание (высказывание, утверждение) считается истинным, если соответствует фактам окружающей действительности. Основная модификация корреспондентной теории – «классическая» концепция, предложенная Платоном и Аристотелем, презумирует соответствие мысли объективной реальности.

Однако когда речь идет о правовой реальности, следует учитывать ее специфику, которая заключается в свойствах формальности, абстрактности, темпоральности, ценностно-нормативной ориентированности. Правовая реальность предполагает не только дескриптивные высказывания, описывающие некие фактические обстоятельства (например, факт нахождения подсудимого в месте совершения преступления), но и прескриптивные утверждения о должном, идеальном, обязательном. В рамках корреспондентной теории истины, например, сложно утверждать, что положения о социальном характере государства истинно или ложно, так как статья 7 Конституции РФ содержит не описание действительности, но цель, которая определяет направления правовой стратегии.

Одним из первых над вопросами истинности фактов окружающей действительности задумался Парменид. Во вступлении к поэме «О природе» он описывает, как дочери Солнца указывают поэту два возможных варианта познания: путь к истине или путь к мнению. Мнение может оказаться ошибочным в отличие от неизменного единства истинного бытия (Parmenides, 1989).

Затем Платон схожим образом соотнес истину с вечными эйдосами, обладающими вневременными качествами, что отличает их от расхожих мнений, свойственных земному воплощению вещей (Plato, 1990:609). В мифе Платона о пещере (седьмая книга «Государства») феноменальный мир, воспринимаемый органами чувств, сравнивается с тенями на стене. Автор последовательно описывает ситуацию нахождения в оковах незнания; освобождение от этих оков (осознание истины в свете солнца); выход из пещеры (понимание сути окружающего мира); а затем возвращение в пещеру. Цель познания заключается в поиске методологии, позволяющей выйти из пещеры и увидеть реальность как она есть. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в мире идей, есть «подъем души в область умопостигаемого» (Государство, 517b). На вершине иерархии эйдосов у Платона находится идея блага – основа всего прекрасного и истинного. Не просто подлинное бытие, но самое светлое, то есть освещдающее другие объекты для уяснения их истинной сущности.

С древнегреческого языка слово «ἀλήθεια» можно перевести как «несокрытое, нескрываемое, незамкнутое». Значение слова удачно передается русским термином «истина» – то, что есть (на самом деле)³. Начиная с Платона истина связана

³ Впрочем, В.В. Набоков считал, что слово «истина» – одно из трех слов русского языка, которое непереводимо на иностранные языки (Nabokov, 1981).

с поиском *сущности* объектов, а не анализом проявлений их *существования*. Здесь нет противоречия: тому, что укоренено в бытии, сложно оставаться скрытым от рациональной идентификации. В перспективе античного мировоззрения истина – это не просто констатация наличия или отсутствия какого-либо факта в духе позитивизма; истина – это еще и откровение. Некая трансцендентальная реальность сама себя нам приоткрывает, но у нас нет твердого представления о механизме этого процесса. Соответственно, сущностным свойством истины будет ее «открытость» для объективного и строгого онтологического понимания.

Особенно наглядно такое (онтологическое) понимание истины у Parmenida и Платона при употреблении существительного «ἀληθεῖη» и прилагательного «ἀληθῆς». Если у многих, включая и предшествующих греческих авторов, приемлемый перевод этих терминов будет «истина» и «истинный», то у Parmenida их лучше переводить как «реальность» и «реальный» (Palmer, 2009:89).

М. Хайдеггер также не уставал указывать на онтологическую природу термина «ἀλήθεια». В интерпретации Хайдеггера нам доступно для познания только несокрытое (нем. *Unverborgenheit*), или откровенное бытие (Heidegger, 1949:22). Отсюда возникает вопрос о соотношении «несокрытого» в смысле несомненной истины (то, что есть) и «очевидного», например, доступного нашему чувственному восприятию.

Соответственно, необходимо выделить следующие модификации рассматриваемой категории: рациональная истина (достижимая при познании мира интеллигibleных объектов) и чувственно воспринимаемая истина (что есть то истина), которая предполагает установление истинности фактов в матрице «феноменального мира» непосредственной действительности. Однако органы чувств не в состоянии воспринимать мир целиком, поэтому такая истина будет фрагментарной и требовать постоянной достройки в уме субъекта.

Вопрос о природе истины сохраняет значение в том плане, что познание юридической действительности опирается на две исходные точки: «вопрос восприятия и вопрос сущности истины» (Freytag, 1905:1). Оба вопроса можно переформулировать следующим образом: «насколько можно доверять чувственному восприятию, то есть насколько оно является истинным?» и «насколько истина вообще зависит от восприятия?».

Кроме того, с точки зрения влияния внешних факторов на восприятие правовых институтов еще одним ключевым вопросом теории познания будет: «Каким образом окружающий нас мир *открывается* для человеческого познания?». От ответа на этот вопрос в свою очередь будет зависеть разрешение проблемы самостоятельности онтологического статуса правовых феноменов.

Истина как отражение самостоятельного онтологического статуса объектов правовой реальности

Вопрос о том, как нам открывается истина в правовой реальности, во многом зависит от концептуальной позиции исследователя. Сторонники субъективизма отмечают значение индивидуального восприятия; материалисты – физические и биологические факторы формирования правовых институтов. Для идеалистических школ права, на которые повлияли Платон, И. Кант, Р. Штаммлер и другие философы, ключевыми являются рассуждения об онтологической подлинности нематериальных объектов окружающего мира. Соответственно, утверждение об истинности

какого-либо знания напрямую зависит от того, как человек воспринимает феноменальный мир.

С одной стороны, любое познание субъективно, так как предполагает вступление познаваемого объекта в сознание посредством интеллигibleльных (лат. *intelligibilis* – умопостигаемый) категорий. То есть категорий, доступных уму или интеллектуальной интуиции, а не органам чувств. В то же время эти феномены предполагают некую объективность, обеспечивающую единое восприятие их сущности различными субъектами. Важной гносеологической проблемой при этом будет различие реальности и кажимости воспринимаемых объектов. М.К. Мамардашвили размышлял над вопросом о самой возможности появления различия между реальными и кажимыми явлениями, обращаясь к мифу о пещере Платона: «...жизнь подобна пещере, в которой мы видим лишь тени. Эта метафора обрисовывает всю ситуацию мысли, когда мыслить – это значит оперировать различием между кажущимся и тем, что есть на самом деле. /.../. Если бы человек имел только опыт, он никогда этого не узнал бы. Но показать, откуда это приходит, то есть как случилось, что он узнал, где реальность, а где кажимость, остается тайной, которую мы можем только принять как случившийся факт» (Mamardashvili, 2000:55). М.К. Мамардашвили актуализирует две концепции Платона: об истинном как несокрытом (*ἀλήθεια*) и о приоритете рационального восприятия над чувственным. Исходя только из опыта, по мнению М.К. Мамардашвили, нельзя отличить реальность от кажимости. Для познания истинных элементов реальности необходима независимая от антропологической природы составляющая, которая помогает в этом различении.

Материалистическое мировоззрение позволяет рассматривать любой объект окружающего мира в четырех измерениях: материя, форма, причина, цель. Однако если мы говорим о правовой реальности, то большее значение приобретают абстрактные конструкции. Если в обыденном восприятии вещь прежде всего определяется через набор физических характеристик, то в юридической действительности вещь – это в первую очередь объект правоотношений. Правоотношения могут быть гражданскими, административными, конституционными и не во всех из них объектами выступают материальные объекты. Однако это не значит, что формальные правоотношения не существуют и не обладают самостоятельным онтологическим статусом.

За счет свойств формальности и объективности участниками правоотношений формируются объекты правовой реальности, которые представляют собой интэрсубъективные абстракции. Мы не можем отказать им в существовании по причине отсутствия определенной формы воплощения. Ведь истинность этих объектов не является нам в смысле *«existere»* (от лат. – быть видимым), но они безусловно существуют в смысле *«est»* как интеллигibleльные элементы мысленного бытия участников правоотношений.

Самостоятельный онтологический статус объектам может придать не только их форма и материальность, но и универсальные смыслы, которые характеризуют внутреннее содержание. В этом плане следует согласиться со следующим определением реальности: «это возможность иметь бытие, независимое от субъективной воли» (Berger & Luckmann, 1991:13). Возможность общего восприятия и понимания объектов правовой реальности служит основой взаимодействия людей в обществе.

Для объяснения некоторых вопросов восприятия объектов внешнего мира нередко в аналитической философии вместо импликации (связки «если – то»)

используется такое понятие, как «супервентность» (Likhter, 2023:20–32). Для разъяснения сути этого понятия целесообразно привлечь формулировку Д. Чалмерса: «*Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах*» (Chalmers, 2013:55).

Как правило, к проблеме супервентности философы сознания обращаются, когда описывают сложную детерминированность внутренних ментальных явлений от внешних физических предпосылок. Однако она может быть использована и при установлении истинности знания об элементах правовой реальности. Супервентность правовых феноменов на социальных, экономических, культурных или иных основаниях позволяют скорректировать методологию исследования правовых феноменов, детерминированных абстрактными, но существующими идеальными объектами.

При установлении отношения супервентности для получения истинного знания в правовой сфере следует исходить из того, что феномены права (Б-факты) супервентны на фактах реальной действительности (А-фактах) только в том случае, если Б-факты детерминированы А-фактами сходным образом, соответственно Б-факты не могут иметь различия при тождестве А-фактов. Под отсутствием различия здесь понимается не нумерическое тождество фактов, а соответствие классов понятий. Например, если объектами гражданского правоотношения выступает дом как объект недвижимости, то при рациональной идентификации его в формальной структуре сделки не имеет существенного значения цвет его стен, количество окон и другие акцидентные признаки. Важна сама *причастность* дома как объекта восприятия к понятию недвижимости (даже если его легко переместить в пространстве). Стремление сгруппировать все случайные свойства по определенным критериям ведет к потере универсалий, что исключает возможность установления истинности фактов по классам понятий.

Признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов противостоит методологическому редукционизму материалистических концепций. Материалистический подход в правовой науке недостаточен, потому что без идеальных категорий и абстракций невозможно установить истинность ряда юридических фактов.

Установление истинности знания о юридических фактах в контексте объективного идеализма

Для понимания классической модификации корреспондентной концепции истины, сформулированной Платоном, требуется знание теории эйдосов. Можно редуцировать теорию эйдосов до ряда простых вопросов, например: «Почему какое-то суждение является истинным...?» С точки зрения объективного идеализма возможен следующий вариант ответа: «Суждение является истинным из-за присутствия в ней истины». На первый взгляд, подобный ответ не больше, чем простая тавтология, которая не порождает новое знание. Но суть его заключается в том, что только признак объективности наделяет суждение истинностью в платоническом смысле.

Истинность правового феномена следует из его восприятия как реально существующего. Объективный идеализм предполагает супервентность предметов окружающего мира, феноменов и иных составляющих реальности на высших идеях. *Субъективное восприятие не определяет истинность или фиктивность элементов правовой реальности, правовыми их делает объективный масштаб, то есть независимые от каких-либо мнений идеи, выступающие предпосылками права.*

В контексте объективного идеализма важно восприятие как реально существующих тех идеальных универсалий, что отражают правовые феномены, среди них: справедливость, гармония, благо. Идеальная категория «справедливость» позволяет определять соответствие правовых феноменов фактическому состоянию действительности. Закон не представляет собой эссенциальный объект правовой реальности, если соответствует только форме и процедуре принятия. Без отражения сущностных идеальных категорий нормативное установление не может быть признано объектом правовой реальности *per se*. Нюрнбергские расовые законы не являлись таковыми, поскольку нарушали принцип справедливости, преследуя античеловеческие цели.

Познание онтологической сущности юридических конструкций в перспективе платонизма происходит посредством следующего алгоритма. Так как мы можем знать и понимать только объекты интеллигibleльного (доступного рациональной интуиции) мира, то наш разум должен «припомнить» значение высших эйдосов. Только после того, как разум обнаружит «соприсутствие» истины в изучаемом объекте, выбор будет очевидным. Идея при этом выступает не просто как субстанция или причина соответствующего рода вещей, но еще и как их смысловой образец, то есть та онтологическая структура, из которой следует существование вещи не только в материальном плане, но и логически (Losev, 2000:170).

Платон разделяет познавательные акты на формирующие истинное знание и на мнение о преходящих вещах. Знание – «эпистема» (греч. *επιστήμη*), в свою очередь, делится у него на рассудочную часть «дианойю» (греч. *διανοία*) и интуитивную часть «ноэзис» (греч. *νόησις*). Ноэзис, по мнению Платона, есть высшая ступень познания истины, так как предполагает чистое беспредпосыльное созерцание мира идей, не опосредованное органами чувств. Такая рациональная идентификация позволяет осознать тот или иной элемент окружающей действительности.

При этом Платон не отрицает реальность тех ощущений, которые испытывает человек, сталкиваясь с объектами «феноменального мира». Просто они не могут быть критериями истинности или ложности, так как субъект воспринимает их всегда с искажением из-за несовершенства органов чувств, а также влияния расхожих мнений окружающих. Истина, по Платону, воспринимается рациональным, а не эмпирическим путем, так как подобное можно познать только подобным. Взгляд философа в первую очередь направлен туда, что В.О. Пелевин позднее назовет «бесформенным совершенством по ту сторону всякого опыта» (Pelevin, 2020:369).

Справедливость как предпосылка элементов правовой реальности

Рассмотрим возможность установления истинности определенного знания о правовых феноменах на примере их соотношения с идеальной категорией «справедливость».

Политико-правовая концепция Платона, представленная в «Государстве», предполагает, что сущностью любого правового института выступает *справедливость*. В своей статье «*Platonic Justice*» Г. Кельзен пишет о том, что в платонизме единственным критерием неравенства в политике и праве выступает справедливость. Справедливость определяет суть устройства государства и общества, в том числе при написании законов. Кельзен отмечает, что для Платона политическая истина первична по отношению к рациональной научной истине, несмотря на то, что теория идей предполагает рациональное познание высшей и абсолютной целью

рациональное познание само по себе (Kelsen, 1938:367–400). Социальная философия Платона развивает идею справедливости как общественного идеала, как базовое условие оптимальной правовой системы. То, что Кельзен называл принципом единства онтологических и метафизических, а также этических и политических взглядов Платона, можно рассматривать в перспективе супервентности правовых институтов на идеальной категории «справедливость».

Тема законов, основанных на истинной справедливости, наиболее полно развернута в диалоге «Государство». В нем феноменалистская проблематика справедливости подсвечивает ее роль в цепочке причинно-следственных связей формирования правовых институтов, а также взаимосвязь с социальными аспектами. В условиях организованного человеческого сообщества *бытие* (или онтология справедливости) влияет и одновременно зависит от ее внешних проявлений (правовых институтов).

На уровне политической и правовой деятельности такая связь актуализирует вопрос о социальном измерении справедливости: ее скрытая (интровертная) форма должна быть «усиlena» открытой (экстравертной) модификацией для достижения определенных целей. То, что мы воспринимаем как элементы правовой реальности, в терминах Платона доступно как *феноменология справедливости*.

По Платону, в случае, если государственно-правовые институты детерминируются искаженными предпосылками, то на феноменальном уровне неизбежно возникает «расщепление» справедливости. Тогда возникает конфликт между проявлениями истинной и кажимой справедливости. Позднее эта проблематика будет рассмотрена Августином: когда правители земного града приписывают себе функцию града божьего, наглядно поражение на феноменологическом уровне истинной социальной справедливости от кажимой справедливости (Saint Augustine, 2000). Подобное искажение содержит риски легитимизации кажимой справедливости антигуманистических идеологий.

Проблема истинного (или несокрытого) наглядна у Платона во второй книге «Государства» при соотнесении политico-правовых феноменов с их сущностным содержанием. Так, идея справедливости распадается на две модификации: эсценциальную и функциональную. Первая ценна сама по себе, вторая – наступлением позитивных последствий для ее носителя. Эсценциальная справедливость непосредственно смыкается с идеей блага или, точнее, соприсутствует в ней. Функциональная же справедливость – это лишь предпосылка блага, выполняющая для последнего служебную функцию.

Феноменалистская тема проявления онтологических оснований явленных феноменов доказывает значимость функциональной концепции справедливости для юриспруденции. Главкон во второй книге «Государства» последовательно аргументирует, почему носитель кажимой справедливости на самом деле всегда должен прикрывать ею скрытую несправедливость подлинного образа жизни: «*крайняя степень несправедливости – это казаться справедливым, не будучи им на самом деле /.../ Представив себе таким несправедливого человека, мы в этом нашем рассуждении противопоставим ему справедливого, то есть человека простого и благородного, желающего, как сказано у Эсхила, не казаться, а быть хорошим*» (Государство, 361e). Кажется, что приведенный фрагмент текста больше имеет воспитательное значение для выбора личной жизненной стратегии читателя, но он важен и для установления истинности отражения в правовых феноменах сущностных идей. Соотношение истинной и кажимой справедливости ставит вопрос о соотношении правовых идей и

фактически сложившихся институтов. Поиск и корректировка разрыва между идеальной и фиктивной справедливостью представляет собой ключевую задачу юриспруденции.

По итогам дискуссии в «Государстве» делается вывод о том, что должны быть созданы такие предпосылки для формирования государственно-правовых институтов, при которых режим отодвинутой справедливости в принципе будет невозможным. Чем дальше государство отпадает от эйдоса справедливости, тем больше деформаций в его правовой системе. Соответственно, по факту любые правовые феномены могут отражать, искажать или деформировать истинную сущность. Поэтому среди феноменов правовой реальности необходимо различать:

1) *Эссенциальные* феномены, которые являются нам некую сущность (эссенцию), то есть дают истинное знание о реальности базовых для права идей и ценностей. Их восприятие схоже с пониманием правил математики, которые не зависят от субъекта. Несмотря на то, что эссенциальные правовые феномены могут быть ориентированы на предельно абстрактные ценности, вроде добра, блага или справедливости, они имеют определяющее значение для правовой аксиологии, а также основ оперативного взаимодействия индивидов в обществе.

2) *Торсионные* (искаженные) феномены претендуют на собственную истинную «сущность», но на деле искажают то, что в принципе должны являть. Иногда искажение может быть неосознанным результатом предубеждения, иногда – следствием целенаправленного лоббирования интересов определенного круга выгодоприобретателей. В любом случае торсионные правовые феномены не соответствуют критерию истинности с точки зрения объективного идеализма.

3) Наиболее опасны для правовой реальности *фиктивные* феномены. Яркими примерами фиктивных феноменов служат законы гитлеровской Германии о защите немецкой крови – легитимные по форме правовые акты по сути являлись антиправовыми, переворачивающими суть справедливого закона.

Сложность ряда методологических вопросов в понимании истины наметили устойчивую тенденцию некоторых современных исследователей по стиранию различий между объективным знанием и субъективным мнением; обоснованию невозможности достижения истины в естественных, а тем более общественных науках. Но академик А.А. Зализняк, критикуя отказ от поиска истины в постмодернистской традиции, высказался в защиту двух идей, «...которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: 1) истина существует, и целью науки является ее поиск; 2) в любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные: 1) истины не существует, существует лишь множество мнений; 2) по любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке...»⁴. В заключение А.А. Зализняк отметил отсутствие надежды на то, что подобный вектор науки переменится сам собой. Для этого нужны совместные усилия людей, осознающих ценность истины.

⁴ Речь А.А. Зализняка на церемонии вручения литературной премии Александра Солженицына // Российская газета. 28.12.2017. № 296 (7462). С. 4.

Сказанное в полной мере относится к юридической науке, которая не может провозглашать бесконечное многообразие концепций, если речь идет о необходимости построения иерархических структур правовой реальности (ценностей, принципов, субъективных прав). Если истинность всех ценностей, целей, идеалов (в том числе правовых) может формироваться индивидом самостоятельно, то, что остается на долю объективного мира? Чем интенсивнее субъективизм, тем более пустым и бессодержательным оказывается объективный мир.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать несколько выводов.

1) Ряд концептуальных подходов к категории «истина», сформированных в Античности, сохраняют актуальность: для юридической науки остается значимым приоритет рациональной идентификации над чувственным восприятием (корреспондентная теория истины в трактовке Платона). Такой подход предполагает фокусировку внимания на поиске сущности объектов окружающего мира, а не анализе проявлений их существования.

2) Познание юридической действительности опирается на две исходные точки: «вопрос восприятия и вопрос истины», которые можно переформулировать следующим образом: насколько можно доверять чувственному восприятию и насколько истина в принципе зависит от субъекта? Отсутствие материальных свойств у правовых феноменов не означает, что они не существуют в реальности. Такой вывод противоречил бы факту их единого восприятия субъектами правоотношений как интеллигibleльных элементов объективного мысленного бытия.

3) Признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов противостоит методологическому редукционизму материалистических концепций. Их объяснительные стратегии не всегда достаточны, потому что без идеальных категорий и абстракций невозможно не только установить истинность юридических фактов, но и надлежащим образом классифицировать их.

4) Ключевое значение для построения правовой реальности имеет уточнение понимания категории «справедливость» в юридической науке. Феноменалистская проблематика справедливости определяет ее роль в формировании правовых институтов; ее взаимосвязь с социальными, этическими, эстетическими аспектами. В условиях организованного человеческого сообщества бытие (или онтология справедливости) влияет и одновременно зависит от ее внешних проявлений (правовых институтов).

5) Ключевым вопросом восприятия правовой реальности остается алгоритм различия реальных и кажимых объектов. Это невозможно сделать исходя лишь из опыта. Соответственно, при познании реальности необходима независимая от антропологической природы рациональная составляющая для идентификации объектов.

References / Список литературы

- Antonov, M.V. & Ogleznev, V.V. (2020) Legal Positivism and Truth in Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 15 (4), 42–61. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev> (in Russian).

- Антонов М.В., Оглезнев В.В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–61. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev>
- Berger, P. & Luckmann, T. (1991) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London, Penguin Books.
- Bezryadin, V.I., Akinin, Ya.E. & Morozov, A.I. (2021) Correlation of the Content of Truth as a Category of Criminal Procedure Law and Philosophy. *Legal Science: History and Modernity*. (11), 133–143. (in Russian).
- Безрядин В.И., Акинин Я.Е., Морозов А.И. Соотношение содержания истины как категории уголовно-процессуального права и философии // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 133–143.
- Bonner, A.T. (2009) *Problems of Establishing the Truth in Civil Proceedings*. St. Petersburg, Legal Book. (in Russian).
- Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 832 с.
- Chalmers, D.J. (2013) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Trans. Vasiliev, V.V. Moscow, URSS: Librocom Book House Publ. (in Russian).
- Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории / перевод с англ.; под ред. В.В. Васильева. М. : УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. 509 с.
- Chestnov, I.L. (2012) *Postclassical Theory of Law*. St. Petersburg, Alef-Press. (in Russian).
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алеф-Пресс, 2012 649 с.
- Coleman, J.L. (1995) Truth and Objectivity in Law. *Legal Theory*. 1 (1), 33–68. <https://doi.org/10.1017/S1352325200000069>
- Freytag, W. (1905) *Die Entwicklung der griechischen Erkenntnistheorie bis Aristoteles in ihren Grundzügen dargestellt*. Halle, M. Niemeyer Verlag.
- Haack, S. (2003) Truth, Truths, “Truth,” “Truths” in the Law. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. (26), 17–21.
- Heidegger, M. (1947) *Platons Lehre von der Wahrheit: Mit einem Brief über den “Humanismus”*. Bern, A. Francke AG. Verlag.
- Kelsen, H. (1938) Platonic Justice. *International Journal of Ethics*. 48 (3), 367–400. <https://doi.org/10.1086/290003>
- Likhter, P.L. (2023) Supervenience of Legal Reality: The Problem of the Ontological Status of Essential and Phenomenal Elements. *Journal of Russian Law*. 27 (2), 20–32. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014> (in Russian).
- Лихтер П.Л. Супервенность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // Журнал российского права. 2023 Т. 27. № 2. С. 20–32. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014>
- Losev, A.F. (2000) *History of Ancient Aesthetics in Eight Vols. Sophists. Socrates. Platon*. Vol. 2. Moscow, ACT House LLC Publ. (in Russian).
- Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 томах. Том 2. Софисты. Сократ. Платон. М. : ACT; Х. : Фолио, 2000. 846 с.
- Mamardashvili, M.K. (2000) *The Aesthetics of Thinking*. Moscow, Moscow School of Political Research Publ. (in Russian).
- Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М. : Московская школа политических исследований, 2000. 205 с.
- Nabokov, V. (1981) *Lectures on Russian Literature*. New York, Harcourt Brace Jovanovich Publ.
- Palmer, J. (2009) *Parmenides and Presocratic Philosophy*. Oxford, Oxford University Press.
- Parmenides. (1989) About Nature. In: Lebedev, A.V. (comp.) & Rozhansky, I.D. (ed.) *Fragments of the Early Greek Philosophers*. Part I: From the Epic Theocosmogony to the Emergence of Atomism. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

- Парменид*. О природе. Фрагменты из произведений ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев, отв. ред. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.
- Patterson, D.M. (1996) *Law and Truth*. New York, Oxford University Press.
- Pelevin, V.O. (2020) *The Invincible Sun*. Moscow, Eksmo Publishing House. (in Russian).
- Пелевин В.О. Непобедимое Солнце. М. : Эксмо, 2020. 704 с.
- Plato. (1990) *Collected Works*. In: Losev, A.F., Asmus, V.F., & Takho-Godi, A.A. (eds.) *Collected Works in Four Vols.* Vol. 1. Moscow, Mysl Publ. (in Russian).
- Платон. Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990. 860 с.
- Przhilensky, V.I. (2015) Reality and Truth within Constructivist Paradigm of Legal Philosophy. *Lex Russica*. (5), 23–43. (in Russian).
- Пржиленский В.И. Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права // *Lex Russica*. 2015. № 5. С. 23–43.
- Saint Augustine. (2000) *The City of God*. Minsk, Harvest Publ. (in Russian).
- Августин Блаженный. О граде Божьем. Минск : Харвест; М. : ACT, 2000. 1296 с.
- Zakhartsev, S.I. & Salnikov, V.P. (2016) The Truth as a Problem of Philosophy: Classic and Postmodernism. *Russian Journal of Legal Studies*. 3 (2), 96–100. <https://doi.org/10.17816/RJLS18146> (in Russian).
- Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. 2016 Т. 3 № 2. С. 96-100. <https://doi.org/10.17816/RJLS18146>

Сведения об авторе:

Лихтер Павел Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права, Пензенский государственный университет; Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

ORCID: 0000-0001-8950-4325, SPIN-код: 3124-1207

e-mail: lixter@mail.ru

About the author:

Pavel L. Likhter – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8950-4325, SPIN-code: 3124-1207

e-mail: lixter@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-327-344>

EDN: XKMCTV

Научная статья / Research Article

Метапарадигмальность научного познания и междисциплинарные повороты в исследовании правовой культуры

М.В. Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
z-lo@mail.ru

Аннотация. Цель работы – определение перспектив применения методов и подходов гуманитарных и точных наук в постижении генезиса, предпосылок, закономерностей, особенностей, тенденций и векторов эволюции правовой культуры как специфической познавательной проблемы и многоуровневого явления государственно-правовой действительности. В основу исследования положены общенациональный (диалектический), системно-структурный методы, а также методы функционального сравнения и юридического прогнозирования. Проанализированы подходы к пониманию междисциплинарности научных исследований, которая выступает закономерным результатом поэтапного развития науки и формирования в современный период и на долгосрочную перспективу симбиотически взаимосвязанной и взаимообусловленной мета науки. Определены особенности планирования междисциплинарного исследования, обоснована подвижность дисциплинарных и когнитивных границ. Выявлены проблемы полисемии в научной работе и экспертизы полученных результатов, что предложено решать посредством расширения междисциплинарного диалога. На фоне сохраняющейся дисциплинарной замкнутости отдельных наук обозначены основные повороты исследований в области права, свидетельствующие об усилении метапарадигмальности научного познания (антропологический, компаративный, лингвистический, цифровой и пр.). Выделены разновидности сознательных теоретико-практических установок, используемых при применении междисциплинарного подхода с точки зрения организации идеальной теоретической стороны процесса научного познания правовой культуры. Определена актуальность меметики в познании эволюции правовой культуры, исследующей в этом отношении процессы трансляции, копирования, вариаций и воспроизведения мемов в праве. Сделаны выводы о культурологических перспективах применения междисциплинарного подхода в исследовании феномена правовой культуры.

Ключевые слова: междисциплинарность, научные методы, мета наука, метапарадигмальность научного познания, повороты научного знания, меметика, мем, государственно-правовая реальность, правовая культура, культурные границы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01773, <https://rscf.ru/project/23-28-01773/>

© Залоило М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Залоило М.В. Метапарадигмальность научного познания и междисциплинарные повороты в исследовании правовой культуры // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 327–344. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-327-344>

The Metaparadigm of Scientific Knowledge and Interdisciplinary Perspectives on Legal Culture

Maksim V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

z-lo@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to assess the prospects for applying methods and approaches from the humanities and exact sciences to understand the genesis, prerequisites, patterns, features, trends, and vectors of the evolution of legal culture as a distinct cognitive challenge and a multifaceted phenomenon within state-legal reality. The study employs general scientific (dialectical) and system-structural methods, as well as functional comparison and legal forecasting techniques. It analyzes approaches to understanding interdisciplinarity in scientific research, which is presented as a natural outcome of the gradual development of science and the emergence of a symbiotically interconnected and interdependent metascience in both the modern era and the long term. It identifies the key features of interdisciplinary research planning and substantiates the mobility of disciplinary and cognitive boundaries. The challenges of polysemy in scientific work and the evaluation of research outcomes are highlighted, with a proposed solution involving the expansion of interdisciplinary dialogue. Amid the ongoing disciplinary isolation of individual sciences, the article identifies major research shifts in the field of law, reflecting an increase in the metaparadigmality of scientific knowledge, as evidenced by anthropological, comparative, linguistic, and digital turns. It also highlights varieties of theoretical and practical approaches to applying interdisciplinarity in the idealized theoretical framework of scientific inquiry into legal culture. The relevance of memetics in understanding the evolution of legal culture is emphasized, particularly in relation to the processes of translation, copying, variation, and reproduction of memes in law. The article concludes by outlining the cultural potential of an interdisciplinary approach to studying the phenomenon of legal culture.

Key words: interdisciplinarity, scientific methods, metascience, metaparadigmality of scientific knowledge, research shifts, memetics, meme, state-legal reality, legal culture, cultural boundaries

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01773, <https://rscf.ru/project/23-28-01773/>.

Received: 12th November 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Zaloilo, M.V. (2025) The Metaparadigm of Scientific Knowledge and Interdisciplinary Perspectives on Legal Culture. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 327–344. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-327-344>

Введение

Правовую культуру характеризует многообразие соответствующих культурных проявлений в общественной жизни и государственно-правовой реальности. В этом отношении, в связи с многогранными сущностями культуры, справедливо рассматривать ее в различных аспектах: на общественном и личном уровнях, при характеристике внутренних свойств отдельного человека и их внешних проявлений, в стабильном и динамичном состоянии, в теоретическом и практическом значениях (Керимов, 1991:18). Являясь сложным явлением действительности, правовая культура в качестве предмета для научного интереса представляет собой специфическую познавательную проблему, требующую предварительного формирования методологии ее изучения исходя из существующих многочисленных отраслевых методов познания, а также готовности (при необходимости) к выработке новых исследовательских инструментов для рассмотрения данного особого явления государственно-правовой реальности, позволяющих отразить все его возможные грани и учесть влияние на его развитие разнообразных факторов окружающей действительности.

Успех решения выявленной познавательной проблемы в значительной мере зависит от правильного, оправданного и взвешенного применения междисциплинарного подхода к исследованию ее отдельных проявлений и продуцирующих их явлений и тенденций внешнего и внутреннего характера. При этом необходимо иметь в виду, что в отношении изучения правовой культуры междисциплинарность выступает не только базовым принципом ее познания, но и в качестве одной из неотъемлемых сторон самой правовой культуры, обусловленных ее многогранностью.

В целом культура охватывает все виды деятельности человека, его помыслы и чувства, разум и волю, и, соответственно, является неотъемлемым атрибутом человеческого существования и деятельности; ни одна сфера социальной жизни немыслима вне культуры. Применительно к правовой культуре возможно предположить ее влияние на все сознательные установки и проявления объективной реальности, так или иначе связанные с правовыми явлениями. В качестве сложносоставного и многоуровневого явления идеально-материального порядка она отражает состояние правовой жизни, в том числе характеристики сложившегося правосознания, общепринятых приемов организации процессов правотворчества, правоприменения, научного юридического знания¹, а также с широкой точки зрения – специфику общественного и технологического развития государственно-организованного общества на определенном историческом этапе его существования.

Целью изучения феномена правовой культуры служит как определение ее места в ряду явлений правовой жизни и в структуре объективной действительности в целом, выявление существующих системных взаимосвязей и закономерностей, так и отражение ценностной роли этого явления для развития идеальной составляющей человеческого бытия применительно к общей культуре, нравственным нормам,

¹ Представление о правовых явлениях, категориях и институтах как сложных, многосоставных и многоуровневых исторических формах социального взаимодействия и их концептуализации выступает одной из основных функций юридической науки (Vedeneev, 2024).

правосознанию и правовому поведению (коллективному и индивидуальному), а также для совершенствования гуманистически-цивилизационного ориентира в формировании и организации политico-правового нормирования общественных отношений, технических процессов, правил функционирования политических и правовых институтов.

С учетом изложенного комплексный междисциплинарный подход² к изучению явления правовой культуры (применяемый не исключительно, но наряду с другими известными и проверенными временем методами исследования государственно-правовой реальности (Vlasenko, 2019:9)) позволяет обеспечить должный учет влияния на нее всех возможных факторов действительности³, апробировать максимально широкий круг сложившихся эффективных методов познания и (или) практический деятельности, а также выработать новые специфические методы, использовать данные разнообразных накопленных источников знаний, что в своей совокупности в конечном итоге делает возможным добиться необходимого уровня качества и научной глубины соответствующей деятельности, позволяющего достичь цели подлинно научного исследования – приращение и совершенствование знаний, обогащение «копилки» интеллектуальных достижений цивилизации.

Междисциплинарность в науке: подходы к пониманию

Явление междисциплинарности научных исследований может быть рассмотрено с двух разных точек зрения (Kreps, 2019; Lysak, 2016):

как взаимосвязь двух и более дисциплин со смежной терминологией, системой и объектами исследования, что позволяет более широко и досконально изучить вопрос (данный подход способствует эффективному решению научных проблем). В комплексе дисциплинарных наук выделяются фундаментальные науки – дисциплины, разрабатывающие программы изучения тех или иных объектов, и таксономические науки – дисциплины конкретно-предметной организации, использующие при изучении определенных групп объектов программы фундаментальных наук (Stepin, Gorokhov & Rozov, 1996:181–186);

как расширение области знаний, которые не могут полноценно исследоваться уже существующими научными дисциплинами. В этом случае на стыке нескольких «традиционных» научных дисциплин может возникнуть новая отрасль знаний (данный подход способствует расширению системы знаний).

Накопление запаса научных знаний и технологий приводит к их концентрации, способствующей созданию их новых моделей, все большей интеграции различных областей научного знания. При этом на каждом этапе развития его отраслей все в большей степени стираются различия между ними, что и служит проявлением

² Затрагивая вопрос о междисциплинарном подходе к научным исследованиям, нельзя не учитывать две противоположные тенденции. С одной стороны, возрастаает число научных фактов, теорий и концепций, характеризующихся дифференциацией исторически сформировавшихся областей знания. Расширяется поиск общих методологических и теоретических основ с функциями парадигмального звена, способного объединять дифференцированные части научного знания. Вместе с тем к настоящему времени приходит осознание того, что глубокая дифференциация научных полей приводит к дегуманизации знаний, а способ продвижения науки в сторону усиления специализации не способствует решению проблем современного человечества (Savina, 2017:60).

³ Философы подчеркивают, что процесс научного познания обусловлен не только особенностями изучаемого объекта, но и многочисленными факторами социокультурного характера (Stepin, 2011:109).

междисциплинарности в науке (Ershova & Dolgova, 2012:12)⁴. В целом междисциплинарность предполагает изучение взаимосвязанных аспектов общей проблемы, при котором предпринимаются попытки выстроить общую перспективу исследования (Repina, 2011:28).

С позиций более широкого культурно-философского понимания междисциплинарного подхода ученые приходят к выводу о том, что междисциплинарность является одной из главных черт современной передовой науки и интеллектуальной деятельности как таковой – «в отличие от дисциплины, которая символизирует синхронный срез развития науки как социального института, междисциплинарное взаимодействие – диахронный и эмерджентный момент, характеризующий выраженную динамику и ведущий к новым формам организации научного знания. В этом смысле междисциплинарность, полидисциплинарность и трансдисциплинарность являются социальными механизмами конструирования науки» (Kasavin, 2010a:6).

Междисциплинарность в науке проявляется также в том, что на процесс расширения знаний в одной или нескольких областях могут влиять разработки в других областях, и, наоборот, прогресс одного ученого или научной группы может повлиять на другие научные специальности. Таким образом, может формироваться междисциплинарность, полезная с точки зрения повышения эффективности решения прагматичных, основанных на едином идейном замысле исследования⁵, познавательных задач конкретной научной работы.

Соответственно, возникновение ситуации необходимости повсеместного использования междисциплинарного подхода в познавательной деятельности на нынешнем этапе развития общества является закономерным результатом поэтапного развития науки и преумножения системы знаний, выходящим постепенно на новый уровень формирования симбиотически взаимосвязанной и взаимообусловленной мета науки, объединяющей все накопленные за время существования человечества знания и позволяющей оперативно и действительно решать возникающие перед обществом и государством задачи с использованием наиболее эффективных из существующих методов научной и практической деятельности.

Планирование междисциплинарного исследования: дисциплинарные границы, полисемия в научной работе и вопросы экспертологии

Приведенные выше сложившиеся в науке понимания проявлений междисциплинарного подхода в познавательной деятельности показывают практически неограниченную возможность его применения в приращении интеллектуального потенциала человечества в целях достижения самых разнообразных, зачастую нетривиальных исследовательских задач, которые не могут быть в достаточной мере качественно решены только с использованием «традиционной» методологии одной отдельно взятой научной дисциплины (Schmitt et al., 2023).

⁴ Обзор подходов к междисциплинарным исследованиям в зарубежной науке см.: (Azhimov, 2016).

⁵ Неслучайно в литературе подчеркивается, что «именно единый идейный замысел исследования может обеспечить единство познавательного процесса и единообразное понимание существа проблемы всеми участниками. Единство идейного замысла – та основа, на которой только и можно преодолеть центробежные силы, таящиеся во всяком междисциплинарном исследовании. ... Специфика идейного замысла междисциплинарных исследований состоит, в частности, в том, что его реализация предусматривает постановку специфических задач перед представителями разных областей научного знания» (Ivanov, 2016:106).

Исследователи обращают внимание также на то, что потребность в междисциплинарном сотрудничестве в научных исследованиях в целом ставит под сомнение значимость дисциплин в качестве отдельных отраслей знаний, существующих сами по себе. При этом межотраслевые разработки обладают потенциалом для устойчивого изменения дисциплинарных границ при создании новых областей исследований (при условии, что когнитивные границы на личном уровне исследователей также могут быть преодолены). Без организации междисциплинарного взаимодействия могут быть решены в лучшем случае узкоспециализированные проблемы, а не те, что наиболее актуальны для науки и общества. Но даже если междисциплинарное взаимодействие отдельных дисциплин не обязательно гарантирует открытие новых знаний, оно может стать благодатной почвой для развития и совершенствования научного творчества в целом (MacKinnon, Hine & Barnard, 2013).

При планировании междисциплинарного исследования, предметом которого в том числе выступает правовая культура, важно учитывать, что значимой характеристикой такой разновидности познавательной деятельности является ее проблемная ориентированность, приводящая к появлению принципиально нового знания на стыке отдельных дисциплин, которые после подобного интегрирования не прекращают своего существования, а лишь обогащаются новыми принципами исследования (Lysak, 2016). Соответственно, в этом случае происходит взаимное познавательное обогащение – как изучаемой предметной области (находящейся на стыке интересов различных дисциплин), так и научного арсенала применяемых в междисциплинарном исследовании дисциплин.

Учету при планировании междисциплинарного исследования (на предмет потенциального преодоления) подлежат и существенные практические проблемы такого⁶, которые могут возникнуть ввиду несовпадения специализированных языков и понятийного аппарата различных дисциплин. Полисемия в научной работе является серьезным недостатком, затрудняющим адекватное восприятие текста, правильную интерпретацию и эффективное использование полученных результатов. Препятствия подобному взаимодействию наук связаны прежде всего с различиями в постановке вопросов, методах и профессиональном языке (Savelyeva, 2012:124). При этом «выработка наукой специального языка, пригодного для описания его объектов, необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования» (Stepin, 2011:114). Другим проблемным аспектом является внешняя экспертиза проведенных междисциплинарных исследований. В данном случае возникает вопрос о возможности адекватной критической оценки итогов междисциплинарных изысканий специалистами из отдельных конкретных отраслей знаний (Lysak, 2016).

Преодоление указанных проблем междисциплинарного научного знания возможно путем разработки смежной терминологии, которая должна обеспечить исключение спорной трактовки одних и тех же основных терминов различными познавательными дисциплинами (Kreps, 2019). Разработка указанной базовой и понятной исследователям смежных отраслей знаний терминологии поможет и в проведении квалифицированной экспертизы (рецензирования) соответствующих научных исследований. Кроме того, повышению профессионального уровня

⁶ С философской точки зрения выделяется ряд проблемных областей научного знания, связанных в том числе и с применением междисциплинарного подхода: контекст открытия, несоизмеримость теорий, дополнительность, политеоретическое описание, конфликт интерпретаций, невозможность радикального перевода, типы рациональности, диалог, дискурс, конструктивность (Kasavin, 2010b:34).

соответствующих экспертиз будет способствовать формирование «пула» междисциплинарных научных экспертов (сообщества междисциплинарных экспертов), а также привлечение к экспертизе комплексных исследований представителей не только теоретической науки, но и специалистов в разнообразных связанных с предметом исследования областях практической деятельности.

В этом отношении в доктрине особенно подчеркивается, что пристрастие к существующим методам или низкая компетентность в оценке новых методов могут препятствовать научному прогрессу, поэтому следует поощрять междисциплинарные контакты, поскольку они могут способствовать распространению более совершенных методов. При этом в качестве механизмов налаживания подобных контактов, которые могут сыграть важную роль в распространении передовых методик, предлагается использовать: привлечение компетентных рецензентов из смежных дисциплин; обеспечение возможности получения заказов на исследования и условий для размещения публикаций от других дисциплин; использование возможностей социальных сетей для расширения контактов между специалистами в различных дисциплинах; проведение междисциплинарных конференций, обсуждений; выпуски специальной литературы (Smaldino & O'Connor, 2022). Диалог между специалистами из разных областей знаний должен быть сосредоточен на примерах междисциплинарных работ и укреплении связи концепции междисциплинарности с историческими достижениями человечества и философией науки (Tessaro, 2022:64).

Междисциплинарные повороты исследований в области права

Важным проблемным аспектом междисциплинарного исследования является противопоставляемая широкомасштабному синтезу знаний дисциплинарная замкнутость, проявляющаяся, в частности, в том, что соответствующее исследование, хотя и заявленное в качестве междисциплинарного, осуществляется с позиции одной дисциплины (Ershova & Dolgova, 2012:11).

Преодоление указанной проблемы видится в создании при проведении комплексной научной или практической работы исследовательских коллективов, состоящих из представителей смежных отраслей знаний, а также в изменении сознательных волевых установок исследователя в направлении признания и использования принципа плюрализма мнений и достижений относительно рассматриваемой предметной области, признания необходимости в ходе производимого анализа поставленного вопроса изучения материалов не только в своей ранее избранной отрасли знаний, но и данных иных наук и видов практической деятельности. Для обеспечения интеллектуальной успешности междисциплинарной области исследований она должна опираться на идеи, которые пересекают дисциплинарные границы; такая исследовательская область требует методов, применимых на пересечении областей (Thagard, 2014:48–52). При этом междисциплинарные исследовательские группы должны научиться общаться и работать сообща, преодолевая культурные границы (Daniel et al., 2022).

Необходимо учитывать, что хотя пересечение культурных границ для проведения междисциплинарных исследований и формирования междисциплинарных сообществ и сотрудничества выгодно, оно может быть сопряжено с рисками для начинающих исследователей, связанными с тем, что междисциплинарные исследования во многих случаях требуют дополнительного времени для учета культурных различий, усилий для поиска заинтересованных исследователей, выработки общих

цели и терминологии научной работы, а также изучения незнакомой литературы (Daniel et al, 2022). В этом отношении важно понимать, что все дополнительные затраты времени и труда в связи с использованием в научной работе междисциплинарного подхода окупятся с лихвой качеством и научной глубиной проведенного исследования, ее немалой познавательной и практической ценностью, а также значительным приращением и активизацией дальнейшего развития научного знания и применяемой методологии процесса познания.

Междисциплинарный подход применительно к изучению правовой культуры в рамках данного предпринимаемого специального исследования надлежит рассматривать с идеальной теоретической стороны процесса научного познания (взаимосвязь и взаимообусловленность разноотраслевых научных методов и многообразных источников знаний в изучении правовой культуры) и с точки зрения практически ориентированного процесса познания проявлений правовой культуры в юридической действительности (применение при исследовании практических приемов и эмпирической базы различных видов конкретной юридической деятельности). Данные позиции далее целесообразно рассмотреть более подробно.

Так, с точки зрения развития методологии юридической науки, в доктрине замечена тенденция углубления признаков, свойственных развитию научной сферы эпохи постмодерна в целом:

концептуализация идей метапарадигмальности научного познания и его универсализации, креативность исследовательского процесса, признание множества интерпретаций реальности, единство субъекта и объекта познания (его человекоизмеримость), осмысление и рефлексия самого по себе мышления субъекта исследования (когнитивный подход);

признание роли случая в развитии жизненных процессов и правовых систем, разветвленность знаний, диалогизм, движение в сторону интеграции знания (Lazarev, 2016:19–20).

Исследования генезиса, закономерностей, особенностей, тенденций и перспектив эволюции правовой культуры традиционно ведутся в рамках теоретико-исторических правовых наук. В связи с этим особый научный интерес представляет выделение в настоящее время в развитии историко-правовых исследований следующих специфических тенденций («поворотов историко-правового знания»), актуализирующих необходимость использования при их организации междисциплинарного подхода:

рассмотрение процесса историко-правового познания как синтеза исторического и правового познания социальной реальности, в основу которого положена интегративная методология (учитывающая развитие лингвистического, антропологического, практического и компаративного подходов в развитии исторического познания) с признанием того, что исследование прошлого должно учитывать не только объективный, но и субъективный элемент познания и предполагает как перспективную, так и ретроспективную направленность познавательных усилий (Skorobogatov, 2024);

новое понимание роли языка применительно к исследованию источников права (признание его средством конструирования правовой реальности, все явления которой создаются путем их означивания), которое актуализирует междисциплинарный характер историко-правовых исследований (изучение памятников права в качестве текстов, восприятие которых связано с их интерпретацией с учетом целостного социокультурного контекста, связанного с созданием соответствующего памятника,

а также выяснение особенностей правосознания и правовосприятия адресатов его норм), на основе которых могут быть сделаны новые открытия (Pashentsev, 2024; Chestnov, 2014);

ориентир на концепцию нелинейной интерпретации и периодизации истории права, развитие которой подчиняется определенным технологическим циклам и волнам. В ее рамках историю права государств предлагается рассматривать сквозь призму теории технологических укладов, понятий жизненного цикла технологического уклада и волн инноваций (развития), обусловивших в конкретный исторический период динамику общественных отношений и самого права как их основного регулятора. С учетом указанной концепции историческое движение права рассматривается не просто в качестве периодически повторяющихся через определенные промежутки времени процессов, а в качестве явления, имеющего циклическо-волновой характер, что в свою очередь показывает связь ритмов правового развития и правовых циклов с волнами инноваций (Zaloilo, 2024a; Pashentsev, Zaloilo & Dorskaya, 2024);

переосмысление значения сравнительной истории права для современной компаративистики и теории права (с особым вниманием к правовым традициям, в частности, зарубежным⁷, которые позволяют в необходимой мере осмыслить зависимость права от прошлого и представить становление правовых систем современности через призму многообразия, равнозначности и самобытности разных народов и цивилизаций) (Poldnikov, 2024);

опора на использование цифровых техник, технологий и инструментов в изучении становления и развития государственно-правовых явлений и процессов. В рамках обозначенного поворота научного исследования обосновывается источникоцентрическая методология междисциплинарного направления цифровой истории права, позволяющая расширить научно-исследовательский кругозор и представления об историческом прошлом государства и права (Lonskaya, 2024).

Перечисленные повороты развития историко-правового знания оказывают влияние и на осознание особенностей развития правовой культуры в соответствующий исторический период, а также дают пищу для размышлений о формировании новой системы историко-ориентированных приемов ее изучения, являющейся неотъемлемой частью междисциплинарного подхода.

В настоящее время развитие правовой культуры происходит в диалектическом единстве с происходящими в стране и в мире политическими, социальными и экономическими событиями, коррелирует с основными программно-стратегическими документами Российской Федерации в области научно-технологического, социально-экономического и культурного развития⁸. Дальнейшее развитие правовой

⁷ Правовые традиции, присущие соответствующей правовой системе, оказывают влияние не только на развитие политico-правовой сферы, но и на культуру соответствующего общества (которая также в свою очередь влияет на формирование правовых традиций). О взаимном влиянии системы романо-германского права и европейской правовой культуры см.: (Zimmermann, 2007).

⁸ См., например: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10, ст. 1373; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20, ст. 2584; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 38, ст. 5715.

культуры и науки российской юриспруденции в целом неразрывно связано с осмыслением тех процессов, которые происходят сегодня как в обществе и государстве, на внешнеполитической арене, так и в связи с этим в человеческом сознании и поведении.

Особенно заметно, что ведущим фактором общественного развития в глобальном масштабе сегодня становятся технологические инновации, приращение которых ведет к качественным переменам человеческой цивилизации, утверждению общества нового типа. Правовая культура не может оставаться в стороне как от появления новых угроз существования человечества, так и от изменений технологического уклада существования мирового сообщества и потребностей в продолжении модернизации системы публичного управления в России, доктринальное осмысление которых должно подготовить более совершенные и точные прогнозы дальнейшего развития и будущего состояния права, государства, государственно-правовых явлений.

Особенности научного познания правовой культуры

Специфика современного государственно-правового развития предопределяет особую значимость применения при изучении различных аспектов правовой культуры и влияющих на нее факторов междисциплинарного подхода, позволяющего раскрыть все возможные грани и выявить возможные «подводные камни» изучаемых предметных областей.

Человек познает мир в разных формах – существует не только научное, но и обыденное познание – философское, художественное, религиозно-мифологическое освоение мира, а наука как особый вид познавательной деятельности взаимодействует с другими формами данной деятельности, что проявляется в самом процессе научных открытий и в процедурах их включения в культуру, а также во влиянии последней на все другие формы человеческого познания (Stepin, 2011:102).

С точки зрения идеальной теоретической стороны процесса научного познания междисциплинарный подход в исследовании правовой культуры, как представляется, должен предполагать применение при организации познавательного процесса научного исследования каждой соответствующей грани данного сложного явления следующих сознательных⁹ теоретико-практических установок ученого:

при определении цели и задач исследования необходимо формирование отношения к правовой культуре как к многоуровневому и исключительно многоаспектному явлению не только правовой действительности, но и человеческой цивилизации в целом, на содержание и эволюцию которого влияют самые разнообразные факторы действительности материального (вещественного) и нематериального (невещественного) порядков. Первые могут включать в себя, например, географическое положение государства, уровень его научно-технологического развития на конкретном историческом этапе, состояния экологии и экономики, тогда как вторые представляют собой коллективное и индивидуальное сознание, политику, религию, нравственность, общий уровень культурного развития в конкретном обществе и на

⁹ Необходимость сознательной организации междисциплинарных исследований обусловлена, по крайней мере, тремя факторами: достаточной сложностью (и в психологическом плане – непривычностью) их предметной области; необходимостью объединять и согласовывать идеи, понятия, факты, существовавшие ранее относительно независимо друг от друга; потребностью формировать новые проблемные сообщества из ученых, имеющих различные научные биографии, опыт, стили мышления, разные представления о критериях научности и т.п. (Ivanov, 2016:103).

конкретном историческом этапе. Д.А. Керимов справедливо отмечал, что взаимодействие и взаимное влияние общей и правовой культуры выражается в том, что первая благотворно влияет на мышление и ценностные установки людей, определяет правовую сферу общества и характер его законов, поведение каждого отдельного человека; а правовая культура, в свою очередь, защищает и создает условия свободного развития общей культуры путем выработки прогрессивных законов, утверждения требований правовой стабильности и законности (Керимов, 1991:18);

готовность исследователя к тому, что в зависимости от поставленных целей научной работы и специфики контекста выбранной для изучения предметной области в конкретный исторический период будет различаться и варьироваться набор возможных и приоритетных к применению для достижения предполагаемого научного результата методов, доктринальных и практических источников. Функции науки в жизни общества, ее место в культуре и взаимодействие с другими областями культурного творчества меняются от эпохи к эпохе. Приметой настоящего времени является изменение и самого характера научной деятельности по сравнению с исследованиями классической эпохи – она становится более интенсивной, распространенной, поддерживаемой на государственном уровне и оснащенной арсеналом эффективных познавательных средств; при сохранении своей культурно-мировоззренческой функции наука становится производительной силой общества (Stepin, 2011:103–104);

глубина и качество изучения правовой культуры напрямую зависят от нахождения оптимального набора и баланса пригодных для достижения поставленной научной цели исследования эмпирических данных, достижений научно-технологического развития и гносеологического арсенала различных отраслей человеческого знания, методология и наработки которых могут быть полезны для решения поставленных задач конкретной работы;

для исследования сущности и отдельных проявлений правовой культуры могут быть полезны наработки и методология как общественных (гуманитарных) отраслей знания и практики, так и точных наук. Так, общественные (гуманитарные) науки и отрасли знания предоставляют инструментарий для определения места правовой культуры в системе общественных явлений в целом, в правовой и политической системе в частности, установления взаимосвязи отдельных проявлений правовой культуры с другими явлениями правовой и общественной жизни, а также определения вероятных траекторий, тенденций и социально-правовых последствий развития правовой культуры как общественно-правового явления. В подтверждение данного тезиса приведем образное понимание правовой культуры в содержательно ценностном ее значении как культуры экономики и политики, социальной и духовной жизни, культуры межличностных отношений, культуры формирования и реализации прав человека; основы всей культуры и одновременно критерия состояния общей культуры общества (Керимов, 1991:21–22). Точные науки позволяют сделать доказательно выверенные, конкретно измеримые и практически верифицируемые подсчеты количественных и качественных характеристик изучаемого явления, составить развернутые математические модели его состояния на каждом конкретном историческом этапе, в том числе в прошлом и в обозримом будущем (прогноз возможного варианта или нескольких вариантов развития в зависимости от степени влияния различных имеющих значение для состояния изучаемого явления факторов). Немаловажное значение в исследовании генезиса и эволюции правовой культуры приобретает экономическая теория, синтезируемая с историко-правовой

наукой, например, в рамках упомянутой циклично-волновой модели интерпретации государственно-правовой истории на основе теории технологических укладов. Широкую известность получил экономический анализ права, применение в правовой сфере статистических и математических подходов (Khabrieva, 2010:11), в частности, экономико-математического моделирования государственно-правовых явлений и процессов, юриметрики (Loevinger, 1949:455–493) и пр.

В целом требования современной действительности предполагают необходимость учета при принятии управленческих и правовых решений, являющихся одновременно продуктом правовой культуры и фактором, влияющим на ее развитие, как никогда обширной совокупности зачастую разнонаправленных факторов действительности, охватить и должным образом оценить которые возможно только с использованием межотраслевого и междисциплинарного подхода в научном исследовании. В этом отношении с позиции развития правовой науки и использования ее арсенала важно учитывать, что современная юриспруденция основывается на трех ключевых направлениях понимания права: юридический позитивизм (правовой формализм), социологический позитивизм (правовой реализм) и философско-правовые концепции права (правовая метафизика), которым корреспондируют три формата представления знаний о праве – классическая, неклассическая и постклассическая юриспруденция со своими особыми методами, языками описания и объяснения политico-правовых явлений (Vedeneev, 2024).

С содержательной точки зрения использование междисциплинарного подхода к изучению правовой культуры не только с позиций научного, но и практического интереса предполагает, с одной стороны, повышение научной и практической обоснованности принимаемых на разных уровнях управления и правового регулирования решений, а с другой стороны – неизбежно влечет за собой усложнение соответствующих системных связей в государственно-правовой действительности и появление новых факторов и условий, еще более усложняющих предметное поле науки¹⁰ (в частности проявлений правовой культуры), делающих его еще более многоуровневым и многоаспектным. В данном отношении возможно говорить о взаимной детерминантности «материально-идеальных» факторов действительности и правовой культуры как идеального сознательного проявления коллективного человеческого разума и культурного слоя цивилизации на определенном историческом этапе существования государственно-организованного общества в целом.

Правовая меметика в научном объяснении эволюции правовой культуры

Одним из актуальных междисциплинарных направлений исследования государственно-правовых явлений и процессов в их развитии справедливо считать меметику – особую науку о подражании одобряемым образцам поведения и мышления, об исторических, культурных, политических, социальных, экономических и прочих типах мемов. Последние понимаются в качестве условных единиц культурной информации, заключенных в разуме одного или многих индивидов и способных воспроизводить себя, передаваясь от одного разума к другому. Термин «мем»,

¹⁰ По меткому наблюдению В.С. Степина, «в процессе развития науки не только происходит накопление нового знания, но и перестраиваются ранее сложившиеся представления о мире. В этом процессе изменяются все компоненты научной деятельности: изучаемые ею объекты, средства и методы исследования, особенности научных коммуникаций, формы разделения и кооперации научного труда и т.п.» (Stepin, 2011:103).

отражающий идею об исходной единице передачи культурного наследия или о первоначальной единице имитации, ввел в научный оборот британский эволюционист, этолог, профессор Оксфордского университета в 1995–2008 гг. Ричард Докинз (Dawkins, 2013). Он предположил, по аналогии с генетической эволюцией, что развитие человеческой культуры происходит за счет трансляции, копирования (репликации), вариаций (модификаций и новаций) и воспроизведения (отбора) мемов.

Впоследствии на основе концепции мемов сформировалась исследующая их меметика, претендующая в работах отдельных авторов на научно-важеский статус (Shcherbin, 2019). В настоящее время ее достижения задействованы в разных областях научного знания: политологии, социологии, филологии, экономике и др., но также имеют перспективы применения в правовой плоскости (Cotter, 2003; Deakin, 2002; Fried, 1999; Henke, 2007; Lazarev, 2020; Stake, 2001; Vinnikov, 2023), где служат цели объяснения эволюции права в целом и правовой культуры в частности (Zaloilo, 2024b). Использование методологических и семиотических возможностей меметики выступает еще одним фактором в процессах изучения, сохранения и передачи следующим поколениям накопленных научных знаний (Ryabova, 2023).

Примерами мемов, по Р. Докинзу, служат «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» (Dawkins, 2013:180). Мемами в области права являются, к примеру, правовые идеи, теории и концепции, юридические презумпции и конструкции, правовые принципы, метафоры в праве (Vlasenko, 2022), источниками которых могут служить юридическая доктрина, правовые традиции и ценности, конституции, иные нормативные правовые акты, разъяснения высших судебных инстанций, судебные прецеденты, которые кодируют правовую информацию в концептуальную форму, способствуя ее межвременному распространению (Deakin, 2002:21).

Применительно к изучению государственно-правовых явлений, в том числе правовой культуры, ученые преобразуют в познавательных целях достижения и возможности меметики с учетом особенностей развития указанных явлений и специфики факторов юридической и политической действительности.

В отношении развития государства правоведами выделяется отдельный мем государства как специализированный ресурс сжатой социальной информации («государство-левиафан», «государство-машина», «государство – ночной сторож»). Обращается внимание на то, что его содержание может копировать себя много-кратно в схожих социальных условиях (особенно если к распространению мема подключаются социальные силы, в интересы которых входит продолжение жизни данного мема). При этом мем государства может быть как положительным, так и отрицательным (вредоносным мемом-вирусом), а весь механизм его возникновения зиждется на подражании как его основополагающем свойстве (Lazarev, 2020:5–18).

Применительно к праву меметика рассматривается в качестве преломления «общекультурной» меметики в правовой плоскости (правовая меметика) в качестве нового и развивающегося направления, ориентированного на исследование влияния культурных, социальных и исторических явлений и факторов на развитие права, формирование и изменение правовых норм и практик, создание и применение нормативных актов. При этом базовым концептом указанного направления является понимание того, что право с помощью технико-юридического инструментария и языка права кодирует социально-правовой опыт и программирует правовое поведение индивидов (Zaloilo, 2024b).

Соответственно, «государственная» и «правовая» меметики могут быть рассмотрены в качестве особых биологически обусловленных и имеющих социальное преломление межотраслевых систем знаний, основанных на выявлении разнообразных культурно-поведенческих образцов и ориентиров в государственно-правовой реальности, а также определении и изучении их влияния на формирование закономерностей и тенденций развития соответствующих явлений и процессов.

Заключение

В завершение рассмотрения в рамках данной работы междисциплинарного подхода в исследовании правовой культуры возможно отметить, что применение данного подхода как при решении научных задач соответствующего исследования, так и при достижении практических целей совершенствования определенного вида юридической деятельности является значимым показателем надлежащего качества и должной исследовательской глубины осуществляющей познавательной активности.

Хотя организация междисциплинарного исследования сама по себе является не-простой задачей (необходимо соответственно модернизировать сознательные исследовательские установки, а также пройти ряд обозначенных выше этапов такого исследования и затратить больше временных и трудовых ресурсов, чем при организации отраслевого исследования), данные трудности являются преодолимыми и оправданными с точки зрения необходимости учета всех сложных и многообразных факторов современной жизни и накопленного человечеством интеллектуального массива.

При этом применение междисциплинарного подхода в исследовании правовой культуры в современный исторический период, характеризующийся расширением и углублением взаимосвязей различных областей знаний и видов практической деятельности, «стиранием» четких границ между ними, является не только желательным, но и необходимым приемом достижения научно обоснованного и практически эффективного результата предпринимаемого исследования, который обеспечивает должный уровень его научной новизны и актуальности для применения в юридической деятельности и в дальнейшем приращения научных и практических знаний.

«Культурологическая перспектива» как одно из возможных актуальных направлений дальнейшего применения междисциплинарного подхода в исследовании феномена правовой культуры видится как в специальном изучении отдельных аспектов правовой культуры с применением наработок и методов иных культурно ориентированных областей знаний (общая культура, меметика, в определенной мере культурная составляющая истории, политики, социологии, экономики, теории права и сравнительного правоведения), так и в более широком применении культурологических подходов в системе методов иных наук. Это позволит не только осознать значение правовой культуры в качестве специфического проявления правовой действительности, но и показать ее роль в иных областях и проявлениях общественно-политико-правового развития, затрагиваемых общей культурой общества в целом и правовой культурой в частности.

Постоянное развитие правовой культуры как особой отрасли человеческих знаний, идеальных сознательных установок и практических общественных отношений предопределяет и развитие системы возможных для применения к ее исследованию методов, углубление возможностей и расширение сфер применения межотраслевого подхода в исследованиях. Однозначно можно отметить, что успех будущего

развития правовой культуры и системы знаний о правовой культуре во многом зависит от разумного и профессионального использования межотраслевого подхода как гаранта обеспечения должной глубины и высокого уровня качества проводимого исследования, его научной новизны, практической обоснованности и ценности для дальнейшего приращения знаний в рассматриваемой области научных интересов.

References / Список литературы

- Azhimov, F.E. (2016) What is the Interdisciplinarity Today? (an Experience of Cultural-Historical Interpretation of Foreign Studies). *Voprosy Filosofii*. (11), 70–77. (in Russian).
Ажимов Ф.Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 70–77.
- Chestnov, I.L. (2014) Linguistic “Turn” in Postclassical Jurisprudence. In: Russian State University for the Humanities. *Muromtsev Readings: “The Language and Logic of Legislative Act and Law”*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., pp. 17–20. (in Russian).
Честнов И.Л. Лингвистический «поворот» в постклассической юриспруденции // Язык и логика закона и права. Муромцевские чтения : материалы XIV Международной научной конференции. М : РГГУ, 2014. С. 17–20.
- Cotter, T.F. (2003) Prolegomenon to a Memetic Theory of Copyright: Comments on Lawrence Lessig's The Creative Commons. *Florida Law Review*. 55, 779–793.
- Daniel, K.L., McConnell, M., Schuchardt, A. & Peffer, M.E. (2022) Challenges facing interdisciplinary researchers: Findings from a professional development workshop. *PLoS ONE*. 17 (4), e0267234. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267234>
- Dawkins, R. (2013) *The Selfish Gene*. Trans. Fomina, N. Moscow, Publishing house AST. (in Russian).
Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М. : Издательство ACT, 2013. 245 с.
- Deakin, S. (2002) Evolution for our Time: A Theory of Legal Memetics. *Current Legal Problems*. 55 (1), 1–42. <https://doi.org/10.1093/clp/55.1.1>
- Ershova, G.G. & Dolgova, E.A. (2012) Historical Perspective of Interdisciplinary Research: Instead of an Introduction. In: Ershova, G.G. & Dolgova, E.A. (eds.). “Walls and bridges”: *Interdisciplinary approaches in historical research: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, RSUH, June 13–14, 2012*. Moscow, Sovpadenie Publ., pp. 6–14. (in Russian).
Ершова Г.Г., Долгова Е.А. Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М. : Совпадение, 2012. С. 6–14.
- Fried, M.S. (1999) The Evolution of Legal Concepts: The Memetic Perspective. *Jurimetrics*. 39 (3), 291–316.
- Henke, C. (2007) Memetik Und Recht. *Humboldt Forum Recht*. (2), 13–26.
- Ivanov, O.I. (2016) A sociologist in interdisciplinary research. *Discourse*. (2), 102–112. (in Russian).
Иванов О.И. Социолог в междисциплинарном социальном исследовании // Дискурс. 2016. № 2. С. 102–112.
- Kasavin, I.T. (ed.). (2010a) *Interdisciplinarity in Sciences and Philosophy*. Moscow, IF RAN Publ. (in Russian).
Касавин И.Т. Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М. : ИФ РАН, 2010. 205 с.
- Kasavin, I.T. (2010b) Interdisciplinary Research in the Context of Reflection and Habitus. In: Kasavin, I.T. (ed.). *Interdisciplinarity in Sciences and Philosophy*. Moscow, IF RAN., 15–25. (in Russian).

- Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М. : ИФ РАН, 2010. С. 15–35.
- Kerimov, D.A. (1991) *Culture and technique of law-making*. Moscow, Juridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
- Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М. : Юридическая литература, 1991. 160 с.
- Khabrieva, T.Ya. (2010) Economic-Legal Analysis: Methodological Approach. *Journal of Russian Law*. (12), 5–26. (in Russian).
- Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5–26.
- Kreps, T.V. (2019) Interdisciplinary approach in research and teaching: Advantages and problems of application. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. (1), 115–120. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-1-115-120> (in Russian).
- Крепс Т.В. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1. С. 115–120. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-1-115-120>
- Lazarev, V.V. (2016) Interpretation of Law: Classics, Modern and Postmodern. *Journal of Russian Law*. (8), 15–28. <https://doi.org/10.12737/20900> (in Russian).
- Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.
- Lazarev, V.V. (2020) State in the Light of Memology. *Journal of Russian Law*. (3), 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026> (in Russian).
- Лазарев В.В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026>
- Loevinger, L. (1949) Jurimetrics. The next step forward. *Minnesota Law Review*. 33 (5), 455–495.
- Lonskaya, S.V. (2024) Digital History of Law: Principles of Methodology. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2 (1), 14–33. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2> (in Russian).
- Лонская С.В. Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 14–33. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>
- Lysak, I.V. (2016) Interdisciplinarity: Advantages and Problems of Application. *Modern Problems of Science and Education*. (5), 264. (in Russian).
- Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 264.
- MacKinnon, P.J., Hine, D. & Barnard, R.T. (2013). Interdisciplinary Science Research and Education. *Higher Education Research and Development*. 32 (3), 407–419. <https://doi.org/10.1080/07294360.2012.686482>
- Pashentsev, D.A. (2024) Linguistic Turn in Historical and Legal Studies. In: Pashentsev, D.A. & Zaloilo, M.V. (eds.). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians Publ., Infotropic Media Publ., pp. 39–47 (in Russian).
- Пашенцев Д.А. Лингвистический поворот в историко-правовых исследованиях // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М. : Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 39–47.
- Pashentsev, D.A., Zaloilo, M.V. & Dorskaya, A.A. (2024). *Changing of Technological Orders and Legal Development of Russia*. Moscow, ILCL, Norma, INFRA-M Publ. (in Russian).
- Пашенцев Д.А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М. : ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024. 184 с.
- Poldnikov, D.Yu. (2024) Legal culture and legal tradition as subject of comparative history of law. In: Pashentsev, D.A. & Zaloilo, M.V. (eds.). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians; Infotropic Media Publ., pp. 100–123 (in Russian).
- Полдников Д.Ю. Правовая культура и правовая традиция как предмет сравнительной истории права / Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М. : Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 100–123.

- Repina, L.P. (2011) *History at the border of the XX–XXI: Social theories and historiographical practices*. Moscow, Krug Publ. (in Russian).
 Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Ryabova, M.E. (2023) Meme Culture and Its Impact on the Development of Modern Society. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. (1), 123–132. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2023-1-123-132> (in Russian).
 Рябова М.Э. Мем-культура и ее воздействие на развитие современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 123–132. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2023-1-123-132>
- Savelyeva, I.M. (2012) Historical sociology and social history in the XXI century: Bridges and crossings. In: Ershova, G.G. & Dolgova, E.A. (eds.). *“Walls and bridges”: Interdisciplinary approaches in historical research: materials of the International Scientific Conference, Moscow, RSUH, June 13–14, 2012*. Moscow, Sovpadenie Publ., pp. 118–126. (in Russian).
 Савельева И.М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. С. 118–126.
- Savina, A.K. (2017) Interdisciplinary scientific research abroad in the context of modern reality: State and prospects. *School technologies*. (4), 60–70. (in Russian).
 Савина А.К. Междисциплинарные научные исследования за рубежом в контексте современной реальности: состояние и перспективы // Школьные технологии. 2017. № 4. С. 60–70.
- Schmitt, J.B., Goldmann, A., Simon, S.T. & Bieber, S. (2023) Conception and Interpretation of Interdisciplinarity in Research Practice: Findings from Group Discussions in the Emerging Field of Digital Transformation. *Minerva*. (61), 199–220. <https://doi.org/10.1007/s11024-023-09489-w>
- Shecherbin, V.K. (2019) Memetics as the new interdisciplinary science and the branch of social semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. (4), 40–47. (in Russian).
 Щербин В.К. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 40–47.
- Skorobogatov, A.V. (2024) The subject field of historical and legal knowledge. In: Pashentsev, D.A. & Zaloilo, M.V. (eds.). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians, Infotropic Media Publ., pp. 12–38 (in Russian).
 Скоробогатов А.В. Предметное поле историко-правового познания // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пащенцева, М.В. Залоило. М.: Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 12–38.
- Smaldino, P.E. & O'Connor, C. (2022) Interdisciplinarity can aid the spread of better methods between scientific communities. *Collective Intelligence*. 1 (2), 1–18. <https://doi.org/10.1177/26339137221131816>
- Stake, J.E. (2001) Are we buyers or hosts? A memetic approach to the first amendment. *Alabama Law Review*. 52 (4), 1213–1268.
- Stepin, V.S. (2011) *Civilization and culture*. St. Petersburg, SPbGUP Publ. (in Russian).
 Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
- Stepin, V.S., Gorokhov, V.G. & Rozov, V.A. (1996) *Philosophy of Science and Technology*. Moscow, Gardarika Publ. (in Russian).
 Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М. : Гардарика, 1996. 399 с.
- Thagard, P. (2014) Being Interdisciplinary: Trading Zones in Cognitive Science. *Logos*. 1 (97), 35–60. (in Russian).
 Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. Т. 1 № 97. С. 35–60.

- Tessaro, L.W.E. (2022) Science and Interdisciplinarity: A Treatise on the Philosophy of Interdisciplinary Research. *Journal of Interdisciplinary Sciences*. 6 (1), 46–68.
- Vedeneev, Yu.A. (2024) The Jurisprudence of Traditions and Innovations of the Postmodern Era in Search of Self. *Lex Russica*. 77 (1), 144–155. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.144-155> (in Russian).
- Веденеев Ю.А. Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя // Lex russica. 2024. Т. 77. № 1. С. 144–155. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.144-155>
- Vinnikov, A.V. (2023) On special knowledge in assessing the understandability of judicial translation: Linguistics and memetics. *Forensic Examination*. 74 (2), 83–102. (in Russian).
- Винников А.В. О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика // Судебная экспертиза. 2023. Т. 74. № 2. С. 83–102.
- Vlasenko, N.A. (2022) Metaphor as a legal expertology method (on the example of the post-Soviet state-legal reality). *Yuridical Techniques*. (16), 53–62. (in Russian).
- Власенко Н.А. Метафора как средство правовой экспертологии (на примере постсоветской государственно-правовой реальности) // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 53–62.
- Vlasenko, N.A. (2019) Methodological Problems of the Modern Theory of Law. *Journal of Russian Law*. (4), 5–19. https://doi.org/10.12737/art_2019_4_1 (in Russian).
- Власенко Н.А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 5–19. https://doi.org/10.12737/art_2019_4_1
- Zaloilo, M.V. (2024a) A cyclic wave model of interpretation of the history of law based on the theory of technological orders. In: Pashentsev, D.A. & Zaloilo, M.V. (eds.). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians; Infotropic Media Publ., 48–72 (in Russian).
- Залоило М.В. Циклично-волновая модель интерпретации истории права на основе теории технологических укладов // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 48–72.
- Zaloilo, M.V. (2024b) The concept of meme (memetics) and the primary mechanisms of socio-cultural evolution of law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 17(3), 32–56. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.32.56> (in Russian).
- Залоило М.В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 32–56. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.32.56>
- Zimmermann, R. (2007). Roman Law and European Culture. *New Zealand Law Review*. (2), 341–372.

Сведения об авторе:

Залоило Максим Викторович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, отдел теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0003-4247-5242, SPIN-код: 5892-5522

e-mail: z-lo@mail.ru

About the author:

Maksim V. Zaloilo – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4247-5242, SPIN-code: 5892-5522

e-mail: z-lo@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-345-364>
EDN: XMNSQN

Научная статья / Research Article

Критика Г. Хартом учения Г. Кельзена о единстве, непротиворечивости и автономии права

С.Н. Касаткин

Самарский государственный экономический университет, г. Самара,
Российская Федерация
kasatka_s@bk.ru

Аннотация. Автор обращается к обсуждению проблем понимания и возможности нормативных конфликтов в правовой системе в теориях ключевых позитивистов XX в., Кельзена и Харта. Ее цель – реконструкция и оценка критики Хартом идеи невозможности нормоконфликтов как части учения Кельзена о единстве системы (международного и национального) права и ее соотношении с моралью. Актуальность работы обусловлена как дискуссионностью в сравнительной оценке позиций Кельзена и Харта по нормоконфликтам, неизученностью доктрины последнего, так и важностью прояснения оснований концептуализации нормоконфликтов на пересечении зарубежного и отечественного опыта. Главными источниками статьи выступают труды Кельзена классического периода и анализирующие их очерки Харта 1960-х гг., исследуемые с помощью методов идеино-исторической и рациональной реконструкции, экзегетики, философского анализа языка и пр. Как результат в статье рассматриваются общие подходы правоведов, трактовка ими единства, бесконфликтности и автономии права, оценивается их методологический и практический потенциал. В качестве главного вывода фиксируется зависимость возможности нормоконфликтов в праве от принятой в сообществе «интерпретативной установки», языка рассуждений, а также зависимость теоретических утверждений о возможности таких конфликтов от избранной методологии.

Ключевые слова: Кельзен, Харт, нормативный конфликт, юридическая коллизия, система права, методология юриспруденции

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>.

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Касаткин С.Н. Критика Г. Хартом учения Г. Кельзена о единстве, непротиворечивости и автономии права // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 345–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-345-364>

H. Hart's Criticism of H. Kelsen's Doctrine of Unity, Consistency and Autonomy of Law

Sergei N. Kasatkin

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

kasatka_s@bk.ru

Abstract. The author examines the debate surrounding the understanding and possibility of normative conflicts within legal systems, focusing on theories of 20th-century key positivists, Kelsen and Hart. The primary aim is to reconstruct and evaluate Hart's critique of Kelsen's concept of the impossibility of norm conflicts, which is central to Kelsen's doctrine of the unity of the system of law (both international and municipal) and its relationship with morality. The paper's relevance stems from the controversial comparative assessment of Kelsen and Hart's positions on norm conflicts, the relatively unexplored nature of Hart's doctrine on this issue, and the need to clarify the foundations for conceptualizing norm conflicts at the intersection of foreign and domestic legal experiences. The main sources are Kelsen's classical works and Hart's 1960s essays analyzing them, studied using ideological-historical and rational reconstruction, exegesis, and philosophical analysis of language. The article analyzes the jurists' general approaches, their accounts of the unity, consistency, and autonomy of law, and evaluates their methodological and practical potential. The main conclusion is that the possibility of norm conflicts in law depends on the "interpretative attitude" and the language of reasoning accepted within a community, and that theoretical statements about the possibility of such conflicts are contingent upon the chosen methodology.

Key words: Kelsen, Hart, normative conflict, legal collision, legal system, methodology of jurisprudence

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01893. <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>.

Received: 12th November 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Kasatkin, S.N. (2025) H. Hart's criticism of H. Kelsen's doctrine of unity, consistency and autonomy of law. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 345–364. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-345-364>

Введение

В статье рассматривается проблематика понимания и возможности нормативных конфликтов в правовой системе, взятой в контексте сравнения концепций двух ключевых правоведов-позитивистов XX в., Ганса Кельзена и Герберта Харта. Предметом и целью статьи является реконструкция и оценка критики Хартом идеи

о невозможности нормоконфликтов – идеи, сформулированной как часть учения Кельзена о единстве системы (международного и национального) права и ее соотношении с системой морали.

Осмысление данной критики сохраняет актуальность и сегодня, позволяя прояснить не только различия в содержании и потенциале доктрин двух правоведов (не всегда уловимые за их внешним сходством), но и теоретико-методологические основания концептуализации нормативных коллизий в правовой теории в целом. Статья затрагивает аспекты наследия Кельзена и Харта, не получившие должной разработки за рубежом и почти отсутствующие у отечественных авторов (Krayevsky, 2023). Так, учение Кельзена о коллизионности – предмет споров в зарубежной философии права (Tur & Twining, 1986:187–272; Bulygin, 2015:337–354; Telman, 2016:59–84), международном и конституционном праве (Kammerhofer, 2011; Barber, 2010:148–151). Критика этого учения Хартом, будучи авторитетной (Telman, 2016:18 ff.; Raz: 2009:78–102; Culver & Giudice, 2010:38 ff.), также оценивается неоднозначно (Telman, 2016:59–84). Сама же доктрина Харта о нормоконфликтах, по сути, вообще оставлена без внимания (MacCormick, 2008; Kramer, 2018), что, учитывая скучное обсуждение в трудах мыслителя, делает ее экспликацию нерешенной исследовательской задачей. Помимо идеально-исторического аспекта материал статьи видится значимым для обогащения и проблематизации постсоветской теории юридических коллизий (с безусловным признанием в ней неизбежной коллизионности и одновременной системности права (Vlasenko, 2024; Petrov & Tikhonravov, 2017; Antonov, 2014)) за счет методологической рефлексии и переосмыслиния альтернативных моделей в отечественной среде.

Главными источниками статьи выступают труды Кельзена классического периода (Kelsen, 1949; Kelsen, 1962; Kelsen, 1967), а также анализирующие их очерки Харта 1960-х гг. (Hart, 1983a; Hart, 1983b), взятые с учетом иных работ мыслителей и изысканий в литературе. Методология работы базируется прежде всего на методах идеально-исторической и рациональной реконструкции, экзегетики, философского анализа языка. Структурно статья следует от обзора подходов двух правоведов к исследованию тезисов единства, бесконфликтности и автономии правопорядка в доктрине Кельзена и в ее критике Хартом, и, далее, к систематизации и общей оценке взглядов сторон, а также их импликаций.

Критика Хартом Кельзена: предварительные замечания

Кельзен и Харт: теоретико-методологические перспективы

Традиционно учения австрийского правоведа, Ганса Кельзена, и его британского коллеги, Герберта Харта, полагаются ключевыми образцами позитивизма XX в., сообща обеспечившими переосмысление и развитие идей классической аналитической юриспруденции. При этом, несмотря на пересечения и внешние сходства, методологически и теоретически концепции двух мыслителей имеют весомые различия.

Ганс Кельзен, отталкиваясь от опыта континентальных юристов, методологии неокантианства и логико-философского анализа языка (Nino, 2003:327–328; Krayevsky, 2023:455–471), предлагает «чистое учение о праве» как более строгую версию прежней позитивистской теории. Доктрина Кельзена отграничивается им, с одной стороны, от описания или причинного объяснения позитивного права как

исторического, социального, психологического факта, с другой – от его оценки или критики с моральных, идеологических и т.п. позиций. Ее задача усматривается в анализе и описании позитивного права как сферы должного, в его «представлении» или рациональной реконструкции как целостности, в разработке идеального языка, предоставляющего критерии и инструменты наиболее точного и последовательного изложения любого правопорядка, адекватные статусу нормативной науки о праве (Kelsen, 1949:xxxv–xl; Kelsen, 1967:1, etc.).

С этих позиций Кельзен предлагает собственную концептуализацию права. Так, правовая норма мыслится им в качестве деонтического смысла актов воли и деонтического отношения условия и следствия – указания должностным лицам применить санкции за нарушение официальных предписаний. Такая норма приобретает действительность лишь в рамках принудительного социального иерархического порядка, где ее «объективный смысл» определяется в «интерпретативной рамке» вышестоящей нормы и в итоге восходит к «основной норме» как трансцендентально-логической гипотезе, полагаемой предельной точкой правовой системы и юридического рассуждения. Сказанное распространяется и на судебное решение – индивидуальную норму, доопределяющую требования правопорядка для конкретной ситуации (Kelsen, 1949:29–49, 110–135; Kelsen, 1967:2–58, 193–278).

Харт называет Кельзена гением и величайшим представителем аналитической юриспруденции XX века, отмечая его заслуги в объяснении специфики нормативности права и языка правоведческих суждений (Hart, 2013:511–514). Вместе с тем, в отличие от Кельзена, Харт осмысливает правоведческую повестку в русле аналитической лингвистической философии. Таковая связывает главные трудности классической метафизики с неверным употреблением языка и переформулирует философские проблемы, переводя их из абстрактно-фiktивного вопрошания в контекст реальных речевых ситуаций. Обыденный дискурс провозглашается точкой отсчета в создании и критике философских теорий. В противовес логико-философскому анализу, он подлежит не столько очищению и корректуре в духе идеальных языков, сколько детальному исследованию, которое позволяет, с одной стороны, выявить базовые параметры речевой деятельности, с другой – постичь отраженный в языке опыт многих поколений людей: фиксируемые ими понятийные разграничения и связи между явлениями, выступающие «ключом» к «обостренному восприятию» последних (Cohen & Hart, 1955; Hart, 1994:v; MacCormick, 2008:23–30).

В этой перспективе Харт развивает проект аналитической юриспруденции как философского объяснения базовых правовых понятий и формулирует собственную – общую, описательную и морально-нейтральную – теорию права. Как и Кельзен, отвергая сведение права к приказам суверена, Харт, вместе с тем, исходит из «герменевтической» модели социального правила, дополняя в его трактовке «внешний» аспект, единообразие поведенческой практики сообщества, «внутренним» – принятием таковой ее участниками как образца поведения и основания оценки поведения других. Оспаривает Харт и сведение юридических правил к единой логической форме, подчеркивая их регулятивные различия (возложение обязанностей или наложение правами, адресация к гражданам или к должностным лицам и пр.). Подобно Кельзену, Харт полагает право нормативной системой, которая, однако, осмысливается им как «единство» правил первого и второго порядка с опорой на базовом правиле признания, фиксирующем критерии действительности в системе и обеспечивающем идентификацию юридических правил по их формальному статусу,

а не моральной ценности. Имея внешнее сходство с «основной нормой», правило признания отличается от нее в ряде важных аспектов. Проявляясь в согласованной практике судей и должностных лиц, она выступает не логически необходимым постулатом и презумпцией, а реально существующим правилом и социальным фактом. К тому же оно не сводится к универсально-абстрактному и автономному требованию соблюдения конституции, может иметь различное и меняющееся позитивное содержание (устанавливая систему и ранг источников права), допускать учет иных нормативных систем, в частности, морали. Концепция Харта также включает тезис о (лингвистически опосредованной) невозможности исчерпывающей юридической регламентации: признание им, наряду с ясными, пограничных случаев, где отсутствует единственно верный юридический ответ и где суд должен выбрать один из исходов – применить усмотрение (Hart, 1994).

Приведенные различия в подходах авторов обусловливают конкурирующие перспективы осмыслиения ими вопросов нормативного единства и конфликтности. Тогда как Кельзен видит правовую систему замкнутой логико-интерпретативной целостностью, конструирование которой предполагает выведение «объективного смысла» правовых норм из нормативных ступеней более высокого порядка и эпистемологически исключает для такой системы внутренние и внешние коллизии, Харт считает теорию Кельзена о единстве и непротиворечивости права наиболее серьезной его ошибкой (Hart, 2013:515), отстаивая иные критерии индивидуализации и дифференциации правовых систем, а равно возможность конфликтов и между действующими юридическими нормами, и между нормами права и морали.

Кельзен в трактовке Харта: параметры критики

Названные позиции формируют контекст для реконструкции критики Хартом взглядов Кельзена на нормоконфликты.

Следует подчеркнуть, что Харт не ведет масштабного исследования творчества Кельзена, его взглядов на единство, непротиворечивость и автономию права. Данный момент значим, учитывая эволюцию австрийского правоведа, который в разное время отстаивал несовпадающие теоретические и методологические позиции, в том числе неоднократно менял свой взгляд на возможность существования юридических коллизий (Krayevsky, 2023; Tur & Twining, 1986:229–272). Кроме того, это важно в свете «объема» доктрины Кельзена о нормоконфликтах, обсуждаемых им в рамках целого ряда аспектов «чистого учения о праве».

В этом плане критика Харта, во-первых, адресована лишь взглядам Кельзена «классического» периода: она опирается на его «Общую теорию права и государства» (Kelsen, 1949) и на более позднее «Чистое учение о праве» (Kelsen, 1967; Kelsen, 1962), не учитывая последующие позиции (Kelsen, 1991). Во-вторых, Харт сосредотачивается на доктрине Кельзена о единстве системы международного и национального права, соотношении систем права и морали, и лишь отчасти касается трактовки им методологии бесконфликтной презентации права, а также иерархических коллизий, коллизий индивидуальных норм, способов их разрешения и т.п. (Kelsen, 1949:153–161; Kelsen, 1967:267–276)

Учение о единстве системы (международного и национального) права

От вводных замечаний следует перейти к самой реконструкции критики Хартом рассматриваемой концепции Кельзена.

Итак, обращаясь здесь сначала к анализу доктрины Кельзена о единстве права, британский правовед различает ее сильную и слабую версии. По Харту, ее сильный вариант состоит, с одной стороны, в утверждении, согласно которому все действующие правовые нормы с необходимостью образуют единую систему (положительный тезис): «Логически невозможно предположить, что одновременно действующие нормы принадлежат различным, взаимно независимым системам» (Kelsen, 1949:363; Kelsen, 1967:328). С другой стороны, он включает утверждение, согласно которому действующие правовые нормы не могут противоречить друг другу, т.е. находиться в конфликте (отрицательный тезис): «Две нормы, которые по своему значению противоречат и, следовательно, логически исключают друг друга, не могут одновременно считаться действительными» (Kelsen, 1949:375; Kelsen, 1967:74) – «действительной можно считать либо одну, либо другую норму, и наоборот, невозможно считать действительной и одну, и другую нормы одновременно» (Kelsen, 1962:25)). Соответственно, согласно слабому варианту доктрины, хотя и не является необходимо истинным, что все действующие правовые нормы образуют единую систему и не могут противоречить друг другу, таково фактическое положение дел (Hart, 1983b:309).

Названное деление, далее, конкретизируется Хартом в отношении «монистической» доктрины Кельзена о соотношении международного и национального права, развиваемой в противовес теориям «плюрализма», полагающим последние в качестве независимых систем. Соответственно, согласно сильной версии монизма, международное право и системы национального права необходимо образуют единую систему, а между их нормами не может быть конфликтов (Kelsen, 1967:328–329; Kelsen, 1949:373). В слабой версии эти нормы фактически образуют единую систему, конфликты между ними на деле отсутствуют (Kelsen, 1967: 330–331; Kelsen, 1949:371–372; Hart, 1983b: 309–310).

В рамках данной структуры тезисов Кельзена британский мыслитель эксплицирует его аргументы, следуя от слабого к сильному варианту монизма.

Доктрина единства права: слабая версия

Предваряя здесь анализ конкретных доводов Кельзена, Харт указывает на фундирующее их «особое» – и, по его мнению, глубоко ошибочное – «толкование» оппонентом отношений международного и национального права, воплощающее то, что критик именует «одержимостью содержанием» (Hart, 1983b:312; Hart, 2013:515).

В духе методов лингво-аналитической философии, характер этой ошибки иллюстрируется Хартом на примере простой (речевой) ситуации. Предположим, рассуждает автор, возникает вопрос: написал ли он, Харт, свою работу по доктрине единства права Кельзена, исполняя чей-то приказ? Допустим, есть доказательства, что прямо перед тем, как автор сел писать такую работу, вице-канцлер Оксфорда прислал ему документ с соответствующим приказом. Согласно Харту, очевидно, что на поставленный вопрос нельзя ответить, лишь сравнивая содержание приказа с описанием последующих действий адресата – необходимо также установить факты, относящиеся к обстоятельствам издания и восприятия такого приказа (Получил ли Харт письмо вице-канцлера? Воспринял ли он его как приказ? Написал ли он работу во исполнение такого приказа? Отдавал ли кто-нибудь еще подобный приказ? Если да, чей приказ намеревался выполнить Харт?) (Hart, 1983b:312–313).

По мнению критика, те же недостатки присущи и подходу Кельзена, чрезмерно сосредоточенному на содержании законов в ущерб обстоятельствам их происхождения и официального признания. Имея дело с правовыми нормами, которые ссылаются на другие правовые нормы, мы не можем лишь из их отношений, без учета названных обстоятельств, определить, принадлежат ли эти нормы к одной или к разным системам. Чистая теория права здесь «слишком чиста»: она мыслит необходимые условия принадлежности норм к одной системе как условия достаточные, делая ложный вывод о единстве международного и национального права (Hart, 1983b:313; Hart, 2013:515).

В этом русле Харт оценивает конкретные доводы Кельзена в пользу доктрины монизма.

Первый аргумент Кельзена в пользу принадлежности юридических правил одной и той же системе состоит в наличии между ними того, что Харт именует «отношениями завершения» (Hart, 1983b:315). Так, вопреки плюралистической теории, разграничитывающей международное и национальное право по их адресатам, Кельзен указывает на особую «логическую структуру» термина «государство», искажаемую ложной референцией к надиндивидуальной сущности. В трактовке правоведа прямая адресация правил государству на деле есть прием опосредованного обращения к отдельным лицам. Описание международных правил, как «применимых к государствам», следует противопоставлять не правилам, «применимым к индивидам», а правилам, применяемым к ним непосредственно. То есть, по Кельзену, правила международного права в их обращении к государствам являются «неполными»: они лишь устанавливают должное поведение, но «делегируют» определение индивидов – его адресатов – «дополняющим» их правилам национального права, завершающим регламентацию (Kelsen, 1949:342–349; Kelsen, 1967:324–328; Hart, 1983b:314–315).

Разделяя идею о персонифицирующем и овеществляющем употреблении термина «государство» (Hart, 1983b:316; Cohen & Hart, 1955), Харт считает довод Кельзена недостаточным: пока не будет доказано, что сама идея множественности правовых систем иллюзорна, и что имеется лишь одна подобная система, очевидно, что отношения завершающего регулирования могут существовать между правилами как одной, так и разных нормативных систем, и не являются критерием их индивидуализации (Hart, 1983b:315).

Второй и, в трактовке Харта, более важный довод австрийского правоведа в пользу единства системы права – это наличие между правилами «отношений валидирующей направленности» (Hart, 1983b:318). Так, согласно Кельзену, «поскольку международный правопорядок не только нуждается в национальных правопорядках в качестве своего необходимого завершения, но и определяет во всех аспектах сферы их действия, международное и национальное право образуют одно неразрывное целое» (Kelsen, 1949:351). Более конкретно, Кельзен апеллирует здесь к международно-правовому «принципу эффективности», который «определяет действительность» или выступает «основанием действительности» отдельных национальных правовых систем, узаконивая, в качестве «государств», соответствующие принудительные нормопорядки, обладающие фактической эффективностью на тех или иных территориях. Тем самым международное право вместе с легитимируемыми им и производными от него национальными правилами образуют единую систему (Kelsen, 1949:351; Kelsen, 1967:336–340; Hart, 1983b:317–318).

Как и в случае с первым аргументом, Харт подчеркивает: для отнесения двух правил к одной системе недостаточно показать, что одно из них предусматривает, что другое правило, удовлетворяющее некоему описанию, действительно (Hart, 1983b:318–319).

Сказанное демонстрируется им на следующем примере. Предположим, рассуждает Харт, в 1970 году британский парламент принимает статут, претендующий на признание законам СССР действительности, устанавливая, что законодательные акты, действующие в тот момент на территории Советского Союза, обладают юридической силой. Принятие статута не является основанием для утверждений о том, что английское и советское право образуют единую систему или что советское право «выводит свою действительность» из английского права: суды и другие правоприменительные органы на территории СССР (кроме случаев с «иностранным элементом») не признают решений британского парламента в качестве критерия идентификации законов, подлежащих применению, и потому не рассматривают «Закон о действительности советских законов» – имеющий силу английский статут – в качестве определяющего или влияющего на действительность советского права на советской территории. Между этим статутом и законами, признаваемыми советскими судами, имеется отношение валидирующей направленности, однако, оно идет вразрез с дифференциацией норм по отдельным правопорядкам, существуя между законами как одной, так и различных систем (Hart, 1983b:319).

Как отмечает Харт, принятие статута позволяет утверждать, что для целей английского права или в соответствии с ним советские законы выводят свою действительность из английского статута, на основании чего английские суды будут применять советское право к любой ситуации, к которой его применяли бы власти СССР. Для этого «Закон о действительности советских законов» сделал бы советское право частью английского права (Hart, 1983b:320). Однако, настаивает автор, здесь нужно различать следующие пары вопросов: с одной стороны, «Образуют ли английское и советское право единую правовую систему?» и «Выводят ли советское право свою действительность из английского права?», с другой – «Рассматривает ли английское право советское право как составную часть единой с собой системы?» и «Действительно ли советское право в соответствии с английским правом?». По Харту, тогда как вторая пара вопросов касается содержания законов и должна решаться на их основе, первая – нет. Та же разница существует и для следующих пар вопросов, значимых в свете обсуждаемой позиции Кельзена: с одной стороны, «Образуют ли международное и национальное право единую систему?» и «Выводят ли национальное право свою действительность из права международного?», с другой – «Рассматривает ли международное право национальное право как составную часть единой с ним системы?» и «Действительно ли национальное право в соответствии с международным правом?». По Харту, эта разница не ухватывается чистой теорией Кельзена, поглощенной тем, что говорится в законах, а не тем, каков способ их признания. Обладая «правоведческим прикосновением Мидаса», она искажает положение дел, превращая все вопросы о законах и их отношении в вопросы об их содержании (Hart, 1983b:320–321; Hart, 2013:515–516).

Таким образом, даже допуская состоятельность иных доводов и положений дел, Харт признает обоснование Кельзеном слабой версии своей доктрины дефектным: наличие между нормами отношений завершения или валидирующей направленности не означает их принадлежности одному и тому же правопорядку и не подрывает отрицания «плурализмом» единства международного и национального права.

Доктрина единства права: сильная версия

От анализа слабой версии «монизма» Кельзена Харт переходит к его сильной форме. Согласно Кельзену необходимое единство международного и национального права образует «эпистемологический постулат» правовой теории, в рамках которого «правовед, принимающий оба множества действительных норм, должен стремиться осмысливать их как части единой гармоничной системы» (Kelsen, 1949:373). «Логически невозможно предположить, что одновременно действующие нормы принадлежат к различным независимым друг от друга системам» (Kelsen, 1949:363; Hart, 1983b:321–322).

В основе данной позиции просматриваются два главных аргумента.

Первый из них связан с идеями Кельзена о единстве всего, что является правом, о существовании формы знания или науки о праве, которая изучает международное и национальное право под единой категорией «действительных правовых норм» и тем самым представляет свой объект как единое замкнутое целое (Kelsen, 1967:327–328; Kelsen, 1962:430; Hart, 1983b:322).

Харт не дает развернутого анализа этого – ключевого для Кельзена – методологического аргумента, ограничиваясь гипотезой о фундаментальном для оппонента (и аналогичном идее единства пространства у Канта) предположении о наличии единого «нормативного пространства», подлежащего связному правоведческому описанию (Hart, 1983b: 322). В любом случае Харт считает аргумент неубедительным: «С таким же успехом из существования военной истории или науки о стратегии мы могли бы попытаться сделать вывод о том, что все войны образуют одну войну или что все армии составляют одну армию» (Hart, 1983b:322).

Второй – подчиненный – аргумент Кельзена в пользу необходимого единства права восходит к его тезису о невозможности коллизий действительных правовых норм. С его точки зрения, существование двух фактически различных систем норм, независимых друг от друга в своей действительности и относящихся (в силу однаковой сферы действия) к одному и тому же объекту, не позволяет исключить возникновения между ними неразрешимого логического противоречия: норма одной системы может предписывать поведение А для определенных условий и адресатов, для которых норма другой системы может предписывать отличное от А поведение. По Кельзену для познания норм эта ситуация невозможна (Kelsen, 1949:408; Hart, 1983b:322–323).

В оценке Харта изложенный аргумент не охватывает случай существования двух правовых систем, одновременно действующих на разных территориях, возможность конфликта между которыми исключается тем, что конституция каждой из систем устанавливает для своих норм различную «сферу действия» (Hart, 1983b:323). По мнению Кельзена подобное разграничение должно быть введено единой вышестоящей нормой, которой бы подчинялись обе системы с лимитированной сферой применения и с которой они составляли бы единую систему (Kelsen, 1949:407–408). Однако, как возражает Харт, в отсутствие здесь каких-либо обоснований неясно, почему просто не допустить независимые решения разных сообществ о принятии конституций с описанным ограничением действия собственных норм. Более того, полагает критик, признания логической невозможности конфликта действующих норм будет по-прежнему недостаточно для обоснования необходимого единства права: для полноты аргумента нужно также показать, что «неразрешимые логические противоречия», по Кельзену возникающие при наличии двух независимых систем, не могут возникнуть в рамках одной правовой системы (Hart, 1983b:323).

Учение о бесконфликтности (международного и национального) права

Признавая важность последней аргументативной линии Кельзена, Харт обращается к более детальному анализу его доктрины об отсутствии конфликтов в праве как части концепции «монализма». Как отмечалось, по Кельзену, вопреки видимости, между международным и национальным правом нет противоречий, что и выступает «отрицательным критерием» их единства – потенциальное возникновение коллизий будет означать не правоту «плуралистических» теорий о самостоятельности данных систем, но наличие выбора в пользу действительности международного либо национального права при игнорировании противоречащих предписаний конкурирующего порядка (Kelsen, 1967:328–329; Kelsen, 1949:410; Hart, 1983b:324).

Как и ранее, Харт выделяет у оппонента сильную и слабую версии доктрины об отсутствии конфликтов международного и национального права, утверждающих соответственно логическую невозможность таких конфликтов либо их фактическое отсутствие при текущем положении дел (Hart, 1983b:324).

Идея нормативного конфликта

Предваряя анализ, Харт стремится прояснить используемый Кельзеном аппарат и предлагает, в свете деонтической логики и логики императивов, определять конфликт между двумя правилами, требующими или запрещающими некоторые действия, с точки зрения логической возможности их совместного соблюдения. В изложении автора два таких правила вступают в конфликт тогда и только тогда, когда соблюдение их обоих логически невозможно. Наиболее грубым примером здесь выступает следование правилам, обязывающим и запрещающим одно и то же действие со стороны одного и того же лица в одно и то же время (притом что, по Харту, конфликт двух правил в основном возникает не потому, что правила, в силу установления ими явного запрета и требования для одного и того же действия, таковы, что их совместное соблюдение вообще невозможно, но потому, что какой-либо случайный факт исключает соблюдение их обоих лишь в какой-то конкретной ситуации). Таким образом, продолжает автор, для любого правила, требующего или запрещающего некое действие (например, как у Кельзена, требующего или запрещающего убийство человека), можно составить «утверждение о соблюдении», которое бы констатировало (не) выполнение соответствующего действия («Убийство совершено» или «Убийство не совершено»). Два таких правила – при совпадении оговариваемых действий, их адресатов, времени совершения – вступают в конфликт, если их соответствующие утверждения логически несовместимы, т.е. не могут оба быть истинными (Hart, 1983b:324–325).

Харт замечает: это определение нормоконфликта оставляет открытым вопрос о логической возможности сосуществования двух действительных конфликтующих правил одной или разных систем. Более того, такую возможность не исключает ни признание большинством людей потенциальной конфликтности законов разных правопорядков, ни печальные практические эффекты отсутствия способов ее разрешения (Hart, 1983b:325–326).

Сказанное иллюстрируется автором ситуацией рассогласованности приказов («Убить» и «Не убивать»), отдаенных одним человеком другому. К примеру, даже при невозможности совместного исполнения таких приказов логически вполне допустимо, что они отданы одному и тому же адресату разными лицами. Вообразим и

поток приказов, исходящий от одного лица за короткое время. В этих обстоятельствах, по Харту, если это нельзя объяснить провалом в памяти, мы, вероятно, стали бы думать, что отдающий приказы не понимает, что говорит (возможно, он – сумасшедший, с раздвоенным рассудком или без связной воли, и нуждается в клиническом уходе), либо вообще отказались бы классифицировать его слова как приказы (Hart, 1983b:326).

Данное понимание нормоконфликта адаптируется автором к доктрине Кельзена. Учитывая то, что для австрийского правоведа правила могут либо прямо разрешать некое действие, либо, не запрещая их, молчаливо / «негативно» разрешать (Kelsen, 1967:16), для охвата различных нормативных ситуаций вместо термина «соблюдение» (не включающего действий на основе разрешений) Харт вводит термин «соответствие». Отсюда, согласно новой формуле, если одно правило запрещает, а другое – разрешает одно и то же действие одним и тем же лицом в одно и то же время, правила вступают в конфликт: совместное соответствие им логически невозможно (Hart, 1983b:326–327).

Доктрина бесконфликтности права: сильная версия

Предлагая такую конструкцию, Харт осознает, что, имея опору в текстах австрийского правоведа, она не отражает трактовку им связи конфликта норм и логической несовместимости: для Кельзена – для сильной версии его монизма – само утверждение о том, что две действующие нормы конфликтуют, образует или влечет за собой противоречие (Kelsen, 1949:409; Kelsen, 1967:18, 205–208, 329; Hart, 1983b:327).

В основе подхода Кельзена лежит разграничение между законами, принятymi или применяемыми официальными инстанциями, и классом утверждений, описывающими их содержание, способных, в отличие от самих законов, быть истинными или ложными. Последние суть «юридические правила в описательном смысле» (в терминах Харта «описательные утверждения о должном»), которые имеют следующую общую форму: «В соответствии с определенным позитивным правопорядком должно иметь место определенное последствие» или «В соответствии с определенной правовой нормой нечто должно или не должно быть сделано» (Kelsen, 1967:73, 78; Kelsen, 1962:99). Так, если существует правопорядок, например, английская правовая система, и среди его надлежащим образом принятых законов есть закон, который под угрозой наказания требует от мужчин по достижении двадцати одного года явиться на военную службу, данные факты образуют часть оснований истинности утверждения «Согласно английскому праву следующие лица... должны явиться на военную службу...», т.е. если есть такой закон, описательное утверждение о должном истинно, если нет – ложно (Hart, 1983b:327–328).

Далее, поскольку, согласно Кельзену, правовые нормы не могут быть истинными или ложными, принципы логики применимы к ним лишь опосредованно, в той мере, в какой они применимы к утверждениям, которые описывают данные нормы и способны быть истинными или ложными. Отсюда «две правовые нормы противоречат друг другу и, следовательно, не могут быть одновременно действительными, если противоречат друг другу два описывающих их юридических правила» (Kelsen, 1967:74). Более конкретно, по Кельзену, утверждения, которые описывают две правовые нормы, требующие «противоположного» поведения, будут иметь форму «Должно быть А» и «Не должно быть А». Утверждения этой формы, относящиеся к

действиям, подлежащим выполнению одними и теми же субъектами в одно и то же время, «противоречат друг другу», а совместное производство таких утверждений бессмысленно («Сказать, что должно быть А и одновременно не должно быть А, так же бессмысленно, как сказать, что А есть и одновременно что его нет»). Отсюда логически невозможно, чтобы две описываемые нормы были действительными – действительной может считаться лишь одна из них (Kelsen, 1967:206).

Таким образом, что подчеркивается Хартом, в текстах Кельзена конфликт между законами предстает как форма логической несовместимости, при которой не просто совместное соответствие действующим конфликтующим правилам, но само существование последних логически невозможно (Hart, 1983b:329–330).

При этом в трактовке Харта для верного понимания подхода Кельзена нужно учитывать три момента. Во-первых, термин «должное» употребляется им в широком смысле как «деонтическая переменная», охватывающая предписания (приказы), разрешения и управомочивания, в связи с чем соответствующие описательные утверждения могут касаться как законов, запрещающих или требующих некие действия, так и законов, которые их разрешают. Во-вторых, подобные утверждения, истинные или ложные, могут быть адресованы неюридическим, например, моральным нормам. В-третьих, начальные слова описательных утверждений о должном («Согласно определенному позитивному правопорядку...») указывают на сущностную относительность, а не абсолютность их истинности, привязанной к конкретной системе права, а равно характерной для речи юристов, формулирующих правовые позиции по юридическим вопросам: для Кельзена мир «должного», как референт рассматриваемых утверждений, не является трансцендентной сферой, ожидающей своего познания / открытия людьми, но образуется созданными ими нормами (Hart, 1983b:328–329; Kelsen, 1967:5, 18; Kelsen, 1962:99).

Изложенная в таком виде сильная версия доктрины Кельзена вызывает у Харта ряд «трудностей» и возражений.

Во-первых, Харт критически упоминает неясность термина «действительный», порой употребляемого Кельзеном так, будто «действительная» норма означает окончательный, единственно верный образец поведения, исключая тем самым действительность несоответствующих ей стандартов (Hart, 1983b:330; Kelsen, 1949:410).

Во-вторых, Харт также отмечает, что если утверждения «Должно быть А» и «Не должно быть А» логически несовместимы, то, вопреки Кельзену, они являются не противоречащими, а противоположными друг другу. Противоречием «Не должно быть сделано А» является «Неверно, что не должно быть сделано А», а два утверждения подобной формы описывали бы не два правила, требующие и запрещающие одно и то же действие, но два правила, одно из которых это действие запрещает, а другое – разрешает. Более того, согласно критику, хотя при некоторых интерпретациях утверждения «Должно быть сделано А» и «Не должно быть сделано А» и могут быть логически несовместимыми, последнее не является самоочевидной логической истиной: логическому исчислению, стремящемуся постичь логические свойства реальных кодексов человеческого поведения, не следует априори исключать возможность таких конфликтов, что и подтверждают современные системы деонтической логики (Hart, 1983b:330–331).

Наконец, в-третьих, по Харту, для оценки тезиса о невозможности конфликта международного и национального права не нужно настаивать, что конфликт даже между законами одной нормативной системы логически невозможен – отрицание

Кельзеном противоречий международного и национального права не зависит от тезиса о единстве их системы (Kelsen, 1949:324) и целиком основано на трактовке им логических отношений между утверждениями о должном, которые описывают конфликтующие нормы. В свою очередь, данная трактовка не учитывает, что такие утверждения истинны лишь для описываемых ими нормативных систем. Отсюда, заключает Харт, даже если гипотетически признать, что «Должно быть сделано А» и «Не должно быть сделано А» логически несовместимы или что не могут конфликтовать законы одной системы, из этого не следует, что утверждения формы «Согласно международному праву должно быть сделано А» и «Согласно английскому праву не должно быть сделано А» логически несовместимы и не могут оба быть истинными. А это означает: в отсутствие веских аргументов в пользу единства системы международного и национального права тезис о невозможности конфликта их правил не обоснован (Hart, 1983b:331–332).

Доктрина бесконфликтности права: слабая версия

От сильной версии учения о бесконфликтности международного и национального права Харт переходит к его более слабому аналогу, утверждающему фактическое отсутствие подобных конфликтов.

Аргумент Кельзена здесь следующий. Согласно «плуралистической» теории конфликт международного и национального права возникает, если государство принимает закон, несовместимый с положением действительного по международному праву договора, участником которого оно является. Допустим, договор между государствами А и В предусматривает, что меньшинство в государстве В должно иметь те же политические права, что и большая часть его населения. При этом, если в государстве В принимают закон, лишающий меньшинство таких прав, статут, действительный по законодательству государства В, и договор, действительный по международному праву, вступают в конфликт: их совместное соблюдение невозможно, поскольку это означало бы одновременно разрешение и запрет меньшинству осуществлять определенные права. По мнению Кельзена, такой взгляд неверно толкует правила международного права об обязательности договоров для государств. Принятие государством статута, несовместимого с условиями действующего договора, стороной которого оно является, квалифицируется как международно-правовой деликт, обусловливая санкции, однако сам такой статут не признается недействительным и не противоречит правилам о международно-правовых договорах. То есть правило международного права стремится прямо определять не содержание государственных статутов, а лишь законность их принятия. Отсюда конфликт между так понимаемым правилом международного права и статутом, принятие которого нарушает данное правило, отсутствует (Kelsen, 1967:330–331, 274; Hart, 1983b:332–333).

Аргумент не видится Харту убедительным. По его мнению, предложенное Кельзеном толкование не устраняет конфликт международного и национального права, но лишь перемещает его в иную точку, представляя не в качестве столкновения правил, требующих и запрещающих одно и то же действие, а в качестве столкновения правил, запрещающих и разрешающих последнее. Именно такой конфликт и возникает, когда государство принимает статут в нарушение своих договорных обязательств, если его принятие является деликтом по международному праву и не является таковым по праву национальному: одновременное соответствие запрету и разрешению логически невозможно (Hart, 1983b:333–334).

Учение об автономии правового и морального нормопорядков

Важным дополнением к доктрине Кельзена о единстве права выступает его учение о соотношении права и морали, полагающее их автономными нормативными системами, конфликт между которыми невозможен.

Кельзен строит свою позицию следующим образом. В ситуации, когда право провозглашает обязанность воинской службы, включая обязанность убивать на войне, а мораль устанавливает абсолютный запрет на убийство, для правоведа такой запрет не будет иметь значения: с точки зрения позитивного права мораль не существует или не расценивается в качестве действующего нормативного порядка, отсюда есть лишь юридическая обязанность нести военную службу, а не ее противоположность. Также для моралиста, опирающегося на нормы морали, юридическая обязанность нести воинскую службу и убивать на войне не будет иметь значения: право не представляется здесь системой действующих норм, и есть лишь моральная обязанность отказа от военной службы, а не ее противоположность. В итоге ни правовед, ни моралист не утверждают действительность обоих нормопорядков – первый игнорирует мораль как систему действующих норм, второй делает то же в отношении позитивного права: «Ни с одной, ни с другой точки зрения не существует одновременно двух обязанностей, которые противоречат друг другу. И третья точка зрения здесь отсутствует» (Kelsen, 1949:374 ff.; Kelsen, 1967:329).

Кроме того, Кельзен отвергает и контрагумент коллизии обязанностей. По его мнению, термины «норма» и «обязанность» могут выражать как (первичный) деонтический, так и (вторичный) фактуальный смысл – употребляться в утверждениях о должном и о сущем. Во втором случае, по Кельзену, речь идет об описании психологического факта: наличия у индивида представления о норме или убежденности в имеющейся у него обязанности, которые склоняют его к определенному поведению. И здесь возможно, что у одного и того же лица в одно и то же время есть представление о двух нормах или убежденность в наличии двух обязанностей, которые противоречат и, тем самым, логически исключают друг друга. Однако, отмечает Кельзен, утверждение, описывающее такой психологический факт, не более противоречиво, чем утверждение о действии в одной точке двух противоположных сил, тогда как логическое противоречие есть отношение между значениями утверждений, а не между фактами. Расходящая идея конфликта норм или обязанностей означает именно психологический факт нахождения индивида под влиянием двух представлений, мотивирующих к противоположным действиям, и не образует одновременной действительности двух противоречащих норм (Kelsen, 1949:375–376; Hart, 1983a:303–304).

Как и ранее, Харт оспаривает оба базовых тезиса Кельзена: с одной стороны, отрицание возможности типа отношений между правом и моралью, при котором действительное юридическое и действительное моральное правило находятся в конфликте, с другой – положительную интерпретацию коллизии обязанностей, примиряющую ее с тезисом отрицания (Hart, 1983a:304).

Доктрина соотношения права и морали: положительный тезис

Итак, начиная с анализа второго (положительного) тезиса Харт настаивает на ошибочности объяснения Кельзеном конфликта обязанностей как простой констатации психологического факта – нахождения лица «под влиянием двух представлений, побуждающих действовать в противоположных направлениях».

Прежде всего Харт подчеркивает значимость и ненаивность конфликта обязанностей, представленного в мысли и языке как «важный момент жизни», а также акцентирует схожий и неназванный оппонентом случай моральной критики права (случай существенный, учитывая заявление Кельзена об игнорировании правоведом морали как системы действующих норм, исключающем такую критику, и традиционное вменение подобного «греха» юспозитивизму). По Харту, если при конфликте обязанностей индивид признает, что действующие в его стране юридические и моральные правила требуют от него противоположного поведения, в случае моральной критики права эта коллизия в отношении самого «критика» отсутствует (руководствуясь моралью, англичанин может осуждать законы Англии, США или Древнего Рима, обязывающие убивать на войне, однако для него самого нет конфликта обязанностей, если, конечно, при этом он не должен нести военную службу и не имеет на этот счет моральных возражений) (Hart, 1983a:302–304; ср.: Hart, 1994:200 ff.).

Ошибочность подхода Кельзена Харт, как и ранее, иллюстрирует через анализ (речевых) ситуаций. Так, рассуждает критик, если человек заявляет о наличии у него конфликта правовых и моральных обязанностей, а в ответ на просьбы объяснить, в чем таковой состоит, он говорит о том, что «чувствует побуждения к действиям в противоположных направлениях», мы явно не будем считать данный ответ приемлемым. Вывод о подобном конфликте предполагает как ситуацию, когда действующие нормы права и морали фактически предъявляют к субъекту несовместимые требования, так и убежденность человека в том, что эта ситуация имеет место и совместное следование правилам для него невозможно. При этом, если человек неверно оценивает адресованные ему требования, например, не знает об отмене правовой нормы, мы могли бы указать ему на ошибку, заявив, что, несмотря на его убежденность, конфликт обязанностей на деле отсутствует (Hart, 1983a:304–305).

Согласно Харту данный пример показывает, что столкновение требований действующего закона и морального стандарта – важный элемент конфликта обязанностей. Отсюда, вопреки Кельзену, констатация такого конфликта предполагает обращение к значению правил именно как «утверждений о должном»: вывод о наличии у человека конфликта обязанностей выдвигается «с точки зрения нормативности» и не является утверждением о психологическом факте (в отличие от иных характерных высказываний «Он чувствует склонность к совершению противоположных действий» или «Он воображает, что у него – конфликт обязанностей»). Последнее, по Харту, еще очевидней в случае моральной критики права. Моральный критик, осуждающий противоречащие морали требования правопорядка, не привержен какому-либо утверждению о психологическом факте об индивидах, находящихся под влиянием противоположных мотивов – он лишь рассматривает значение «утверждений о должном», трактуя их в качестве норм, и обнаруживает, что они противостоят друг другу (Hart, 1983a:305).

Доктрина соотношения права и морали: отрицательный тезис

Переходя к тезису о невозможности сосуществования противоречащих друг другу действительных норм, Харт фокусируется на двух главных аргументах Кельзена в его поддержку.

Первый из них касается специфики «перспектив» правоведа и моралиста, которые в своей деятельности игнорируют соответственно мораль и право в качестве систем действующих норм, не сталкиваясь с конфликтом обязанностей и не делая подобных утверждений (Kelsen, 1949:374).

Харт признает ограниченность подходов правоведа и моралиста их задачами (ср.: Hart, 1994:239 ff.). Однако, по его мнению, это никак не показывает, что утверждения о конфликте права и морали не могут быть осмысленными и истинными или что здесь отсутствует «третья» точка зрения: ни один человек не является лишь правоведом или моралистом, и, как минимум, есть те, кто одновременно рассуждает о правовых и моральных нормах как о должном, рассматривает их деонтическое значение и может обнаружить их конфликт (Hart, 1983a:305–306).

Второй аргумент Кельзена отстаивает логическую невозможность самого утверждения о конфликте действующих правил морали и права. Как и при обосновании единства права, это утверждение для Кельзена равнозначно одновременной деонтической констатации действия «Должно быть А» и «Не должно быть А», что, по его мнению, внутренне противоречиво и логически невозможно (Kelsen, 1949:374; Hart, 1983a:306).

Как и ранее Харт формулирует здесь ряд схожих возражений.

Во-первых, в интерпретации критика, аргумент Кельзена подразумевает, что утверждение, согласно которому юридическое правило является действительным, просто означает, что упомянутые в нем действия подлежат выполнению («Должно быть А»). Вместе с тем, по мысли Харта, акцентирующего нюансы речи, такая трактовка смешивает высказывание о норме с ее провозглашением законодателем либо с ее «представлением» (констатацией значения) правоведом: теория о том, что норма в изложении законодателя и правоведа есть утверждение о должном, приемлема, однако, само утверждение о том, что норма действительна, не является ее простым повторением, но подчеркивает ее принадлежность правопорядку, членство в нем (Hart, 1983a:306–307; ср.: Hart, 1994:100–107).

Во-вторых, продолжает Г. Харт, даже в предлагаемой Кельзеном трактовке действительности, утверждение, согласно которому действующее юридическое правило находится в конфликте с действующим моральным правилом, равнозначно не объединенному и противоречивому утверждению «Должно быть А» и «Не должно быть А», а именно утверждению о том, что «Должно быть А» и «Не должно быть А» состоят в конфликте. Последнее, по Харту, не является ни противоречивым, ни логически невозможным (Hart, 1983a:307).

В-третьих, рассуждает критик, даже если согласиться с Кельзеном в том, что утверждение о конфликте норм права и морали равнозначно утверждению «Должно быть А и не должно быть А», из этого также не следует его логическая невозможность или противоречивость. Допустим, на замечание о том, что утверждения «Должно быть А» и «Не должно быть А» являются противоположными, можно возразить, что совместное утверждение противоположностей логически невозможно. Однако деонтические высказывания доступны множеству интерпретаций, позволяющих рассматривать утверждения о конфликте права и морали как логически допустимые. Согласно одной из них, указание на «должное» поведение будет означать наличие для него веских оснований: утверждение «С юридической точки зрения должно быть сделано А, но с моральной точки зрения не должно быть сделано А» будет равносильно утверждению «Для совершения А есть веские юридические основания, а для несовершения А есть веские моральные основания». Последнее описывает нормоконфликт, не будучи при этом невозможным или логически противоречивым (Hart, 1983a: 307–308).

Заключение

Сопоставление позиций двух знаковых позитивистов XX в. через призму изложенной критики, несомненно, ведет к более объемному взгляду как на их теории, так и на саму идею и возможность существования нормоконфликтов в правопорядке, их связь с избранной перспективой / языком концептуализации.

В теоретическом плане, сравнивая позиции, можно сказать, что Харт, *prima facie*, более убедителен – позитивно и критически. Однако более важной здесь видится экспликация особенностей методологических подходов Харта и Кельзена к осмыслиению нормоконфликтов, их применимости в различных практических контекстах.

Теория Кельзена является нетривиальной по строю и аргументам, а равно непростой для понимания методологически и в свете расхожего дискурса. Как отмечалось, нормативная юриспруденция для Кельзена выступает особым идеальным языком познания / конструирования, который (в духе установок европейской доктрины с ее «юриспруденцией понятий» и доктриной «разумного законодателя») только и позволяет говорить о праве как о целостности, представляя его в качестве единой, непротиворечивой, замкнутой системы. Отсюда на конструируемое «чистым учением» право переносятся его допущения и постулаты, истинность правоведческих утверждений мыслится как соответствие последним, а элементы, чуждые нормативной автономии, выносятся за рамки дискурса. Юриспруденция, тем самым, функционирует как интерпретационная матрица, в свете которой перетолковываются официальные решения и реальные практики, а сама эта перспектива – точка зрения правоведа – полагается абсолютной, единственно возможной и верной.

Судя по очеркам Харта, такой подход не осознается им в полной мере (фигурируя скорее в форме «ошибок» или «особенностей толкования»). Для Харта «чистое учение», даже как «особый вид дискурса», выступает скорее вариантом близкого ему общего и морально-нейтрального описания позитивного права, в связи с чем базовая для Кельзена методологическая аргументация единства, непротиворечивости и автономии права не получает у критика должного внимания.

В отличие от Кельзена Харт не абсолютизирует позицию правоведа и не увязывает ее с идеальным языком конструирования. Он исходит из множества точек зрения, разграничивает «внутреннюю» и «внешнюю» позиции в отношении системы права, центрируя точку зрения (принимающих ее правила) «участников» практики, в особенности, судей и должностных лиц, конвенциональное согласие которых образует верховное «правило признания». Автор привержен «герменевтической установке», согласно которой теория, учитывающая взгляд самих участников социальной практики, при прочих равных, более предпочтительна перед иными формами теоретизирования. При этом позиция правоведа, даже отталкиваясь от – манифестируемой в языке – практической точки зрения, является в ее отношении «внешней» или «обосновленной»: она не тождественна нормативной перспективе правовой системы и не связана последней.

Данный подход обуславливает специфику критической аргументации британского правоведа и просматриваемой у него теории нормоконфликтов.

Методологически критику Хартом Кельзена можно суммировать так. Учение Кельзена о единстве, непротиворечивости и автономии права «не соответствует фактам» – «строю мысли» участников практики, который открывается при анализе

реальных речевых ситуаций и указывает на значимые связи и разграничения в социальной организации права. Анализ языка – выстроенного по речевым обыкновениям конкретного сообщества – показывает узость традиционных логических средств в обосновании «бессмыслинности» утверждений о нормоконфликтах. Это, с одной стороны, ведет к реформе деонтических логик под задачи описания реальных кодексов поведения, отказу от исключения возможности «противоречивых» суждений *a priori*, с другой – ставит решение обсуждаемых Кельзеном вопросов в зависимость от значения логических переменных, придаваемого им на практике. Дискурс располагает к иным теоретическим выводам: показывает состоятельность идеи нормоконфликта, широкое признание конфликтов внутри права и в его отношениях с моралью, ошибочность их сведения к психическим переживаниям – к борьбе мотивов; подчеркивает ложность сведения критериев единства правовых систем к содержательным отношениям между нормами, важность фактического признания этих критериев в системе; выявляет связь «действительности» нормы не только с идеей должного поведения, статусом непререкаемого стандарта или части единого деонтического мира, сколько с ее принадлежностью некоему правопорядку, адекватностью его критериям. Все это подрывает конструкции Кельзена, склоняя к их пересмотру.

Что касается авторской теории нормоконфликтов, ее можно эксплицировать следующим образом. По мысли Харта, системность права подразумевает не столько его закрытость, полноту и непротиворечивость, сколько функциональный уровень институциональной автономии и регулятивной определенности, динамики и эффективности. В его основе лежит факт приверженности сообщества, его должностных лиц, критериям идентификации и валидизации правовых норм, образующим содержание правила признания – последнее обеспечивает приемлемую, а не абсолютную четкость регулирования. Это означает потенциальное – но ограниченное – существование в праве нормоконфликтов как ситуаций невозможности совместного следования двум и более юридическим стандартам. Поскольку зачастую они связаны не с ясным абстрактным / логическим противоречием правил, а с невозможностью одновременной реализации последних в конкретных, спорных обстоятельствах, появление нормоконфликтов в системе неизбежно и в пределе неустранимо через более детальное регулирование. Причинами этого выступают сложность и изменчивость мира и обусловленные этим границы человеческого предвидения; присущая языку социо-конвенциональная, нормативная связь терминов и ситуаций, порождающая «открытую текстуру» – смутность языковых правил в нетипичных случаях; потребность в разумном регулировании, требующем, в противовес заведомой жесткой фиксации значения терминов/правил, возможности их рационального доопределения в новых обстоятельствах. Нормоконфликты могут устраниться через ранжирование источников права в правиле признания, апелляцию к канонам толкования, правовым принципам или аналогиям, однако в пределе всегда возможна точка, когда стандарты системы не будут давать однозначного приоритета и для решения понадобиться (разумный и ответственный) выбор, усмотрение.

На фоне большей убедительности доводов Харта в теоретическом плане, сравнение позиций двух правоведов в практико-доктринальном ключе склоняет скорее к иным выводам.

Если верно то, что социальная реальность – конструкт и что право, ее целостность, – результат интерпретации, вопрос о том, имеет ли место конфликт / коллизия в конкретном случае и, более того, мыслимы ли вообще нормоконфликты в правовой

системе, зависит от принятой в сообществе «интерпретативной установки» и языка рассуждений. И здесь «герменевтические» ориентиры в построении теорий могут выступить критериями оценки применимости последних в различных практико-юридических контекстах (в том числе в отечественной среде). Учитывая многообразие доктринального дизайна правовых систем, герменевтическая установка, ставя концептуальные решения в зависимость от позиции «участников», допускает – в качестве контекстуально возможного, но не универсального – как доктринальный вариант учения Харта, так и, что важно, учение Кельзена о единстве, непротиворечивости и автономии права, воплощение которого в системе потребует особых интеллектуальных средств (коллизионных принципов, нормативных фикций, правил замыкания и пр.), особого аппарата интерпретации и аргументации.

References / Список литературы

- Antonov, M.V. (2014) The systemacity of Law and “System” Notions in Legal Science. *Jurisprudence*. (1(312)), 24–42. (In Russian).
 Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 24–42.
- Barber, N.W. (2010) *The Constitutional State*. Oxford, Oxford University Press.
- Bulygin, E. (2015) *Essays in Legal Philosophy*. Oxford, Oxford University Press.
- Culver, K.C. & Giudice, M. (2010) *Legality’s Borders. An Essay in General Jurisprudence*. New York, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195370751.001.0001>
- Cohen, J. & Hart, H.L. (1955). Symposium: Theory and definition in jurisprudence. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 29, 213–264.
- Hart, H.L.A. (1983a) Kelsen Visited. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, Clarendon Press, 286–308.
- Hart, H.L.A. (1983b) Kelsen’s Doctrine of the Unity of Law. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, Clarendon Press, 309–342.
- Hart, H.L.A. (1994) *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press.
- Hart, H.L.A. (2013) Answers to Eight Questions. In: D’Almeida, L.D., Edwards, J. & Dolcetti, A. (eds.) *Reading H.L.A Hart’s “The Concept of Law”*. Oxford, Hart Publ., 497–529.
- Kammerhofer, J. (2011) *Uncertainty in International Law. A Kelsenian Perspective*. London, Routledge.
- Kelsen, H. (1949) *General Theory of Law and State*. Cambridge, Harvard University Press.
- Kelsen, H. (1962) *The pure Theory of Law*. [Théorie pure du droit] 2nd ed. Paris, Dalloz. (In French).
- Kelsen, H. (1967) *The Pure Theory of Law*. 2nd ed. Berkley, University of California Press.
- Kelsen, H. (1991) *General Theory of Norms*. Oxford, Clarendon Press.
- Krayevsky, A.A. (2023) Legal Normativism. In: Timoshina, E.V. (ed.) *Three Realms of Law: Validity, Efficacy, Legitimacy*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 454–555. (In Russian).
 Краевский А.А. Правовой нормативизм // Три царства права: действительность, действенность, легитимность: монография / под ред. Е.В. Тимошиной. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет; Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. 644 с.
- Kramer, M. (2018) *H.L.A Hart: The Nature of Law*. Medford, Polity.
- MacCormick, N. (2008) *H.L.A. Hart*. 2nd ed. Stanford, Stanford University Press.
- Nino, C.S. (2003) *Introduction to the Analysis of Law*. [Introducción al análisis del derecho] 2nd ed. Buenos Aires, Astrela. (In Spanish).
- Petrov, A.A. & Tikhonravov, E.Yu. (2017) *Gaps and Conflicts in Law*. Moscow, Prospect Publ. (In Russian).

- Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве: учебное и научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2017. 80 с.
- Raz, J. (2009) *The Authority of Law*. 2nd ed. New York, Oxford University Press.
- Telman, D. (ed.) (2016) *Hans Kelsen in America – Selective Affinities and the Mysteries of Academic Influence*. Springer, Dordrecht.
- Tur, R. & Twining, W. (eds.) (1986) *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press.
- Vlasenko, N.A. (2024) *Collision Norms in Soviet law*. Moscow, Norma Publ. (In Russian).
- Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве: монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. 100 с.

Сведения об авторе:

Касаткин Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет; Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

ORCID: 0000-0001-5541-9181, SPIN-код: 6195-5396

e-mail: kasatka_s@bk.ru

About the author:

Sergei N. Kasatkin – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of Evidence-based Social Policy, Associate Professor at the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Samara State University of Economics; 141 Soviet Army str., Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5541-9181, SPIN-code: 6195-5396

e-mail: kasatka_s@bk.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-365-381>

EDN: XTQPKU

Научная статья / Research Article

Налоговые рулинги в системе налогового администрирования: опыт зарубежных стран

М.Д. Надточий   <img alt="OR

Поступила в редакцию: 24 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Надточий М.Д., Макарчук З.В., Зеленцов А.Б. Налоговые рулинги в системе налогового администрирования: опыт зарубежных стран // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 365–381. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-365-381>

Advance Tax Rulings in the System of Tax Administration: International practices

Mikhail D. Nadtochiy , **Zlata V. Makarchuk** , **Alexander B. Zelentsov**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 mnadtochiy@gmail.com

Abstract. The research aims to assess the role of tax rulings in ensuring legal certainty, protecting taxpayers' rights, and reducing tax dispute risks, while balancing private and public interests. The paper analyzes the conceptual and practical aspects of advance tax rulings, including definitions, legal nature, types, objectives, and functions. Using comparative law, it investigates tax ruling practices in various jurisdictions, highlighting potential shortcomings and limitations. It compares rulings with the Russian practice of written tax law explanations from the Ministry of Finance and reasoned opinions from tax authorities, identifying the specifics of tax rulings as a tax and legal regulation instrument within tax administration. The research identifies the key characteristics of advance tax rulings, determines their legal nature, and analyzes the main types and functional purposes. It classifies tax rulings as private, public, and hybrid. The study reveals conceptual differences between tax rulings and reasoned opinions and written explanations of tax legislation in Russian tax law. Finally, it formulates proposals for modernizing Russian tax legislation, incorporating best international practices for advance tax ruling regulation.

Key words: advance tax rulings, public rulings, private rulings, legal certainty, tax administration

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Nadtochiy M.D. – conceptualization of the idea, data collection, preparation and writing of the manuscript; Makarchuk Z.V. – analysis, systematization and scientific development of the collected materials, scientific supervision of the research planning and implementation process; Zelentsov A.B. – review and editing of the manuscript. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 24th April 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Nadtochiy, M.D., Makarchuk, Z.V., Zelentsov, A.B. (2025) Advance Tax Rulings in the System of Tax Administration: International practices. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 365–381. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-365-381>

Введение

Традиционные модели налогового комплаенса, основанные на теории ожидаемой полезности (Allingham & Sandmo, 1972), в последние годы подвергаются все большему критическому анализу. Растущий объем эмпирических данных свидетельствует о том, что такие факторы, как неопределенность налогового законодательства и восприятие справедливости, могут оказывать значительное влияние на поведение налогоплательщиков, помимо и даже вопреки чисто экономическим стимулам (Kirchler, 2007). Эти

выводы побудили исследователей и политиков переосмыслить природу налоговых обязательств и роль налоговых органов в содействии соблюдению требований.

Центральное место в этом переосмыслении занимает концепция «горизонтальных» отношений между налогоплательщиками и налоговыми администрациями. В отличие от традиционной «вертикальной» парадигмы, характеризующейся иерархией и принуждением, горизонтальный подход подчеркивает совместную ответственность и взаимную выгоду. Это проявляется в таких инновациях, как программы налогового мониторинга, в рамках которых налогоплательщики добровольно представляют налоговым органам доступ к своим данным в режиме реального времени в обмен на повышенную определенность и снижение административного бремени.

Налоговые рулинги, которые являются центральным объектом настоящего исследования, можно рассматривать как еще один пример этого сдвига в сторону более горизонтальных отношений. Предоставляя налогоплательщикам возможность заранее получить официальное руководство по толкованию и применению налогового законодательства, рулинги служат механизмом снижения неопределенности и содействия добровольному соблюдению требований (Romano, 2002). В отличие от постфактумных аудитов или штрафов рулинги представляют собой проактивный подход, основанный на диалоге и взаимном обмене информацией.

Однако, несмотря на эту многообещающую концептуальную основу, эмпирические данные о влиянии рулингов на поведение налогоплательщиков остаются неоднозначными. С одной стороны, исследования показывают, что возможность получения четкого руководства может повысить воспринимаемую справедливость и легитимность налоговой системы, что, в свою очередь, коррелирует с повышением уровня соблюдения требований (Kirchler, 2007). Более того, сам процесс взаимодействия с налоговыми органами для получения рулинга может способствовать развитию более позитивных и основанных на сотрудничестве отношений.

С другой стороны, эффективность рулингов может быть подорвана проблемами доступности, последовательности и справедливости. Если процесс получения рулингов является слишком обременительным или дорогостоящим, он может непреднамеренно отпугнуть налогоплательщиков, особенно малые предприятия или физические лица. Аналогичным образом, если рулинги воспринимаются как непоследовательные или предвзятые, они могут фактически усилить ощущение несправедливости и подорвать доверие к налоговой системе.

Учитывая эти соображения, настоящее исследование стремится внести вклад в понимание роли налоговых рулингов в современном налоговом администрировании. В последующих разделах будут углубленно рассмотрены концептуальные и практические аспекты рулингов, начиная с определения самого термина. Будет проанализирована правовая природа рулингов, их место в более широкой системе налогового права и администрирования, а также различные типы или категории существующих рулингов.

Кроме того, будут исследованы заявленные цели и функции рулингов, как с точки зрения налоговых органов, так и налогоплательщиков. Это включает анализ того, как рулинги могут способствовать повышению определенности, снижению затрат на соблюдение требований, предотвращению споров и поощрению добровольного соблюдения требований. В то же время будут критически рассмотрены потенциальные недостатки или ограничения рулингов, такие как риск неправильного использования, не-последовательного применения или чрезмерной зависимости.

Понятие и правовая природа налогового рулинга в зарубежных странах

Развитие института налоговых рулингов в зарубежных странах прошло несколько этапов, на каждом из которых несколько по-разному определялись его цели и роль.

Изначально с появлением первых частных разъяснений по вопросам налогообложения в первой половине XX в., они рассматривались прежде всего как помочь в расчетах по сложным нестандартным операциям. Их цель заключалась в информировании и консультировании по техническим вопросам исчисления налогов. Во второй половине XX в. на первый план вышла цель защиты прав и законных интересов налогоплательщиков путем предоставления им официальных руководств по толкованию и применению налогового законодательства для минимизации рисков ошибки, а также предоставления гарантий в отношении последующих налоговых последствий проводимых операций.

Современный этап развития института рулингов, особенно в условиях цифровизации, характеризуется комплексным подходом к определению их целей и роли. Акцент делается на такие аспекты, как содействие налогоплательщикам в правильном исполнении их налоговых обязанностей, обеспечение стабильности налоговой системы, единство применения, защита прав налогоплательщиков и повышение открытости действий налоговых органов. Таким образом, подходы к пониманию данного института претерпевали постоянную эволюцию.

Термин «рулинг» (“ruling”) в значении «заблаговременное решение» (“advance ruling”) получил широкое распространение в международной практике и научной литературе по налоговому праву. В этом значении в российском законодательстве данный термин пока не нашел применения, за исключением области таможенного регулирования (статьи 23, 32, 38 Таможенного Кодекса Евразийского Экономического Союза¹). Однако перевод англоязычного термина «advance ruling» как «предварительное решение» представляется не вполне точным для отражения его сущности. Более корректной видится трактовка в значении «заблаговременное решение». Учитывая устоявшееся употребление термина «рулинг» в отечественной научной литературе по налоговому праву, использование транслитерированной формы данного термина является оправданным.

ОЭСР² дает следующее понятие рулинга («advance rulings»): «Письменное решение, которое налоговые власти направляют налогоплательщику в связи с толкованием и применением налогового законодательства к определенному набору фактов».

Определение налогового рулинга, данное ОЭСР, позволяет выделить его ключевые признаки как инструмента налогового администрирования. Во-первых, рулинг представляет собой официальную письменную интерпретацию налоговыми органами применения законодательства к конкретной ситуации налогоплательщика, что обеспечивает прозрачность и определенность налоговых последствий. Во-вторых, (частный) рулинг имеет индивидуальный характер, поскольку выдается по запросу налогоплательщика и основывается на представленных им фактах и обстоятельствах, в отличие от общих разъяснений налогового законодательства.

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/?ysclid=m03kv52ojh715606232 (дата обращения: 12.05.2024).

² Официальный сайт Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР). Режим доступа: <https://www.oecd.org/ctp/glossaryoftaxterms.html> (дата обращения: 26.02.2023).

В контексте исследуемой проблематики несомненный интерес представляет опыт Индии, где с введением в 1993 г. системы рулингов понятие налогового рулинга заметно расширилось.

Определения налогового рулинга в Финансовом законе 1993 г. и Законе о подоходном налоге Индии³ имеют ряд общих ключевых признаков. Во-первых, рулинг представляет собой определение, решение или заключение уполномоченного органа по вопросам права или факта, связанным с конкретной сделкой налогоплательщика. Во-вторых, рулинг может относиться как к уже совершенной, так и к предполагаемой сделке, что позволяет налогоплательщику заранее прояснить налоговые последствия. В-третьих, оба определения указывают на “индивидуальный характер” рулинга, поскольку он выдается в отношении сделки конкретного заявителя.

Отличительной особенностью определения в Законе о подоходном налоге является акцент на международном аспекте рулингов. Отдельно выделены ситуации, когда заявителем выступает нерезидент либо резидент в отношении сделки с нерезидентом. Ещё одним важным дополнением является возможность получения рулинга по вопросу методики расчёта налогооблагаемого дохода. Таким образом, определение налогового рулинга в Законе о подоходном налоге Индии является более детализированным и учитывает специфику трансграничных операций.

Раскрывая понятие «налоговый рулинг» («*advance tax ruling*»), необходимо отметить некоторые неточности, допускаемые исследователями при использовании данной терминологии.

Во-первых, следует учитывать, что термин «*ruling*» обозначает официальное мнение или решение, выносимое представителем власти. То, что мы называем рулингом или налоговым рулингом – это «*advance ruling*» или «*advance tax ruling*». Различие заключается в том, что рулинг как «решение, мнение, постановление» выносится на основании проверки состоявшейся сделки, а заблаговременный рулинг – при изучении «проекта» планируемой сделки. Для наглядности, заблаговременный рулинг – это заключение о том, что проект здания соответствует всем законодательным нормам, но когда здание будет построено, то уполномоченный орган проведет проверку и вынесет рулинг о соответствии здания утвержденному (заблаговременным рулингом) проекту.

Во-вторых, учитывая, что определение понятия «рулинг» не закреплено в законодательстве, а подобрать подходящий аналог в русском языке не представляется возможным из-за его многозначности, то авторы полагают верным использовать понятие «рулинг» в русском языке в значении «заблаговременный рулинг» («*advance ruling*»).

В российском правоведении вопрос о самом названии налогового рулинга (*advance tax ruling*) остается дискуссионным. Так, в научной литературе встречаются следующие термины, подразумевающие налоговые рулинги: 1) налоговый рулинг; 2) предварительное решение; 3) предварительное налоговое разъяснение; 4) мотивированное мнение; 5) предварительное налоговое регулирование и др.

В отечественной литературе для обозначения института налогового рулинга используется также термин «фискальный рескрипт». Так, А.В. Демин отмечает, что налогоплательщики могут запросить мотивированное мнение как для будущих, так и для совершенных сделок, приближая этот процесс к международной практике фискального рескрипта (Demin, 2017).

Исследование правовой природы налогового рулинга представляет собой сложную задачу, учитывая многообразие его интерпретаций в различных юрисдикциях.

³ Ст. 245N Закона о подоходном налоге Индии от 1993 года. Режим доступа: <https://incometaxindia.gov.in/pages/acts/income-tax-act.aspx> (дата обращения: 26.02.2024).

К. Романо в связи с этим справедливо отмечает, что рулинг может рассматриваться как акт публичной администрации, гражданский или публично-правовой договор, что свидетельствует о неоднозначности его правового статуса (Romano, 2002). Эта вариативность подчеркивает необходимость детального изучения конкретных правовых систем для понимания эволюции концепции налогового рулинга.

Ряд ученых, таких как М. Шлифирчук, Е. Ван де Вельде, Д. Маркс, полагают, что налоговые рулинги представляют собой нечто большее, чем просто правовой акт налоговой администрации (Ślifirczyk, 2023; Van de Velde, 2019; Marks, 1998). По мнению этих исследователей, налоговые рулинги являются по своей сути договором между налоговой администрацией и налогоплательщиком, определяющим порядок исполнения налоговой обязанности в каждом конкретном случае.

В своем исследовании «*Tax rulings' in the EU Member States*» (2015) («Налоговые рулинги в государствах-членах ЕС») Е. Ван де Вельде определяет термин «налоговый рулинг» («*tax ruling*») как обобщающее понятие, охватывающее все виды налоговых договоренностей между налоговыми органами и налогоплательщиком⁴.

Особый интерес в этом контексте представляет опыт Нидерландов, где правовая природа налоговых рулингов претерпела значительные изменения за последние десятилетия. Анализируя эту эволюцию, можно проследить, как менялось понимание сущности рулинга: от обязательств налоговых органов в 1980-х гг. до обязательных мнений, а затем к концепции соглашения об урегулировании, регулируемого Гражданским кодексом Нидерландов. Эта трансформация отражает более широкую тенденцию в административном праве к использованию гибких инструментов, сочетающих элементы публичного и частного права.

В 1980-х гг. налоговые рулинги в Нидерландах рассматривались преимущественно как обязательства налоговых органов. Однако период с 1990 по 2001 гг. характеризовался значительной правовой неопределенностью и спорами между различными ветвями власти. Министерство финансов придерживалось позиции, что рулинги являются предварительными актами, не имеющими статуса административных актов согласно закону об общем административном праве. В противовес этому суды, включая Верховный суд, интерпретировали рулинги как соглашения между налогоплательщиком и налоговым органом, регулируемые Гражданским кодексом. Этот конфликт отражал более глубокое противоречие между традиционным административно-правовым подходом и тенденцией к использованию гражданско-правовых инструментов в публичной сфере.

Поворотным моментом стал 2001 г., когда произошла существенная переоценка природы налоговых рулингов. Произошел отказ от интерпретации рулингов как односторонних актов в пользу их признания двусторонними соглашениями, обязательными для обеих сторон. Этот переход к регулированию рулингов в рамках гражданского права может рассматриваться как попытка найти баланс между гибкостью, необходимой для эффективного налогового администрирования, и правовой определенностью, требуемой для защиты интересов налогоплательщиков.

Ключевую роль в этой трансформации сыграли положения Гражданского кодекса Нидерландов, в частности статьи 900 и 906 раздела 7.15. Статья 900 определяет соглашение об урегулировании как инструмент для установления нового правового статуса между сторонами. Статья 906 расширяет применение этих положений на иные отношения, создавая тем самым правовую основу для новой интерпретации налоговых рулингов.

⁴ Van de Velde, E. (2015) 'Tax rulings' in the EU Member States. Study for the ECON Committee.

Относительно формы налоговых рулингов, то п. 2 ст. 900 ГК Нидерландов предусмотрено, что «оценка и установление их нового правового статуса может быть осуществлена посредством принятия совместного решения вовлеченных сторон, либо посредством решения одной из них, либо решением третьей стороны». Нужно пояснить, что налоговые рулинги, вынесенные решением налоговой администрации, будут иметь юридическую силу только в том случае, если они приняты (акцептированы) адресатом (налогоплательщиком) (Nadtochiy, 2024).

Х. Пил и В. Хален отмечают, что в контексте статьи 900 ГК Нидерландов налоговые рулинги рассматриваются как соглашение об определении налогового обязательства, направленного на избежание неопределенности или конфликта, касающегося правовых отношений между налогоплательщиком и налоговой администрацией, посредством которого обе стороны обязуются определить свои правовые отношения (Pijl & Hahlen, 2001). На налогоплательщика в этой связи возлагается обязанность раскрыть все важные для анализа конкретных обстоятельств детали (факты), а налоговая служба после выдачи рулинга обязуется им руководствоваться, то есть в дальнейшем оценивать факты и обстоятельства именно так, как указала в рулинге.

Эволюция позиции Верховного суда Нидерландов в отношении использования частноправовых инструментов для достижения публичных целей также заслуживает внимания. Изначальная поддержка такого подхода при отсутствии явного запрета сменилась более осторожной позицией. Суд стал ограничивать использование частноправовых инструментов ситуациями, когда публичное право не предлагает эквивалентных мер с большими гарантиями для граждан. Эта эволюция отражает растущее осознание необходимости баланса между эффективностью административного управления и защитой прав граждан.

Анализ опыта Нидерландов в определении правовой природы налоговых рулингов позволяет сделать вывод о сложности и многогранности этого процесса. Трансформация от административно-правового к гражданско-правовому подходу отражает более широкие тенденции в развитии современного права, где границы между различными отраслями становятся все более проницаемыми. Однако этот процесс также поднимает важные вопросы о пределах использования частноправовых инструментов в публичной сфере и о необходимости обеспечения адекватных гарантий для защиты общественных интересов.

Такие ученые, как К. Романо, Р. Бартес, В. Моравски, рассматривают налоговые рулинги как акты публичной администрации, регулируемые нормами публичного права. Так, К. Романо отмечает, что именно принципы административного права обеспечивают максимальную защиту прав и законных интересов налогоплательщиков. Более того, К. Романо считает, что нет оснований относить налоговые рулинги к публично-правовым соглашениям, так как в этих соглашениях отсутствует встречное удовлетворение. Таким образом, по мнению ученого, соглашения о трансфертном ценообразовании (Advance pricing agreement, APA) нельзя относить к административным договорам, так как налогоплательщик лишь дает свое обязательное согласие с ним (Romano, 2002).

В рамках анализа правовой природы налоговых рулингов представляется целесообразным рассмотреть их соответствие ключевым признакам административных актов. Данный подход позволяет провести систематическое исследование и определить место налоговых рулингов в системе административного права.

Первым существенным признаком административного акта является его издание публичной администрацией. Налоговые рулинги в полной мере удовлетворяют данному критерию, поскольку они издаются налоговыми органами, которые являются

неотъемлемой частью исполнительной ветви власти. Эти органы, выполняя государственные функции в сфере налогообложения, несомненно относятся к публичной администрации.

Второй значимый аспект – издание акта в пределах полномочий органа. Компетенция налоговых органов по изданию рулингов, как правило, четко закреплена в налоговом законодательстве. Это обеспечивает легитимность их действий и соответствие фундаментальному принципу законности в административном праве. Данный факт подчеркивает правомерность издания налоговых рулингов и их соответствие установленным законом полномочиям налоговых органов.

Третьим ключевым признаком выступает соответствие действующему законодательству (законность). Налоговые рулинги полностью отвечают этому критерию, так как они базируются на нормах действующего налогового законодательства. По своей сути они представляют официальное толкование и применение правовых норм к конкретным ситуациям, что в полной мере отвечает принципу верховенства закона, являющемуся краеугольным камнем правового государства.

Четвертый существенный признак административного акта – преследование публичной цели. Налоговые рулинги в полной мере удовлетворяют данному критерию. Их основной целью является содействие налогоплательщикам в правильном выполнении налогового обязательства, что напрямую служит общественным интересам. Это включает в себя единообразие и повышение правовой определенности для налогоплательщиков, что способствует снижению налоговых споров и повышению эффективности налогового администрирования в целом.

Следует отметить, что концепция «налоговый рулинг как административный акт» не может объяснить в полной мере обязательность изданного налогового рулинга только для одной стороны, в то время как вторая сторона вправе не принимать на себя обязательства по их соблюдению. Хотя степень обязательности рулингов может варьироваться в зависимости от юрисдикции, они имеют обязательную силу для налоговых органов и могут создавать определенные (договорные) права и обязанности для налогоплательщиков.

Анализ правовой природы налоговых рулингов через призму «концепций оферты и акцепта» позволяет выявить их уникальные характеристики и регулятивный потенциал. В контексте налоговых правоотношений государство, выступая в качестве оферента, преследует публично-правовую цель – содействие налогоплательщикам в надлежащем исполнении их фискальных обязанностей. Налоговый рулинг, облеченный в форму оферты, представляет собой не просто предложение, но своего рода «приглашение к сотрудничеству», направленное на обеспечение стабильности и определенности в применении налогового законодательства. Акцептируя оферту путем фактического следования предписаниям рулинга, налогоплательщик вступает в особые отношения с публичной администрацией, подобные административному договору. Данный «договор» порождает взаимные права и обязанности сторон, а также служит эффективным инструментом предупреждения и разрешения потенциальных налоговых споров.

Вместе с тем, действительность подобного «административного договора» обусловлена добросовестностью налогоплательщика в раскрытии всех существенных обстоятельств планируемой операции. Обнаружение факта сокрытия или искажения информации влечет ничтожность рулинга *ab initio*, что коррелирует с гражданско-правовой доктриной порока воли сторон договора. Данное обстоятельство подчеркивает комплексный характер института налоговых рулингов, интегрирующего публично-правовые и частноправовые элементы.

«Квазиулинги» в налоговом законодательстве России: понятие и особенности становления

В налоговом праве России в качестве аналогов института налоговых рулингов можно бы, в принципе, рассматривать письменные разъяснения Министерства финансов и мотивированные мнения налоговых органов.

В письме Министерства финансов от 24.07.2019 г. указано, что его письменные разъяснения носят рекомендательный характер и не обязательны ни для налогового органа, ни для налогоплательщика⁵. Таким образом, можно констатировать, что в настоящий момент указанные письменные разъяснения не вносят достаточной ясности в регулирование налоговых отношений в целом и не служат цели создания устойчиво-благоприятных условий для предпринимательской деятельности.

Письменные разъяснения Министерства финансов в том виде, в котором они сейчас выдаются, не могут носить обязательный характер. Для этого есть ряд причин:

1) письменные разъяснения выдаются без обязательной привязки к конкретным фактам, в виде некой письменной консультации, размышлений на тему возможного применения определенных норм налогового законодательства;

2) отсутствует установленная обязательная форма (внутренняя и внешняя конструкция) письменного разъяснения, также, как и заявления на выдачу такого письменного разъяснения;

3) отсутствует обязательность публикации Минфином всех письменных разъяснений (публикация осуществляется выборочно);

4) отсутствует система отслеживания статуса письменного разъяснения, предлагающая изменение и отмену ранее изданных разъяснений;

5) отсутствует конкретный перечень вопросов, по которым могут выдаваться такие разъяснения, они выдаются по неограниченному кругу вопросов;

6) отсутствует централизованное издание разъяснений, необходимое для обеспечения их единообразия и правовой определенности⁶.

Таким образом, письменные разъяснения Министерства финансов РФ имеют существенные отличия от института налоговых рулингов.

Мотивированное мнение, выдаваемое налоговым органом, представляет собой официальную позицию налоговой службы касательно корректности расчета (удержания), а также полной и своевременной оплаты (перечисления) налогов, сборов и страховых взносов. Оно предоставляется организации в рамках налогового мониторинга⁷.

Внедрению мотивированных мнений предшествовало включение в 2014 г. в Дорожную карту по совершенствованию налогового администрирования, утвержденную Правительством РФ, следующей задачи: «3. Изучение возможности

⁵ Письмо Минфина РФ от 24.07.2019 № 03-02-08/55114 «О статусе письменных разъяснений Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах».

⁶ В соответствии со статьей 21 Налогового кодекса Российской Федерации, возможность предоставления письменных разъяснений не ограничивается действиями Министерства финансов и Федеральной налоговой службы Российской Федерации, расширяясь до включения иных уполномоченных органов. Эта практика, по мнению авторов, не способствует достижению единообразия в толковании и применении норм налогового законодательства. Дополнительную сложность вносит отсутствие в действующем законодательстве четко определенного перечня вопросов, на которые могут быть получены письменные разъяснения от конкретных ответственных органов.

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (Статья 105.30). Правовой навигационный сервис «Кодексы и Законы Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/nk/32/> (дата обращения: 25.09.2023).

внедрения института „предварительного налогового разъяснения“ (налогового рулинга) по оценке хозяйственных ситуаций»⁸.

В подпункте 7.1 раздела III «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов», Правительством РФ было заявлено: «В рамках инициатив по предварительному налоговому контролю предусматривается создание механизма предварительного налогового разъяснения (налогового рулинга). Это даст налогоплательщикам возможность заранее узнавать налоговые последствия планируемых ими сделок. Подобная практика уже успешно применяется в юридических системах других стран»⁹.

Таким образом, в России налоговый рулинг изначально определялся и реализовывался как неотъемлемая часть налогового мониторинга. При этом следует отметить, что налоговый рулинг является самостоятельным правовым институтом, со своей историей развития.

Планируется, что в 2024 г. в налоговом мониторинге будут участвовать 573 компании¹⁰. По состоянию на начало января 2024 г. в России зарегистрировано 6,347 млн представителей малого и среднего предпринимательства¹¹. Таким образом, мотивированное мнение налоговых органов в 2024 г. будет доступно для менее 0,001 % предпринимателей.

Ключевая задача заключается в использовании мотивированных мнений для защиты прав и интересов добросовестных налогоплательщиков, сталкивающихся с проблемами из-за противоречий или пробелов законодательства.

Таким образом, возникает дилемма: как использовать мотивированные мнения для защиты прав отдельных налогоплательщиков и при этом обеспечить равные условия для всех. Основной целью мотивированных мнений должно быть недопущение дискриминационных подходов и преимуществ для компаний, имеющих доступ к частным рулингам (в том числе к мотивированным мнениям).

Мотивированные мнения налогового органа содержат элементы, аналогичные тем, что присутствуют в налоговых рулингах, однако такой «квазирулинг» обладает концептуальными различиями:

1) Налоговый рулинг выдается центральным (специализированным) органом, в то время как мотивированное мнение налогового органа выдается территориальным налоговым органом, проводящим налоговый мониторинг. Таким образом, при выдаче налогового рулинга достигается: 1) единообразие толкования и применения налогового законодательства; 2) ограничение административного усмотрения территориальных органов.

2) Налоговые рулинги подлежат публикации, в отличие от мотивированных мнений. Публикация налоговых рулингов обеспечивает общественный контроль за единообразием толкования и правоприменения налогового законодательства.

⁸ Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 10 февраля 2014 г. № 162-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование налогового администрирования» // План мероприятий, пункт 3 раздела II. Официальный сайт «Правительство Российской Федерации». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/41d4be34b5250e8848fd.pdf> (дата обращения: 25.09.2023).

⁹ Правительство Российской Федерации. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов / Информационно-справочная система КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183748/300c431e68f43f4f4df2ef645fe04337d1a5d576/ (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁰ 573 компании примут участие в налоговом мониторинге в 2024 году // Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14134946/ (дата обращения: 25.02.2024).

¹¹ Демография малого и среднего предпринимательства. АО «Корпорация «МСП» // Корпорация МСП. Режим доступа: <https://xn--l1agf.xn--p1ai/Analytics/> (дата обращения: 25.02.2024).

3) За выдачу налоговых рулингов предусмотрен сбор; за выдачу мотивированного мнения сборов не предусмотрено.

4) За выдачей налогового рулинга может обратиться широкий круг заявителей, в то время как мотивированное мнение могут запрашивать налогоплательщики, участвующие в налоговом мониторинге.

5) Налоговый рулинг является не обязательным для заявителя, но является обязательным для налоговых органов при его соблюдении адресатом налогового рулинга; мотивированное мнение обязательно для налогоплательщика и налогового органа. Налогоплательщик должен проинформировать налоговый орган об исполнении мотивированного мнения в установленный законом срок.

Особый интерес в теоретическом плане вызывает вопрос о соотношении понятий налогового рулинга и налогового контроля, который имеет как минимум два варианта решения. С одной стороны, рулинг можно рассматривать как особую форму превентивного налогового контроля, позволяющую предотвратить налоговые нарушения и споры. С другой стороны, между рулингом и традиционным налоговым контролем есть принципиальные различия:

– рулинг выдается по запросу налогоплательщика, а налоговый контроль осуществляется по общему правилу по инициативе налоговых органов;

– предмет рулинга – это вопросы права, а налоговый контроль проверяет и фактические обстоятельства;

– налоговый рулинг не влечет доначисления налогов или ответственности, в отличие от актов налогового контроля.

Развитие новых форм контроля, таких как налоговый мониторинг, сближает рулинг и контроль, но не устраняет их основных различий. Таким образом, налоговый рулинг – самостоятельный правовой институт, дополняющий, но не заменяющий налоговый контроль. Они являются автономными, но взаимосвязанными компонентами системы налогового администрирования.

Виды налоговых рулингов в зарубежных странах

Категория «налоговый рулинг» (“Advance tax ruling”) охватывает следующие понятия: а) публичный рулинг (“General ruling” или “Public ruling”); б) частный рулинг (“Private ruling”) и в) гибридный рулинг (“Hybrid ruling”). Эти понятия имеют существенные отличия, и попытка дать им единое определение приведет либо к перегруженности дефиниции, либо к искажению ее смысла.

Частные рулинги выносятся по запросу конкретного налогоплательщика в отношении его индивидуальной ситуации. Они призваны разъяснить особенности применения налоговых норм к конкретной хозяйственной ситуации налогоплательщика, минимизировать его налоговые риски и неопределенность (Romano, 2002).

Например, компания, планирующая крупную реорганизацию бизнеса или сложную трансграничную сделку по приобретению активов, может подать запрос в налоговый орган о порядке налогообложения такой операции. Получив индивидуальное руководство в виде частного рулинга, компания сможет в дальнейшем платить налоги в четком соответствии с полученным разъяснением и избежать налоговых споров.

Для получения частного рулинга налогоплательщик подает в налоговую службу запрос с обоснованием границ запроса, подробным описанием обстоятельств и предполагаемого подхода. Налоговый орган рассматривает запрос, анализирует обстоятельства, формулирует свою позицию по порядку применения конкретных норм налогового законодательства, после чего направляет налогоплательщику индивидуальное

руководство – частный рулинг. Запрос на частный рулинг может быть отклонен по формальным признакам, в случае недостаточности данных, некорректного изложения вопроса.

В соответствии с Налоговой процедурой (Revenue procedure) № 2024-01, «частный рулинг» (Letter ruling или private letter ruling) – «это письменное определение, выдаваемое налогоплательщику уполномоченным органом в ответ на письменный запрос налогоплательщика, поданный до подачи деклараций или отчетов, которые требуются налоговыми законодательством; о его статусе для целей налогообложения или о налоговых последствиях его действий или операций. Частный рулинг дает толкование налоговому законодательству и применяет его к конкретным фактам налогоплательщика»¹².

В США частные рулинги (private letter rulings) выносятся Службой внутренних доходов (IRS) по письменным запросам налогоплательщиков. Они содержат толкование налоговых последствий планируемых налогоплательщиком сделок или операций с учетом всех релевантных фактических обстоятельств. Частные рулинги имеют обязательную юридическую силу исключительно для запросившего их налогоплательщика и служат обеспечению правовой определенности в конкретной ситуации. В целях предоставления заявителю исчерпывающей информации процедура прописана в налоговом кодексе¹³, а также подзаконных актах IRS¹⁴.

Публичные рулинги нацелены на обеспечение единообразной правоприменительной практики налоговых органов в отношении типовых, наиболее распространенных хозяйственных ситуаций и налоговых вопросов. Они выносятся всегда по инициативе налогового органа, подлежат публикации в уполномоченном издании и безвозмездны для налогоплательщиков.

Публичный рулинг выносится с целью обобщить правоприменительную практику или дать первичное руководство для толкования и применения новой налоговой нормы. Например, налоговый орган может выпустить рулинг, разъясняющий порядок уплаты НДС иностранными компаниями, работающими с интернет-площадкой. Такой рулинг публикуется на официальном сайте и обязателен для всех территориальных налоговых органов.

В США под публичным рулингом (“Revenue rulings”) понимается «официальное толкование федерального налогового законодательства в Бюллетеине службы внутренних доходов для информации и руководства налогоплательщиков и сотрудников налоговой службы и иных заинтересованных лиц. Хотя они являются обязательными для налоговой службы и налогоплательщиков, их применение ограничено конкретными фактическими ситуациями, к которым они относятся» (Romano, 2002).

Публичные рулинги в США публикуются Налоговым управлением в официальном бюллетеине и содержат разъяснения по применению налогового законодательства к типовым ситуациям. Они издаются по инициативе IRS с целью разъяснения положений налогового законодательства и формирования единообразной практики его применения для широкого круга налогоплательщиков. Публичные рулинги имеют общеобязательную юридическую силу на всей территории США, но носят для

¹² Бюллетеин внутренних доходов 2024-1. Официальный сайт Внутренней Налоговой Службы США. Режим доступа: https://www.irs.gov/irb/2024-01_IRB#REV-PROC-2024-1 (дата обращения: 26.02.2024).

¹³ Раздел 6110 Налогового кодекса США // Cornell Law School. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/6110> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁴ Инструкция Налоговой службы США по процедуре выдачи частных рулингов (Revenue Procedure 2022-1) // Интернет-сайт Налоговой службы США. Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/rp-22-1.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).

налогоплательщиков рекомендательный характер, в то время как для налоговых органов они являются обязательными (Romano, 2002).

Гибридные рулинги сочетают признаки как частных, так и публичных рулингов и предназначены для предоставления общего руководства для определенной группы налогоплательщиков или для будущего контрагента, которого при подаче заявления невозможно идентифицировать. Гибридные рулинги могут выноситься как по инициативе заинтересованного лица, так и по инициативе самого налогового органа.

Примером гибридных рулингов могут служить «class rulings» и «product rulings», используемые в ряде стран.

В Новой Зеландии «class rulings» выносятся по запросу для группы налогоплательщиков с общими характеристиками или для определенного класса операций. Они дают общее руководство, как налоговое законодательство будет применяться к конкретной группе налогоплательщиков или к конкретным видам сделок.

В Южной Африке «class rulings» выпускаются по запросу заявителя в отношении предлагаемой сделки, которая будет осуществляться определенным классом налогоплательщиков, и содержат толкование налоговых последствий такой сделки.

В Австралии «product rulings» представляют собой письменные разъяснения налоговых последствий инвестиций в определенный финансовый продукт, например, инвестиционную схему или страховой полис, выпускаемые по заявлению эмитента такого продукта. Они дают инвесторам определенность в отношении налогового режима их вложений.

Таким образом, гибридные рулинги обеспечивают баланс между индивидуальным подходом частных рулингов и широким охватом публичных рулингов, позволяя дать руководство для целой группы налогоплательщиков или категории операций.

Для налоговых органов издание как частных, публичных, так и гибридных рулингов имеет важное значение, поскольку позволяет обеспечить единство и не противоречивость практики применения налогового законодательства. Кроме того, наличие официальных руководств уменьшает количество споров между налогоплательщиками и инспекциями, снижая нагрузку на судебную систему. В целом это повышает качество работы налоговых органов.

Для налогоплательщиков частные рулинги играют особенно важную роль, поскольку минимизируют риски ошибки и применения к ним санкций при уплате налогов в нестандартных ситуациях. С их помощью компании и физические лица могут экономить ресурсы, избегая излишних конфликтов с налоговыми органами.

Цели и функции налоговых рулингов в зарубежных странах

Функции налогового рулинга как инструмента налогового права вытекают из его основных целей и задач в контексте налогового регулирования и правоприменительной практики.

Основные цели института налоговых рулингов заключаются в следующем. Во-первых, предоставление налогоплательщику гарантий, на которые он может опереться при осуществлении сделки или инвестиционной деятельности. Во-вторых, устранение неоднозначности в трактовке налоговых норм для конкретной планируемой операции по запросу налогоплательщика. И, наконец, в-третьих, содействие единству налоговой практики¹⁵.

¹⁵ Handbook on Advance Ruling under GST (Sec.3). Income Tax Department of Ministry of Finance, Government of India. Режим доступа: <https://idtc-icai.s3.ap-southeast-1.amazonaws.com/download/pdf20/Handbook-on-Advance-Ruling-under-GST.pdf> / (дата обращения: 12.02.2024).

В числе основных функций налоговых органов при вынесении рулинга можно прежде всего выделить такие:

1) *Функция административной гарантии для предпринимателей.* Данная функция является ключевой для института налоговых рулингов с точки зрения инвесторов. Полученный инвестором рулинг относительно планируемого проекта фактически служит заверением и гарантией со стороны налогового органа в том, что выбранные предпринимателем структура сделки и схема налогообложения отвечают требованиям законодательства.

Предприниматель получает индивидуальное руководство по толкованию и применению налоговых норм. Опираясь на эту гарантию, он может приступать к реализации проекта с уверенностью в стабильности и защищенности выбранной налоговой позиции. Рулинг как бы «страхует» его от возможных претензий и доначислений в будущем. Тем самым снижаются как налоговые риски, так и административные издержки коммерческой деятельности.

2) *Антикоррупционная функция.* Налоговые рулинги играют существенную роль в реализации антикоррупционной функции налогового администрирования. Их значимость проявляется в двух ключевых аспектах. Во-первых, рулинги способствуют повышению прозрачности налоговой системы, делая толкование законодательства более открытым и доступным для понимания широкого круга налогоплательщиков. Во-вторых, они существенно ограничивают дискреционные полномочия должностных лиц, тем самым минимизируя возможности для принятия произвольных решений, которые могут быть обусловлены коррупционными мотивами.

3) *Функция обеспечения стабильности налогового законодательства.* Дополнительным эффектом от использования системы рулингов является снижение частоты обновления налогового законодательства. Страны, которые используют систему рулингов, применяют их для апробации нового законодательства. Регулирующие органы выпускают официальные разъяснения, и на основании правоприменительной практики и отзывов специалистоврабатываются наиболее жизнеспособные нормы, вследствие чего становятся предсказуемыми последствия такого регулирования.

Всегда ли это допустимо, очевидно, что нет, но этого достаточно для существенного сокращения количества и частоты принятия поправок в законодательные акты.

4) *Функция, способствующая уменьшению налоговых споров в судах.* Снижение налоговых разногласий посредством института рулинга достигается следующим образом.

Во-первых, рулинг предотвращает потенциальные разногласия между сторонами еще на этапе планирования сделки. Это обеспечивает четкое понимание позиций относительно налоговых последствий.

Во-вторых, налогоплательщик, ведя свои дела в соответствии с ранее полученным рулингом, минимизирует риски доначисления налога и санкций в будущем. А значит, снижается вероятность спора по этому поводу.

Более того, сами налоговые органы юридически ограничены в возможности пересмотра своей позиции, официально изложенной в рулинге, а без изменения позиции нет основания для доначислений и споров. Таким образом, на всех уровнях рулинг снижает конфликтный потенциал во взаимоотношениях между налогоплательщиками и государством. И как результат, все это ведет к уменьшению налоговых споров в судах различных инстанций.

Заключение

Проведенное исследование института налоговых рулингов в зарубежных странах позволяет сделать ряд значимых выводов относительно его правовой природы, видового многообразия, целевого назначения и функциональных характеристик.

Прежде всего следует констатировать, что, несмотря на отсутствие универсальной дефиниции, под налоговым рулингом в самом общем виде понимается официальное письменное разъяснение уполномоченных органов по вопросам применения налогового законодательства в отношении конкретной фактической или планируемой хозяйственной ситуации налогоплательщика. Квалифицирующими признаками данного института выступают официальная форма, обязательность для налоговых органов, направленность на обеспечение определенности налоговых последствий.

Вопрос о правовой природе налоговых рулингов продолжает оставаться дискуссионным в зарубежной правовой доктрине. Компаративный анализ позволил выявить несколько основных подходов к решению данной проблемы: рассмотрение рулингов в качестве индивидуальных административных актов или публично-правовых договоров.

Существенным результатом исследования следует признать выделение и подробную характеристику основных видов налоговых рулингов, имеющих различное функциональное назначение и сферу применения. К их числу относятся частные рулинги, выносимые по запросам конкретных налогоплательщиков и содержащие разъяснения налоговых последствий их индивидуальных хозяйственных операций; публичные рулинги, издаваемые по инициативе налоговых органов в целях формирования единогообразной правоприменительной практики в отношении неопределенного круга лиц; гибридные рулинги, сочетающие черты частных и публичных разъяснений и ориентированные на специфические сегменты налогоплательщиков либо отдельные категории операций. Каждый из указанных видов играет самостоятельную роль в системе налогового администрирования, обеспечивая оптимальное сочетание индивидуализированного подхода и унификации налогово-правового регулирования.

Функциональное назначение института налоговых рулингов определено его цевой направленностью на обеспечение стабильности и предсказуемости налоговой системы, защиту прав и законных интересов добросовестных налогоплательщиков, минимизацию рисков возникновения налоговых споров. В спектре основных функций, реализуемых посредством налоговых рулингов, следует особо выделить представление налогоплательщикам дополнительных административных гарантий, обеспечение единства правоприменительной практики налоговых органов, устранение двусмысленности и неясности налогового законодательства, предотвращение налоговых правонарушений и конфликтов. При этом степень выраженности и формы реализации отдельных функций могут существенно варьироваться в зависимости от конкретной разновидности рулингов и специфики национальных налоговых юрисдикций.

Рассмотрение налоговых рулингов через призму оферты и акцепта позволяет раскрыть их специфику как инструмента реализации фискальной функции государства. Оferта в данном случае выступает не только как правовая конструкция, но и как средство достижения публично значимых целей, в частности, содействия налогоплательщикам в исполнении их налоговых обязанностей.

Выявленные концептуальные отличия письменных разъяснений Министерства Финансов и мотивированных мнений налоговых органов, проявляющиеся в специфике их правовой природы, субъектного состава, юридической силы, процедур принятия и опубликования, свидетельствуют о необходимости дальнейшей модернизации отечественного налогового законодательства с учетом апробированных зарубежных моделей налогового администрирования.

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным заключить, что институт налоговых рулингов представляет собой эффективный инструмент современной системы налогового администрирования, способствующий гармонизации фискальных интересов государства и законных экономических интересов налогоплательщиков.

References / Список литературы

- Allingham, M.G. & Sandmo, A. (1972) Income tax evasion: A theoretical analysis. *Journal of public economics*. 1 (3-4), 323–338. [https://www.doi.org/10.1016/0047-2727\(72\)90010-2](https://www.doi.org/10.1016/0047-2727(72)90010-2)
- Bartes, R. (2019) Legal Institute of Advance Tax Rulings. *Białostockie Studia Prawnicze*. 24 (3), 157–164. <https://www.doi.org/10.15290/bsp.2019.24.03.12>
- Brodzka, A. (2017) Better governance through more transparency on advance cross-border tax rulings. *Journal of Governance & Regulation*. 6 (1), 7–11. https://www.doi.org/10.22495/jgr_v6_i1_p1
- Demin, A.V. (2017) The concept of tax monitoring in the new model of tax administration in Russia. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1(26)), 77–85. https://www.doi.org/10.51980/2542-1735_2017_1_77 (in Russian).
Демин А.В. Концепт налогового мониторинга в новой модели налогового администрирования России. Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 77–85. https://www.doi.org/10.51980/2542-1735_2017_1_77
- Diller, M. & Vollert, P. (2011) *Economic analysis of advance tax rulings*. Discussion Paper, No. 122. Berlin, Arbeitskreis Quantitative Steuerlehre Publ.
- Harris, P.A. (1994) Private Tax Rulings: an Advanced System. *Australian Tax Review*. 23 (1), 22–36.
- Kirchler, E. (2007) *The Economic Psychology of Tax Behaviour*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Marks, D. (1998) Caught in a bind. *Taxation in Australia*. 33 (1), 30–34.
- Morawski, W. (2018) The tax rulings—the conflict between the principle of legality and the principle of legitimate expectations. In: Lotko, E., Zawadzka-Piąk, U.K. & Radvan, M. (eds.) *Optimization of Organization and Legal Solutions concerning Public Revenues and Expenditures in Public Interest (Conference Proceedings)*. Temida 2, 521–532. <https://www.doi.org/10.15290/oolscprepi.2018.38>
- Nadtochiy, M.D. (2023) Genesis of the advance tax rulings system. *Bulletin of Moscow University. Series 26: State Audit*. 4, 50–60. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2413-631X-26-14-4-04> (in Russian).
Надточий М.Д. Генезис системы налоговых рулингов // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2023. № 4. С. 50–60. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2413-631X-26-14-4-04>
- Nadtochiy, M.D. (2023) Tax rulings under the laws of the Republic of South Africa. *Financial Law*. (12), 26–29. <https://www.doi.org/10.18572/1813-1220-2023-12-26-29> (in Russian).
Надточий М.Д. Налоговые рулинги по законодательству Южно-Африканской Республики // Финансовое право. 2023. № 12. 26–29. <https://www.doi.org/10.18572/1813-1220-2023-12-26-29>
- Nadtochiy, M.D. (2024) Advance tax rulings under the laws of India. *Taxes*. (2), 39–44. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4796-2024-2-39-44> (in Russian).
Надточий М.Д. Налоговые рулинги по законодательству Индии // Налоги. 2024. № 2. С. 39–44. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4796-2024-2-39-44>
- Nadtochiy, M.D. (2024) The legal nature of tax rulings: legal act or administrative agreement? *Nalogoved*. (8(248)), 40–49. EDN HXTKSN (in Russian).
Надточий М.Д. Правовая природа налоговых рулингов: правовой акт или административный договор // Налоговед. 2024. № 8 (248). С. 40–49. EDN HXTKSN.
- Ponomareva, K.A. (2023) The legal nature of tax rulings in the context of the principle of legitimate expectations of the taxpayer. *Nalogoved*. (12), 72–81. (in Russian).
Пономарева К.А. Правовая природа налоговых рулингов в контексте принципа законных ожиданий налогоплательщика // Налоговед. 2023. № 12. С. 72–81.
- Prebble, J. (1985) Advance rulings procedures. *Victoria University of Wellington Law Review*. (15), 237–252.
- Prebble, K.C. (1996) Advance rulings: A proposed procedure. In: Gammie, M., Shipwright, A. (eds.) *Striking the balance: tax administration, enforcement and compliance in the 1990s*, 94–129.

- Pijl, H. & Hahlen, W. (2001) The new advance pricing agreement and advance tax ruling practice in the Netherlands. *Bulletin for International Fiscal Documentation*. 55 (12), 614–629.
- Romano, C. (2002). *Advance tax rulings and principles of law: Towards a European tax rulings system?* DSc Thesis. University of Groningen.
- Ślifirczyk, M. (2023) Umowna forma urzędowych interpretacji prawa podatkowego – ewolucja, rewolucja czy regres? *Doradztwo Podatkowe – Biuletyn Instytutu Studiów Podatkowych*. 5 (321), 4–8. (in Polish).
- Szabó, I. (2016) *Advance tax ruling in the domestic and international dimensions*. PhD Thesis. Pázmány Péter Catholic University.
- Zhutyeva, S.A., Zvyagina, E.M. & Ryabinina, E.Y. (2016) Motivated opinion of the tax authority and tax monitoring in Russia: problems and prospects of development. *Economics and Management*. (6(128)), 50–53. (in Russian).
- Жутяева, С.А., Звягина, Е.М., Рябинина, Е.Ю. Мотивированное мнение налогового органа и налоговый мониторинг в России: проблемы и перспективы развития // Экономика и управление. 2016. № 6 (128). С. 50–53.

Сведения об авторах:

Надточий Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0002-9227-2622, SPIN-код: 2531-7785

e-mail: mnadtochiy@gmail.com

Макарчук Злата Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0001-7859-1355, SPIN-код: 6728-6122

e-mail: makarchuk_zv@pfur.ru

Зеленцов Александр Борисович – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0002-6496-8905, SPIN-код: 6762-3755

e-mail: zelentsov-ab@rudn.ru

About the authors:

Mikhail D. Nadtochiy – Postgraduate student, Department of Administrative and Financial Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9227-2622, SPIN-code: 2531-7785

e-mail: mnadtochiy@gmail.com

Zlata V. Makarchuk – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7859-1355, SPIN-code: 6728-6122

e-mail: makarchuk_zv@pfur.ru

Alexander B. Zelentsov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Department of Administrative and Financial Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6496-8905, SPIN-code: 6762-3755

e-mail: zelentsov-ab@rudn.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

EDN: XWIQNZ

Научная статья / Research Article

Закономерное и особенное в правовом режиме нематериальных благ в Российской Федерации¹

Ю.Э. Монастырский

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

МГИМО МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

monastyrsky@mzs.ru

Аннотация. Расширение перечня нематериальных благ диктует дальнейшее правовое осмысление их значения и защиты. Автор размышляет над двумя важнейшими теоретическими проблемами с задачей их оптимального разрешения, прежде всего о положении личных неимущественных прав в обороте. Здесь он предлагает, ввиду все более широкого вовлечения в коммерческую деятельность этих объектов, вернуться к термину «личные права» и обосновывает свою точку зрения. Далее, опираясь на дедуктивный метод, он затрагивает вопрос ответственности за попрание нематериальных благ. Автор утверждает, что по наиболее явной трактовке правовых положений гражданского законодательства личность, в соответствии с гл. 59 ГК РФ, и лицо как обычный гражданин, согласно общим положениям гл. 8 Кодекса, должны пользоваться разными режимами охраны, но одинаковым правом на убытки. Их возмещение доступно, по мнению автора, не только когда есть указание в норме закона (ст. 152 ГК РФ) при покушении на честь, достоинство, репутацию, но и когда страдает личность и имеет право обратиться к убыткам субсидиарно, и здесь должна применяться гл. 59 ГК РФ, а точнее, ст. 1082, согласно которой суду дается возможность присудить взыскание убытков вместо исправления вреда в натуре; а также просто в силу нарушения любых личных прав на базе ст. 15 ГК РФ. Такая диспозиция благоприятна для защиты нематериальных благ, обладателей рассматриваемых прав, которые должны пользоваться по международным стандартам регулирования наибольшей степенью защиты (Busnelli et al., 2005).

Ключевые слова: личные права, моральный вред, неимущественный ущерб, ответственность, убытки, деликты, нематериальные блага

¹ По материалам I Всероссийского научного симпозиума «Рясицевские чтения», состоявшегося в МГЮА 16–17 февраля 2023 г.

© Монастырский Ю.Э., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 16 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Монастырский Ю.Э. Закономерное и особенное в правовом режиме нематериальных благ в Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 382–399. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

The Civil Law Regime Governing Immaterial Values in the Russian Federation²

Yuri E. Monastyrsky

Sevastopol State University, *Sevastopol, Russian Federation*

MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*
monastyrsky@mzs.ru

Abstract. The increasing importance of immaterial values necessitates further legal investigation into their significance and protection. This article addresses two theoretical problems identified by the author, aiming to resolve them. First, it considers the role of personal non-property rights in legal transactions, focusing on their growing involvement and the need to clarify the concept of “non-property”. Using a deduction approach, the author proposes a return to the established term “personal rights”, which relates to values inherent to personality and belonging to individuals as such. The distinction is made between the level of protection afforded to two categories of rights: rights of personality and rights of a person as an ordinary citizen. The author addresses this distinction further in the second part of the article, which discussed questions of liability. The key findings are that three avenues exist for recovering damages: First, when explicitly provided for in cases of personal rights violations related to honor, dignity and reputation. Second, when the values in question relate to individuality, such as life, health, and personal immunity, protected under Chapter 59 of Civil Code of the Russian Federation and Article 1082, which authorizes courts to impose losses on tortfeasors instead of harm compensation in kind. Third, a damages claim can be filed for any breach of personal rights as subsidiary remedy (Article 15 of CC of RF). This framework is favorable for immaterial assets, which, in accordance with international standards, are subject to the strictest protection (Busnelli et al., 2005).

Key words: personal non-property rights, moral harm, non-pecuniary damage, liability, torts, personal values, personality values, non-material values

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 16th July 2024

Accepted: 15th April 2025

² Based on the materials of the I All-Russian Scientific Symposium “Ryasentsev’s Readings”, held at the MSAL on February 16–17, 2023.

For citation:

Monastyrsky, Yu.E. (2025) The Civil Law Regime Governing Immaterial Values in the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 382–399. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

Введение

Российская цивилистическая наука, законодательство и судебная практика последовательно развиваются концепцию гражданских личных прав. Они обеспечивают доступ и юридическую связь с нематериальными благами,анными лицам от рождения, приобщение к которым создает состояние, приближающее к такой главнейшей цели и идеалу гражданского права, как автономия человека, и условия для раскрытия его способностей и самосовершенствования. Имущественной состоятельности по стандартам современного общества для вышеупомянутого, в отличие от других эпох и времен, недостаточно. Разнообразящиеся средства обсуждаемой защиты, в отличие от уголовно-правовых, имеющих результатом предупреждающий и карательный эффект, налагаемый на обидчика или нарушителя, более действенны и более дифференцированы, дающие и денежное вспоможение, и охранительную поддержку потерпевшим. Развитие цивилистических мер и возврений идет двумя параллельными путями: увеличение способов правового реагирования на нарушения и детализация самих нематериальных благ, увеличение их открытого списка. В Своде законов Российской империи был предусмотрен только штраф за оскорбление чести и ничего более (см. главу II).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» их обозначено уже свыше двадцати пяти. А в последней редакции ст. 150 ГК РФ – пятнадцать. Необходимо содержательной и пока не затронутой другими авторами является, на наш взгляд, тема о классификации личных прав, влияющей на режим охраны и способностей личностных, индивидуальных, уникальных и иных личных неимущественных, отвечающих за качество жизни всех и каждого.

I. Неимущественный характер прав

В российском гражданском праве особая роль принадлежит такой фундаментальной цивилистической категории, как «личные неимущественные права». Ее развитие, регулирование хорошо демонстрируют, что некоторые характеристики правовых явлений могут изменяться или ослабевать. Еще недавно в длинной формуле, описывающей данное понятие, акцент ставился на неимущественности (нематериальности³) (Maleina, 1990:4), невозможности использования в обороте личных прав. Однако появляется все больше доводов в пользу пересмотра такого утверждения, потому что данные права без их отчуждения вовлекаются в оборот: например, получает широкое распространение использование имени и изображения человека, публичных фигур в коммерческих мероприятиях, музейных выставках, на разных

³ «Нематериальный характер личных прав проявляется в том, что они лишены экономического содержания. Это означает, что они не могут быть точно оценены, для них не характерна возмездность, а их осуществление не сопровождается имущественным предоставлением со стороны других лиц».

презентациях, фестивалях, граждане входят в условия, по которым за вознаграждения они рисуют своим здоровьем и т.д. (Kuznetsova, 2013; Opryshko, 2015; Sinityna, 2017; Iakovchuk & Kravtsova, 2018). За плату обладатели нематериальных благ, свободы передвижения, выбора места жительства и т.п. могут допустить их умаление. Нужно вспомнить, что термин «неимущественное право» среди цивилистов XIX в. вообще имел еще более широкие смысловые значения отсутствия стоимостных приращений при его реализации, например в договоре услуг и пр.

Профессор Тартуского университета (ранее Юрьевского) Евгений Вячеславович Пассек (1860–1912) в 1893 г. выпустил работу «Неимущественный интерес в обязательстве», где критиковал широкое понимание характеристики «неимущественный» (Passek, 1893). Российская цивилистическая традиция заключается в нивелировании роли четкой имущественной подоплеки в обязательствах в отличие от других европейских стран. Проект Гражданского уложения Российской империи придавал правовое значение и действию, не подлежащему стоимостной оценке (ст. 1567). Критерий «неимущественный» сужает возможности для привлечения к ответственности и принудительного исполнения обязанностей, связанных с соответствующими правами. В литературе встречаются такие описания, как следующее: «Отказ в исполнении музыкальных произведений для тонуса и поддержания настроения слушателей по их заказу нельзя обусловить штрафом». В доктрине предпринималась даже попытка уточнения признака «неимущественный» такой длинной фразой: «личные права – это неимущественные права, связанные и не связанные с имущественными» (проф. О.Н. Садиков⁴ и др.). Нам же, исходя из вышесказанного, видится более точным термин «личное право» (Sinaiskii, 1917:64). О.А. Покровский предпочитал термин «право личности» (Pokrovskii, 1998:120).

Впрочем, словосочетание «личное неимущественное право» вошло в законодательство. Но есть примеры, когда, становясь вроде привычным и распространенным, понятие расширяется (или сужается) при принятии новых норм. В результате некоторые его определения теряются. Например, из устойчивого термина «реальный ущерб» (п. 2 ст. 15 ГК РФ) в ст. 16.1 ГК РФ пропадает прилагательное, далее, от словосочетания «законный интерес» зачастую в законодательных актах и при регулировании остается одно лишь существительное.

Итак, мы видим, что акцент на неимущественном характере личных прав вроде ограничивает применение общей гражданско-правовой ответственности за нарушение субъективных прав, сводя ее к случаям, прямо указанным в ГК РФ. На комментарий о том, что это редкий статутный пример двойной ответственности за одно правонарушение, необходимо сказать, что моральный вред возникает от страданий, переживаний, а убытки – это утраты именно в имуществе, хотя и не только.

Проследим эволюцию понятия «неимущественный». Вектор развития задан ст. 128 ГК РФ в редакции Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, где не все объекты гражданских прав охватываются понятием «имущество».

Изучение юридической литературы позволяет проследить значение термина «неимущественный» в совершенно конкретной динамике. Цель авторов первых кодификаций была продиктована жизнью и состояла в том, чтобы конкретизировать сферу правовой охраны и принудительного механизма применительно к тем

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садиков. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2005 (автор комментария к гл. 1 – О.Н. Садиков) (СПС «КонсультантПлюс»).

действиям должников, ответчиков, исполнителей, которые имеют прямое имущественное выражение и результат материального приращения при передаче денег, товаров, права пользования вещами или собственных способностей внаем, выполнении подрядных работ и т.д. Контракты, не отражающиеся на материальном положении сторон, не рассматривались законодателем в качестве важных, дабы их охраной не загружать судебную систему, государственный бюджет.

В XIX в. ряд законодательств определял обязательства как связь с требованием, заключающим в себе имущественную ценность, удовлетворение со стороны должника. Российский проект Гражданского уложения скопировал подход германской юрисдикции, где постановка обязательства в рамки имущественных параметров признана излишней, и этот вопрос передан на усмотрение представителей доктрины и судебной практики, что оказалось дальновидным, поскольку усложнение оборота потребовало значительного сужения понятия «неимущественный», чemu логично содействовали пять причин, появившихся в ходе экономического и правового развития.

Во-первых, с середины XIX в. и далее очень быстро ценностью или востребованным благом все более становились услуги, связанные с бытом и жизнедеятельностью. Рост индивидуальных богатств привел к тому, что в ответ на возрастающие имущественные потребности стали формироваться самые разнообразные услуги, которые ранее производились внутри хозяйств в раннюю сословную эпоху, при возможной тогда неограниченной внутридомашней эксплуатации слуг, крепостных и т.п. Сервис, связанный с поддержанием здорового образа жизни, быстро распространялся в городах. Сформировался рынок услуг, связанных с образованием, здоровьем. И, следовательно, утверждения о том, что некоторые из них не представляют имущественную ценность или не подлежат денежной оценке, изживали себя, не соответствуя уровню развития имущественного общения. Вторая причина – взрывной рост количества и распространение интеллектуальных объектов. Авторы-обладатели промышленной собственности изменили взгляд на понятие «личное интеллектуальное право». Неотчуждаемое по своей природе, оно получало разнообразную реализацию. Обладатели таких производных нематериальных благ, репутации также участвовали в обороте. Объектом гражданско-правового договора могло являться благо, переходящее по наследству, как объект субъективных прав. Третья подоплека – распространение моделей взаимоотношений, связанных с самоумалением индивидуальных, личных прав, таких как свобода передвижения, переписки, опасный труд за плату. В рассказе А.П. Чехова «Пари» персонажи заключили договор о выплате 2 млн руб. за 15 лет добровольного заточения. Эта договоренность, напоминающая сделку пари, таковой не являлась в современном правовом понимании, так как не было условия об обязательстве, падающем на того, кто был неправ, а также не имелось выигрыша от случайного исхода (ст. 1062 ГК РФ). Данная конструкция представляет собой обычный гражданско-правовой договор по целевому распоряжению своим личным правом, но не отчуждению его. В-четвертых, само понятие «имущество» стало шире, потребовав уточнения, что оно не обнимает теперь интеллектуальные права, итоги работ и услуг. Таким образом, между концептами «имущественное» и «неимущественное» право появились также категории «иного имущества», иных благ – результатов работ и услуг и т.д. Пятая причина – усложнение оборота. Возникла необходимость охраны сложного целевого поведения, например голосования в крупных корпорациях по вопросу об избрании ключевых управленческих фигур или утверждения

программы стратегического инвестирования в хозяйственное общество. Само по себе указанное мероприятие напрямую не связано с имуществом, но исполнение соответствующей обязанности акционерами означает успех или фиаско проектов развития, налаживания дальнейших коммерческих связей, поэтому участие в нем (голосовании) невозможно считать не имеющим отношения к имущественной динамике и обороту.

Таким образом, важнейшая дефиниция «личные» последовательно вытесняет определение «неимущественные», превращая его в ненужное, неполное повторение. Вместе с тем словосочетания «неимущественный интерес», «неимущественные отношения» тяготеют к такому качеству, как неохраноспособные, не имеющие цивилистического содержания общественные взаимосвязи, необходимо завязываемые и возникаемые в любом социальном обществе независимо от уровня его развития. Такова обсуждаемая авторская точка зрения.

II. Альтернативная ответственность

Одна из идей нашей публикации заключается в том, что не только ст. 152 ГК РФ дает основания при нарушении личных прав взыскивать гражданско-правовые убытки.

К концепции деликтных требований в российском гражданском праве от доктрины советского периода перешел приоритет возмещения утраченного в натуре перед взысканием потерь, выразившийся в формуле ст. 1082 ГК РФ. В ст. 410 ГК РСФСР 1922 г. несение убытков предусматривалось при невозможности истребования восстановления в прежнем виде. Сегодня трактовка ст. 1082 Кодекса Верховным Судом РФ заключается в праве выбора средства правовой защиты истцом, а не судом⁵. Считаем такое решение неудачным, не основанным на букве нормы. Согласно ст. 1064, 307 ГК РФ причинение вреда порождает обязательство исправить, возместить, заменить поврежденное имущество или право, но, по смыслу законодателя, требование об убытках необязательственное, субсидиарное, по общему правилу сочетаемое в области обязательств с другими мерами защиты (п. 1 ст. 393 ГК РФ). По тексту статей 15, 1082 ГК РФ указанное правовое средство применяется отыскочно, вместо обязательства возмещения вреда, если так решил суд, а не по настоянию обиженной стороны (Monastyrskii, 2019).

До изложения следующей, если так можно выразиться, особенности регулирования возмещения вреда хотелось бы сделать важную ремарку о том, что целый ряд правоведов придерживается точки зрения, согласно которой в нашем концепте об ответственности присутствует дихотомия, а именно: она может быть договорной и внедоговорной. И если она возникла вне контракта, то непременно носит деликтный характер. Хотя имеются и более выверенные суждения (Gribanov, 2001:348; Sukhanov, 2016)⁶. Гражданско-правовая ответственность может появляться и вне

⁵ См., например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

⁶ «Внедоговорная ответственность, в частности, ответственность за причинение вреда, всегда состоит лишь в возмещении причиненного вреда...»; «Внедоговорная ответственность может использоваться только в прямо предусмотренных законом случаях и размерах и на императивно установленных им

соглашения, и вне какого-либо вреда вещам, например, при отказе заключить публичный договор (п. 3 ст. 426 ГК РФ), контракт, предусмотренный в законе, взять на себя обязательство поставки при ведении переговоров (п. 2 ст. 507 ГК РФ), при заключении сделки под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), при злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и т.д. Таких примеров много.

Именно гл. 59 ГК РФ применима при причинении вреда имуществу и личности (ст. 1064). Употребление важного философского понятия «личность» не случайно, оно уже категории «лицо», содержит в себе в том числе богословский смысл субъекта разума и действий, умеющего любить, творить, говорить, испытывать эмоции⁷. При нанесении вреда личности, по концепции ГК РФ, наступают последствия деликта. Спорным может быть вопрос: относится ли к личности свобода передвижения, выбора места жительства, право на благоприятную окружающую среду, физическую и психическую неприкосновенность (Maleina, 1997), другие нематериальные блага? Во всяком случае, конечно, они касаются лица, но может ли применяться при нарушении их гл. 59 о деликтах? В ст. 150–152.1 ГК РФ мы не находим на нее ссылок, в отличие от нормы ст. 1099 названной главы. Приведенные общие нормы по замыслу законодателя применяются не только к деликтным последствиям (при ущербе репутации и т. п.).

В российском гражданском праве усиливается и совершенствуется охрана нематериальных благ. Дополнением в ГК РФ⁸ был удлинен их перечень (п. 1 ст. 150) (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 33).

Теперь отечественная парадигма мер правового воздействия читается следующим образом. Нарушение личных прав влечет компенсацию морального ущерба, восстановительные принудительные меры гражданско-правового характера, опровержение ложных сведений, запреты и прочее, возмещение убытков в случаях, указанных в законе. Сам моральный вред присуждаем и при нарушении прямо названных в нормах имущественных прав (абзац первый ст. 151 ГК РФ).

Далее, моральный вред личности, по концепции ГК РФ, порождает деликтную ответственность, к которой применим § 1 «Общие положения о возмещении вреда» Кодекса, где мы находим судебную дискрецию в ст. 1082 о возможности вынесения решений о возмещении убытков вместо исправления повреждений. Позиция, что имущественную ответственность нужно налагать вместо морального вреда, уже высказывалась в литературе (Monastyrskaia, 2019). А ранее только профессора Н.С. Малеин (1975) и М.Н. Малеина (1997) в своих работах сделали выводы, что нарушения личного блага могут влечь возмещение имущественного вреда (Malein, 1975:30) и убытков (Malein, 1997:77). А ст. 667 Свода законов Российской империи гласила: «Виновный в нанесении личной обиды или оскорблений... может быть

условиях. <...> Она возникает при причинении личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением нарушителем обязанностей, лежащих на нем в силу договора с потерпевшей стороной»).

⁷ «Личность предполагает наличие таких способностей, как свободная воля, определение цели, выбор мотивов, нравственное чувство, словесность (разумность), творческая направленность в их проявлениях, жертвенная любовь» Режим доступа: <https://azbyka.ru/lichnost> (дата обращения: 25.01.2024).

⁸ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

присуждаем... смотря по состоянию и званию обиженного и по особым отношениям... к от одного до 50 рублей», – не упоминая степень вины, страданий и глубину переживаний⁹.

III. Вина как условие ответственности

Принципиально, что при определении размера компенсации суд руководствуется размером вины нанесшего обиду (ст. 1101 ГК РФ). Однако в п. 2 ст. 1101 ГК сказано: при безвиновной ответственности степень *culpa*, как и ее формы, не учитываются. Другими словами: безвиновное, то есть непредосудительное поведение, а также риски и случайности могут создавать условия для присуждения компенсации, лишая ее социально-правового назначения и свойства гражданско-правовой репресии.

Институт морального вреда пользуется большим вниманием теоретиков¹⁰. И мы уверены в его последующем совершенствовании. В главных нормах ГК РФ по этому вопросу (ст. 151) и пр. записано, что моральный вред взыскивается, когда законом он соединен с нарушением имущественных прав (потребителя и пр.), а также при покушении, собственно, на неприкосновенность личных благ. Однако такие иски, суды, споры у нас по большей части не считают серьезными¹¹. Номинальные взыскания назначались всегда в связи с имущественными претерпеваниями¹². Упомянутое Постановление № 33 должно исправить сложившееся положение, поскольку предусматривает необходимость усилить гражданско-правовые санкции за посягательства на любые нематериальные блага вообще.

Несовпадением регулирования и реальности являются основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда. Они, в отличие от визуально определимых дефектов, не представляются явными (Kostenkova & Yulova, 2017:71)¹³. Жертва всегда может утверждать, что она переносила очень существенные страдания и мучения, а это трудно проверить. Полагаем нелогичным вводить санкцию за моральный ущерб без умысла и неосторожности делинквента. Природа компенсации за переживания и муки карательная, а не восстановительная. Вместе с тем оценка поведения на предмет его виновности есть привычная функция суда.

⁹ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. СПб: Законоведение, 1908 (по 1 июня 1908 г.).

¹⁰ См., например: Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2023.

¹¹ Там же. С. 15 («...российские суды присуждают просто неприемлемо низкий размер компенсации в ситуации причинения вреда здоровью и иного грубого посягательства на личную физическую неприкосновенность (пытки, изнасилования и т.п.). То, что нередко взыскивается в качестве компенсации морального вреда в таких ситуациях, бросает вызов человеческому достоинству и постоянно провоцирует бурное возмущение в обществе. Особенный протест вызывают ситуации, когда символический размер компенсации взыскивается в пользу потерпевших, которые потеряли близких в результате деликта или столкнулись с тяжким вредом своему здоровью, а ответчиками, виновными в деликте, являются вполне платежеспособные корпорации или публичные образования»).

¹² Козлова Н. Приговор с шестью нолями // Российская газета. 2020. № 177 (8231).

¹³ «Системе норм, регламентирующих правоотношения истца и ответчика по делам о моральном вреде, свойственна нормативная неопределенность. Судебные решения по таким делам носят субъективный характер, размер компенсации не имеет четких регламентирующих норм, основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда имеют весьма размытые границы».

Противоправности в узком смысле без *culpa* быть не может. Возможность безвиновной ответственности, например за ошибочный административный арест и правоохранительные ошибки, ввиду невозможности знать ключевые обстоятельства, создала бы поток таких требований, если бы компенсация вреда была значительной. Поэтому на сегодняшний день выплачиваются критически небольшие суммы, унижающие истцов¹⁴. Добросовестные лица не станут заявлять подобные претензии. Институт компенсации морального вреда не будет развиваться из-за отсутствия дел и материала для предметного анализа судебной практики и ее обобщения высшими судами, дающими толчок дальнейшему доктринальному анализу, изучению вопросов о том, при каких условиях переживания должны приводить к имущественному наказанию.

Психический вред в Европе считается частью ущерба в виде неэкономических потерь. Суды исходят не из необходимости установления страданий, а из трудно опровергимой презумпции их существования (Shevchenko, 2019).

Если будет принято, что ответчик вместо морального ущерба может требовать возникшие в связи с его нравственными стеснениями убытки в качестве свободной опции, более трудной, но как средство правовой защиты более действенной, то это создаст импульс для требований. Считаем, что поддержка этих воззрений сделает средства правовой защиты, состоящих в возмещениях, более работоспособными. По нашему мнению, их величина насколько это возможно должна стремиться к полному восстановлению нарушенных прав или стоимости необходимых для этого мер. Вместе с тем назрела возможность логичного изменения судебных подходов, что уже давно отмечено в работах известных авторов (Erdelevskij, 2017).

IV. Правовое значение ст. 15 ГК РФ

В ч. 1 действующего ГК РФ, в его общих положениях, придается особое значение отдельным способам защиты гражданских прав, причем три из них выражают новую гуманистическую и социальную направленность гражданского права и заключаются в лишении силы правоприменительных актов, возмещении убытков, причиненных властными органами, компенсации ущерба, нанесенного их действиями (ст. ст. 12, 13, 16 и 16.1). Остальные средства отражают укрепление имущественной автономии частного лица, участника имущественного оборота, поэтому они называются «самозащитой гражданских прав» и «возмещением убытков» при любом нарушении благосостояния лица (ст. ст. 12, 14 и 15 Кодекса). Названные статьи являются универсальными, имеют прямое применение без опосредования специальными правовыми положениями.

Некоторые правоположения нуждаются в детализации. Например, п. 1 ст. 15 ГК РФ, гласящий: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере», – следует дополнить нормой о том, что ущерб, причиняемый правомерными действиями, компенсируется лишь в случаях, предусмотренных в законе. Отметим, что такие ситуации уже урегулированы в Кодексе, скажем, при разрешенном выходе из договоров, отзывах произведений, смене коммерческого обозначения и т.д. Необходимо зафиксировать, что

¹⁴ Козлова Н. Приговор с шестью нолями // Российская газета. 2020. № 177 (8231).

возмещение убытков сочетаемо с другими средствами правовой защиты, как это предусмотрено для обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ). Поэтому резонно продвигать позицию о том, что при любом нарушении своих личных прав истец всегда может взыскивать ущерб и упущенную выгоду в качестве общегражданского правового инструмента защиты, поскольку, повторимся, моральный вред компенсируется в результате физической боли, страданий, мук, недомоганий, переживаний, но последние также могут вызвать убытки, например, от потери своего дела, прибыли, способности к занятиям. Интересно, что в отечественной правовой традиции, измененной в советское время, в ст. 670 Свода законов Российской империи, мы находим прообраз нашей логики о возмещении имущественных последствий. Например, приводится такая норма: «Ежели, вследствие личной обиды или оскорблении, обиженный понес ущерб в кредите, или в имуществе, то обидевший или оскорбивший его обязан вознаградить за сии потери и убытки по усмотрению и определению суда»¹⁵ (ст. 670 Свода). Такое вариативное использование требований о возмещении укрепит российский гражданский правопорядок.

V. Развитие института судебным толкованием, расширяющим перечень объектов возмещаемого морального вреда

Важность Постановления № 33, на первый взгляд, в том, что оно расширило целевое назначение компенсации за нравственные переживания, каковые наступают при нарушении личных, а также имущественных прав, иных кроме прямо указанных в законе. Подход, теперь учитывающий душевное волнение от нарушения только упомянутых в законе имущественных прав, при несоблюдении обязанностей перед потребителями, работниками и т.д., был распространен на последствия умаления, нарушения, несоблюдения иных гражданских прав. В Постановлении № 33 приведены следующие примеры: «умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.)» (п. 4); «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (п. 5). Верховный Суд РФ выделил создающую высокую интенсивность причинения степень вины или самый тяжелый вид *culpa* – умысел, причем направленный на результат, а не на соблюдение или игнорирование предписаний, что важно для гражданского права. Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые составы гражданско-правовых нарушений имеют ту особенность, что они способны вызвать сокрушительные эмоции и иные душевные потрясения. Признание этого правоприменителем, по нашему мнению, – настоящий прогресс в развитии института морального вреда.

В выводах высшей судебной инстанции содержится подтекст со смыслом о том, что грубое правонарушение и серьезное посягательство на личные права, которые могут поколебать психическое равновесие, должны приводить к денежной компенсации за переживания и иное возбуждение чувств. Можно вспомнить, что проектирование ответственности, вызванное поведением должника в каких-либо обязательствах, было предусмотрено в Редакции Гражданского уложения Российской империи (1913 г.). Так, абзац второй ст. 1655 данного документа гласит: «Должник,

¹⁵ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая / сост. И.М. Тютрюмов. М.: Статут, 2004. 603 с.

умышленно или по грубой неосторожности не исполнивший обязательства, может быть присужден к возмещению и других, кроме указанных выше, убытков, хотя бы они заключались не в имущественном, а нравственном вреде, и не подлежали точной оценке». Статья сопровождается комментарием, что с частным интересом верителя, кредитора сочетаются тут и общие задачи: «Таким образом, должник, уличенный в умысле или в грубой неосторожности, обязан возместить … даже убытки, не подлежащие имущественной оценке, т.н. нравственный вред»¹⁶.

Другим, как упоминалось, поводом перейти к переосмыслению защиты духовных благ служит расширение в Постановлении № 33 открытого перечня объектов защиты, среди которых теперь названы способность к труду, выбор места работы, его качества, уважение родственных связей, защита от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения. На наш взгляд, это означает, что в настоящей области прослеживается тенденция перехода от индивидуального анализа к стандартизированной оценке, основанной уже на презумпциях наличия переживаний, терзаний и душевных расстройств в зависимости от существа затронутых личных прав и сути нарушения.

Это подтверждает возможность обратной взаимной порождаемости убытков от нравственного ущерба и от нарушения имущественных прав, когда имеют место разные моральные и материальные претерпевания. Возникает вопрос о совокупности обстоятельств, в которых признается правомерность возложения убытков на ответчиков вместо и помимо компенсации понесенного морального вреда.

VI. Вред – личности, убытки – лицу

Находясь в поле совершенствующегося правового регулирования, личные права граждан производны от постепенно возрастающего в числе и гарантированных правопорядком нематериальных благ, они, по нашему восприятию, не столько «ценности, принадлежащие лицам» в силу их рождения, хотя такая формула и запечатлелась в ГК (ст. 150), сколько условия, усиливающие деловую, интеллектуальную, интимную, творческую автономию лиц.

На ранних этапах правового развития подробнейшим образом охранялось только такое благо как честь. В предшествующем Своду законов Российской империи Соборном Уложении Царя Алексея Михайловича (1647 г.) число норм о штрафах и наказаниях в главе «О суде» за нарушение сановной и мирской чести доходили до двухсот¹⁷, поскольку в этом состоял механизм государственного управления в то далекое время. В советских кодексах упоминалось о таких нематериальных благах как: честь, достоинство, доброе имя, жизнь, здоровье, изображение, личные дневники и записи. В современном ГК их – четырнадцать. Упомянутое Постановление Верховного Суда № 33 называет двадцать пять нематериальных благ, однако в гражданско-правовой доктрине уже давно обсуждалось наличие свыше тридцати пяти неимущественных ценностей, создающих соответствующие личные права.

¹⁶ Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 249–250.

¹⁷ Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском Государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его Величества Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея России Самодержца. СПб.: При Императорской Академии наук. 1776. С. 24–99.

Интересы регулирования и правового развития ставят вопрос о действенной классификации личных прав, чем давно занимались наиболее авторитетные российские и советские ученые-правоведы, такие как О.А. Красавчиков, Л.О. Красавчикова, Н.С. Малеин, М.Н. Малеина, Е.А. Флейшиц и т.п. Первая наиболее известная систематизация получила отражение уже в первой редакции ст. 2 ГК РФ – это личные неимущественные права, связанные с имущественными (авторские права), и личные неимущественные права, не связанные с имущественными.

В 1997 г. в своей докторской работе профессор Малеина предложила более развернутую классификацию прав, обеспечивающих физическое благополучие, индивидуализацию, автономию личности, неприкосновенность тайны, жизни, авторских благ. Профессор Л.О. Красавчикова высказалась о соотношении личных прав, находящихся на разных уровнях бытия лиц: физиологическом, социальном, творческом (Krasavchikova, 1994:435).

У научной классификации имеется смысл, поскольку, сопоставляя общее и особенное, изучается природа, правовая сущность и подоплека явления. Но в юридическом отношении более ценным представляется систематизирование нематериальных благ, имеющих отличающийся режим охраны, в первую очередь, когда происходит применение несовпадающих параграфов ГК. Представляется наиболее содержательным деление личных прав как принадлежностей, юридических возможностей для личностей и обычных лиц.

Отечественная теория личных прав складывалась в советское время, тогда же появились и фундаментальные понятия, не могущие не иметь дальнейшее развитие и обогащение своего содержания. В своем основополагающем труде «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических государств» Екатерина Абрамовна Флейшиц писала: «В русском языке слово „личность“, несомненно, означает индивидуальность, стало в то же время синонимом к слову „лицо“» (Fleischitz, 2015:97).

Полагаем, что данный тезис, особенно сегодня, нуждается в пересмотре, так как личность – это неповторимость черт характера, внешности, собственных взглядов, поступков, внутреннего мира. Лицо – это обычный субъект, участвующий в экономической деятельности и т.д. Даже в Конституции используется формула: «Права человека и гражданина» (ст. 2). Поэтому при охране прав личности необходимо осуществлять индивидуальный подход, об этом, в частности, есть норма ст. 1101 ГК РФ, где говорится об особенностях личности с целью определения величины компенсации. При разрешении вопросов о полном возмещении или исчерпывающем восстановлении имущественного положения обычных лиц допустимо и, более того, рекомендуется обычная стандартизация. Она присутствует в п. 2 ст. 15, где говорится об упущенной «выгоде при обычных условиях оборота» и т. п.

Еще раз хотелось бы привлечь внимание читателей к тому, что гражданско-правовой вред, по букве нашего ГК, причиним личности, а не лицу. Не все нематериальные блага могут быть ассоциированы с ней как с носительницей особого внутреннего мира, неповторимой, изначальной божественной сущностью, поэтому такие блага, как неприкосновенность жилища, свобода передвижения, местопребывания и жительства, выбор рода деятельности и профессии, безопасность и гигиена, уважение родственных связей, охрана здоровья и медицинская помощь, принадлежат скорее лицу как обычному, среднему человеку, чем личности. Она воспроизводится и существует благодаря следующим благам, охраняемым законом: жизнь, достоинство,

неприкосновенность (личная и частной жизни), честь и доброе имя, деловая репутация, персональная и семейная тайна и авторство, – поскольку все вышеперечисленное относится к свойствам индивидуально-неповторимым («Личные права призваны охранять проявление индивидуальных черт, свойств и склонностей человека, призваны охранять личность в её индивидуальных особенностях, в том, что отличает ее от других, что делает индивида индивидуальностью») (Fleischitz, 1941:10). И на этом основано исследование обсуждаемой темы еще в 90-е годы (Maleina, 1997:2–3) после выхода первой части ГК РФ.

По строгой континентально-правовой логике концепция регулирования, которой должны следовать правоприменители, такова, что вред личности создает деликт, особое правонарушение, порождающее не ответственность, а обязательства, в данном случае – необходимость выплатить компенсацию вследствие перенесенных страданий, душевных волнений по общим положениям о деликтах, увы, требующих доказывания без обозначенной презумпции их претерпевания. Природа требования здесь обязательственная – именно так оно квалифицируется в ГК РФ (ст. 307). При посягательстве на другие нематериальные блага наступает общегражданская ответственность, а не деликтные последствия. Таким образом, в зависимости от того, например, можно ли считать ограничение свободы передвижения покушением на лицо или попранием прав личности, ответчик будет возмещать нанесенные моральный и имущественный ущерб или исполнять обязательства, проистекающие из нарушения духовного благосостояния истца.

В этих не сходно регулируемых полях возникают несколько различающиеся правовые результаты. Глава 59 ГК РФ устанавливает, в первую очередь, необходимость исполнения обязательств по возмещению вреда в натуре. Состав, структуру, размер, содержание имущественных либо личностных претерпеваний нужно изложить. При общегражданской ответственности ничего подобного делать не надо – достаточно лишь указать на денежную или содержательную оценку тех неправовых последствий, которые случились или ожидаются в будущем. В гл. 59 Кодекса переход к возмещению убытков осуществляется судом, хотя, по мнению ВС РФ, право избрать требование имеет истец. Однако в ст. 1082 ГК РФ такой нормы не содержится. Совершение деликта уравнивает всех причинителей перед лицом пострадавшего. Он может и требовать компенсацию потерь со всех привлеченных лиц, и давать оценки делинквентам, даже если они в процессе не участвуют. Ничего подобного не предусмотрено при несении договорной и общегражданской ответственности.

И, наконец, различие состоит в том, что по гл. 59 Кодекса убытки замещают вред, имущественный либо личностный. В силу же общегражданской ответственности можно говорить о сочетаемости ст. 15 ГК РФ с другими средствами правового воздействия, причем любыми, по крайней мере в области обязательств. При применении гл. 59 ГК РФ суд исходит из доказательств того, что пострадавший уже утратил свое имущество и понес страдания как личность. Формулировки ГК РФ считают эффектом вреда утрату или повреждение имущества, нарушение прав личности. Неполученная выгода, если нет нереализованного права требования, в силу обычных условий оборота не составляет результата вреда и не может входить в это понятие хотя бы потому, что нет умаления имущества, повреждения здоровья, причинения смерти и пр.

Впрочем, ст. 1082 ГК РФ по решению суда позволяет перейти к убыткам, устанавливаемым через расходы, которые сторона, чье право нарушено, должна будет произвести для его восстановления. Эта формула включает любую неполученную выгоду. При причинении вреда личности только делинквент принуждается к возмещению, но в ряде случаев законом установлена такая обязанность другого лица: опекуна, работодателя, сопричинителя.

При общегражданской ответственности восстанавливается право, а не имущество; возникает требование к лицу, чьи действия повлекли за собой нарушение материальных прав истца ввиду ограничения, например свободы передвижения и т.д. При деликтных последствиях важна не опровергнутая ответчиком вина, т.е. действует ее презумпция. В концепции общегражданской ответственности такого положения нет, и вина входит в состав формулы нарушения права, поскольку она проявляется при любом недолжном поведении. К сожалению, советская доктрина гражданско-правовой ответственности оперировала понятиями «противоправности» при «безвиновной ответственности» (Agarkov, 1940:150–152; Antimonov, 1950).

Специальное регулирование, когда по российскому законодательству возникает ответственность не то что без вины, а от событий, обстоятельств и вообще истечения сроков, относится в первую очередь к сфере договоров – главному основанию возникновения обязательств. Здесь случайное неисполнение, материализация рисков, просрочка могут вызывать возмещение убытков, уплату корректируемых судами штрафов. Причинение вреда влечет возникновение обязательств ликвидировать его последствия, предполагающих сначала добровольное исполнение.

Заключение

Статьи 151–152 ГК РФ предусматривают компенсацию как ответственность, а ст. 15 о возмещении убытков, по нашему мнению, должна применяться непосредственно в случае нарушения нематериальных, нематериальных благ обычных людей. Возникает вопрос о нужности и полезности такого разделения. В гражданском праве необходимы строгость терминологии, буквальная интерпретация текста при свободном толковании, дающем возможность извлекать новые смыслы из фундаментальных категорий. Важна и иерархичность норм, особенно при их отыскании применении. Только при строгом следовании правилам достигаются величайшие преимущества континентальной правовой системы: единство, предсказуемость и ясность, определенность регулирования. Свобода судов, а тем более частных лиц, отбрасывать тексты законов и использовать так называемые вольные правовые умозаключения будет означать разрушение системы континентального типа, общую неэффективность судебной системы и органов, разрешающих споры.

Законодатель и правоприменительная практика шаг за шагом двигались к идеалу гражданско-правового регулирования – к полному восстановлению не только имущества как такового, но и прав, существующих в динамике. Нематериальные блага невосстановимы в натуре, и в этой области принят компенсационный подход, зависящий от индивидуальных особенностей как пострадавшего, так и поведения делинквента, а также характера нарушения (ст. 1101 ГК РФ) по усмотрению суда. Всякое имущественное претерпевание, в том числе при покушении на личные права (репутацию и т. п.), возмещается суммами определимых убытков (упущенной выгоды из-за сорванных контрактов и пр.).

Первая часть ГК РФ ввела принцип полного возмещения через присуждение убытков, неминуемых либо понесенных (ст. ст. 15, 1064 ГК РФ), включая их субсидиарное применение при успехе доказывания (п. 1 ст. 393 ГК РФ). Наиболее передовая трактовка условий ответственности заключается в приоритетном применении норм специальных (ст. 1082 ГК РФ) впереди более общих (ст. ст. 10, 15 ГК РФ). Российская законодательная парадигма, сформированная исторически, гласит, что убытки личности, связанные с индивидуальными ее особенностями, взыскиваются вместо компенсации морального вреда, а убытки лицу как таковому, связанному с нарушением тайны переписки и т.д., и т.п. (ст. 150 ГК РФ), уплачиваются сверх названной компенсации вследствие следующих событий.

По причине утраты монополии марксистской идеологии в философском и общеначальном смысле прекратилось отождествление понятий «лицо» и «личность», и это не может не быть воспринято юриспруденцией. Согласно ГК РФ (ст. 1064), именно личность, а не лицо, как и имущество, защищаются гл. 59 и деликтными требованиями. Более широкая категория неимущественных прав без обозначенной ссылки к гл. 59 охраняется по регламентации гл. 8 «Нематериальной блага и их защита», компенсацией морального вреда (ст. 151 ГК РФ) и сверх этого взысканием убытков (п. 9, ст. 152, ст. 15 ГК РФ). Находясь в парадигме деликтной ответственности, права личности подпадают под действие специальной нормы ст. 1082 ГК РФ, предусматривающей либо исполнение деликтного обязательства (ст. 307 ГК РФ) нарушителем, а при умалении прав личности – это компенсация морального вреда, либо возмещение убытков, ибо такое смысловое и инструментальное содержание имеет ст. 1082 ГК РФ. Для уравнивания режимов законодатель мог бы заменить союз «или» на «и убытки». Но он этого не сделал, и стандарты континентальной правовой логики не позволяют нам это сделать самостоятельно. Вместе с тем ГК РФ (ст. 152) выделяет такие нематериальные блага, как честь, достоинство и деловую репутацию. Полагаем, что это личностные права, и они охраняются особо, более широким набором средств юридической защиты (опровержение сведений, в том числе после смерти, публикация своего ответа, отзыв клеветнического документа, уничтожение носителей информации, компенсация морального вреда и взыскание убытков), где убытки взыскиваются помимо и сверх сумм компенсации.

В заключение хочется подчеркнуть, что не подлежит сомнению, что общие нормы параграфа §1 гл. 59 ГК РФ применяются также по всем вопросам ее последующих параграфов (§2-4). Важно отметить, что имущественная компенсация и/или возмещение должны распространяться на все случаи посягательства на нематериальные блага (права).

References / Список литературы

- Agarkov, M.M. (1940) *Obligation under Soviet Civil Law*. Moscow, Juridical Publishing House of the USSR NKJ of the USSR Publ. (in Russian).
Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
- Antimonov, B.S. (1950) *The Significance of the Victim's Guilt in Civil Offence*. Moscow, Gosurizdat Publ. (in Russian).
Антиимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздан, 1950. 275 с.
- Busnelli F. D. et al. (2005) *Principles of European Tort Law. Text and Commentary*. Wien, Springer-Verlag Publ.

- Erdelevskij, A.M. (2017). On the Presumption of Infliction of Moral Harm. *Economy and law*. (11), 102–108. (in Russian).
 Эрделевский А.М. О презумпции причинения морального вреда // *Хозяйство и право*. 2017. № 11. С. 102–108.
- Fast, I. (2020) Methodological Recommendations on Determining the Amount of Compensation for Moral Damage in Case of Attacks on Human Life, Health and Physical Inviability of a Person. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmerra_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n [Accessed 25th January 2024]. (in Russian).
 Фаст И. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmerra_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 25.01.2024).
- Fleishits, E.A. (2015) *Selected Works on Civil Law*. In two vol. Vol. 1. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
 Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.
- Fleishits, E.A. (1941) Personal Rights in the Civil Law of the Union of Soviet Socialist Republics and Capitalist Countries. Moscow, Juridical Publishing House of the USSR NKJU Publ. (in Russian).
 Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 207 с.
- Gribanov, V.P. (2001) *Liability for Violation of Civil Rights and Obligations*. In: Gribanov, V.P. (eds.) *Implementation and Protection of Civil Rights*. 2nd ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
 Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.
- Kostenkova, I.Y. & Yulova, E.S. (2017) The Subject Proving on Affairs about Compensation of Moral Damage. *Herald of International Institute of Economics and Law*. 2 (27), 71–81. (in Russian).
 Костенкова И.Ю., Юлова Е.С. Предмет доказывания по делам о компенсации морального ущерба // Вестник МИЭП. 2017. № 2 (27). С. 71–81.
- Krasavchikova, L.O. (1994) *The Concept and System of Personal, Not Related to Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation*. PhD thesis. Ekaterinburg, Ural State Law University. (in Russian).
 Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... дра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
- Kuznetsova, A.M. (2013) Peculiarities of Legal Support, Implementation and Protection of Intellectual Property Rights in the Field of Sport. *RUDN Journal of Law*. (4), 134–141. (in Russian).
 Кузнецова А.М. Особенности правового обеспечения, реализации и защиты прав интеллектуальной собственности в области спорта // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 134–141.
- Malein, N.S. (1975) *Civil-Legal Status of the Individual in the USSR* In: Malein, N.S. (ed.). Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
 Малеин Н.С. Гражданско-правовое положение личности в СССР / отв. ред. Н.С. Малеин. М. : Наука, 1975. 399 с.
- Maleina, M.N. (1997) *Personal Non-Property Rights of Citizens (Concept, Realisation and Protection)*. PhD thesis. Moscow State Law Academy. (in Russian).

- Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (Понятие, осуществление и защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 431 с.
- Maleina, M.N. (1990) *Personal Non-Property Rights*: Training Manual. Moscow, VYUZI Publ. (in Russian).
- Малеина М.Н. Личные неимущественные права: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1990. 64 с.
- Monastyrsky, Y.E. (2019) Losses and Non-pecuniary Damage. *Civil Law Review*. 19 (2), 113–132. DOI 10.24031/1992-2043-2019-19-2-113-132. (in Russian).
- Монастырский Ю.Э. Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 2. С. 113–132. DOI 10.24031/1992-2043-2019-19-2-113-132.
- Opryshko, A.N. (2015) Status of the Right to the Image of the Athlete – Legal Aspect. *Education and Law*. 11–12 (75–76), 298–303. (in Russian).
- Опрышко А.Н. Статус права на изображение спортсмена – правовой аспект // Образование и право. 2015. № 11–12 (75–76). С. 298–303.
- Passek, E.V. (1893) *Non-Property Interest in the Obligation*. Yuriev, Tip. K. Mattisen Publ. (in Russian).
- Пасек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1893. 217 с.
- Pokrovsky, O.A. (1998) *Basic Problems of Civil Law*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Покровский О.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут. 1998. 352 с.
- Sadikov, O.N. (2005) (eds) *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article)* In: Sadikov, O.N. (ed.). 3rd ed. Moscow, CONTRACT Publ; INFRA-M Publ. (in Russian).
- Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садиков. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2005 (автор комментария к гл. 1 – О.Н. Садиков) (СПС «КонсультантПлюс»)
- Shevchenko, L.I. (2019) Comparative-Legal Analysis of the Concept of “Moral Harm” in Domestic and Foreign Law. *Modern Law*. (1), 121–126. <https://doi.org/10.25799/NI.2019.65..1..019> (in Russian).
- Шевченко Л.И. Сравнительно-правовой анализ понятия «моральный вред» в отечественном и зарубежном праве // Современное право. 2019. № 1. С. 121–126. <https://doi.org/10.25799/NI.2019.65..1..019>
- Sininsky, V.I. (1917) *Russian Civil Law*. Kiev. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев. 1917. 258 с.
- Sinitsyna, N.I. (2017) Elements and Legal Nature of the Right to the Image of the Athlete. *Petersburg Lawyer*. (1), 91–104. (in Russian).
- Синицына Н.И. Элементы и правовая природа права на образ спортсмена // Петербургский юрист. 2017. № 1. С. 91–104.
- Sukhanov, E.A. (2016) *Russian Civil Law*: Textbook: In two vols. Vol. I: *General Part. The law of property. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights*. In: Sukhanov, E.A. (ed.). 4th ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд. М.: Статут, 2016. 958 с.
- Tyutryumov, I.M. & Saatchian, A.L. (1910) *Civil Code Draft: Prepared by the Highest Editorial Commission (with Explanatory Notes)*. Vol. 2. Saint-Petersburg, Publication of the bookshop “Zakonovedenie”. (in Russian).
- Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчян. Т. 2. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910.
- Yakovchuk, T.V. & Kravtsova, A.A. (2018) Legal Regulation of the Use of the Athlete’s Image for Commercial Purposes. *Bulletin of Modern Studies*. (10.8 (25)), 67–70. (in Russian).

Яковчук Т.В., Кравцова А.А. Правовое регулирование использования изображения спортсмена в коммерческих целях // Вестник современных исследований. 2018. № 10.8 (25). С. 67–70.

Сведения об авторе:

Монастырский Юрий Эдуардович – доктор юридических наук, профессор кафедры Гражданское право и процесс, Севастопольский государственный университет, профессор кафедры Международного частного и гражданского права, МГИМО МИД России; 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-6999-8150, SPIN-код: 6378-9760

e-mail: monastyrsky@mzs.ru

About the author:

Yuri E. Monastyrsky – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Civil Law and Procedure, Sevastopol State University; Department of International and Civil Law, MGIMO MFA of Russia; 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-6999-8150, SPIN-code: 6378-9760

e-mail: monastyrsky@mzs.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

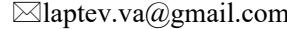
EDN: YFKCYM

Научная статья / Research Article

Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности

В.К. Андреев¹, В.А. Лаптев^{1,2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
laptev.va@gmail.com

Аннотация. Сущность складывающихся между участниками рынка предпринимательских отношений на современном этапе во многом предопределена смешанной системой экономики России. В статье отмечается потребность переосмысливания вопроса регулирования основ конституционного строя в нормах Гражданского кодекса РФ о формах права частной и публичной собственности, и использования их в предпринимательской деятельности. Доказывается, что в современных условиях вещь не может рассматриваться как обобщенное понятие, охватывающее все виды материального продукта, существующего в реальном человеческом восприятии, а само вещное право – охватывать все элементы права собственности. Собственность – многоаспектное понятие, характеризуемое правоведами через личные качества его носителя (правообладателя), но отношения собственности в экономическом понимании нельзя использовать для объяснения установленных законом всех форм собственности. Подход к коммерческой корпорации как искусственно созданному субъекту, а не реально существующей организации с органами управления и работниками, исключает обнаружение существующих правовых связей обладателей акций (долей в уставных капитала) с корпорацией и не позволяет утверждать о наличии в праве собственности хозяйственного общества элементов имущества, принадлежащего корпорации. Стопроцентное участие публично-правового образования в акционерном обществе не свидетельствует о полной утрате им права собственности на имущество общества, поскольку у него сохраняются право распоряжения и управления акциями – корпоративные правомочия. Существующая конструкция законного представительства, наделяющая участника корпоративной организации правом защищать от имени последней ее материально-правовой интерес в суде посредством заявления требования о взыскании причиненных обществу убытков, свидетельствует об участии члена корпорации в определении судьбы ее имущества. В заключении делается вывод о трансформации сущностного значения права собственности в российском законодательстве и необходимости переосмысливания общих положений о частной и публичной собственности, изложенных в Гражданском кодексе РФ. Предлагается принятие отдельного закона о федеральной собственности и управлении ею.

© Андреев В.К., Лаптев В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: собственность, формы собственности, частная собственность, публичная собственность, имущественное право, земля и природные ресурсы, доли (акции), приватизация, национализация, предпринимательство, промышленная политика, технологический суверенитет

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Андреев В.К.* – общая концепция статьи, введение, основная часть, выводы; *Лаптев В.А.* – основная часть, выводы, общая редакция, список литературы. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 13 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Андреев В.К., Лаптев В.А. Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 400–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

Legal problems in public-private property interactions within entrepreneurship

V.K. Andreev¹ , V.A. Laptev^{1,2}

¹Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL), *Moscow, Russian Federation*
laptev.va@gmail.com

Abstract. The nature of contemporary entrepreneurial relations among market participants is significantly shaped by Russia's mixed economy. This article argues for re-evaluation constitutional foundations of the Russian economic system within the Civil Code of the Russian Federation, specifically regarding the regulation of private and public property rights, and their application in business activities. It contends that, in modern contexts, a "thing" can no longer be considered a generalized concept encompassing all material products, and that property rights cannot encompass all elements of ownership. Property is a multidimensional concept, characterized by legal scholars through the personal qualities of its holder. However, economic-based property relations alone cannot explain all forms of ownership established by law. The approach to a commercial legally established forms of ownership. Treating a commercial corporation solely as an artificial entity, rather than a real organization with management and employees, obscures the legal connections between shareholders and the corporation. This perspective prevents the recognition of corporate ownership elements belonging to the corporation itself. Furthermore, a public legal entity's 100% ownership of a joint-stock company does not necessarily indicate a complete loss of its ownership rights over the company's assets, as the entity retains the right to dispose and manage shares, exercising corporate powers. The existing legal representation structure, allowing a corporate member to defend the company's material interests in court through claims for damages, demonstrates the member's participation in determining the fate of the company's property. The article concludes that the essential meaning of property rights in Russian legislation is undergoing transformation, necessitating a reassessment of the general provisions on private and public property set out in the Civil Code of the Russian Federation. The authors propose the adoption of a separate law governing federal property and its management.

Key words: property, forms of ownership, private property, public property, property law, land and natural resources, shares, privatization, nationalization, entrepreneurship, industrial policy, technological sovereignty

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Andreev V.K. – conceptualization, introduction, main body, conclusion; Laptev V.A. – main body, conclusion, general editing, references. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 13th June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Andreev, V.K., Laptev, V.A. (2025) Legal problems in public-private property interactions within entrepreneurship. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 400–415. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

Введение

Модернизация гражданского законодательства, проводимая в соответствии с Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108¹, не затронула раздел II ГК РФ о праве собственности и других вещных правах, обозначенный в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации «Вещное право»².

Теоретическое обоснование изменений в разделе II части первой ГК РФ, а также подготовленный ко второму чтению проект федерального закона № 47538-6³ изложены в ряде фундаментальных работ отечественных правоведов (Sukhanov, 2017; Vitriansky, 2018), в которых вещное право рассматривается как подотрасль гражданского права, являясь более общим понятием чем право собственности. Основываясь на трудах дореволюционных отечественных и зарубежных, прежде всего немецких, ученых, отмечается, что появление теории вещных прав связано с обеспечением экономически необходимого и юридически прочного участия одного лица в праве собственности другого лица на земельный участок (Sukhanov, 2017: 23).

Развитие отечественного законодательства и юридической доктрины с учетом конституционных основ экономического уклада в стране и складывающейся системы обеспечения публичного порядка позволяют переосмыслить данный подход следующим образом.

Общие положения о праве собственности в главе 13 ГК РФ необходимо развивать в согласованности с экономическими основами конституционного строя России, а также новой редакции Конституции Российской Федерации. Право частной собственности определяется как доминирующая форма обладания имуществом, право собственности на землю и другие природные ресурсы⁴ рассматривается как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а право государственной собственности на землю и природные ресурсы остается за теми объектами, которые не находятся в муниципальной или частной

¹ Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: 2009. С. 72–100.

³ Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ Природные ресурсы – компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность (ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

собственности. В гражданском законодательстве важно определить роль всех форм собственности в целях устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, в том числе путем развития предпринимательства и частной инициативы.

Категории «публичная собственность» или «публичная форма собственности», обозначающие принадлежность имущества публично-правовому образованию, практически не употребляются в действующем российском законодательстве, однако подробно исследованы в правоведении (Vinnitsky, 2013: 88-89; Nizov, 2020). Вместе с тем рассматриваемые категории активно используются Верховным Судом РФ⁵ и в таком же ключе толкуются Конституционным Судом РФ⁶.

Поскольку сфера действия гражданского законодательства охватывает и предпринимательскую деятельность, требуется более тщательное отражение ее особенностей как квалифицированного вида экономической деятельности. С 2014 года в ряде норм, посвященных деятельности некоммерческих организаций, законодатель стал использовать формулировку «приносящую доход деятельность»⁷, причем ее сущность и содержание не изменились. Вместе с тем в Законе о некоммерческих организациях до настоящего времени содержится дефиниция «предпринимательская деятельность».

В Конституции РФ природные ресурсы характеризуются не как объекты присвоения граждан, юридических лиц или публично-правовых образований, а как элементы благоприятной окружающей среды. Реализация правомочий владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами свободно, но лишь при условии непричинения ущерба окружающей среде и отсутствии нарушений прав и законных интересов иных лиц (п. 2 ст. 36 Конституции РФ). Считается, что Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) включил в себя множество частноправовых норм, не укладывающихся в общие нормы гражданского законодательства (Sukhanov, 2017:40), а разногласия между положениями ЗК РФ и ГК РФ следует разрешать с позиций конституционного регулирования. Этим критерием необходимо руководствоваться также при разграничении тематики научных исследований между специальностями научных работников 5.1.3 и 5.1.2⁸, учитывая, что природные ресурсы в значительной степени подвергаются и публично-правовому регулированию.

Небеспочvenна дискуссия на тему возможности рассматривать вещные права в качестве особого гражданского-правового режима. Сам по себе термин «режим» не подходит к их приобретению и осуществлению своей волей и в своем интересе. Глава 2 и раздел II ГК РФ не содержат признаки вещных прав о «юридической прочности», а пассивная обязанность всех третьих лиц не нарушать их не является гражданско-правовой и не может характеризовать специфику определенного класса субъективных прав (Sinitsyn, 2016: 57). В связи с этим и вывод о том, что вещные

⁵ Напр., см.: п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке».

⁶ Напр., см.: п. 19 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2024 года.

⁷ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁸ См.: приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // СПС Консультант Плюс.

права могут создаваться только законом, не находит достаточного своего подтверждения.

Представленное исследование является актуальным с учетом проводимой на современном этапе в реальном секторе экономики промышленной политики России (Ershova & Laptev, 2024). Инструментарий технологической политики страны во многом основан на эффективном использовании имущества государства в сочетании с отечественными технологиями⁹.

О категориях собственности, имущества и вещи

В юридической литературе отмечается, что существующая в стране правовая система исключает ряд классических признаков вещных прав (Sukhanov, 2017: 52). Представляется, что нет достаточных оснований для включения в ГК РФ владения как особого, самостоятельного вещного права (фактического господства лица над объектом). Фактическое отношение к вещи не представляет собой правовое явление, а выражает лишь фактическое отношение либо как незначительное по силе субъективное право «с довольно скучным содержанием». Подобная характеристика дореволюционных российских ученых В.И. Синайского и Е.В. Василевского вполне заслуживает внимания и в настоящее время (Sinaisky, 1914; Vaskovsky, 1894).

Вводя в научный оборот понятие «гражданско-правовой режим», предполагается, что вещь является не только материальным предметом, но и имеет форму товара и по этим признакам относится к объектам гражданских прав. В то же время природные ресурсы (например, нефть, газ или электроэнергия) могут и не признаваться вещами в физическом аспекте их рассмотрения, но обладают свойством товара. В этой связи не является верным утверждение о том, что природные ресурсы, извлеченные из недр, электроэнергия в сетях не являются материальными предметами, получившими форму товара. Ввиду данных обстоятельств предлагается более широкое понимание вещи как материального продукта, который не только отражает существующее физическое состояние, бытие предметов материального мира, но и позволит избежать ненужных обобщений, которых и так много в самом ГК РФ.

Представляется, что существующие структуру и содержание ГК РФ можно дополнить положениями, раскрывающими собственность как триаду правомочий в вещных отношениях. В ст. 2 ГК РФ вещные права отграничены от имущественных отношений, что в дальнейшем находит свое отражение в разделе II (ст. ст. 209–306). Отдельные виды предпринимательской и иной экономической деятельности, в процессе ведения которых хозяйствующими субъектами реализуются правомочия собственника, регламентируются действующим законодательством.

В известной степени, основу частноправовых отношений составляют равноправие и автономия их участников. Учитывая данный тезис, главным исходным объектом гражданских прав должно стать имущество, а не вещь. Тогда на месте окажется и формулировка о содержании права собственности (триаде правомочий) в отношении вещей, имущественных прав (в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Кроме

⁹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

того, в условиях масштабной цифровизации экономики страны появились новые, ранее неизвестные обществу, получившие популярность и реальный спрос цифровые активы (цифровое имущество) и соответствующие виды экономической деятельности (Andreeva et al., 2020).

Такой подход означает, что раздел II ГК РФ должен сохранить свое нынешнее название, а о «вещах» можно вспоминать, читая хрестоматийную «Институцию Гая», а именно книги «О лицах», «О вещах», «Об обязательствах» и «Об исках».

В ряде стран постсоветского пространства, несмотря на положения ст. 23 Модельного Гражданского кодекса для государств-участников СНГ, которые во многом были продублированы, в частности в ст. 128 ГК РФ и в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, к примеру, в Казахстане используется в качестве родового более удачный термин – «имущество», охватывающий собой как вещи, так и иное имущество (п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан).

Вряд ли запутанность в понимании термина «собственность» следует объяснять длительным отсутствием в отечественной правовой науке категории вещного права как в объективном, так и в субъективном праве, и говорить не о термине, а о категориях собственности и права собственности. Надо отметить, что в ГК РФ не всегда выдерживается четкое соотношение между имущественными правами, прежде всего экономическими и их квалифицированного вида – предпринимательскими, и самими правами и обязанностями граждан и юридических лиц. Так, регулируемые гражданским законодательством отношения в ст. 2 ГК РФ определяются как основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав.

В отличие от юридического лица, сделки, обязательства и договоры в ГК РФ не определяются с использованием понятия собственности, а упоминается только их содержание. Совершенно необоснованно приписывается правоведам, в том числе одному из авторов настоящих строк, позиция, согласно которой они отождествляют экономически и юридически отношения собственности. Позиция авторов, в частности С.А. Зинченко, о выделении «управленческой формы собственности» (Zinchenko & Galov, 2003:28–29), не может опровергаться тем, что она ведет к смешению различных правовых режимов: вещных, корпоративных и обязательственных (договорных) прав, то есть сама не основана на нормах гражданского законодательства.

Собственность в предпринимательских отношениях

Обоснованность научных взглядов предлагается аргументировать нормами и принципами российского законодательства, поскольку отечественная правовая система, несмотря на существенное влияние на ее становление немецкой юридической доктрины, обладает своей самобытностью (Leger, 2009:233). Подход о том, что формы собственности представляют собой экономические, а не юридические категории, периодически небеспочвенно подвергается критике и требует переосмыслиния.

Характеристика экономических отношений собственности исключительно как присвоение и выделение субъектов права и субъектов присвоения не раскрывает всей глубины данного явления. Отношения собственности в экономическом понимании – фундаментальная категория, и вряд ли она в юридическом аспекте может быть полностью исследована. Собственник определяет юридическую судьбу своего имущества в рамках установленных нормативными правовыми актами правомочий, при условии, что реализация прав собственника не нарушает права

и законные интересы других участников общественных отношений, то есть правом собственности являются *действия собственника* со своим имуществом. Иными словами, мы обозначаем их «реализацией правомочий» собственника.

Имущество не следует обозначать категорией «собственность», поскольку оно всего лишь объект, принадлежащий собственнику, с которым или по поводу которого совершаются действия, в своей совокупности образующие отношения права собственности. В тех случаях, когда собственником имущества является юридическое лицо – корпоративная либо унитарная организация, действия с имуществом совершают органы или работники организаций.

Ярким примером трансформации подходов к видам экономических деятельности, в результате ведения которых возникают качественно новые продукты, служит цифровое имущество. Так, в процессе майнинговой деятельности, работы искусственного интеллекта и применения иных информационных технологий создаются объекты, существование которых возможно лишь в цифровом пространстве (цифровая валюта, NFT, бизнес-аккаунты, виртуальное имущество и др.). Вместе с тем данное цифровое имущество, обладая экономической ценностью и соответствующим спросом на рынке, на практике используется и в предпринимательских отношениях, однако требует дополнительной законодательной регламентации.

В коммерческих корпорациях сохраняется «раздвоение» между имуществом юридического лица и долей участника общества как стоимостного выражения части чистых активов корпорация – конкретное имущество, определяемое в момент выхода участника из корпорации, отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, передачи акций (доли) в залог и т.д., обозначаемого корпоративной собственностью (Andreev, 2007:80–81). Данное раздвоение не только экономических отношений собственности, но и права собственности каждого из участников коммерческой корпорации, органически связанных с правом собственности юридического лица, нельзя назвать единым и единственным.

В корпоративном законодательстве и доктрине категория «собственность» в ряде случаев используется для обозначения соответствующего актива либо объема правомочий, что позволяет утверждать о возможности ее рассматривать в качестве юридического приема, например, обозначая корпоративной собственностью объем корпоративных прав в отношении хозяйственного общества (Laptev, 2017:62–68).

Не случайно уставный (складочный) капитал хозяйственных обществ (товариществ) разделяется на доли (вклады), в соответствии с которыми определяется объем полномочий участников. В корпоративном праве *«принцип отделения»* имущества корпорации от имущества ее участников перекрывает принцип ответственности юридического лица своим имуществом (ст. 56 ГК РФ). Право участника коммерческой корпоративной организации требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам помимо его воли (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ), а также право участников хозяйственного общества устанавливать в корпоративном договоре право приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздержаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ) свидетельствуют о возможностях участников коммерческой корпорации распоряжаться своей долей (акциями), хотя считается, что они находятся в собственности юридического лица.

Многочисленные нормы о субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц¹⁰ добавляют аргументацию в защиту тезиса о связи участников с имуществом общества.

Наличие такого логического противоречия, когда лицо распоряжается имуществом, которое находится в собственности другого лица, может быть отменено не делением отношений собственности на экономические и юридические, а особым строением собственности хозяйственного общества, в котором имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), подвергается особому правовому регулированию. В этих случаях происходит не «смешивание» собственности в предусмотренном ГК РФ порядке, а осуществляется распоряжение и управление долей в уставном капитале (акциями) их владельцами.

Акционерное общество со стопроцентным участием государства является собственником его имущества, полученного как за счет вкладов, так и произведенного и приобретенного обществом в процессе его хозяйственной деятельности. Вместе с тем ряд ученых полагает, что «все встает на свои места, как только речь заходит об имущественной ответственности по долгам такой корпорации, которую государство не захочет и не будет нести за счет своего (казенного) имущества» (Sukhanov, 2017:111).

Не является объективным отнесение к имуществу государства только государственной казны Российской Федерации, поскольку те же вклады в хозяйственные общества могут вносить и унитарные предприятия¹¹.

Видится также любопытным положение п. 6 ст. 66 ГК РФ о невозможности публичных органов участвовать «от своего имени» в акционерном капитале хозяйственных обществ. В 2001 г. данная норма была прокомментирована Высшим Арбитражным Судом РФ с оговоркой на то, что государственные органы все же вправе участвовать в хозяйственных обществах, но лишь в тех, которые создавались по законодательству о приватизации, то есть в процессе приватизации¹².

Находящиеся в федеральной собственности акции общества могут являться самостоятельным имущественным правом, которое передается в другие юридические лица. Так, примером служит передача Государственной корпорации «Ростех» в качестве имущественного взноса государства 6,1 млн обыкновенных именных бездокументарных акций акционерного общества Дальневосточное производственное объединение «Восход», составляющих сто процентов его уставного капитала¹³. Ростеху также переданы сто процентов акций, находящихся в федеральной собственности, преобразованных в акционерные общества двенадцати федеральных казенных и федеральных унитарных предприятий.

Нахождение ста процентов акций одного акционерного общества, переданных в качестве имущественного взноса в имущественном комплексе другого юридического лица, не означает смену формы собственности, учитывая, что уставный

¹⁰ Напр., см.: ст. 64.2 ГК РФ, ст. 61.11 Закона о банкротстве, п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО и др.

¹¹ См.: ст. 13 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

¹² См.: п. 14 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2001 г. № 60 // Вестник ВАС РФ. 2001. № 5.

¹³ Указ Президента РФ от 30 декабря 2022 г. № 987 «Об имущественном взносе Российской Федерации в Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции "Ростех"» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 204.

капитал представляет не все имущество акционерного общества, а служит лишь одним из показателей финансового положения юридического лица. В акционерном обществе стопроцентное участие государства также не дает основание для утверждения, что имущество общества перестает быть объектом государственной собственности, поскольку внесение вкладов в хозяйственное общество не является реорганизацией, а также способом приобретения или прекращения права собственности. Уставный капитал хозяйственного общества с делением на доли (акции) не позволяет окончательно завершить оформление юридического лица как единого и единственного собственника, поскольку распределяются и корпоративные правомочия в отношении юридического лица, в том числе по управлению его имуществом.

При передаче федерального имущества государственной корпорации можно констатировать, что последняя реализует лишь полномочия по осуществлению от имени Российской Федерации управления правами собственника федерального имущества (управленческая компетенция). При этом наделение госкорпорации правом собственности критикуется в правоведении (Tolstoy, 2009:98–102). Данный вопрос вещного права не был решен и при реформировании гражданского законодательства, на что учеными неоднократно обращалось внимание (Tolstoy, 2010:31–38; Gabov et al, 2022:227–247). Предлагается также нейтральный подход о рассмотрении собственности госкорпораций как «иной», не частной, формы собственности (Kleandrov, 2008:30–38).

Учитывая изложенное, полагаем, что конституционный принцип равенства всех форм собственности носит смешанный – экономико-правовой характер. Признание в ст. 8 Конституции РФ многообразия форм собственности вовсе не означает и экономического равенства. Одно дело государственная собственность, к которой относится государственная казна (средства федерального бюджета и иного государственного имущества), другое – закрепленное за предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущество (то есть на производном от права государственной собственности вещественном титуле). Кроме того, отдельные виды имущества могут находиться исключительно в публичной собственности (Andreev, 2004:75–91; Golubtsov, 2019:130–151), в связи с чем о фактическом равенстве форм собственности не может быть речи. Не может быть и *единого права собственности*, содержание которого будет определяться в отрыве от объема правомочий его правообладателя. Данное предположение прямо противоречит положению п. 3 ст. 212 ГК РФ, указывающему на особенности реализации прав собственника отдельными участниками общественных отношений (гражданами, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями).

Другим теоретическим вопросом выступает объяснение с позиции единого права собственности передачи в порядке приватизации публичным собственником своего имущества в собственность граждан и юридических лиц (ст. 217 ГК РФ), и наоборот – в государственную собственность имущества, ранее находящегося в частной собственности (например, п. 9 ст. 235 ГК РФ). В том или другом случаях, предусмотренных законом, меняется юридическая форма собственности.

То обстоятельство, что различные виды и формы права собственности не известны ни одному из развитых зарубежных правопорядков, не может служить основанием для игнорирования закрепленных в ГК РФ различных форм права собственности, исходящих к тому же из конституционных положений.

Всестороннюю научную оценку взгляда, что форма собственности лишена реального юридического смысла дал А.В. Винницкий (Vinnitsky, 2013:90–92),

который соглашается с мнением Е.А. Суханова о том, что в экономическом плане существует частная и публичная формы собственности, и иных форм собственности нет и не может быть. Однако А.В. Винницкий резонно замечает необходимость адекватного юридического опосредования объективных экономических закономерностей. Можно поддержать и другой его вывод о том, что вопросы публичной формы собственности в правоведении выходят за пределы сугубо субъектов вещного права, а конституционный принцип равной защиты всех форм собственности не означает тождества их правового регулирования.

Объекты гражданских прав, в том числе вещи, обладают свободной оборотоспособностью при условии отсутствия законодательных запретов (ст. 129 ГК РФ). К примеру, при исполнении договора купли-продажи не учитывается форма собственности товара, передаваемого в собственность другого лица. Не имеет значения форма собственности на имущественную основу предприятия, выступающего подрядчиком (исполнителем) по договору выполнения подрядных работ или оказания услуг, по результату исполнения которого заказчику передаются объекты гражданского оборота, обладающие материальным выражением. Особым случаем также представляется соглашение о публично-частном партнерстве, одним из элементов которого, в частности, выступает возникновение у частного партнера права собственности на соответствующие объекты соглашения¹⁴.

Видится интересным и то обстоятельство, что в зависимости от правообладателя меняется набор правомочий в отношении объекта собственности – имущества. К примеру, организации реализуют правомочия в отношении принадлежащих им земельных участков в установленных законодательством рамках (ст. 43 ЗК РФ), в то время как реализация правомочия государства содержит в себе двойственный характер: частноправовой (возможность их приватизации в частную собственность либо заключении соглашения о разделе продукции с инвесторами) и публичноправовой (регулирование вопросов вовлеченности земель в сельскохозяйственный оборот, изъятие их для государственных нужд и т.д.).

Экономическое содержание собственности не может характеризовать присвоение конкретным лицом имущества и одновременное отчуждение его от других лиц. Экономические отношения, в отличие от правовых, представляют собой абстрактные связи без выявления конкретных лиц, в них присутствующих. Видится дискуссионным утверждение о том, что в силу положений ГК РФ любая форма собственности является «частной», в том числе принадлежащей государству. Как представляется Л.В. Щенниковой, «с позиции гражданского права нет форм собственности, а есть различные субъекты этого права» (Shchennikova, 1996:24).

Участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. С точки зрения правового регулирования представляется верным деление в ст. 212 ГК РФ субъектов права собственности по принадлежащему им имуществу: физические и юридические лица; публичноправовые образования. Упоминание в ст. 124 ГК РФ положения об участии Российской Федерации ее субъектов и муниципальных образований на равных началах в отношениях с гражданами и юридическими лицами, опровергается последующими статьями главы 5 ГК РФ, где устанавливается порядок их участия в гражданском обороте, ответственность по своим обязательствам.

¹⁴ См.: ст. 3 и 6 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

Ключевое положение гражданского законодательства – граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе – не находит прямого регулирования в правоотношениях с участием государства. Более того, правомочия в отношении федеральной собственности дополняются ее управлением (Andreev, 2004:153–159), осуществляемым Правительством Российской Федерации (подп. «г» п. 1 ст. 114 Конституции РФ).

Исходя из утверждения о том, что ГК РФ – акт частного права, в нем лишь по «остаточному принципу» перечислены объекты, которые могут находиться в публичной собственности, в отличие, например, от Гражданского кодекса КНР¹⁵, где объекты общегородской собственности прямо указаны в статьях 246–254. В перечень указанных объектов, в частности, входят полезные ископаемые, водотоки, морские акватории, городские земли, леса, горы, дикие животные и средства национальной обороны (железная дорога, объекты электротехники, телекоммуникационные объекты и др.). В Казахстане земля, ее недра, воды и иные природные ресурсы принадлежат народу, от имени которого право собственности реализует государство посредством действия в их отношении режима государственной собственности (ст. 193 Гражданского кодекса Республики Казахстан).

При признании равной защиты всех форм собственности никуда не исчезают особенности в приобретении и осуществлении полномочий того или иного вида собственника, видов имущества, которые могут находиться в публичной собственности. Формальное равенство различных титулов собственности не позволяет определять, какие виды имущества являются государственной собственностью после предварительного отнесения их к частной собственности, как это было применительно к природным ресурсам (п. 2 ст. 214 ГК РФ).

Отмеченные обстоятельства позволяют сделать вывод, что публичный аспект государственной федеральной собственности и вопросы управления ею должны получить развернутое правовое регулирование в форме отдельного федерального закона (Andreev, 2024:28–32). Более того, подобные вопросы применительно к собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности уже нашли свое отражение в специальных законах¹⁶, и в данной части рассматриваемой проблематики дискуссия не актуальна.

По сравнению с Законом РСФСР о собственности (1990 г.)¹⁷ право частной собственности граждан и юридических лиц в положениях ГК РФ изложено лишь в одной статье 213. В разделе II указанного Закона праву частной собственности резонно было посвящено две главы, одна из которой определяла правовой режим собственности граждан (ст. ст. 9–13), другая, – юридических лиц (ст. ст. 14–16). Особое внимание уделялось праву собственности гражданина, осуществляющего предпринимательскую деятельность (ст. 11), *собственности предприятия*, как хозяйственных обществ и юридических лиц, созданных в качестве собственников имущества (ст. 14) и *собственности предпринимательского объединения* (ст. 16).

¹⁵ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / 中华人民共和国民法典. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2020-06/01/content_5516649.htm (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973; Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁷ Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

Не выделив особенности правового положения гражданина как субъекта предпринимательской деятельности (ст. 2 и 401 ГК РФ), приравняв его к правам коммерческой организации (ст. 23 ГК РФ)¹⁸, оказалась ослабленной защита чести и достоинства граждан и уважения человека к труду ввиду отсутствия конкретных критериев неосновательного, помимо уголовно-правового аспекта, обогащения за счет третьих лиц, а также критериев изменения количества и видов имущества в собственности гражданина (например, применительно к земельным участкам на праве пожизненного наследуемого владения).

Общие положения ст. 213 ГК РФ закрепляют возможность нахождения любого имущества в собственности граждан и юридических лиц, вне зависимости от его количества и стоимости. Исключение составляют те объекты права собственности, которые обеспечивают защиту конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборону страны и безопасность государства. Хотя в отличие от Закона о собственности в РСФСР специально не выделяется право собственности общественных объединений (организаций), но в названной статье указывается, что общественные и религиозные организации, благотворительные и иные фонды, являясь собственниками приобретенного имущества, могут его использовать для целей, предусмотренных их учредительными документами.

Существенные отличия между частной и публичной собственностью не в полной мере отражаются и в судебной практике. Вместе с тем отдельные разъяснения безусловно заслуживают внимания. В частности, приводятся разъяснения того, что акционерные общества, созданные в процессе приватизации посредством реорганизации в форме преобразования, становятся, как *правопреемники*, собственниками имущества, включенного в план приватизации и передаточный акт¹⁹. Известно, что правопреемником является лицо, приходящее в материальном правоотношении на замену прежнего лица-правопредшественника (ст. 58 ГК РФ), в данном случае – государства. В этой связи возникает вопрос о том, что же меняется: субъект права собственности или форма собственности? Если мы утверждаем об изменении и того, и другого, то такой вывод не является бесспорным, хотя бы уже потому, что само по себе имущество сохраняет все свои качества, свойственные до реорганизации государственного предприятия.

Выбытие стороны из материального правоотношения по общему правилу не влечет также изменение полезных свойств имущества. Так, если имущество было вовлечено в предпринимательскую деятельность, то вне зависимости от его правообладателя оно сохраняет все ранее принадлежащие ему свойства (качества). Изменению может быть подвергнут только объем правомочий собственника в отношении данного имущества. В частности, если государство обладает правомочиями в области регулирования правового режима использования природных ресурсов, а также заключает в отношении них сделки (гражданско-правовые договоры, частно-публичные соглашения и др.), то у частных лиц таких правомочий априори нет.

¹⁸ См. также: п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9; 1997. № 5.

¹⁹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

Видится не случайным законодательное закрепление свойств публичного договора, заключаемого в области энергоснабжения в порядке ст. 426 ГК РФ лицами, ведущими предпринимательскую либо приносящую доход деятельность. Даже складывающиеся на основе договора поставки через присоединенную сеть газа отношения именуются *публичными правоотношениями*²⁰, подчеркивая тем самым особый характер реализации правомочий собственника поставляемого газа.

В корпоративных спорах допускается использовать конструкции защиты нарушенного права, например, путем предъявления требования виндикационного характера, свойственные вещному праву. В частности, при наличии оснований, закрепленных в ст. 302 ГК РФ, собственник при утрате акций может заявить требование об их возврате к добросовестному приобретателю²¹. Впоследствии данный подход найдет свое отражение в ст. 149.3 ГК РФ, посвященной защите прав на бездокументарные ценные бумаги, что вполне соответствует положению нормы ст. 307.1 ГК РФ. Если же мы посмотрим на содержание участия в акционерном обществе, то акции наделяют ее собственника имущественными, управлеченческими и информационными правами. В данном случае можно даже предположить, что само участие в капитале хозяйственного общества является неким *корпоративным имуществом*, наделяющим его собственника (участника, акционера) корпоративными правами в отношении хозяйственного общества. То есть сами по себе акции являются средством фиксации объема правомочий, который в свою очередь, может быть изменен положениями устава либо корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ).

Рассмотрение участия в корпоративной организации с точки зрения объема правомочий (в том числе управлеченческих) соответствует и конструкции законного представительства, позволяющий участнику от имени, но в своих интересах, защищать нарушенные права своего общества путем предъявления требования о взыскании причиненных обществу убытков, включая выпадающий либо недополученный доход (ст. 65.2 ГК РФ). Таким образом, участники, обладая корпоративным имуществом (участвуя в капитале), могут изменять состав имущества самой корпоративной организации в отрыве от реализации правомочий ее исполнительного органа (ст. 53 ГК РФ).

Приведенные крайние примеры также свидетельствуют о том, что, с одной стороны, имуществом может обозначаться широкий круг экономико-правовых явлений, а, с другой стороны, им признают объекты, в отношении которых их правообладателям принадлежит соответствующий объем правомочий (в силу закона, устава, корпоративного договора и иного основания).

Выводы

Настоящее исследование позволяет переосмыслить содержание главы 13 ГК РФ в части общих положений о праве собственности и иных вещных прав. Предлагается

²⁰ Напр., см.: Методическими рекомендациями по рассмотрению территориальными органами ФАС России жалоб на действия (бездействия) поставщиков газа, выразившиеся в навязывании невыгодных условий договора поставки газа в части определения сроков согласования корректировки объема природного газа (письмо ФАС России от 1 ноября 2022 г. № ВК/99924/22 «О направлении рекомендаций» // СПС Консультант Плюс).

²¹ См.: п. 7 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

разделять отдельные виды права собственности (частная или публичная) и правомочия по управлению имуществом. Категория «имущество» должно рассматриваться в качестве объекта и не может отождествляться с собственностью, о чем свидетельствует проведенный анализ применительно к природным ресурсам, используемым в сфере предпринимательских отношений (земле, воде, недрам и др.).

Полагаем необходимым включить в гражданское законодательство положения о федеральной государственной собственности. Обязательными положениями предлагаемого акта должны быть нормы или даже критерии, позволяющие отнести имущество в состав исключительно федеральной собственности (в частности, оборонно-промышленных комплексов, стратегических для обеспечения безопасности страны предприятий, ряда экономически значимых и высокотехнологичных предприятий и т.д.). Предлагаем вновь вернуться к идеи принятия закона о федеральной государственной собственности, подробно регламентирующего порядок управления ею.

Приведенные положения будут способствовать эффективной реализации промышленной и технологической политики России, включающей в себя меры государственного стимулирования, направленные на обеспечение технологического суверенитета страны.

References / Список литературы

- Andreev, V.K. (2004) *State Ownership in Russia*. Moscow, Case Publ. (in Russian).
Андреев В.К. Право государственной собственности в России. М.: Дело, 2004. 240 с.
- Andreev, V.K. (2007) *On the Right of Private Property in Russia (Critical essay)*. Moscow, Volters Kluwer Publ. (in Russian).
Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Кluвер, 2007. 184 с.
- Andreev, V.K. (2024) On the regulation in the Civil Code of the Russian Federation of state participation in promoting the development of entrepreneurship. *Entrepreneurial law*. (1), 28–32. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4788-2024-1-28-32> (in Russian).
Андреев В.К. О регулировании в ГК РФ государственного участия в содействии развитию предпринимательства // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 28–32. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4788-2024-1-28-32>
- Andreeva, L.V., Gavrin, D.A., Egorov P.E. et al. (2020) *Digital Economy: Conceptual Foundations of Legal Regulation of Business in Russia*. M.: Prospect Publ. <https://www.doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488> (in Russian).
Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Л.В. Андреева, Д.А. Гаврин, П.Е. Егоров [и др.]. М.: Проспект, 2020. 488 с. <https://www.doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488>
- Ershova, I.V., Laptev, V.A. et al. (2024) *Law and the Real Sector of the Russian Economy*. Moscow: Prospect Publ. <https://www.doi.org/10.31085/9785392407354-2024-480>
Право и реальный сектор экономики России / И.В. Ершова, В.А. Лаптев, Л.В. Андреева [и др.]. М.: Проспект, 2024. 480 с. <https://www.doi.org/10.31085/9785392407354-2024-480>
- Gabov, A.V., Tonkov, E.E., Shalaykin, R.N., & Yakovlev, V.I. (2022) Current problems of codification of Russian legislation: History, current state and development vectors (Review of reports of the International Scientific and Practical Conference on the 100th Anniversary of the Civil Code of the RSFSR of 1922). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. (17 (6)), 227–247. <https://www.doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-6-gabov-tonkov-shalaykin-yakovlev> (in Russian).
Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Яковлев В.И. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства: история, современное состояние и векторы развития (обзор докладов Международной научно-практической конференции к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года) // Труды Института государства и права Российской

- академии наук. 2022. № 17 (6). С. 227–247. <https://www.doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-6-gabov-tonkov-shalaykin-yakovlev>
- Golubtsov, V.G. (2019) *The Russian Federation as a Subject of Civil Law*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2019. 272 с.
- Zinchenko, S.A & Galov, V.V. (2013) *Property and Derivative Rights (Doctrine, legislation, enforcement)*. Rostov-on-Don: Profpress Publ. (in Russian).
- Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение). Ростов-на-Дону: Профпресс, 2013. 233 с.
- Kleandrov, M. I. (2008) Property rights of state corporations: selected issues. In: Tuzov, D.O. (ed.) *Property Rights: System, Content, Acquisition: A Collection of Scientific Works in Honor of Professor B. L. Haskelberg*. Moscow, Statute Publ., 30–39. (in Russian).
- Клеандров М.И. Право собственности государственных корпораций: некоторые вопросы // Вещные права: система, содержание, приобретение: сборник научных трудов в честь профессора Б.Л. Хаскельберга / под редакцией Д.О. Тузова. М.: Издательство «Статут», 2008. С. 30–39.
- Laptev, V. A. (2017) Corporate property as a juridical technique in corporal law. *Journal of Business and Corporate Law*. 2(6), 62–68. (in Russian).
- Лаптев В.А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2 (6). С. 62–68.
- Leger, R. (2009) *Great legal systems of our time: A comparative legal approach*. Moscow, Volters Kluwer Publ. (in Russian).
- Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Кluвер, 2009. 584 с.
- Nizov, V. A. (2020) Constitutional and legal foundations of public property in the context of the creation of legal entities of public law. *Comparative Constitutional Review*. (5), 134–149. <https://www.doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-134-149> (in Russian).
- Низов В.А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 134–149. <https://www.doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-134-149>
- Sininsky, V. I. (1914) *Russian civil law: Common part and property law*. No. 1. Kyiv, Kaspersky, T.A. Publ. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право: Общая часть и вещное право. Вып. 1. Киев: Изд. Т. А. Касперского, 1914. 330 с.
- Sinitsyn, S.A. (2016) Absolute and relative subjective rights: Problems of theory. *Journal of Russian Law*. (2), 55–62. (in Russian).
- Синицын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 55–62.
- Shchennikova, L.V. (1996) *Real Rights in Russian Civil Law*. Moscow, BEK Publ. (in Russian).
- Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК, 1996. 186 с.
- Sukhanov, E.A. (2017) *Real Law: Scientific and Educational essay*. Moscow, Statute. (in Russian).
- Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
- Tolstoy, Y.K. (2009) Subjects of Property Law in Russian Legislation. *Economy and Law*. (4), 98–102. (in Russian).
- Толстой Ю.К. Субъекты права собственности в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 98–102.
- Tolstoy, Y.K. (2010) On the concept of civil law development. *Journal of Russian Law*. (1), 31–38. (in Russian).
- Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.
- Vaskovsky, E.V. (1986) *Civil Law Textbook: Property Law*. Vol. 2. St. Petersburg, N.K. Martynov Publ. (in Russian).

Васьковский Е.В. Учебник гражданского права: Вып. 2: Вещное право. СПб.: Н.К. Мартынов, 1986. 190 с.

Vinnitsky, A.V. (2013) *Public Property*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).

Винницкий А. В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. 732 с.

Vitriansky, V.V. (2018) *Reform of Russian Civil Law: Interim Results*. 2nd ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).

Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.

Сведения об авторах:

Андреев Владимир Константинович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права, Российской академия наук; Российской Федерации, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-8615-5868, SPIN-код: 3399-7537

e-mail: andlaw@mail.ru

Лаптев Василий Андреевич – доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права Российской академии наук; Российской Федерации, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Российской Федерации, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID: 0000-0002-6495-1599, SPIN-код: 5776-0978

e-mail: laptev.va@gmail.com

About the authors:

Vladimir K. Andreev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Leading Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8615-5868, SPIN-code: 3399-7537

e-mail: andlaw@mail.ru

Vasiliy A. Laptev – Doctor of Legal Sciences, Judge of the Moscow Arbitration Court; Chief Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation; Full Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6495-1599, SPIN-code: 5776-0978

e-mail: laptev.va@gmail.com

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-416-423>

EDN: YFNRKA

Научная статья / Research Article

Восстановительное правосудие по уголовным делам – замена состязательному процессу как «игре с нулевой суммой»: на примере штата Виктория, Австралия

К.Е. Бельский

АБ «БЕЛЬСКИЙ И ПАРТНЕРЫ», г. Москва, Российская Федерация

 kirill@belskiy.partners

Аннотация. Жесткая состязательная модель уголовного правосудия, представляющая собой «игру с нулевой суммой» – выигрыш одной стороны означает проигрыш другой, вызывает все большее неприятие, как со стороны самих юристов, так и стороны общества. Постоянная необходимость побеждать способствует развитию у адвокатов хронических негативных эмоциональных реакций, таких как деморализация, тревога, гнев и печаль, что приводит к проблемам в браке, психическим заболеваниям и злоупотреблению психоактивными веществами. Обвиняемый и потерпевший также зачастую не получают полного удовлетворения от исхода дела, в особенностях если дело заканчивается заключением сделки о признании вины. Возникает потребность в целостном и междисциплинарном подходе к решению проблем в области права, в связи с чем развивается тенденция отхода от состязательности и восприятия так называемого проблемно-ориентированного подхода к разрешению уголовных дел. На примере практики штата Виктория, Австралия, в статье исследуются возможности использования техник восстановительного и терапевтического правосудия, которые уходят своими корнями в практику племенных судов коренных народов Австралии. Исследуется новая роль адвоката как медиатора и примирителя в рамках альтернативных методов разрешения споров.

Ключевые слова: состязательность, проблемно-ориентированные суды, суды кури, альтернативные способы разрешения споров, восстановительное правосудие, терапевтическое правосудие, медиация, адвокат

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 24 января 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

© Бельский К.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Бельский К.Е. Восстановительное правосудие по уголовным делам – замена состязательному процессу как «игре с нулевой суммой»: на примере штата Виктория, Австралия // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 416–423. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-416-423>

Restorative Justice in Criminal Cases – Replacing the Adversarial Process as a “Zero-Sum Game”: Case Study of Victoria, Australia

Kirill E. Belsky

BELSKY & PARTNERS Law Office, Moscow, Russian Federation
✉ kirill@belskiy.partners

Abstract. The rigid adversarial model of criminal justice, often characterized as a “zero-sum game” where one side’s victory necessitates the other’s defeat, is facing growing dissatisfaction from lawyers and the public alike. The relentless pressure to win can contribute to negative emotional consequences for lawyers, including demoralization, anxiety, anger and sadness, potentially leading to marital issues, mental health problems, and substance abuse. Moreover, both the accused and the victim frequently express dissatisfaction with case outcome, especially when cases are resolved through plea bargain. Recognizing the need for a holistic and interdisciplinary approach to solving legal problems, a trend is emerging away from adversarialism and toward problem-oriented methods for resolving criminal cases. Drawing on the experience of Victoria, Australia, this article explores the potential of restorative and therapeutic justice techniques, which are rooted in the practices of tribal courts of indigenous Australians. It examines the evolving role of the lawyer as a mediator and conciliator within the framework of alternative dispute resolution.

Key words: adversarialism, problem-oriented courts, Koori courts, alternative dispute resolution, restorative justice, therapeutic justice, mediation, lawyer

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th January 2025

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Belsky, K.E. (2025) Restorative Justice in Criminal Cases – Replacing the Adversarial Process as a “Zero-Sum Game”: Case Study of Victoria, Australia. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 416–423. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-416-423>

Введение

От адвокатов традиционно ожидается и даже поощряется активное отстаивание интересов своих клиентов и представление позиции своего клиента перед судом в наилучшем свете. В австралийском штате Виктория правило 12.1 Правил профессионального поведения и практики 2005 года гласит, что практикующий юрист должен стремиться к продвижению и защите интересов клиента в меру своей квалификации и усердия, не подвергаясь влиянию своего личного мнения о клиенте или его деятельности, и несмотря на любую угрозу непопулярности или критики в отношении него самого или любого иного лица, и всегда в соответствии с законом. Однако недостатком общего права, основанного на прецедентном подходе, с его акцентом на восприятие событий в рамках разрешения состязательных споров, является то, что он порождает состязательный менталитет, установку на победу/

проигрыш в юридической карьере. Отсюда появляются выпускники юридических вузов, чья позиция, возможно, слишком воинственная и агрессивная для общего блага или даже для блага их клиентов. Они ищут конфликт в любой ситуации, а это чревато долгосрочными последствиями для общества в целом.

Основная часть

Традиционную состязательную систему можно определить как «игру с нулевой суммой». В судебном процессе выигрыш одной стороны неминуемо означает проигрыш для другой (Seligman, Verkuil & Kang, 2005:49,60). Утверждается, что академическая и профессиональная подготовка юристов (Riskin, 2007: 47), а также практика состязательной адвокатской работы, в сочетании с чертами характера адвокатов (Daicoff, 2007:79,80) и всеобъемлющей целью победы снижают способность адвокатов сопереживать клиентам. Это способствует развитию у адвокатов хронических негативных эмоциональных реакций, таких как деморализация, тревога, гнев и печаль (Seligman, Verkuil & Kang, 2005:49, 61), что приводит к проблемам в браке, психическим заболеваниям и злоупотреблению психоактивными веществами (Daicoff, 2007:56; Schwartz, 2008:235). Эти факторы в совокупности наносят ущерб здоровью и благополучию адвокатов, а также способствуют формированию низкого общественного мнения о профессии юриста.

Юридическая профессия и в особенности ученые-юристы, конечно же, не оставили без внимания проблему влияния традиционной состязательности на общественное мнение о профессии юриста и здоровье адвокатов, о чем свидетельствуют проходящие в Австралии реформы, которые прокладывают путь новым тенденциям в юридической практике. Эти изменения включают в себя отход от состязательной модели правосудия и переход к несостязательным стратегиям, переход от модели юридических прав к парадигме, которая оценивает основополагающие интересы заинтересованных сторон, отказ от вмешательства адвоката и акцент на расширении прав и возможностей клиента, отказ от узкого легализма и принятие целостного и междисциплинарного подхода к решению проблем в области права. Движение в сторону развития альтернативных моделей разрешения споров делает акцент на обучении и практике медиации и переговоров. Одна из главных проблем состязательного судопроизводства – это результат «победитель получает все», который, зачастую, не отражает истинного соотношения добра и зла в конкретном деле. Альтернативное разрешение споров (далее – APC) рассматривается как более дешевая, гибкая, сбалансированная и оперативная модель разрешения споров (Boule, 1996; Aster & Chinkin, 2002).

Состязательная система постоянно развивается на протяжении уже нескольких веков. Многие аспекты этой системы ценные и не должны быть утрачены. Например, процессуальная справедливость,енная правовая процедура, поиск истины и обеспечение равенства – все это ценные принципы, однако для того, чтобы эволюция системы правосудия продолжалась, следует быть готовым критически оценить традиции и обычай. Структура и подход состязательной системы не могут быть оправданы просто в силу того, что они существуют. Чтобы быть подходящей, система правосудия должна обеспечивать эффективные средства для достижения целей согласия и продуктивности. Состязательная система этого не делает.

Следствием состязательной системы правосудия является то, что люди, обладающие ценностями, выходящими за рамки нормы, оказываются бесправными. Бесправие происходит потому, что окончательная ответственность за разрешение

конфликта возлагается на третьих лиц. Продуктивный подход к конфликту признает врожденную ценность всех людей и позволяет им лично справляться со всей динамикой конфликта таким образом, чтобы способствовать мирному развитию и личностному росту в их отношениях. Продуктивный подход основан на динамике, которая уравновешивает субъективные, релятивные и объективные элементы. Принуждение, если оно существует, используется для укрепления сотрудничества и предотвращения противостояния.

Некоторые авторы полагают, что поскольку состязательность нынешней системы структурно несовместима с этой тройной динамикой, необходимо и желательно создать систему правосудия, основанную на элементах сотрудничества, а не состязательности. Предвзятая природа состязательной системы, которая направлена на жесткую приверженность сторон своим позициям, структурно несовместима со взглядами, которые надеются включить в разрешение конфликта трехстороннюю динамику. Можно и желательно смоделировать систему правосудия на основе основных элементов, которые носят не состязательный, а кооперативный характер. Главное – найти баланс, основанный на продуктивном и совместном сотрудничестве и стремящийся учесть субъективные, релятивные и объективные элементы (Dewhurst, 1995).

Тенденции и практика свидетельствуют о новом современном направлении развития австралийской юридической практики, которая, как справедливо утверждает профессор Школы права Аризона Саммит Сьюзан Дайкофф, стремится использовать потенциал «права и присущую праву способность выступать в качестве агента конструктивных изменений, как для отдельных людей, так и для общества» (Daicoff, 2005).

Очертания нового ландшафта юридической практики добавляют еще одну грань к профессиональной ответственности адвоката.

Согласно профессору Виндзорского университета Джули Макфарлейн «эволюция юридической практики» ценит судебное разбирательство, но отдает предпочтение АРС (Macfarlane, 2008:16). Роль «нового адвоката» не ограничивается традиционными функциями агента судебной системы и защитника интересов клиента; она расширяется и включает в себя роль специалиста по разрешению конфликтов (Macfarlane, 2008:22). Эти события означают наступление эры, когда ожидается рост удовлетворенности как практикующих юристов (King, 2008:48,51; Douglas, 2007:30,31), так и клиентов, а также поощряется достижение положительных результатов как для участников спора, так и для отправления правосудия в целом.

Укоренившийся и признанный характер использования процедур АРС в большинстве австралийских юрисдикций, как на уровне нижестоящих, так и вышестоящих судов, неоспорим, однако причины быстрого, неослабевающего роста и благоприятного восприятия АРС правовыми институтами не совсем ясны. Существует несколько правдоподобных объяснений развития АРС. Первое из них основано на критике состязательной системы судопроизводства. Накопление остатков нерассмотренных дел в судах приводит к волоките при рассмотрении дел. Судебные разбирательства отнимают много времени, вызывают беспокойство и являются весьма дорогостоящими¹. Опора на жесткие процессуальные нормы и правила доказывания ограничивает споры узкими правовыми рамками, игнорируя человеческий фактор, являющийся основополагающим для большинства споров. Зачастую после снятия со спора верхних слоев юридической позиции выявляются потребности, желания и проблемы участников спора, которые не обязательно вписываются в жесткие рамки юридически принятых категорий.

¹ Rood David. ‘Justice out of Reach, says Hulls’, *The Age* (Melbourne). 10 June 2008, 1.

Часто тяжущиеся стороны, которые чувствуют, что не являются «хозяевами» своих споров, испытывают чувство отчуждения и бессилия (Christie, 1977). Недовольство судебным процессом и результатами судебного разбирательства широко распространено и оправдано (Kleinig, 2008:208). В контексте уголовного правосудия как жертвы, так и правонарушители, недовольны его традиционной парадигмой. Более того, узкие рамки системы, основанной на защите прав, не учитывают сложный социальный контекст преступности. Такие варианты наказания, как лишение свободы, не обязательно снижают рецидивизм (Edney & Bagaric, 2007:45). Хотя теоретически одной из целей уголовного права может быть перевоспитание преступников, эта цель не может быть достигнута с помощью имеющихся вариантов назначения наказания, которые не учитывают многогранную природу преступности.

Политика правительства штата Виктория в отношении признания теории и практики АРС схожа с политикой федерального правительства Австралии, о чем свидетельствуют подходы терапевтической и восстановительной юриспруденции, применяемые в так называемых «проблемно-ориентированных судах» по всему штату. Проблемно-ориентированные суды «стремятся использовать данные им полномочия для решения основополагающих проблем индивидуальных заявителей, структурных проблем системы правосудия и социальных проблем местного сообщества» (Freiberg, 2005:35).

Согласно комментариям г-на Халлса на форуме «Восстановительное правосудие» в марте 2007 года, растущий акцент на специализацию судебных и квази-судебных органов в различных юрисдикциях – например, создание трибунала поовым преступлениям при окружном суде штата Виктория, «демонстрирует наше коллективное признание того, что мы должны в большей степени проявлять сострадание и понимание человеческого опыта в сухой атмосфере суда»².

Проблемно-ориентированные суды (обычно характерные для общин коренных народов Австралии, но к данной категории можно также отнести специализированные суды по делам несовершеннолетних, по делам о половых преступлениях и преступлениях, связанных с наркотиками), опираются на принципы теории восстановительного правосудия и терапевтической юриспруденции, поскольку эти два направления имеют схожие подходы к жертвам и правонарушителям (Freiberg, 2007:205,214). Несмотря на то, что термин «восстановительное правосудие» может быть трудно определяем (Cappa, 2006: 145,165), Профессор Университета Миннесоты и основатель Центра восстановительного правосудия и примирения Марк Умбрайт описывает суть восстановительного правосудия следующим образом: повышение уровня вовлеченности жертв и местного сообщества в противодействие преступности; поощрение преступников к признанию ответственности перед жертвами; восстановление нарушенных прав; возмещение потерь; поощрение диалога между жертвами, преступниками, семьей и местным сообществом; поощрение преступников к принятию на себя ответственности за свои действия; убеждение преступников загладить свою вину; и содействие приобретению преступниками профессиональных навыков и их реинтеграции в общество (Umbreit, 2001: 306).

Несостязательная модель разрешения конфликтов, когда она используется в контексте уголовного судопроизводства, также дает жертве и правонарушителю больше удовлетворения, чем обычная система правосудия по уголовным делам (Sherman et al., 2007; Strang et al., 2006: 281). Доцент Института гендера, расы, сексуальности и социальной справедливости Марк Харрис описывает процесс

² Workshop 1, Talking Justice Forum, 21 March 2007, Neighbourhood Justice Centre, Collingwood.

назначения наказания в судах коренных народов в штате Виктория (судах кури) как «беседы о вынесении приговора». Резко контрастируя с назначением наказания в традиционных судах магистрата, «суды кури создали пространство, где могут быть рассказаны истории, стоящие за преступлениями, и признана важная роль общины в жизни подсудимого»³. Такая вдохновляющая «история удовлетворенности» может быть также связана с отказом проблемно-ориентированных судов от универсального подхода, используемого обычными судами при применении правил доказывания и должной процедуры в состязательном контексте.

Хотя традиционные альтернативные методы разрешения споров, такие как медиация (посредничество), примирение и арбитраж, могут и часто привлекают к участию практикующих специалистов из различных областей знаний, адвокаты играют здесь ключевую роль по нескольким причинам. Первая причина затрагивает некоторые аспекты профессиональных обязательств практикующих юристов. Адвокаты, выступая в роли защитника интересов клиента (Ramsay, 1992:60–61; Parker, 2004:49,56), ведут переговоры об урегулировании споров, отстаивая правовые позиции своих клиентов (Tyler & Cukier, 2005:61). Хотя адвокаты обязаны отстаивать точку зрения своих клиентов и действовать в их интересах, они также несут этическую ответственность за то, чтобы действовать в качестве агентов судебной системы в целях обеспечения целостности судопроизводства. Обязанность адвоката представить дело клиента в наиболее выгодном свете⁴ уравновешивается более высоким долгом адвоката перед судом, который требует от него независимого осуществления оценки обстоятельств дела и принятия независимых решений⁵. Двойственность этих обязательств, проявляющаяся при участии в традиционных судебных разбирательствах, где принимается решение по существу дела, создает этическую дилемму для многих практикующих юристов.

Профессор Университета Тасмании Джино Дауль Понт считает, что, предлагая клиенту АРС, адвокаты выполняют свою роль агентов судебной системы, поскольку АРС воспринимается как положительный, рационализаторский, сокращающий расходы механизм, способствующий повышению эффективности судебной инфраструктуры в разрешении конфликтов (Pont, 2021; Bouillé, 2005). Хотя такое представление соответствует идеи Джули Макфарлейн о «новом адвокате», который философски и прагматически привержен разрешению конфликтов (Macfarlane, 2008), данная концепция также потенциально вступает в противоречие с традиционной ролью адвоката как ревностного защитника юридических прав и позиций клиента. Независимо от того, основывается ли консультирование клиентов по вопросам АРС на обязанности адвоката действовать в интересах клиента или на его обязательствах перед судебной системой, очевидно, что ведение переговоров о мирном урегулировании от имени клиентов и консультирование клиентов о том, как урегулировать спорные вопросы, не прибегая к судебному разбирательству, является частью современной передовой юридической практики.

Профессор Колумбийского Университета Уильям Саймон исследует многослойные проблемы, возникающие у адвокатов при представлении интересов своих клиентов в терапевтической, ориентированной на общественность среде суда по

³ См., к примеру, Mark Harris, “A sentencing conversation”: Evaluation of the Koori Courts: Pilot Program: October 2002 – October 2004 (2006) at Department of Justice. p. 14

⁴ Refer to: Professional Conduct and Practice Rules 2005 (Vic) г 12.1 // Режим доступа: <https://studentshare.org/law/2061476-procedural-law-reform> (дата обращения: 24.12.2024).

⁵ Refer to: Professional Conduct and Practice Rules 2005 (Vic) г 14.1 // Режим доступа: <https://studentshare.org/law/2061476-procedural-law-reform> (дата обращения: 24.12.2024)

делам о наркотиках. Во-первых, будучи ревностным защитником и хранителем законных прав подсудимого, как адвокат в таком суде может наилучшим образом представлять интересы клиента, и как клиент воспринимает эти интересы? Во-вторых, как защитнику примирять интересы клиента с интересами общественности, которая является ключевой заинтересованной стороной в проблемно-ориентированных судах? Кроме того, как адвокату лучше всего консультировать клиентов по вопросам неприкосновенности частной жизни и возможной эрозии прав клиента, когда клиент вступает в программу лечения и берет на себя обязательства проходить скрининг и различные другие процедуры и терпеть вмешательство в свою частную жизнь? Из этого Саймон делает вывод, что проблемно-ориентированные суды фактически ставят адвокатов в положение, когда они вынуждены сотрудничать и даже вступать в сговор с государством (William, 2003: 1595, 1603). Очевидно, что перечисленные выше принципы общего права и законодательства Австралии в отношении обязательств адвоката противоречат открытому, несостязательному, командному подходу, применяемому в проблемно-ориентированных судах.

Проблемно-ориентированные суды бросают вызов традиционным представлениям о роли судей как независимых, беспристрастных и нейтральных арбитров в спорах и рефери в рамках состязательного контекста (Kleinig, 2008:155). Профессор Университета Монаш Ричард Фокс отмечает, что специализированные трибуналы, такие как суды по делам о наркотиках, вводят свойственную европейскому континентальному праву концепцию «магистрата как следователя», и предсказывает, что эта судебная роль будет становиться в Австралии «все более привлекательной» (Fox, 2002: 103,119).

Заключение

Изменения, вызванные ростом и признанием теории и практики АРС в Австралии, включающей понятия восстановительного и терапевтического правосудия, во многих областях права и во многих юрисдикциях привели к необходимости изменения правил судопроизводства и ролей адвокатов и судей. Судя по всему, данная тенденция направлена на создание несостязательных, вовлекающих судебных процедур при расширении функций судей. Традиционная модель адвокатской практики – адвокат как «наемный убийца» – больше не подходит для всех судов и юрисдикций. Современная передовая адвокатская практика признает важную и «новую» роль адвокатов как специалистов по решению проблем, работающих в сотрудничестве, часто в междисциплинарной среде. Их цель – достижение консенсуса, результата, выгодного для всех заинтересованных сторон спора, и результата, который положительно влияет как на профессию адвоката, так и на общество в целом, а также укрепляет доверие к системе правосудия.

References / Список литературы

- Aster, H. & Chinkin, C. (2002) *Dispute Resolution in Australia*. Australia, Butterworths Publ.
- Boulle, L. (1996) *Mediation: Principles, Process, Practice*. Australia, Butterworths Publ.
- Boulle, L. (2005) *Mediation: Principles, Processes, Practice*. 2nd ed. Australia, Butterworths Publ.
- Cappa, C. (2006) The Social, Political and Theoretical Context of Drug Courts. *Monash University Law Review*. 32 (1), 145–176.
- Christie, N. (1977) Conflicts as Property. *British Journal of Criminology*. 17 (1), 1–15. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a046783>
- Daicoff, S. (2005) Law as a Healing Profession: The Comprehensive Law Movement. 6 *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*. 6 (1), 1–61.

- Daicoff, S. (2007). Lawyer Personality Traits and their Relationship to Various Approaches to Lawyering. In: Marjorie A.S. (ed.) *The Affective Assistance of Counsel*. Durham, Carolina Academic Press, pp. 79–109.
- Dal Pont, G.E. (2021) *Lawyers' Professional Responsibility*. 7th ed. Australia, Lawbook Co Publ.
- Dewhurst, D.J. (1995) *Beyond the Adversarial System: The Evolution of a Peaceful and Productive Approach to Conflict Resolution*. Thesis in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Master of Laws. University of Alberta.
- Douglas, K. (2007) Steering Through Troubled Waters. *Law Institute Journal*. 81 (5), 30–31.
- Edney, R. & Bagaric, M. (2007) *Australian Sentencing Principles and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Fox, R. (2002) New Crimes or New Responses? Future Directions in Australian Criminal Law. *Monash University Law Review*. 28 (1), 103–125.
- Freiberg, A. (2005) Managerialism in Australian Criminal Justice: RIP for KPIs? *Monash University Law Review*. 31 (1), 12–35.
- Kleinig, J. (ed.) (2008) *Ethics and Criminal Justice: An Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Macfarlane, J. (2008) *The New Lawyer: How Settlement is Transforming the Practice of Law*. British Columbia, UBC Press.
- Parker, C. (2004) A Critical Morality for Lawyers: Four Approaches to Lawyers' Ethics. *Monash University Law Review*. 30 (1), 49–74.
- Ramsay, I. (1992) Ethical Perspectives on the Practice of Business Law. *Law Society Journal*. 30 (5), 60–63.
- Riskin, L.L. (2007) Awareness in Lawyering: A Primer on Paying Attention. In: Marjorie, A S. (ed.) *The Affective Assistance of Counsel*. Durham, Carolina Academic Press, pp. 447–471.
- Schwartz, M.H. (2008) Humanizing Legal Education: An Introduction to a Symposium Whose Time Came. *Washburn Law Journal*. (47), 235–246.
- Seligman, M.E.P., Verkuil P.R. & Kang, T.H. (2005) Why Lawyers are Unhappy. *Deakin Law Review*. 10 (1), 49–66. <https://doi.org/10.21153/dlr2005vol10no1art268>
- Sherman, L. W., Strang, H., Barnes, G., Bennett, S., Angel, C. M., Newbury-Birch, D., Woods, D. J. & Gill, C. E. (2007). *Restorative justice: The evidence*. Oxford, The Smith Institute.
- William, H.S. (2003) Criminal Defenders and Community Justice: The Drug Court Example. *American Criminal Law Review*. 40, 1595–1608.
- Strang, H., Sherman, L., Angel, C.M., Woods, D.J., Bennett, S., Dorothy, N.-B. & Nova, I. (2006) Victim Evaluations of Face-to Face Restorative Justice Conferences: A Quasi-Experimental Analysis. *Journal of Social Issues*. 62 (2). 281–306.
- Tyler, M.C. & Cukier, N. (2005) Nine Lessons for Teaching Negotiation Skills. *Legal Education Review*. 15, 61–86.
- Umbreit, M. (2001) *The Handbook of Victim Offender Mediation*. Hoboken NJ, John Wiley & Sons Publ.

Сведения об авторе:

Бельский Кирилл Евгеньевич – управляющий партнер, АБ «БЕЛЬСКИЙ И ПАРТНЕРЫ», 119435, Москва, Большой Саввинский переулок, д. 11
ORCID: 0009-0004-2276-4455
e-mail: kirill@belskiy.partners

About the author:

Kirill E. Belsky – managing partner, “Belsky and Partners” Law Firm; Bolshoi Savvinsky lane, 11, Moscow, 119435, Russian Federation
ORCID: 0009-0004-2276-4455
e-mail: kirill@belskiy.partners

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

FORENSIC SCIENCE. FORENSIC ACTIVITY. INVESTIGATIVE ACTIVITY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-424-437>

EDN: YFONVL

Научная статья / Research Article

Концептуальные подходы к пониманию временных характеристик события преступления в экспертной практике

Е.А. Логвинец , Н.П. Каторгина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Российская Федерация
logvinets@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблема установления временных характеристик события преступления в экспертной практике исследуется на протяжении более тридцати лет, и до настоящего момента правоприменители и ученые не пришли к единому пониманию соотношения различных категорий, отражающих течение преступления во времени. Эксперты для описания преступления с точки зрения развития во времени используют такие категории, как: «давность», «продолжительность», «последовательность», «хронология», «период», «возраст», «длительность» и другие. Данные понятия одни ученые используют как равнозначные категории, другие – различают по содержанию, а третьи – применяют термины, взаимоисключающие друг друга. Данная ситуация обусловлена отсутствием единого понятийно-категориального аппарата в рассматриваемой области. Формирование современных и усовершенствование существующих подходов к пониманию временных характеристик события преступления, используемых в установлении временной информации, является обоснованным и востребованным. Проведенное исследование позволило рассмотреть различные концепции времени, проанализировать теоретические подходы к пониманию природы времени в правоприменительной деятельности. Особое внимание уделено рассмотрению и соотношению близких категорий, используемых при установлении временных характеристик в экспертной практике. Результаты получены с помощью различных методов исследования: исторического, сравнительного, юридического, анализа, синтеза и дедукции, способствующих достижению основной цели исследования – систематизации и разработке системы категорий,

© Логвинец Е.А., Каторгина Н.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отражающих различные временные характеристики события преступления. В результате данного исследования представляется возможным определить дальнейшие перспективы единого использования категорий, описывающих временные характеристики события преступления в судопроизводстве.

Ключевые слова: временные характеристики, момент времени, временной интервал, последовательность, длительность, временные связи, временные отношения, возраст, абсолютная давность, относительная давность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Логвинец Е.А. – сбор, анализ научной, учебной литературы и экспертной практики, написание текста статьи; Каторгина Н.П. – сбор, анализ научной и учебной литературы, написание и оформление текста статьи. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 27 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Логвинец Е.А., Каторгина Н.П. Концептуальные подходы к пониманию временных характеристик события преступления в экспертной практике // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 424–437. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-424-437>

Temporal Aspects of Crime Events: Conceptual Approaches in Expert Analysis

Elena A. Logvinets , Natalya P. Katorgina

Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»), Belgorod, Russian Federation
logvinets@bsu.edu.ru

Abstract. The problem of establishing the temporal characteristics of a crime event has been a subject of study in expert practice for over thirty years. Despite this, law enforcement and researchers have yet to reach a consensus on the relationship between various categories used to describe the time course of a crime. Experts employ terms such as “remoteness”, “duration”, “chronology”, “period”, “age”, and “length” to characterize crime events in terms of time. However, these concepts are used inconsistently: some researchers treat them as equivalent, others differentiate them by their content, and still others use mutually exclusive terms. This inconsistency stems from the lack of a unified conceptual and categorical framework in this field. Therefore, developing modern approaches, and refining existing ones, for understanding the temporal characteristics of crime events used in establishing temporary information is both justified and necessary. This research examines various concepts of time and analyzes theoretical approaches to understanding the nature of time in law enforcement. Particular attention is given to the consideration and correlation of similar categories used in expert practice to establish temporal characteristics. The results were obtained using a range of research methods, including historical analysis, comparative legal analysis, synthesis, and deduction. These methods contribute to the study's primary goal: to systematize and develop a system of categories that reflects various temporal characteristics of a crime event. The findings of this study may determine the development of a unified approach to using categories that describe the temporal characteristics of crime events in court proceedings.

Key words: time characteristics, moment of time, time interval, sequence, duration, time connections, time relationships, age, absolute remoteness, relative remoteness

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Logvinets E.A.: Literature review (scientific and educational); Analysis of expert practice; Writing the text of the article. Katorgina N.P.: Literature review (scientific and educational); Writing and formatting the text of the article. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 27th June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Logvinets, E.A., Katorgina, N.P. (2025) Temporal Aspects of Crime Events: Conceptual Approaches in Expert Analysis. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 424–437. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-424-437>

Введение

Исследование феномена времени остается актуальным в самых различных отраслях человеческой деятельности, включая экспертную деятельность, направленную на установление обстоятельств расследуемого преступления. Толкование категории «время» разнонаправленное и многогранное, сформированное на основе различных концепций. Отсутствие единого понимания данного термина в криминалистике привело к разночтению в использовании категорий, характеризующих время в судопроизводстве.

Проблемам определения временных характеристик события преступления в судопроизводстве посвятили свои труды Л.В. Викторова (Viktorova, 1983), Е.В. Иванова (Ivanova, 2019; Ivanova, 2023), В.М. Мешков (Meshkov, 2004), Р.М. Ропот (Ropot, 2014; Ropot, 2016), М.В. Торопова (Totorova, 2009), Ю.Д. Федоров (Fedorov, 1983), В.И. Шиканов (Shikanov, 1988) и многие другие, рассматривающие использование временных характеристик события преступления в установлении истины в судопроизводстве.

Цель представленного исследования заключается в анализе и систематизации концептуальных подходов к пониманию временных характеристик события преступления, а также разработке системы категорий, отражающих различные свойства времени, в экспертной практике.

В процессе исследования применены различные методы познания. В частности, исторический и сравнительный методы способствовали рассмотрению существующих концепций времени. Метод анализа использовался для изучения временных характеристик и связей, устанавливаемых при производстве судебных экспертиз. Метод синтеза применялся для систематизации информации о временных характеристиках, выделенных и исследованных с помощью анализа. С помощью юридического метода определили необходимость установления временных характеристик в российском судопроизводстве. Применение метода дедукции позволило провести исследование понимания времени от общего к частному, что способствовало построению системы категорий, характеризующих развитие преступления во времени.

Время в судопроизводстве

Время является обстоятельством, подлежащим установлению в различных видах судопроизводства. Так, Федеральный конституционный закон от 21.07.1994

№ 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» регламентирует, что полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации не являются установление и исследование фактических данных, входящих в компетенцию других судов или иных органов (ст. 3). Однако определение временных характеристик в конституционном судопроизводстве возможно, например, если необходимо установить момент вступления закона в юридическую силу, период его действия и т.д.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) суд определяет обстоятельства, имеющие значение для дела. Стороны, участвующие в деле, должны доказать данные обстоятельства (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 2, 3 ст. 65 АПК РФ, ч. 1, 3 ст. 62 КАС РФ). Определение времени в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах имеет значение, например, в процессе установления момента возникновения, изменения и прекращения правоотношений, выявления соответствия документа дате его составления, восстановления пропущенного срока и другие. Установление временных характеристик определенного события, с одной стороны, может выступать частью предмета доказывания, а с другой стороны, необходимо с целью определения последовательности выполнения действий, обнаружения возможных изменений первоначальных сведений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) установление времени произошедшего противоправного события входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73). Временные характеристики, как элемент состава преступления, входят в объект, объективную сторону, субъективную сторону и субъект, что обусловлено сложным многоэтапным механизмом события преступления и связано со временем подготовки, совершения и сокрытия противоправного деяния.

В Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», непосредственно регламентирующем судебно-экспертную деятельность, упоминание о времени имеется лишь в контексте производства судебной экспертизы в отношении несовершеннолетних (ст. 28). В данном законе отмечено, что возраст лица, в отношении которого назначена судебная экспертиза, имеет значение при оформлении законным представителем письменного согласия на производство экспертизы. Каких-либо иных упоминаний о необходимости исследования временных характеристик события преступления не имеется.

Тем не менее, одним из объективных источников, характеризующих событие преступления, в том числе его временные характеристики, является заключение эксперта. В настоящее время разработаны и активно используются экспертные методики для установления временных характеристик в различных видах судебных экспертиз.

Например, для установления давности изготовления документа предложено два подхода. Первый подход заключается в установлении давности исполнения отдельных реквизитов и сравнения их между собой, а второй направлен на определение хронологической последовательности выполнения реквизитов (Тогорова, 2009). Установление давности исполнения рукописных реквизитов документа проводится, в частности, по определению динамики изменения концентрации летучих

компонентов в материалах штрихов (Trosman, 2013). Аналогичные подходы в установлении давности исполнения реквизитов документов наблюдаются и в зарубежной экспертной практике. Например, последовательность пересекающихся штрихов устанавливают с помощью таких методов, как: атомная микроскопия (Aita Khanmu-Vital, 2001), фурье-спектроскопия (Bojko, 2008), лазерная профилометрия с 3D-технологией (Spagnolo, 2006). Успешно применяется методика установления возраста бумаги (Zavattaro, 2007).

Несмотря на имеющийся накопленный опыт по установлению различных временных характеристик событий (явлений, процессов), возникают проблемы в оценке экспертных выводов, что обусловлено несогласованностью в использовании категорий, отражающих различные свойства времени. Так, до сих пор наблюдаются разнотечения в понимании близких по сущности и природе категорий: «время», «давность», «возраст» и каким образом данные понятия соотносятся друг с другом.

Философские аспекты времени

Понимание термина «время» требует научного осмысления. Так, в философском словаре «время» – это форма возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится¹. В энциклопедическом словаре под понятием «время» понимается форма последовательной смены явлений и состояний материи, измерение времени основано на наблюдении или осуществлении периодически повторяющихся процессов одинаковой длительности².

В истории философии получили развитие несколько альтернативных концепций понимания времени: субстанциальная, реляционная, статическая и динамическая (Molchanov, 1977: 11-12, 14-15, 61).

Представители субстанциональной концепции (Демокрит, Ньютона) рассматривают время как сущность, не зависящую от материальных объектов. Сторонники же реляционной концепции (Аристотель, Лейбниц, Лобачевский) указывают на тесную взаимосвязь с материей. Статическая концепция рассматривает все происходящее в настоящем, прошлом и будущем времени. Представление о длительности определенного явления – это иллюзия, которая образуется в момент понимания о происходящем изменении, и данные изменения нельзя повернуть назад (Парменид, Августин). Динамическая концепция (Гераклит, Эпикур) предполагает вероятность произошедшего события в действительности в реальном времени («прошлого уже нет, будущего еще нет»). В динамике время может протекать согласно циклической и линейной концепциям. В соответствии с циклической концепцией время движется по замкнутому кругу, периодически возвращаясь к исходной точке по типу колеса «Сансары» (Эмпедокл, Платон, Марк Аврелий). Данная позиция присуща мифологическим и натурфилософским направлениям. Под линейной концепцией понимают временной цикл, который должен смениться новым периодом времени (О. Конт, Г. Спенсер).

¹ Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. 22-е, новое, перераб. изд. / под ред. Г. Шишкоффа; пер. с нем.; общ. ред. В.А. Малинина. М.: Республика, 2003. 575 с.

² См.: Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 1312; Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Астрель», 2011. С. 1038.

Основное влияние на современное понимание природы времени оказала теория относительности, разработанная в начале XX века А. Эйнштейном. Согласно данной теории пространство и время составляют единое целое, образующее пространственно-временной континуум. Данный континуум является концептуальной моделью для выполнения различных движений. Рассмотрение пространства и времени отдельно друг от друга возможно лишь в проекции, зависящей от системы координат, и представляет собой суть диалектического анализа движения.

Небезынтересна позиция С. Хокинга, который рассматривает время с точки зрения квантовой механики и теории относительности, взаимосвязи времени и пространства, перемещения во времени, существования времени во Вселенной. По мнению автора, существуют три «стрелы времени», которые следуют в одном направлении. Первая стрела времени – термодинамическая – характеризует увеличение энтропии. Автор такой процесс называет беспорядком. Вторая стрела – психологическая – характеризует субъективное восприятие времени, которое протекает в одном направлении от прошлого к будущему. Психологическая и термодинамическая стрелы времени взаимосвязаны, так как беспорядок увеличивается в направлении времени. Третья стрела – космологическая – характеризует расширение Вселенной (Hawking, 1998).

В философии выделяют два базовых свойства времени: направленность и темп. Данные свойства образуются и присутствуют в материальном мире, при этом не требуется дополнительной субстанции для существования времени в природе. Хронология действий характеризует направленность времени, а их интенсивность – темп (Gromova, 2015: 56). Время протекает от прошлого к будущему через настоящее. Материя находится в движении, что подчинено причинно-следственным зависимостям. Последовательность событий (явлений, процессов) от причин к следствиям представляет собой однонаправленный поток времени.

События (явления, процессы) характеризуются определенной длительностью. Смена событий (явлений, процессов) может совершаться как одновременно, так и последовательно, что образует временные отношения. Одновременная либо последовательная смена событий (явлений, процессов) возможна как в едином пространстве (единой системе координат), так и в различных невзаимосвязанных пространствах (системах координат). В первом случае между событиями (явлениями, процессами) образуются временные связи, а во втором – отношения сосуществования. Временная связь выступает как частный случай причинно-следственной связи, в которой события (явления, процессы) взаимосвязаны. Таким образом, временные отношения включают в себя отношения сосуществования и причинно-следственные связи.

Очевидно, что судебная экспертиза позволяет устанавливать лишь временные связи, отношения же сосуществования остаются вне поля зрения эксперта. Отдельные эпизоды события преступления формируются в единую цепь взаимообусловленных элементов события преступления.

Криминалистические аспекты времени

Преступление, протекая во времени от прошлого к настоящему и образуя причинно-следственную связь, обладает однонаправленностью и темпом, который, по сути, является количественным параметром времени. Под понятием «темпер» принято

понимать степень быстроты выполнения определенного действия, протекания процесса (явления)³. Таким образом, темп выражается через момент и длительность, что обусловлено природой данной категории.

Момент – есть некая времененная точка, при этом количественная величина момента будет зависеть от системы отсчета. Длительность – есть некий продолжительный интервал времени. Интервал времени складывается из отдельных моментов времени, взаимосвязанных между собой.

Преступление, как некое событие, характеризуется отдельными моментами (например, зарождение умысла на совершение правонарушения, выбор объекта преступного посягательства, составление плана, подбор соучастников, подготовка необходимых объектов и технических средств, реализация преступного умысла, скрытие следов преступления и т.д.), складывающимися во временной интервал, который обладает длительностью.

Любой период времени представляется возможным определить с помощью таких единиц измерения, как секунда, минута, час, год. При этом очевидно, что момент времени и временной интервал могут содержать однотипную единицу измерения времени, что зависит от выбранной системы координат, в случае производства экспертизы в качестве системы координат выступает поставленная задача. Например, экспертная задача «Происходило ли заполнение документа в 2024 году?» может характеризоваться как определение момента, если за систему отсчета взять 2024 г., так и как временного интервала, если рассматривать заполнение документа с точки зрения длительности и за систему отсчета взять два момента: начало – январь 2024 г. и окончание – декабрь 2024 г.

Исходя из вышеизложенного, временной интервал событий (явлений, процессов) складывается из отдельных моментов времени событий (явлений, процессов) и обладает длительностью. Отождествление временных моментов или интервалов возможно лишь в тех случаях, когда они образуют временные связи, то есть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Именно установление взаимозависимых временных моментов и интервалов в экспертной практике возможно в пределах некой единой системы отсчета (для экспертного производства – экспертной задачи).

Так, по делу о разделе совместно нажитого имущества судьей Тушинского районного суда г. Москвы анализировалось два договора дарения от ...2017 г. и две расписки о дарении денежных средств от ...2017 г. о получении Т.М.А. денежных средств от Т.А.М. и Т.М.Н. Однако у суда возникла версия, что даты в договорах и расписках могли быть поставлены «задним числом», то есть позже дат, указанных в документах. В связи с данным обстоятельством перед экспертом была поставлена задача установить соответствует ли фактическая дата составления и подписания двух договоров дарения от ...2017 г. и двух расписок о дарении денежных средств от ...2017 г. о получении Т.М.А. денежных средств от Т.А.М. и Т.М.Н., датам, указанным в документах? Если не соответствует, то в какой период времени выполнены документы⁴?

³ См.: Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 1312; Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Астрель», 2011. С. 1038.

⁴ Иванова Е.В. Заключение эксперта № Экс – 06/04/2023 – 048с // Архив АНО «Качество и право».

Другими словами, эксперту следовало установить момент изготовления документа (2017 г.) или временной интервал, в течение которого документ исполнен (2017–2023 гг.). Решая данную задачу, можно выявить как соответствие фактической даты подготовки договоров и расписок дате, указанной в них, так и определить, какая часть документов была выполнена раньше другой, например, что было исполнено ранее – дата или подпись, либо договор или расписка и т.д., что в конечном итоге позволит судить о едином моменте времени нанесения реквизитов документов (2017 г.) либо изготовлении его на протяжении какого-либо временного интервала (с 2017 по 2023 г.).

Сходное понимание временных характеристик события преступления представлено В.М. Мешковым. Так, ученый предложил выделить следующие элементы: момент времени, временной интервал, временные отношения. Таким образом, в основу характеристики события преступления с точки зрения развития во времени автор также закладывает два фундаментальных количественных параметра времени – момент времени и временной интервал, образующие временные отношения (Meshkov, 2004). Учитывая тот факт, что временные отношения представляют собой два вида отношений – причинно-следственные и сосуществования, на наш взгляд, более корректно говорить о наличии временных связей между временными моментами и интервалами.

В экспертной и судебной практике широкое распространение получили категории «давность» и «возраст». В словаре русского языка термин «давность» означает отдаленность по времени совершения, возникновения чего-нибудь и характеризуется длительностью, а «возраст» – период, ступень в развитии, зрелость, взрослое состояние⁵.

В судебной экспертизе понятие «давность» используют, в частности, в отношении изготовления документа, производства выстрела, наступления смерти и т.д. Задача по установлению давности событий (явлений, процессов) направлена на выяснение момента произошедшего события, его длительности, последовательности временных моментов и интервалов, временной связи с другими событиями (явлениеми, процессами). Для установления давности необходимо проанализировать противоправное деяние с момента возникновения и реализации преступного замысла до момента исследования материальных объектов, хранящих информацию о времени. При этом установление давности возможно в двух контекстах: 1) установление временных моментов или интервалов; 2) установление последовательности временных моментов или интервалов. Установление временных моментов или интервалов принято в судебной экспертизе называть абсолютной давностью. Мера абсолютной давности выражается в общепринятых единицах измерения времени, указывающих на полное, точное и достоверное знание о произошедшем событии (явлении, процессе). Под установлением последовательности временных моментов или интервалов понимают относительную давность.

Однако в соотношениях «абсолютного» и «относительного» есть извечная философская проблема – какое знание о факте можно считать абсолютным? Слово «абсолютный» означает безусловный, ни от чего не зависящий, взятый вне

⁵ Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Астrelль», 2011. 1200 с.

сравнения с чем-нибудь; совершенный, полный⁶, а «относительный» – устанавливаемый по сравнению с чем-нибудь другим, с обстоятельствами, условиями и т.д.⁷ Граница между категориями «абсолютного» и «относительного» весьма подвижна. Устанавливаемые экспертом какие-либо временные характеристики, с одной стороны, носят относительный характер, поскольку при определенных условиях (например, разработка новых методик с использованием более чувствительных методов исследования) возможна их детализация, так и абсолютный характер, поскольку содержит в себе необходимый и достаточный объем знаний о конкретном событии (явлении, процессе).

Как правило, на практике эксперты при установлении давности формулируют вывод с помощью относительных категорий, имеющих сравнительные характеристики: «после – до», «не позже – не ранее», «не меньше – не больше» и прочее. Например, заключение эксперта о давности изготовления документа, выраженного с помощью сравнительной категории «не ранее», звучит следующим образом: две расписки о дарении денежных средств от ...2017 г. и два договора дарения от ...2017 г. изготовлены не ранее ноября 2021 г., что не соответствует дате, указанной в исследуемых документах (...2017 г.)⁸. Давность, определяющая выполнение расписок и договоров с помощью категории «не ранее», включает сведения для установления определенного факта – фальсификации документов, то есть конкретные данные о факте являются абсолютными. Однако установление данного факта может выступать и в качестве относительного знания, если возникает необходимость в определении более точного периода, например, установление конкретной даты исполнения договоров и расписок.

С точки зрения диалектики знание о каком-либо событии является абсолютным, если оно исчерпывающее и не может быть заменено более полным. Очевидно, что для решения экспертной задачи не нужны исчерпывающие знания о каком-либо событии. В каждой противоправной ситуации существуют рамки, определяющие необходимый и достаточный объем знаний о произошедшем событии. Как правило, такое знание называют «конкретным», которое характеризуется полнотой и обоснованностью. Конкретное знание о событии (явлении, процессе) позволяет эксперту провести всестороннее исследование и предоставить аргументированный вывод в заданной системе координат.

Понятие «возраст» можно представить как время, прошедшее с момента рождения, появления на свет, создания чего-либо⁹ до настоящего момента времени. Судебная экспертиза может быть назначена, например, с целью установления возраста лица или возрастной группы лиц; возраста обнаруженного трупа; возраста бумаги, на которой исполнен документ и т.д.

Проблема установления возраста объекта, как правило, возникает при переходе из одной возрастной группы в другую, то есть на границе возрастных периодов.

⁶ См.: Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Астрель», 2011. С. 20.

⁷ См.: Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Астрель», 2011. С. 609.

⁸ Иванова Е.В. Заключение эксперта № Экс – 06/04/2023 – 048с // Архив АНО «Качество и право».

⁹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А – О. Т. 1. 1210 с.

Согласно ст. 196 УПК РФ судебная экспертиза должна быть обязательно назначена и проведена с целью определения возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, если информация об их возрасте играет существенную роль для дела, а удостоверяющие возраст документы отсутствуют или вызывают сомнение.

Структура возраста сложна, подвижна и с течением времени изменчива. Возрасту свойственны качественные изменения, проявляющиеся в биологических, химических, физиологических, социокультурных, интеллектуальных и многих других областях, что зависит от объекта исследования. Состав и скорость происходящих изменений зависят, например, от окружающей среды (наличия или отсутствия солнечного света, температуры воздуха, влажности и др.), условий хранения (в специальном хранилище, бумажной коробке, целлофановом пакете), индивидуальных особенностей объекта и т.д. Достаточность определения границ возраста будет определяться задачей, поставленной перед экспертом. Установление конкретного возраста объекта (момента времени) или возрастного периода (временного интервала) выступают в качестве абсолютной характеристики, определение же последовательности возрастов (моментов времени) или возрастных периодов (временных интервалов) – относительной характеристики.

Так, эксперт в ходе производства судебно-медицинской экспертизы двух скелетированных трупов пришел к следующим основным выводам, устанавливающим возрастные характеристики. Во-первых, костные останки принадлежат скелету мужчины и женщины, биологический возраст которых находится в интервале от 20 лет до 30 лет. Во-вторых, костные останки, принадлежащие мужчине, старше костных останков женщины. В результате, эксперт установил абсолютную характеристику возраста костных останков, выраженную через возрастной период (временной интервал) и относительную характеристику возраста, выраженную через последовательность возраста костных останков мужчины и женщины (последовательность моментов времени).

Таким образом, для разграничения двух близких по содержанию категорий «давность» и «возраст» предлагаем использовать категорию «давность» применительно к событиям, явлениям, процессам преступной деятельности, а категорию «возраст» – к предметам, материалам, веществам, людям, трупам, документам. Так, например, если говорить об установлении временных характеристик изготовления документа (то есть о процессе), то правильно использовать категорию «давность» (давность изготовления документа); если же необходимо установить время, прошедшее с момента создания документа (то есть охарактеризовать некую ступень в развитии), то целесообразно использовать категорию «возраст» (возраст документа).

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что под абсолютной давностью событий (явлений, процессов) и абсолютным возрастом предметов (материалов, веществ, людей, трупов, документов) следует понимать моменты времени или временные интервалы, выраженные как с помощью абсолютных, так и с помощью относительных категорий. Под относительной давностью и относительным возрастом понимают последовательность временных моментов или интервалов, обладающих длительностью. При этом знание об установленной давности и возрасте могут носить как абсолютный (то есть исчерпывающий), так и относительный характер (возможна детализация). Пределы детализации будут определяться задачей, которая поставлена перед экспертом.

По результатам проведенного исследования предлагаем следующую структуру временных характеристик события преступления¹⁰ (рис. 1).

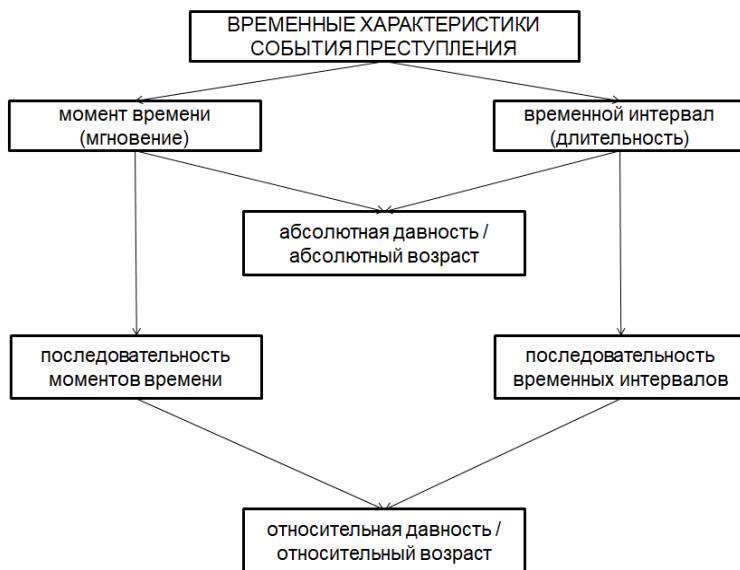

Рис.1. Структура временных характеристик события преступления
Источник: составлено автором.

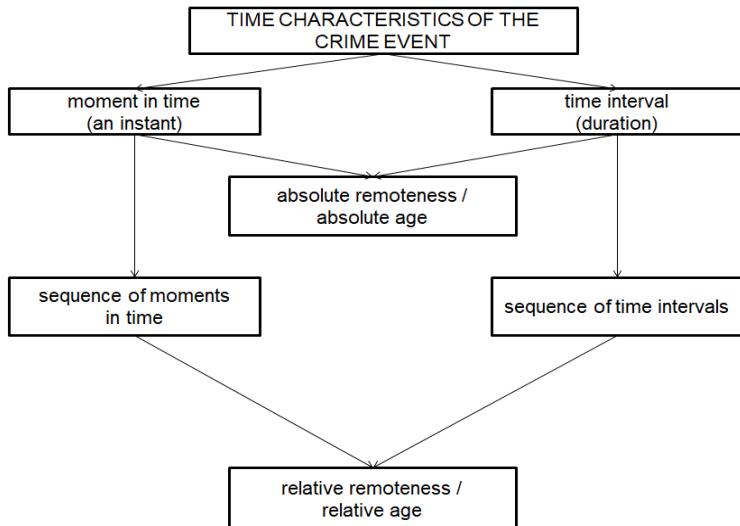

Figure 1. Structure of Temporal Characteristics of the Crime Event
Source: compiled by the authors.

Учитывая различные подходы ученых и практиков к пониманию структуры временных характеристик события противоправного деяния, считаем возможным наделить эксперта правом переформулировки поставленной следователем или судом задачи в соответствии с его специальными знаниями. По сути, данное право завуалированно отмечено в российском судопроизводстве (ч. 2 ст. 86 ГПК РФ, ч. 2 ст. 86

¹⁰ Составлено автором.

АПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, ч. 4 ст. 82 КАС РФ): эксперт вправе сформулировать выводы по проведенному исследованию в отношении установленных обстоятельств, по поводу которых задача не была поставлена. Однако на практике эксперты редко пользуются данным правом. Вопросы об абсолютной давности события (явления, процесса) и абсолютном возрасте предметов (материалов, веществ, людей, трупов, документов) могут быть сформулированы в том числе с помощью относительных категорий, выражают сравнительные характеристики, но устанавливающие исчерпывающее знание в пределах конкретной следственно-экспертной ситуации. Так, например, вопрос в редакции суда «Какова давность изготовления документа?» возможно понимать в контексте «Исполнен ли представленный документ не ранее / не позже определенного момента времени (даты) или временного интервала (периода)?» В случае отсутствия даты следователь или суд должен выяснить у сторон значимый для правильного разрешения дела момент времени или временной интервал, относительно которого будет разрешаться задача установления давности изготовления документа. Другими словами, следователь или суд определяют систему отсчета, в пределах которой эксперт проводит исследование.

Заключение

Понимание временных характеристик события преступления диктует необходимость систематизированного подхода к определению природы данного феномена, способствующего разработке единых понятий и определений. Предложенная нами система категорий, в основу которой заложены два фундаментальных свойства времени – односторонность и темп, позволили систематизировать накопленный объем знаний и разграничить близкие по содержанию термины, отражающие временные характеристики события преступления. Темп, как количественный параметр, выражается через момент времени (мгновение) или временной интервал (длительность). Моменты времени и временные интервалы позволяют устанавливать абсолютную давность событий (явления, процессов) и абсолютный возраст предметов (материалов, веществ, людей, трупов, документов). Последовательность же временных моментов или интервалов характеризует относительную давность событий (явления, процессов) и относительный возраст предметов (материалов, веществ, людей, трупов, документов). При этом абсолютная давность или абсолютный возраст могут быть выражены, в том числе, с помощью относительных категорий «не позже – не ранее», «не менее – не более», «не старше – не младше» и прочее, однако позволяющих в пределах конкретной следственно-экспертной ситуации судить о каком-либо факте.

Применение унифицированных категорий окажет помощь не только в развитии судебной экспертизы, но и в использовании единого понятийно-категориального аппарата при производстве экспертных исследований, а также оценке заключения эксперта, устанавливающего временные характеристики события преступления, следователем или судом. Рассмотренные концептуальные подходы к пониманию временных характеристик события преступления в экспертной практике позволят систематизировать имеющийся объем знаний в данной области, что, в свою очередь, обозначит перспективы дальнейших исследований.

References / Список литературы

- Aita Kh.-V., Sandor, K. & Giovanni, D. (2001) The use of atomic force microscopy to determine the sequence of crossed lines. *Problems of Forensic Sciences*. Cracow, Institute of Forensic Research Cracow Publ., pp. 401–417.
- Askin, Ya.F. (1971) Time Direction and Temporal Structure of Processes. In: Kuznetsov, E.V. (ed.) *Space, Time, Motion*. Moscow, Nauka Publ., pp. 56–79. (in Russian).
Аскин Я.Ф. Направление времени и временная структура процессов // Пространство, время, движение / отв. ред. И.В. Кузнецов М.: Наука, 1971. С. 56–79.
- Bojko, K., Roux, C. & Reedy, B. (2008) An examination of the sequence of intersecting lines using Attenuated Total Reflectance-Fourier Transform Infrared Spectral Imaging. *Journal of Forensic Sciences*. 53 (6), 1458–1467. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00796.x>
- Fedorov, Yu.D. (1983) Spatial and Temporal Characteristics and Location of the Incident. In: Irkutsk University. *Forensic Problems of Spatial and Temporal Factors in the Methodology of Crime Investigation*. Irkutsk, Irkutsk University Publ., pp. 59–66. (in Russian).
Федоров Ю.Д. Пространственно-временные характеристики и место происшествие // Криминалистические аспекты пространственно-временных факторов при расследовании преступлений. Иркутск: Иркутский университет, 1983. С. 59–66.
- Gromova, S.L. (2015) Basic Properties of Time. *Innovative Science*. 3, (5 (5)), 54–58. (in Russian).
Громова С. Л. Основные свойства времени // Инновационная наука. Т. 3. № 5 (5). 2015. С. 54–58.
- Ivanova, E.V. (2019) On the Status of Methodological Support for Determining the Absolute Age of Handwritten Details of Documents. *Expert Practice Issues*. (S1), 235–240. (in Russian).
Иванова Е.В. О состоянии методического обеспечения установления абсолютной давности выполнения рукописных реквизитов документов // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 235–240.
- Ivanova, E.V. (2023) Forensic Examination of Document Materials: Issues of Theory and Practice. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (2), 78–82. (In Russian).
Иванова Е.В. Судебная экспертиза материалов документов: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. № 2. 2023. С. 78–82.
- Hawking, S.W. (1998) *A Brief History of Time*. New York, Bantam Books Publ.
- Meshkov, V.M. (2004) Fundamentals of Forensic Theory on Temporal Relationships. 3rd ed. Kaliningrad, KYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ. (in Russian).
Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях: монография. Изд. 3-е, доп. и перераб. Калининград, 2004. 198 с.
- Molchanov, Yu.B. (1977) *Four Concepts of Time in Philosophy and Physics*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М. : Наука, 1977. 192 с.
- Ropot, R.M. (2014) Modern Scientific Views on the Problem of Time in Criminalistics. *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*. (2 (28)), 86–89. (in Russian).
Ропот Р.М. Современные научные взгляды на проблему времени в криминалистике // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 2 (28). С. 86–89.
- Ropot, R.M. (2016) Types of Statute of Limitations in Forensic Expertise: Concept and Determining Criteria. *Forensic Expertise. Scientific Publications*. (2(40)), 91–98. (in Russian).
Ропот Р.М. Виды давности в судебной экспертизе: понятие и определяющие критерии // Судебная экспертиза. Научные публикации. 2016. № 2 (40). С. 91–98.
- Shikanov, V.I. (1988) “Space” and “Time” as Structural Elements of Criminalistic Characterization of Crimes. *Spatial and Temporal Factors in Crime Investigation*. Irkutsk, 241–244. (in Russian).

- Шиканов В.И. «Пространство» и «время» как структурные элементы криминалистической характеристики преступлений // Пространственно-временные факторы в расследовании преступлений. 1988. С. 241–244.
- Spagnolo, G.S. (2006) Potentiality of 3D laser profilometry to determine the sequence of homogenous crossing lines on questioned documents. *Forensic Science International*. 164 (2–3), 102–109. <https://www.doi.org/10.1016/j.forsciint.2005.12.004>
- Toropova, M.V. (2009) Modern Possibilities of Establishing the Relative Ages of Execution of Document Details. *Vestnik kriminalistiki*. (3 (31)), 125–132. (In Russian).
- Торопова М.В. Современные возможности установления относительной давности выполнения реквизитов документов // Вестник криминалистики. № 3 (31). 2009. С. 125–132.
- Trozman, E.A., Bezhaniashvili, G.S., Batygina, N.A., Arkhangel'skaya, N.M. & Yurova, R.A. (2013) Methodology “Determination of the Ages of Execution of Details in Documents by Relative Content of Volatile Solvents in Strokes”. *Theory and Practice of Forensic Examination*. (2 (30)), 80–88. (in Russian).
- Тросман Э.А., Бежанишвили Г.С., Батыгина Н.А., Архангельская Н.М., Юрова Р.А. Методика «Определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей» // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 80–88.
- Viktorova, L.N. (1983) *The Time Factor and its Importance in the Detection and Investigation of Crime*. Moscow, VNII of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ. (in Russian).
- Викторова Л.Н. Фактор времени и его значение для раскрытия и расследования преступлений. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 34 с.
- Zavattaro, D., Quarta, G., D'Elia, M. & Calcagnile, L. (2007) Recent documents dating: An approach using radiocarbon techniques. *Forensic Science International*. 167 (2-3), 160–162.

Сведения об авторах:

Логвинец Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

ORCID: 0000-0003-0932-8320, SPIN-код: 1215-3002

e-mail: logvinets@bsu.edu.ru

Каторгина Наталья Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

ORCID: 0000-0001-9161-7775, SPIN-код: 1785-0199

e-mail: inyakova@bsu.edu.ru

About the authors:

Elena A. Logvinets – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); Russian Federation, 308015, Belgorod, st. Victory, 85

ORCID: 0000-0003-0932-8320, SPIN-code: 1215-3002

e-mail: logvinets@bsu.edu.ru

Natalya P. Katorgina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); Russian Federation, 308015, Belgorod, st. Victory, 85

ORCID: 0000-0001-9161-7775, SPIN-code: 1785-0199

e-mail: inyakova@bsu.edu.ru

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-438-455>

EDN: YMVAXM

Research Article / Научная статья

The single agreement concept in international Framework Contracts for Cross-Border Derivatives and other financial Transactions

Aleksei P. Klementyev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

alexei.klementiev@gmail.com

Abstract. Master agreements produced by trade associations – standardized framework contracts used in international markets – have largely replaced tailor-made documentation in the contemporary financial world. These agreements provide a reliable foundation for structuring obligations across a broad range of financial instruments, including forwards, options, swaps, repurchase agreements (repos), and securities lending transactions. Despite being developed in diverse regions, standard contracts for cross-border financial products exhibit several common features. A key feature is the “single agreement” concept, and its corresponding contractual clause. The article provides an overview of “single agreement” clauses found in international master agreements and examines two critical implications of this fundamental aspect of standard documentation. First, it explores the enforceability of close-out netting, a mechanism vital for managing counterparty risk in the event of default. Second, it discusses the application of a unified governing law to all elements of the standard documentation, which might otherwise be subject to various laws determined by conflict-of-laws rules. Beyond these legal applications, the single agreement also serves a technical function by uniting numerous schedules, annexes, confirmations, protocols, and other components of standard documentation within a single legal framework.

Key words: close-out netting, master agreement, financial transactions, bankruptcy, derivatives, repurchase agreements, securities lending, single agreement

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Received: 25th November 2024

Accepted: 15th April 2025

© Klementyev A.P., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Klementyev, A.P. (2025) The Single Agreement Concept in International Framework Contracts for Cross-Border Derivatives and other Financial Transactions. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 438–455. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-438-455>

Концепция единого договора в международных рамочных соглашениях для трансграничных деривативов и других финансовых сделках

А.П. Клементьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация
alexei.klementiev@gmail.com

Аннотация. Генеральные договоры, подготовленные торговыми ассоциациями, т.е. стандартные рамочные соглашения, применяемые игроками на международных рынках вместо ситуативно подготовленной документации, в настоящее время доминируют в финансовом мире. Стороны таких договоров структурируют свои обязательства, основываясь на пользующихся доверием стандартных документах, покрывающих большое количество финансовых инструментов. К их числу относятся опционы, форварды, свопы, договоры репо и сделки займа ценных бумаг. Несмотря на подготовку типовых соглашений в разных странах мира, стандартные контракты для трансграничных финансовых продуктов имеют много общего. Концепция единого договора и соответствующее договорное положение выступает примером такого общего элемента. Помимо описания положений о едином договоре в статье рассматриваются два важных последствия использования этого краеугольного камня стандартной документации. К таким последствиям относится возможность принудительного исполнения положений о ликвидационном неттинге и распространение применимого права на все элементы стандартной документации, которые подчинялись бы праву разных стран, если бы применимое право определялось на основе коллизионных норм. Помимо этих важных последствий принцип единого договора выполняет чисто техническую роль, выступая единым связующим звеном для различных приложений, дополнений, подтверждений, протоколов и других элементов стандартной документации на международных финансовых рынках.

Ключевые слова: ликвидационный неттинг, генеральное соглашение, финансовые сделки, банкротство, деривативы, сделки репо, займы ценных бумаг, единый договор

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Klementyev A.P. The Single Agreement Concept in International Framework Contracts for Cross-Border Derivatives and other Financial Transactions // *RUDN Journal of Law*. 2025. T. 29. № 2. С. 438–455. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-438-455>

Introduction

Exchange-traded financial instruments exhibit a high level of standardization, with minimal variations allowed at the discretion of the parties (Muscat, 2009:36). In contrast, a significant volume of financial instruments is traded privately, without the involvement

of an exchange or clearinghouse (Benzler, 1999:34). These privately negotiated transactions are referred to by finance professionals as “over the counter” (OTC) financial contracts¹. In French-speaking countries the OTC market is known as *marché de gré à gré*², while in Germany, it is referred to as *außerbörsliche Handel*³.

In the absence of contractual specifications imposed by an exchange⁴, the parties to OTC contracts would, in theory, need to draft numerous bespoke agreements internally to conduct transactions with their peers and clients. This would result in higher legal and organizational costs due to the time and resources required for lengthy negotiations. Such a framework, however, does not meet the practical needs of this dynamic market. In practice, dealers in international financial markets are typically aligned in their approach to documenting contractual relationships in OTC markets. To minimize costs and streamline operations, they almost always rely on pre-drafted standard contracts published by industry associations, rather than negotiating bespoke agreements for each transaction.

These standard agreements, often available in the form of master agreements, may govern all financial contracts between two parties or apply to specific classes of transactions (Franzen, 2009:24). Their widespread use has become a defining feature of financial industry (Benzler, 1999:37), bringing a high degree of standardization to privately negotiated transactions (Muscat, 2009:36). To further reduce costs and manage risks, financial contracts often include provisions for the early discharge of payment obligations through netting. Netting clauses may apply to payments owed in opposite directions (Bamford, 2015:45) or to the termination of obligations following an event of default, in both cases resulting in the calculation of a single net amount.

Due to the widespread use of netting clauses, standard contracts for financial transactions are often referred to as “master netting agreements”. The UNCITRAL Insolvency Guide defines a netting agreement as a type of financial contract between two or more parties that provides for one or more of the following options: (i) the net settlement of payments due in the same currency on the same date, whether by novation or otherwise; (ii) the termination of transactions and the netting amounts due under such transactions into a single net amount upon insolvency or other default by a party; or (iii) the set-off of amounts calculated in accordance with item (ii) under two or more netting agreements⁵.

The Bank for International Settlements (BIS)⁶ defines a master netting agreement as ‘an agreement that permits the netting of amounts owed under transactions governed by

¹ Over-the-Counter (OTC) Markets: Trading and Securities Available at: <https://www.investopedia.com/terms/o/otc.asp> [Accessed 24th November 2024].

² *Marché de gré à gré* : principe, avantages et inconvénients Available at: <https://www.capital.fr/entreprises-marches/marche-gre-a-gre-1374828> [Accessed 24th November 2024].

³ Was ist der OTC-Handel? Available at: <https://www.next-kraftwerke.de/wissen/otc-handel> [Accessed 24th November 2024].

⁴ Specification is the name of a standard contract issued by an exchange or a clearing house. Specifications index, equity, money and commodity derivatives traded at Moscow Exchange are available at <https://www.moex.com/a1904> [Accessed 24th November 2024]; CME Group proposes contract specifications for futures trading in a manner similar to Moscow Exchange. Available at: <https://www.cmegroup.com/education/courses/introduction-to-futures/learn-about-contract-specifications.html> [Accessed 24th November 2024].

⁵ UNCITRAL Insolvency Guide – Legislative Guide on Insolvency Law, 2004, UNCITRAL, Available at: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/05-80722_ebook.pdf [Accessed 24th November 2024].

⁶ Glossary of definitions of technical terms commonly used in the BIS Quarterly review. Available at: <https://www.bis.org/statistics/glossary.htm?&selection=214&scope=Statistics&c=a&base=term> [Accessed 24th November 2024].

different agreements, often including one or more ISDA Master Agreements". The ISDA Master Agreement is a framework contract published by the International Swaps and Derivatives Association (ISDA)⁷, a trade association initially established to unite swap dealers (Benjamin, 2007:65). The origins of ISDA can be traced back to the early development of the swaps market. The first reported swap transaction was executed between IBM and the World Bank several years before ISDA was formally established (D'Hollander, 1996:74). As the swaps market grew, the need for standardized documentation and practices became evident, prompting leading swap traders to collaborate and form an industry organization to address these challenges.

Over time, ISDA expanded its activities to encompass all types of derivatives, in addition to swaps. The value of these highly innovative financial instruments is derived from an underlying asset or variable⁸. Such underlying assets may include foreign currency, securities, commodities, interest rates, indexes, or even specific events. Another key characteristic of derivatives is that their performance date typically occurs significantly later than the date of the contract (Benjamin, 2007:65). As a result, parties to derivative trades are often exposed to long-term risks associated with the solvency of their counterparties. The development, drafting, and promotion of standardized documentation for the OTC derivatives industry became a primary goal and one of ISDA's most significant accomplishments (Flanagan, 2001:228).

ISDA documentation is widely regarded as governing the majority of OTC derivative transactions in the world (Bamford, 2015:45). The remaining portion of cross-border derivative trades is documented using standard contractual instruments developed by other industry associations, such as the Foreign Exchange Committee (FXC) and the European Banking Federation (EBF). Additionally, organizations like the International Capital Market Association (ICMA) and the International Securities Lending Association (ISLA) publish their own master agreements to address the specific needs of parties involved in securities lending and securities repurchase transactions. The rise of China as an emerging superpower has also influenced the domain of contract drafting. In 2022, National Association of Financial Market Institutional Investors (NAFMII), an industry group established by the People's Bank of China, introduced its first cross-border framework template agreement for derivatives. Known as the 2022 NAFMII Master Agreement (2022 NAFMII MA)⁹, this document was made available to both Chinese and international counterparties, reflecting China's growing role in the global financial markets.

The terms of the aforementioned international master agreements often overlap and are frequently "taken for granted" (Nassetti, 1995:145). Nearly every contract establishing a framework for the subsequent execution of financial transactions typically includes provisions on trade negotiation and delivery of confirmations¹⁰, undertakings of the parties, representations and warranties, payment netting provisions, and a list of events of default and termination events. Additionally, boilerplate clauses common in international

⁷ ISDA official website. Available at: <https://www.isda.org/> [Accessed 24th November 2024].

⁸ These financial contracts, whose value is derived "from something else" include swaps, options, forwards, and structured products. Their source of value is referred to as the "underlying asset" or simply the "underlying" (Muscat, 2009: 33).

⁹ Refer to: NAFMII Master Agreement (Cross-Border – 2022 Version) (English Translation) Available at: <https://www.nafmii.org.cn/ggtz/gg/202208/P020220831632138066172.pdf> [Accessed 24th November 2024].

¹⁰ A confirmation is not a document different from the framework contract as it is governed by and forms part of the ISDA Master Agreement (Murray, 2012).

commercial transactions – such as severability clauses, governing law and dispute resolution provisions, and delivery of notices – are also included.

The paper argues that one of these clauses warrants separate consideration due to its particular importance for the smooth functioning of OTC derivatives markets.

2. Material and Methodology

This study primarily relies on the texts of international master agreements that include a single agreement clause, which are publicly available on the websites of ISDA, ICMA, ISLA, NAFMII, FXC and EBF. The research also draws on publications of German, English, and American scholars and practitioners. The methodology employed in this article is based on traditional tools commonly used in the humanities and social sciences, including induction, deduction, synthesis, and comparative analysis. Additionally, the author applies the formal legal method, which is typically used in legal disciplines to interpret the contractual provisions of standard master agreements. Given that the standard contractual instruments analyzed in this study have financial implications, the research also incorporates economic data to illustrate the risk mitigation potential of single agreement clauses in these contracts.

3. Discussion

3.1. Overview of Master Netting Agreements

The global financial crisis of 2006–2008 was a significant test for the financial industry, leading to the insolvency of Lehman Brothers, a major transnational investment bank active in OTC markets. While framework contracts largely withstood the crisis (Paech, 2016:36), their provisions were subsequently modified to better accommodate public interests. Unlike the International Capital Market Association (ICMA)¹¹ which focuses on the development of primary¹² and secondary capital markets¹³, ISDA's activities are exclusively centered on market for privately negotiated derivatives, including swaps, options, and forwards. At the forefront of the broad implementation of standard market documentation (Muscat, 2009:36), ISDA introduced its first framework contract in 1987¹⁴, two years following its inception.

Although ISDA is headquartered in New York, its framework agreement quickly gained widespread use in Europe in the years that followed (Yeowart & Parsons, 2016:71). Encouraged by this success, ISDA updated its standard master agreement in 1992. The 1992 ISDA Master Agreement was made available in two versions: Local Currency – Single Jurisdiction¹⁵ and Multicurrency – Cross Border¹⁶. Both versions encompassed a

¹¹ ICMA official website. Available at: <https://www.icmagroup.org/> [Accessed 24th November 2024].

¹² Available at: <https://www.icmagroup.org/market-practice-and-regulatory-policy/primary-markets/> [Accessed 24th November 2024].

¹³ Available at: <https://www.icmagroup.org/market-practice-and-regulatory-policy/secondary-markets/> [Accessed 24th November 2024].

¹⁴ Available at: <https://www.isda.org/book/1987-interest-rate-and-currency-exchange-agreement/> [Accessed 24th November 2024].

¹⁵ 1992 ISDA Master Agreement (Local Currency – Single Jurisdiction) of the International Swaps and Derivatives Association, Available at: <https://www.isda.org/book/1992-isda-master-agreement-local-currency/> [Accessed 24th November 2024].

¹⁶ 1992 ISDA Master Agreement (Multicurrency – Cross Border) of the International Swaps and Derivatives Association, Available at: <https://www.isda.org/book/1992-isda-master-agreement-multi-currency/> [Accessed 24th November 2024].

broader range of OTC derivatives transactions than their predecessor. The most recent framework contract introduced by ISDA, the 2002 ISDA Master Agreement, is designed to document all types of financial derivatives, both domestically and internationally. The structure of ISDA Master Agreements is twofold: the framework contract itself establishes the core terms of the relationship between the parties, while the accompanying schedule allows the parties to make necessary elections and opt out of certain provisions, they find undesirable (Benzler, 1999:38). Unlike the schedule, the ISDA Master Agreement is signed “as is”, without amendments or additional input from the parties (Bobkov, 2020:55).

The 2002 ISDA Master Agreement is widely regarded as the most commonly used framework contract¹⁷ and a “quasi standard for derivatives from global perspective”¹⁸. Other examples of framework contracts for over-the-counter (OTC) derivatives sponsored by international professional associations include the European Master Agreement (EMA)¹⁹, developed by the European Banking Federation (EBF), and a range of master agreements drafted by the Financial Market Lawyers Group (FMLG) under the auspices of the Foreign Exchange Committee (FXC)²⁰.

A notable feature of the EMA is its cross-product nature – the agreement includes a variety of product annexes that address repurchase transactions, securities loans, deposits, derivatives, and interest rate transactions. According to the EBF’s explanatory memorandum, the EMA not only reduces costs but also provides a standardized framework for financial transactions in jurisdictions that lack their own standard documentation. This standardization simplifies and accelerates the documentation process²¹. In addition to its multi-product scope, the EBF highlights the EMA’s innovative and multi-jurisdictional nature, which has made it a popular choice in Europe, particularly for repurchase (repo) transactions (Johansson, 2009:71).

However, the global prospects of the EMA remain uncertain. On the one hand, there is evidence of its use in specific contractual relationships involving European financial institutions, both public and private. For instance, the European Central Bank (ECB) relies on the EMA template for securities repurchase transactions with its counterparties²². Similarly, Belfius Bank reports that nearly 30% of its OTC derivatives transactions are governed by EMA²³. Encouraging evidence also comes from Russia, where the National

¹⁷ Available at: <https://www.kramerlevin.com/images/content/4/3/v2/43362/180726-Lexis-PSL-Kolifrath-Gilles-European-derivatives-master-a7g.pdf> [Accessed 24th November 2024].

¹⁸ Preliminary draft report on: The need for an international instrument on the enforceability of close-out netting in general and in the context of bank resolution. UNIDROIT study group on principles and rules on the netting of financial instruments (Study 78C – Doc. 2). UNIDROIT, Rome, Italy. Report on close-out netting, UNIDROIT 2011 Study 78C – Doc. 2. Available at: <https://www.unidroit.org/english/documents/2011/study78c/s-78c-02-e.pdf> [Accessed 1st November 2024].

¹⁹ Available at: <https://www.ebf.eu/home/european-master-agreement-ema/> [Accessed 24th November 2024].

²⁰ Available at: <https://www.newyorkfed.org/fmlg/documentation/master.html> [Accessed 24th November 2024].

²¹ Master Agreement for Financial Transactions. Explanatory Memorandum for Version 2004 and 2020. Available at: https://www.ebf.eu/wp-content/uploads/2020/06/Explanatory_memorandum_version-2020.pdf [Accessed 24th November 2024].

²² Master agreement for financial transactions between the European Central Bank and Narodowy Bank Polski: Special provisions. Available at: https://www.ecb.europa.eu/ecb/access_to_documents/document/pa_document/shared/data/ecb.dr.par2020_0062ECB_agreement_euro_Narodowy_Bank_Polski.en.pdf [Accessed 24th November 2024].

²³ European Master Agreement: Experience at Belfius Bank. Available at: https://www.ecb.europa.eu/paym/groups/pdf/omg/2019/201906/2019-06-03_OMG_Item2_European_Master_Agreement_views_of_Belfius.pdf?cc51ea798d701e060edc99e2c48c3fe6 [Accessed 24th November 2024].

Settlement Depository – the local central securities depository and trading repository for financial transactions – has included the EMA in its list of recognized master agreements²⁴.

Unlike ISDA, the European Banking Federation (EBF) has made all of its contractual instruments freely available on its website. This accessibility could serve as a competitive advantage for EBF documentation over ISDA's, particularly for users of standard financial documentation who do not have access to ISDA materials. Another notable advantage of EBF framework is the inclusion of cross-product netting, which enhances risk mitigation possibilities²⁵.

However, it is unlikely that EMA contractual templates will replace ISDA documentation in the foreseeable future. ISDA's framework is deeply integrated into settlement systems on a global scale²⁶, making it the dominant standard. The majority of OTC financial transactions are conducted by G-16 financial institutions from a handful of countries (Braithwaite, 2021:22). These institutions are ISDA members and are likely reluctant to transition to EMA templates due to their strong ties to ISDA and their extensive use of its contractual documentation.

Additionally, promoting the laws of EU countries as the governing framework for financial markets would require challenging the Anglo-Saxon dominance in derivatives and other financial products. This shift would take considerable time and effort, likely longer than EBF and its proponents anticipate.

FXC master agreements are designed to document obligations and provide common legal terms for transactions within the foreign currency sector, including spot transactions, forwards, and options. The first contractual template published under the auspices of the FXC was the International Bullion Master Agreement in 1994. In 1997, FXC significantly expanded its contractual offerings with the publication of the International Currency Options Market Master Agreement (ICOM)²⁷ for currency options and the International Foreign Exchange Mast Agreement (IFEMA)²⁸ for foreign currency transactions. IFEMA provided a standardized framework for documenting the trading of simple foreign currency instruments and options. The most recent FXC standard instrument, the International Foreign Exchange and Currency Option Master Agreement (IFXCO)²⁹, was introduced in 2005.

The ICMA Global Master Repurchase Agreement (GMRA)³⁰, dated 2011, is the latest version of a master agreement for securities repurchase transactions. It replaced earlier versions of ICMA's standard framework contract published in 2000 and 1995. Similarly, the Global Master Securities Lending Agreement (GMSLA), a framework contract for

²⁴ Available at: [https://repository.nsd.ru/en/versioned/current/taxonomy/master-agreement-type\(nsd\)](https://repository.nsd.ru/en/versioned/current/taxonomy/master-agreement-type(nsd)) [Accessed 24th November 2024].

²⁵ Das European Master Agreement – die europäische Lösung für Cross-Product Netting. Available at: <https://www.zbb-online.com/heft-6-2009/zbb-2009-451-das-european-master-agreement-die-europaeische-loesung-fuer-cross-product-netting/> [Accessed 24th November 2024].

²⁶ Welches Master Agreement ist das Beste? Available at: <https://bahlconsult.com/welches-master-agreement-ist-das-best/> [Accessed 24th November 2024].

²⁷ NSD's trade repository messages specifications. Available at: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/microsites/fmlg/files/icom.pdf> [Accessed 24th November 2024].

²⁸ Available at: <https://www.investopedia.com/terms/i/ifema.asp> [Accessed 24th November 2024].

²⁹ 2005 International Foreign Exchange and Currency Option Master Agreement by the Foreign Exchange Committee, Available at: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/microsites/fxc/files/ifxco_booklet.pdf [Accessed 24th November 2024].

³⁰ Available at: https://www.asifma.org/wp-content/uploads/2018/05/nafmii_master_agreement_2009.pdf [Accessed 24th November 2024].

securities lending transactions promoted and maintained by ISLA, was issued in 2010, following earlier versions of 2009 and 2000.

In China, the Inter-Bank Market Financial Derivatives Master Agreement, developed by the National Association of Financial Market Institutional Investors (NAFMII)³¹, allows parties to conclude financial derivative transactions under the laws of the People's Republic of China. Recently, NAFMII introduced a competitor to ISDA templates by publishing the first Chinese law-based master agreement. The NAFMII Master Agreement (Cross-border – 2022 Version) (the 2022 NAFMII MA)³² includes all standard provisions found in other international framework contracts. Additionally, it is supplemented with annexes that provide credit support under both title transfer arrangements and pledge structures³³.

Separate transactions under ISDA, GMRA, GMSLA, EMA, NAFMII and FXC agreements are documented using a “confirmation”, a document that outlines the terms of relevant derivative trade, repurchase contract, or securities lending transaction. While the parties may agree on the terms of a single transaction electronically or even by phone, the absence of a confirmation does not typically render the transaction invalid. However, confirmations serve as valuable evidence of the agreed terms of OTC trades. Standard terms for agreements and template confirmations are often included in the “definitions”. For instance, ISDA 2006 Definitions³⁴ provide provisions for interest rate transactions, while the 1998 FX and Currency Option Definitions³⁵ outline the terms for forwards, options, and FX spot transactions. Other examples include ISDA Equity Derivatives Definitions³⁶, ISDA Credit Derivatives Definitions³⁷, and ISDA Commodity Derivatives Definitions³⁸.

International framework agreements are often supplemented by annexes and additional protocols designed to mitigate risks or address legal and regulatory requirements. One such example is the ISDA Credit Support Annex (CSA)³⁹, which serves both purposes. On the one hand, collateral arrangements under CSA are widely recognized as an effective risk mitigation technique in wholesale financial markets (Johansson, 2009:72). On the other hand, the CSA facilitates compliance with mandatory rules governing the use of collateral for non-centrally cleared derivatives⁴⁰. Bilateral collateral transfers between the parties to ISDA agreements can also be structured using documents such as 1995 ISDA Credit Support Deed (Security Interest – English Law)⁴¹, the 1994

³¹ Available at: https://www.asifma.org/wp-content/uploads/2018/05/nafmii_master_agreement_2009.pdf [Accessed 24th November 2024].

³² Available at: <https://www.nafmii.org.cn/ggtz/gg/202208/P020220831632138066172.pdf> [Accessed 24th November 2024].

³³ Available at: <https://www.kwm.com/cn/en/insights/latest-thinking/mastering-cross-border-derivatives-in-china-the-new-2022-nafmii-master-agreement-cross-border-version0.html> [Accessed 24th November 2024].

³⁴ Available at: <https://www.isda.org/book/2006-isda-definitions/> [Accessed 24th November 2024].

³⁵ Available at: <https://www.isda.org/book/1998-fx-and-currency-option-definitions/> [Accessed 24th November 2024].

³⁶ Available at: <https://www.isda.org/book/2002-isda-equity-derivatives-definitions/> [Accessed 24th November 2024].

³⁷ Available at: <https://www.isda.org/book/2014-isda-credit-derivative-definitions/> [Accessed 24th November 2024].

³⁸ Available at: <https://www.isda.org/book/1993-isda-commodity-derivatives-definitions/> [Accessed 24th November 2024].

³⁹ Available at: <https://www.isda.org/books/#jump-1> [Accessed 24th November 2024].

⁴⁰ Refer, for instance, to Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and the Council of 4th July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32012R0648> [Accessed 24th November 2024].

⁴¹ Available at: <https://www.isda.org/book/1995-isda-credit-support-deed-pdf/> [Accessed 24th November 2024].

ISDA Credit Support Annex (Security Interest – New York Law)⁴² and other similar agreements⁴³.

Nevertheless, parties to ISDA Agreements may choose more traditional methods of securing obligations and mitigating credit risks arising from their derivatives transactions. ISDA documentation introduces the concepts of “credit support document” and a “credit support provider” (Harding 1999:179). For instance, a third party may provide a guarantee or suretyship to secure the obligations of a counterparty under the master agreement, even though ISDA has developed its own risk mitigation mechanism in the form of “financial collateral”, described above.

In many respects, financial collateral is comparable to the initial and variation margin posted by participants in organized trading on securities, commodities, and foreign currency exchanges. However, collateral addendums to international master agreements extend these risk mitigation tools to participants of over-the-counter (OTC) financial markets.

Other annexes, protocols, and addendums are often designed to align the standard documentation of international associations with local legal and regulatory requirements. For example:

- The ISDA 2018 U.S. Resolution Stay Protocol⁴⁴ was introduced to facilitate compliance with regulations issued by the Board of Governors of the Federal Reserve System, the Federal Deposit Insurance Corporation, and the Office of the Comptroller of the Currency.
- The EMIR Annex to the Master Agreement for Financial Transactions (2002 Edition)⁴⁵ enables parties to comply with certain regulatory requirements under the EMIR Regulation, excluding those related to the collateralization of derivatives.
- The GMRA 2011 Russian Annex⁴⁶ was developed to align Russian insolvency law requirements regarding close-out netting for securities repurchase transactions, thereby ensuring the enforceability of this framework contract in Russian courts.

3.2. The Single Agreement Concept: Clauses, Governing Law, and OTC Transactions

According to the definition provided by the Bank for International Settlements, a master agreement “sets forth the standard terms and conditions between two parties that apply to all or a defined subset of transactions that the parties to the agreement may enter

⁴² Available at: <https://www.isda.org/book/1994-isda-credit-support-annex-security-int-ny-law/> [Accessed 24th November 2024].

⁴³ FXC Collateral Annex <https://www.newyorkfed.org/fmlg/documentation/collateral.html> EBF Margin Maintenance Annex Available at: https://www.ebf.eu/wp-content/uploads/2020/06/EMA-Margin-Maintenance-Annex_-2020.pdf [Accessed 24th November 2024]; Collateral Addendum of the German Banking Association https://bankenverband.de/media/uploads/2019/07/04/bsa-2018-eng-44520_0918a_muster.pdf [Accessed 24th November 2024].

⁴⁴ Available at: <https://www.isda.org/protocol/isda-2018-us-resolution-stay-protocol/> [Accessed 24th November 2024].

⁴⁵ Available at: https://www.ebf.eu/wp-content/uploads/2020/06/EMA-EMIR-Annex_2020.pdf [Accessed 24th November 2024].

⁴⁶ Available at: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Legal/2018/Annexes/2018-RUSSIAN-ANNEX-TO-GMRA-2011.pdf> [Accessed 24th November 2024].

into from time to time”⁴⁷. The application of these standard terms to the relevant transactions is based on the concept of the “single agreement”⁴⁸. This concept is embodied in the “single agreement clause” found in framework contracts. The idea behind the concept and the corresponding clause is straightforward: the master agreement and the transactions concluded under it form a single, unified contract between the parties, even if the transactions are not physically bundled into one document physically or are concluded through different means.

The concept of the single agreement was originally developed by American jurists (Benzler, 1999: 130). However, German scholars are also familiar with this principle, which is known in Germany as “*Einheitsvertragsonzeption*” (Benzler, 1999: 130). The *Deutscher Rahmenvertrag für Finanztermingeschäfte* (DRV), governed by German law, incorporates the single agreement principle to the same extent as its English and New York law-governed counterparts. Clause 1 (2) of the DRV states: “*All transactions shall – in relation to each other and together with this Master Agreement – constitute a single agreement...; they shall be entered into in view of an integrated risk assessment and on the basis of and in reliance on this understanding*” (Böhm, 2001: 112).

The same principle is reflected in other master agreements developed by the German Banking Union, such as the *Deutscher Rahmenvertrag für Wertpapierpensionsgeschäfte* (Repos)⁴⁹ for repurchase transactions and the *Deutscher Rahmenvertrag für Wertpapierdarlehen*⁵⁰ for securities lending.

The single agreement clause first appeared in 1987 ISDA Interest Rate Swap and Currency Exchange Master Agreement⁵¹. The relevant wording, included in the preamble to the framework contract stated:

“*Each Confirmation constitutes a supplement to and forms part of this document and will be read and construed as one with this document, so this document and all the Confirmations constitute a single agreement between the parties (collectively referred to as this “|Agreement”). The parties acknowledge that all Swap Transactions are entered into in reliance on the fact that the parties would not otherwise enter into any Swap Transactions.*”

This concept was further refined in the 2002 ISDA Master Agreement, where section 1(c) states:

“*All Transactions are entered into in reliance on the fact that this Master Agreement and all Confirmations form a single agreement between the parties (collectively referred to as this “Agreement”), and the parties would not otherwise enter into any Transactions.*”

Thus, ISDA’s interpretation of the single agreement concept is twofold:

⁴⁷ Available at: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d00b.htm?&selection=169&scope=CPMI&c=a&base=term> [Accessed 24th November 2024].

⁴⁸ In this article the principle of a single agreement will also be referred to as a “single agreement principle”, “single agreement concept” or the “concept of a single agreement”.

⁴⁹ Available at: https://bankenverband.de/media/contracts/44515_0918_muster_dr.pdf [Accessed 24th November 2024].

⁵⁰ Available at: <https://bankenverband.de/service/rahmenverträge-für-finanzgeschäfte/deutscher-rahmenvertrag-für-wertpapierpensionsgeschäfte-repos/> [Accessed 24th November 2024].

⁵¹ Available at: <https://bankenverband.de/service/rahmenverträge-für-finanzgeschäfte/deutscher-rahmenvertrag-für-wertpapierdarlehen/> [Accessed 24th November 2024].

- The framework contract and all confirmations related to individual transactions together constitute a single agreement.
- The parties rely on this principle, acknowledging that they would not have entered into the framework contract or individual transactions in the absence of the single agreement clause.

In comparison, Paragraph 13 of the GMRA, which contains the single agreement clause for repo transactions, is even more detailed than the clauses developed by the German Banking Union and ISDA. Under the GMRA single agreement clause, each party acknowledges that it has entered into the framework agreement in consideration and reliance upon the fact that all transactions under the agreement constitute a “single business and contractual relationship between the parties”. Furthermore:

- A default in the performance of obligations under one transaction constitutes a default under all transactions.
- Payments, deliveries, and transfers made by either party under one transaction are made in consideration of payments, deliveries, and transfers under any other transaction.

This comprehensive approach ensures that all transactions under the GMRA are interconnected, reinforcing the single agreement principle and its role in mitigating risk and ensuring enforceability.

The single agreement clause present in the European Master Agreement (EMA) reads as follows:

“The Agreement constitutes a single contractual relationship. Accordingly, (i) each obligation of a party under any Transaction is incurred and performed in consideration of the obligations incurred and to be performed by the other party under all Transactions, and (ii) unless otherwise agreed, a failure by a party to perform an obligation under any Transaction shall constitute a failure to perform under the Agreement as a whole. The parties enter into the Master Agreement between them and each Transaction thereunder in reliance on these principles, which they consider fundamental to their risk assessment”.

A similar single agreement principle, comparable to the one used in the Global Master Repurchase Agreement (GMRA), is found in Article 17 of the Global Master Securities Lending Agreement (GMSLA):

“Each Party acknowledges that, and has entered into this Agreement and will enter into each Loan in consideration of and in reliance upon the fact that, all loans constitute a single business and contractual relationship and are made in consideration of each other.”

The FXC-sponsored IFXCO also incorporate the single agreement principle in Section 1.2, which states:

“Adherence Agreement (the Terms and the Adherence Agreement being the “Master Agreement”), the terms agreed to between the Parties with respect to each FX Transaction and Currency Option Transaction (and, to the extent recorded in a Confirmation, each such Confirmation), and all amendments to any of such items shall together form the agreement between the Parties (the “Agreement”) and shall together constitute a single agreement between the Parties. The Parties acknowledge that all FX Transactions and Currency Option Transactions are entered into in reliance upon such fact, it being understood that the Parties would not otherwise enter into any FX Transaction or Currency Option Transaction.”

Thus, the principle of a “single agreement”, which addresses the critical goal of consolidating various elements of standard documentation for OTC financial transactions into one unified contract, is a fundamental feature of every standard master agreement governing cross-border financial transactions.

The National Association of Financial Market Institutional Investors (NAFMII) also adopted this approach, following the practices of its Western counterparts. Section 1(I) of the 2022 NAFMII Master Agreement (MA) states that the master agreement, its supplements, and effective transactions agreements together constitute a single and complete agreement between the parties. Notably, NAFMII has introduced the same clause in its domestic standard contracts for derivatives⁵². However, the domestic master contract for securities lending transactions only refers to the “completeness” of agreements between the parties, without explicitly referencing the single agreement principle.

Single agreement clauses can also be found in Spanish⁵³, French⁵⁴ and Russian⁵⁵ contracts for OTC derivatives transactions. These contracts primarily target domestic financial markets, although occasional cross-border use may occur. Therefore, it is not an exaggeration to state that the single agreement concept is embedded in nearly every industry-wide master agreement used in international financial markets. Without this principle and the corresponding clause in the master agreement, transactions under a framework agreement would have an independent character (Böhm, 2001: 137), even if the confirmations reference the relevant master agreement. The technical role of the single agreement clause should not be underestimated, especially given the vast variety of standard documentation instruments available.

For instance, the European Banking Federation (EBF) sponsors the issuance of several product-specific annexes, including the Product Annex for Repurchase Transactions, Product Annex for Securities Loans Transactions, Margin Maintenance Annex for Repurchase Transactions and Securities Loans, Deposit Annex, Derivatives Annex, Index of Defined Terms, and the Interest Rate Transactions and Clearing Annex. Similarly, the German Banking Union and Russian financial associations such as NAUFOR, ARB and NFA publish product annexes for their local standard documentation. These annexes typically include confirmation templates for specific types of transactions. Together with the master agreement, its schedule (if applicable), and each confirmation, these documents form a single agreement between the parties, effectively consolidating otherwise scattered elements of standard documentation.

Uniting various parts of standard documentation into a single contract is also significant from the perspective of governing law. The inclusion of choice-of-law provisions is a common feature of international master agreements for financial transactions (Böger, 2013: 237). For instance,

- The 1992 ISDA Master Agreement and the 2002 ISDA Master Agreement may be governed by either English law or the laws of New York, depending on the parties' choice⁵⁶.

⁵² Available at: <https://www.isda.org/book/1987-interest-rate-and-currency-exchange-agreement/> [Accessed 24th November 2024].

⁵³ Available at: https://www.asifma.org/wp-content/uploads/2018/05/nafmii_master_agreement_2009.pdf [Accessed 24th November 2024].

⁵⁴ Available at: <https://www.fbf.fr/en/about-us/master-agreements/> [Accessed 24th November 2024].

⁵⁵ Available at: <http://spfi.info> [Accessed 24th November 2024].

⁵⁶ Users of an ISDA Master Agreement specify the applicable law in the schedule (annex) to the agreement. The selected law – either England law or the laws of New York – will govern the agreement and all related

- In anticipation of Brexit, ISDA published framework contracts governed by Irish and French law in 2018⁵⁷, although prior to this, the association had consistently preferred common law jurisdiction to govern its documents.
- The European Master Agreement (EMA) allows parties to specify the applicable law in the special provisions section, which serves as a schedule to its master agreements. If the parties fail to make a choice regarding the applicable law, the laws of the country where the parties have their offices will apply.
- According to the Global Master Repurchase Agreement (GMRA), the agreement and non-contractual obligations arising out of or in connection with it are governed by and interpreted in accordance with English law.
- The NAFMII 2002 Master Agreement is governed by the laws of the People's Republic of China.

The single agreement principle resolves the governing law issue for individual financial transactions, as the law selected in the master agreement automatically applies to all trades conducted under the framework contract. But what would happen if the governing law issue for transactions was not resolved through a combination of the single agreement principle and the governing law clauses in the master agreement? In such a scenario, the parties would need to determine the applicable law for each individual transaction, as the relationship between the governing law of the master agreement and the transactions themselves is not always straightforward.

While including a governing law clause in a written confirmation may seem simple, the process becomes more complex when transactions are executed electronically or when trades are conducted orally, such as over the telephone.

In the absence of a chosen applicable law, the rules of private international law come into effect. In such cases, the parties would need to rely on fallback conflict-of-laws principles applied in their respective jurisdictions. When determining the applicable law for a contract, courts typically look for the country to which a contract is most closely connected. Another widely recognized connecting factor is the law of the country where the party performing the characteristic obligation of the contract is domiciled⁵⁸.

This rule is broadly accepted in many jurisdictions and is embedded in instruments such as Rome I Regulation⁵⁹, the Civil Code of the Russian Federation⁶⁰, and other national laws and international frameworks.

Relying solely on fallback rules presents significant challenges for many cross-border derivatives transactions. For instance, S. James highlights the difficulty in identifying the party providing characteristic performance in swap and foreign exchange transactions (James, 1999: 208). Similarly, Yeowart and Parsons emphasize the complexities of determining characteristic performance in interest rate swap contract where both parties

elements of the ISDA documentation. It is important to note that the ISDA Master Agreement cannot be governed by both laws simultaneously.

⁵⁷ Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=001c8339-4791-460a-9d50-4b029620d947> [Accessed 24th November 2024].

⁵⁸ The term was coined in Swiss doctrine and developed in Swiss courts (Lipstein, 1981).

⁵⁹ Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of June 17, 2008 on the law applicable to contractual obligation. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32008R0593> [Accessed 24th November 2024].

⁶⁰ Article 1211 of the Civil Code of the Russian Federation. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=FtvNuA&base=LAW&n=452892&cacheid=B7A43533781564275372222E3A3E5257&mode=rubr#KzBJWtTOXo27VS1q> [Accessed 24th November 2024].

make payments (Yeowart & Parsons, 2016: 299). These difficulties in ascertaining the governing law for contracts within international financial markets underscore the utility agreement concept for parties involved, as well as for judges and arbitrators resolving related disputes.

3.3. Single Agreement Concept, Close-out Netting and Mitigating Cherry-Picking Risk

According to the ISDA 2002 Guide⁶¹, the single agreement provision establishes that each confirmation does not represent a separate agreement between the parties. Instead, all confirmations form part of a single, overarching agreement. This principle is fundamental to the operation of close-out netting, a crucial mechanism for risk mitigation in international financial markets. This is particularly significant given that the ISDA itself was established to manage risks in derivatives market (Muscat, 2009: 36).

Beyond its technical and conflict-of-laws implications, the single agreement concept also facilitates the smooth functioning of close-out netting provisions within industry framework agreements. This third implication, which will be explored in this article, is arguably the most significant. Contract drafting techniques allow parties to address challenges related to the lack of connection between elements of contractual documentation and private international law issues, further reinforcing the importance of the single agreement concept.

Under clause 21 of the UNIDROIT Principles on the Operation of Close-out Netting Provisions⁶², a close-out netting clause may be included into a standard master documentation, a non-standard framework agreement, or even as a self-standing document. The mechanism of close-out netting, as well as netting in general, warrants closer examination. In the realm of international banking settlements, netting first gained international

prominence with the publication of Angell Report by the Bank for International Settlements in 1989⁶³. This report, prepared by a group of G-10 experts who convened in Basel, examined internationally related netting arrangements. Section 5 of the Angell Report, which focused on the legal types of netting, identified several forms: position netting, binding payments netting, netting by novation, novation and substitution, and netting by close-out.

Although several decades have passed since the publication of the first comprehensive study on netting, its importance endures due to its potential for risk reduction (Nassetti, 1995:145). According to more recent research, participants in international financial markets primarily rely on four major forms of netting: payment netting, close-out netting, netting by novation and multilateral netting (Loizou, 2012:429). Multilateral netting, which requires the involvement of a clearinghouse (Derham, 1991:536), is more likely to occur on a securities exchange rather than within a standard industry master agreement.

In contrast to other types of netting, such as netting by novation or settlement netting, close-out netting provisions become effective upon the occurrence of a default event. Such

⁶¹ Available at: <https://www.isda.org/book/ug-to-2002-isda-master-agreement/> [Accessed 24th November 2024].

⁶² Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/capital-markets/netting/> [Accessed 24th November 2024].

⁶³ Angell Report – Report on Netting Schemes, Bank for International Settlements, 1989. Available at: <https://www.bis.org/publ/cpss02.pdf> [Accessed 24th November 2024].

events may include the initiations of insolvency proceedings, material license revocation, credit rating deterioration, or the failure to settle a financial transaction.

The use of close-out netting has become widespread in financial markets over the past few decades (Böger, 2013:234). Today it serves as a “core” component⁶⁴ and a “principal block” of master agreements in the financial markets (Paech, 2016:862). This contractual mechanism provides an effective means of mitigating financial risks associated with international financial markets (Benzler, 1999:37). However, close-out netting differs from set-off, as it incorporates unique elements not typically found in set-off, such as the termination or acceleration of obligations (Böger, 2013:235). As a result, it is often regarded in scholarly literature as a *sui generis* instrument (Benzler, 1999:56).

Close-out netting typically exists as a contractual clause present in an agreement within an agreement or as part of the rules governing organized trading and settlement. It has gained global recognition as a crucial risk mitigation tool, alongside collateral arrangements for the transfer of financial collateral in the form of cash and securities (Fuchs, 2013: 5). Yeowart and Parsons identify two models of close-out netting provided for in master documentation for over-the-counter financial transactions: “set-off” and “conditional novation” (Yeowart, Parsons, 2006: 54). The first model is embedded into ISDA master documentation, while the second is commonly used for closing out claims under repurchase and securities lending transactions governed by GMRA and GMSLA master agreements.

Let us examine the specific features of close-out netting procedures under ISDA standard documentation. Both 1992 and 2002 ISDA Master Agreements outline several events that may trigger the termination of dealings between the parties. These events are divided into two categories: events of default and termination events.

- Events of default are generally within the control of a party to the framework contract. These include failure to pay or deliver, insolvency, cross-default, breach of representation, repudiation of the agreement, default under a specified transaction, and merger without assumption.
- Termination events, on the other hand, are external in nature and cannot typically be prevented by the end-user of an over-the-counter financial instrument. These include illegality, tax events upon merger, and, in the case of the 2002 ISDA Master Agreement, force majeure.

Illegality arises when the performance of obligations under the framework contract or individual transactions becomes unlawful, either due to statutory law or case law. Force majeure events include acts of God, strikes, wars, and other circumstances that impede the performance of relevant transactions. Additionally, the parties may specify additional termination events in the schedule to the master agreement. Common examples include a change of control with respect to a party, material adverse change, and rating events.

In contrast, the GMRA and GMSLA frameworks have a simpler structure. These agreements do not include termination events; instead, the close-out netting procedure is triggered solely by events of default. These events include failure to pay, deliver, or make margin transfers, insolvency acts, violation of representations, and other specified grounds. Similarly, the General Provisions (Edition 2020) of the EMA distinguish between the termination due to an event of default (e.g., failure to pay, deliver, or post required margin

⁶⁴ Systemic risk, regulatory powers and insolvency law – The need for an international instrument on the private law framework for netting. Available at: https://www.ilf-frankfurt.de/fileadmin/_migrated/content_uploads/ILF_WP_116.pdf [Accessed 24th November 2024].

payment or securities, cross-default, repudiation of the agreement) and termination due to a change of circumstances, such as changes in taxation, illegality, or impossibility.

Close-out netting under ISDA Master Agreements differs depending on whether it is triggered by an event of default or a termination event. Firstly, in the case of an event of default, all transactions between the parties are terminated. In contrast, for termination events, only the transactions affected by the relevant event are subject to close-out. Secondly, termination events often allow for grace periods or the assignment of obligations to another party, providing flexibility to the affected party. Lastly, in the case of the most critical event of default – insolvency – close-out netting may occur automatically if the parties have included such a provision in the schedule to the master agreement.

The automatic nature of close-out netting in insolvency cases underscores its importance, particularly during periods of financial instability. The surge in litigation involving derivatives during times of financial turmoil (Braithwaite, 2012: 792) highlights the significance of insolvency as a default event. In such cases, all transactions between the parties are terminated, and the resulting net amount is calculated retrospectively as part of the bankruptcy proceedings.

Furthermore, the likelihood of a net amount claim arising as a result of close-out netting being presented during insolvency proceedings is high, given the presence of other events of default that indicate the deteriorating financial condition of a counterparty. This is equally true for close-out netting under various other master agreements, both cross-border and domestic. In cases of insolvency, the enforceability of close-out netting provisions ceases to be a matter of *lex contractus* (the law governing the contract) and instead becomes an issue of insolvency law (Böger, 2013: 250).

In many jurisdictions, insolvency laws grant administrators so-called “cherry picking rights” – the ability to reject the unprofitable or burdensome transactions while demanding performance of contracts deemed advantageous to the creditors of the insolvent entity. This poses a significant risk to the enforceability of close-out netting provisions, as cherry-picking can undermine the integrity of the netting process.

There is strong evidence that single agreement principle plays a critical role in the operation of close-out netting. Under this principle, the resulting net amount is treated as a single contractual claim, rather than as the outcome of set-off across multiple unrelated contractual arrangements. As a result, the insolvency administrator is entitled to either accept or reject the net amount payment as a whole, rather than cherry picking profitable financial contracts from among the transactions concluded under the same master agreement. Thus, single agreement clauses, which are common elements of cross-border and domestic framework netting agreements, are of vital importance (Harding, 2004: 35). These clauses significantly reduce the so-called “cherry picking risk” – the possibility of an insolvency administrator rejecting unprofitable financial contracts while assuming obligations under trades that increase the estate of the defaulting party to the master agreement (Benzler, 1999: 55).

Russian insolvency statute also incorporates the single agreement (referred to as *edinyj dogovor* in Russian). To facilitate the smooth application of close-out netting under master agreements for financial contracts, relevant domestic laws provide safe harbor protections⁶⁵. Specific provisions within the Russian insolvency statute support the single

⁶⁵ Refer to Articles 4.1, 142 (13), 189.96 (35) of the Federal Law No. 127-FZ On Insolvency (Bankruptcy) dated October 26, 2002 (as amended). Available at: <https://base.garant.ru/558050518/> [Accessed 24th November 2024].

agreement principle, address the cherry-picking risk, and create exceptions to the general prohibition on insolvency set-off.

In recent years, Russian courts have shifted their traditionally restrictive approach to the ban on insolvency set-off, allowing a specific type of offsetting known as *sal'dirovanie*⁶⁶. However, due to the explicit safe harbor rules, close-out netting remains unaffected by this new approach. The termination of obligations through close-out netting is already enforceable under Russian law, ensuring the continued protection of netting arrangements in insolvency scenarios.

4. Conclusion

The role of the single agreement rule is threefold, ranging from a purely technical to the prevention of ‘cherry picking’ by an insolvency administrator with respect to transactions profitable for the insolvency estate.

The first, and most obvious technical role is to consolidate the agreement and its accompanying elements, such as annexes, confirmations, protocols, addenda, and other related documents, into a single, unified agreement. While this role may initially seem less significant, the sheer number of additional elements that typically accompany an ISDA Master Agreement highlights the necessity of such a unifying principle. These inter-related documents require a link, and the single agreement rule provides that essential connection.

Secondly, the single agreement concept addresses the governing law issue, which can pose challenges for derivatives and other financial transactions. By treating all related documents as part of a single agreement, the concept allows the parties to handle governing law issues in an efficient and unambiguous manner, reducing the potential for legal disputes.

Finally, and most critically, the absence of a single agreement clause would create opportunities for insolvency officials to exploit the changing value of over-the-counter transactions. Without the single agreement principle, insolvency administrators could exclude certain transactions from the close-out netting calculation, cherry-picking those that are unfavorable to the insolvency estate while retaining those that are profitable. The single agreement rule prevents this by ensuring that all transactions under the master agreement are treated as part of a single, indivisible framework.

References / Список литературы

- Bamford, C. (2011) *Principles of International Financial Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Benjamin, J. (2007) *Financial Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Benzler, M. (1999) *Nettingvereinbarungen im Auserboglichen derivatehandel Nomosverlagsgesellschaft* [Netting Agreements in Foreign Derivatives Trading Nomosverlagsgesellschaft]. Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft Publ. (in German).
- Bobkov, K. (2020) Smart contracts in OTC derivatives trading: Legal aspects. *Digital Law Journal*. 1 (3), 51–64.
- Braithwaite, J. (2012) Standard Form Contracts as Transnational Law: Evidence from the Derivatives Markets. *The Modern Law Review*. 75 (5), 779–805.

⁶⁶ As German commentators have put it, “*Saldierung keine Aufrechnung sind*”. Available at: https://www.advant-beiten.com/fileadmin/beiten/Flyer_2024/Regulierung_des_Insolvenzverfahrens_in_Russland_Flyer_ADVANT_Beiten.pdf [Accessed 24th November 2024].

- Braithwaite, J. (2021) *The Financial Courts: Adjudicating Disputes in Derivatives Markets*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Böger, O. (2013) Close-out Netting Provisions in Private International Law and International Insolvency Law (Part I). *Uniform Law Review*. 18, 232–261.
- Böhm, M. (2001) *Rechtliche Aspekte grenzüberschreitender Nettingvereinbarungen [Legal Aspects of Cross-Border Netting Agreements]*. Berlin, Duncker & Humblot Publ. (in German).
- Derham, S.R. (1991) Set-off and netting of foreign exchange contracts in the liquidation of a counterparty: Part 2. Netting. *Journal of Business Law*. 536–561.
- D'Hollander (1996) La qualification juridique des swaps en droit civil québécois. *Revue juridique Thémis*. 30, 69–88. (in French).
- Flanagan, S.M. (2001) The Rise of a Trade Association: Group Interactions Within the International Swaps and Derivatives Association. *Harvard Negotiation Law Review*. 6, 211–264.
- Franzen, D. (2012) *Design of Master Agreements for OTC Derivatives*. Berlin-Heidelberg, Springer-Verlag Publ.
- Fuchs, F. (2013) *Close-out Netting, Collateral und systemisches Risiko: Rechtsansätze zur Minderung der Systemgefahr im außerbörslichen Derivatehandel [Close-out Netting, Collateral and Systemic Risk: Legal Approaches to Mitigate Systemic Risk in OTC Derivatives Trading]*. Berlin, Mohr Siebeck Publ. (in German).
- Harding, P. (2004) *Mastering the ISDA Master Agreements (1992 and 2002): A Practical Guide for Negotiators*. Harlow, Prentice Hall Publ.
- James, S. (1999) *The Law of Derivatives*. London, LLP Publ.
- Johansson, E. (2009) *Property Rights in Investment Securities and the Doctrine of Specificity*. Berlin-Heidelberg, Springer Publ.
- Lipstein, K. (1981) Characteristic Performance – A New Concept in the Conflict of Laws in Matters of Contract for the EEC. *Northwestern Journal of Law and Business*. 3 (2), 402–414.
- Loizou, S. (2012) Close-out netting and an introduction to the UNIDROIT principles on its enforceability. *Journal of International Banking Law and Regulation*. 27 (10), 429–432.
- Murray, E. (2012) Firth Rixson: section 2(a)(iii) of the ISDA Master Agreement. *Insolvency Intelligence*. 25 (1), 2, 313–324.
- Muscat, B. (2009) Derivatives: Salient Practices and Developments relating to Standard Market Documentation. *Bank of Valetta Law Review*, 116–120.
- Nassetti, F.C. (1995) Basic elements in the maze of netting. *Journal of International Banking Law*. 10 (4), 145–148.
- Paech, P. (2016) The Value of Financial Market Insolvency Safe Harbours. *Oxford Journal of Legal Studies*. 36 (4), 855–884. <https://www.doi.org/10.1093/OJLS/GQV041>
- Yeowart, G. & Parsons, R. (2016) *Yeowart and Parsons on the Law of Financial Collateral*. Cheltenham, Edward Elgar Publ.

About the author:

Aleksei P. Klementyev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, School of Legal Regulation of Business, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6598-507X, SPIN-code: 1039-6010

e-mail: alexei.klementiev@gmail.com

Сведения об авторе:

Клементьев Алексей Петрович – кандидат юридических наук, доцент, Департамент правового регулирования бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ORCID: 0000-0002-6598-507X, SPIN-код: 1039-6010

e-mail: alexei.klementiev@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>

EDN: YPFAMB

Научная статья / Research Article

Синтез политico-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза

В.О. Лаптёнок

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
viola160596@gmail.com

Аннотация. Мир стоит на пороге смены принципов функционирования рыночных механизмов и глобальной экономической взаимодополняемости стран такими детерминантами, как мощь государств, их ресурсный и военный потенциал, обладание стратегической автономией, готовность к самостоятельным инициативным действиям, pragmatичному использованию сложившихся глобальных асимметрий. Актуальной особенностью происходящих трансформаций является не только радикальное изменение глобальных систем управления, но и подходов к самой доктрине общих принципов международного права. «Догоняющий» характер развития инструментов правового регулирования, не поспевающих за стремительной динамикой технологических инноваций, порождает опасения недопустимого «разрыва» между ними. Европейский союз, пересматривая свое отношение к устоявшимся основам сложившегося мирового порядка, ставит целью обновить собственный правовой инструментарий. Однако и другие субъекты международного права в быстро меняющейся международной обстановке трансформируют свои подходы к системе международных соглашений. Глобальная конкуренция юрисдикций обрела крайне острый коллизионный характер, предоставляя обширный материал для анализа. Рассмотрение правовых новелл Евросоюза, нацеленных на переключение экономики на цифровую основу, и его практических шагов по подключению к решению этих задач не только собственных, но и внешних ресурсов посредством формирования новых партнерств и заключения соглашений «нового поколения» с третьими странами иллюстрирует возможности, которые с разной степенью эффективности пытаются реализовать ЕС. Практика реализации внешних компетенций Евросоюза на этом направлении – предмет предпринятого здесь междисциплинарного анализа с методологических позиций политico-правовой и формально-юридической логики. Выявленные особенности нормативно-правовой практики ЕС указывают на необходимость их критичной международно-правовой оценки специализированными органами ООН.

Ключевые слова: Европейский союз, внешние компетенции, защита персональных данных, искусственный интеллект, конкуренция юрисдикций, международное право, международное соглашение, цифровизация, цифровой переход, электронная демократия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 19 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

© Лаптёнок В.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Лаптёнок В.О. Синтез политico-правовых инструментов внутренней цифровой трансформации и внешних компетенций Европейского союза // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 456–472. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>

Synergy of Political and Legal Instruments in European Union Internal Digital Transformation and External Competencies Practice

Violetta A. Laptsenak

Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Federation Ministry of Foreign Affairs, *Moscow, Russian Federation*
viola160596@gmail.com

Abstract. The world is transitioning away from a global market-based interdependence of countries towards a landscape dominated by factors such as state power, resource and military potential, strategic autonomy, proactive action readiness, and pragmatic exploitation of global asymmetries. Against the backdrop of this radically altered global governance landscape, the ongoing transformation is reshaping approaches to the general principles of international law. The lag in legal regulation, failing to keep pace with rapid technological innovation, raises concerns about an emerging ‘gap’ between these processes. As it reconsiders the seemingly consolidated current world order, the European Union regularly updates its legal instruments. Simultaneously, other international legal entities are thoroughly re-evaluating their perceptions of existing international arrangements. Global competition among jurisdictions has become increasingly contentious, presenting ample material for analysis. An overview of the EU’s digital transition-related legal innovations and practical steps to align its own and external resources with this objective – though new partnerships and “new generation” agreements with third countries – illustrates the varying degree of EU’s success in harnessing these opportunities. The EU’s external competencies practice is assessed here from an interdisciplinary perspective, drawing on methods and logics of both political and formal-legal analysis. The identified specificities of the EU’s legal practice underscore the need for critical international legal assessment by specialised UN bodies.

Key words: European Union, external competencies, data protection, artificial intelligence, competition of jurisdictions, international law, international treaty, digitalisation, digital transition, electronic democracy

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 19th June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Laptsenak, V.A. (2025) Synergy of Political and Legal Instruments in European Union Internal Digital Transformation and External Competencies Practice. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 456–472. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-456-472>

Введение

Помимо масштабов своего единого рынка, высокого инвестиционного потенциала и передовых ноу-хай, в том числе в финансовой сфере (финтех, блокчейн, регулирование криптовалют и пр.), ключевым фактором, на который в обстановке

нарастающей экономической состязательности и глобальной конкуренции юрисдикций рассчитывает опереться ЕС, является прорыв в шестой технологический уклад на основе создания единого цифрового рынка, на котором хождение всех видов продукции и услуг подчинено и соответствует требованиям законодательства ЕС¹. Высокотехнологичные решения имеют место на отдельных направлениях уже сейчас – современные технологии позволяют автоматизировать 45 % выполняемых человеком функций², – но фронтально эта задача не решается одномоментно. Отсюда то значение, которое ЕС придает инновационным технологиям, повышенное внимание к обеспечению кибербезопасности, защиты систем управления, инфраструктуры коммуникаций, транспортных коридоров и маршрутов навигации.

Правящие элиты ведущих европейских стран предстали перед необходимостью реорганизации, совершенствования своих систем и институтов управления и их приведения в соответствие с этими новыми реалиями и возрастающими по своей сложности требованиями их нормативно-правовой регламентации. Правовое обоснование предпринимаемых мер и их законодательное сопровождение указывают на системный подход ЕС к решению возникающих проблем цифровой эпохи. Евросоюз следит за тем, чтобы его законодательство «шло в ногу» с процессом цифровой трансформации.

Приоритетный характер во взаимоотношениях с внешними партнерами на этапе перехода экономики на цифровую основу, внедрения «зеленых» технологий и решения задач наращивания военного потенциала приобрело обеспечение гарантированного доступа к источникам критически важных видов сырья и редкоземельных материалов, более глубокого вовлечения производственных процессов третьих стран в собственные технологические цепочки ЕС.

«Цифровой переход» – один из 6 основных приоритетов современной стратегии ЕС. Наметив первые ориентиры на этом направлении еще в 1990-х гг., Евросоюз конкретизировал задачи в этой области в 2010 г. в Цифровой повестке для Европы³. Уточненная в 2015 г. Стратегия создания Единого цифрового рынка была подкреплена Еврокомиссией (ЕК) в 2016 г. комплексом законодательных инициатив и подзаконных актов. Контуры «цифровой перспективы» ЕС на 2020–2025 гг. утверждены Еврокомиссией в документе «Построение Европы, соответствующей цифровой эпохе»⁴.

Цель, которую ставит перед собой Евросоюз, – добиться цифрового суверенитета, а в перспективе – стратегической автономии. Усилия сконцентрированы на трех основных направлениях: а) динамичное наращивание цифровой экономики, б) создание условий для развития цифровых сетей и услуг, в) расширение доступа к ним потребителей и бизнес-среды. В долгосрочном плане задача, сформулированная перед Евросоюзом председателем ЕК Урсуло фон дер Ляйен, состоит в том, чтобы на глобальном уровне «возглавить процесс перехода в мир цифровых

¹ European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade, para. 16(a). European Commission Brussels, 15 March, 2022.

² Digital Single Market for Europe. European Council/Council of the European Union, 21 September 2020.

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – A Digital Agenda for Europe. European Commission. Brussels, 19.5.2010 COM (2010) 245 final.

⁴ Creating a Europe Fit for the Digital Age, 19 February 2020.

технологий»⁵. «Удержание лидирующих позиций» на этом направлении зафиксировано в программе ЕК на 2024–2029 гг., предопределяя перспективы развития ЕС «на предстоящие полвека»⁶.

Правовая регламентация цифровой повестки ЕС

Два законодательных акта изначально сыграли определяющую роль в формировании цифрового общества ЕС и обеспечении основных прав пользователей, конфиденциальности их данных и неприкосновенности частной жизни: Директива 2002/58/ЕС о порядке обработки персональных данных и обеспечении конфиденциальности электронных сообщений и Генеральный регламент ЕС по защите персональных данных (ГРЗД), который пришел в 2018 г. на смену Директиве 95/46/ЕС о защите данных.

Установки на ускоренную цифровизацию ЕС получили отражение в ряде принятых в последние годы деклараций – Министерской декларации об электронном правительстве (Таллинская декларация, 2017), Берлинской декларации о цифровом обществе и цифровом правительстве, основанном на ценностях (2020), Лиссабонской декларации «Целенаправленной цифровой демократии» (2021), Европейской Декларации о цифровых правах и принципах (2022), Политической программе цифрового десятилетия до 2030 года.

Центральная идея – формирование Единого цифрового рынка, как основы «цифровой экосреды», опирающейся на систему программных технических средств защиты авторских прав в отношении цифровых носителей информации и совокупность методов (шифрование данных, цифровые водяные знаки и т.д.), обеспечивающих распространение продуктов интеллектуальной собственности только среди авторизованных пользователей. Евросоюз и его государства-члены продвигают эти положения в своих отношениях с международными организациями и третьими странами, закрепляя соответствующие принципы в торговых соглашениях и побуждая внешних партнеров к более динамичной цифровой трансформации.

Современная правовая основа цифровой трансформации ЕС представлена целим сводом законодательных актов. С 2022 г. действует Регламент о конкуренции на цифровых рынках⁷. В 2023 г. утвержден Регламент о наращивании производства полупроводниковой продукции⁸ с объемом финансирования 42 млрд евро⁹. С 2024 г.

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Shaping Europe’s Digital Future. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Para.1, European Commission. Brussels, 19.2.2020 COM (2020) 67 final.

⁶ Europe’s Choice; Political Guidelines for the Next European Commission 2024-2029, Ursula von der Leyen – Candidate for the European Commission President. Strasbourg, 18 July 2024, p.5.

⁷ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on Contestable and Fair Markets in the Digital Sector and Amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) PE/17/2022/REV/1 Document 32022R1925 OJ L 265, 12.10.2022, pp. 1–66.

⁸ Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe’s semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 (Chips Act) (Text with EEA relevance). PE/28/2023/INIT OJ L 229, 18.9.2023, p. 1–53.

⁹ EU joins chips race with 42 bn euro bid to rival Asia / AFP Feb. 8, 2022.

применяется Регламент о цифровых услугах¹⁰ и с 2026 г. ожидается вступление в силу всеобъемлющего Регламента об искусственном интеллекте¹¹ – новеллы в мировом законодательстве. Предусмотрен запрет или строгое ограничение таких мер, как применение контролируемых государством цифровых систем социального рейтинга, разделение граждан на категории на основе биометрической идентификации, дистанционное визуальное распознание и другие действия, ущемляющие права человека и идущие вразрез с нормами Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (запрет дискриминации, уважение человеческого достоинства, защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни и пр.).

Источником извлечения сверхприбылей выступают уже не только природные ресурсы и труд, но и сама природа и сущность человека, его потребности и устремления, модели поведения, вкусовые и потребительские предпочтения.

По аналогии с ГРЗД, законодательство ЕС в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) претендует на статус глобального стандарта. Уже сейчас Регламент ЕС в области ИИ оказывает серьезное влияние на правовые нормы ряда третьих стран. Аналогичное законодательство в 2021 г. было принято Конгрессом Бразилии. Собственное законодательство разработано Китаем. Первый законодательный акт по этим вопросам принят в 2016 г. и обновлен в 2023 г. в США. Важным отличием подхода ЕС к применению искусственного интеллекта от США и Китая является ставка на ИИ «с открытым исходным кодом», т.е. свободным доступом пользователей к базам данных, что рассматривается Брюсселем как фактор, который может обеспечить Евросоюзу конкурентные преимущества в этой сфере и удержание позиций индустриального центра. В 2024 г. на долю ЕС приходилось 25 % мировых НИОКР в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Во внутреннем плане внедрение электронных алгоритмов участия граждан в общественно-политической жизни и взаимодействие граждан с публичной властью и политическими институтами в электронном формате – электронные опросы, электронный сегмент сферы госуслуг и предоставления консультаций, система подачи электронных петиций, ходатайств, электронного правосудие и т.д. (Lolaeva, 2021) – рассматриваются как компоненты «электронной демократии». Так, Франция в 2022 г. в ходе выборов в законодательные органы предоставила своим гражданам, проживающим за рубежом, возможность воспользоваться системой дистанционного электронного голосования, и количество поступивших в ходе этих выборов электронных бюллетеней побило все прежние рекорды, послужив основанием для предложений апробировать эту систему и в ходе выборов в Европарламент, который с 1979 г. формируется на основе всеобщего избирательного права. Однако общего единства подходов государств – членов ЕС в этих вопросах нет. Нидерланды с 2007 г. отказались от ранее внедрившейся в этой стране процедуры проведения дистанционного голосования; негативное отношение к такой практике нарастает в ФРГ.

Показательной, с точки зрения апробации применения цифровых технологий, стала проходившая в ЕС в 2021–2022 гг. Конференция о будущем Европы, в ходе

¹⁰ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) (Text with EEA relevance) Document 32022R206. PE/30/2022/REV/1 OJ L 277, 27.10.2022, p. 1–102.

¹¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) 2021/0106 (COD), European Commission Explanatory memorandum (Commission proposal for an AI act).

которой современные информационные сетевые технологии целый год активно применялись в режиме открытого доступа для подключения к дискуссиям всех желающих. Среди ключевых итоговых рекомендаций – расширение полномочий наднациональных органов ЕС, а также практики применения процедуры принятия решений квалифицированным большинством голосов, в том числе по ряду направлений Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза. Эксперты ЕС, руководствуясь установками статьи 21 (2) ДЕС, работают над переформатированием и облачением в цифровую форму инструментов реализации внешних компетенций по продвижению правовых норм и стандартов ЕС в мировой практике¹².

Междунородно-правовой вектор цифровой стратегии Евросоюза

Экспорт регламентирующих норм ЕС через международные институты, – часть общей стратегии Брюсселя по продвижению собственной нормативно-правовой повестки за пределами своей юрисдикции. Высокая степень «встроенности» правовых принципов и регламентирующих конструкций ЕС в международно-правовые режимы облегчает европейским корпорациям ведение бизнеса на льготных условиях с большинством внешних партнеров, поскольку применение международных норм и стандартов предполагает их имплементацию в национальные системы вступающих в международное взаимодействие государств. Как следствие, в дальнейшем уже на двустороннем уровне ЕС получает возможность опираться на международные стандарты, в значительной степени совпадающие с его собственными.

Этим во многом объясняется та важная роль, которая отводится Евросоюзом международным организациям по стандартизации, а также участию в реализации Дорожной карты ООН по цифровому сотрудничеству и разработке Глобального цифрового договора. Продвижение европейских технологических стандартов в сфере цифровизации осуществляется через Международный союз электросвязи, Международную организацию по стандартизации, Международную электротехническую комиссию, Институт инженеров по электротехнике и электронике.

Такое нормативно-правовое встраивание ЕС в глобальные механизмы управления в условиях быстро меняющегося соотношения сил в мире сопровождается нарастающими коллизиями с ведущими державами и нарождающимися «восходящими экономиками» и вступает в серьезную конкуренцию со стандартами, продвигаемыми США, Китаем и другими странами. В противовес, Евросоюз осуществляет тесную координацию действий на этих направлениях в рамках ВТО, Совета Европы, ОБСЕ.

Международная торгово-коммерческая деятельность – традиционно, важнейшая составляющая внешней политики ЕС. На реализацию внешних компетенций ЕС выделяет порядка 10 % своего бюджета¹³. Международные партнерства, торгово-экономические договоры, соглашения об ассоциации и аналогичные форматы взаимодействия рассматриваются Евросоюзом как «инвестиция в будущее». Значение

¹² Berlin Declaration on Digital Society and Value-Based Digital Government at the ministerial meeting during the German Presidency of the Council of the European Union on 8 December 2020, Preamble, 2–3.

¹³ О Европейском союзе и направлениях его деятельности. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейского союза, 2022. С. 34.

этого направления для Евросоюза все более возрастает, учитывая прогнозируемое уже в ближайшей перспективе снижение его доли в мировой торговле до 15 %¹⁴.

Активно развиваются «Цифровые партнерства» между ЕС и его ближайшими союзниками – такие отношения установлены с Южной Кореей, Сингапуром и Японией. Расширяются контакты в этой сфере между ЕС и Канадой. ‘Цифровое партнерство’, оформленное на саммите ЕС–Канада (2023), охватывает взаимодействие в области разработки и внедрения ИИ, квантовые исследования, производство новых видов полупроводников, государственную политику в отношении онлайн-платформ, безопасность глобальных систем коммуникации, кибербезопасность и др.¹⁵

Соглашения нового поколения, заключаемые ЕС с ближайшими союзниками, призваны обеспечить конкурентоспособность европейских компаний в сфере разработки и применения новейших финансовых ноу-хау, предоставления электронных услуг, закрепления доступа к тендерным госзакупкам, арбитража между инвесторами и органами госуправления, субсидирования отраслей экономики; механизмов посредничества, где современные финансовые инструменты имеют в своей основе цифровые технологии.

Возможности информационных систем призваны облегчить вовлеченным в трансграничную электронную коммерцию экономическим операторам ЕС навигацию в сложной нормативно-правовой среде многочисленных внешних партнеров. Необходимая информация заинтересованным предоставляется через официальные сайты ряда органов ЕС – информационные ресурсы Европейского агентства по окружающей среде, Ассоциации Европейских исследований, учрежденных Евросоюзом порталов «экологическое законодательство», «электронное правосудие» и др.

Особый характер партнерства с рядом стран, имеющих с ЕС общие границы, предусматривает льготные условия доступа к их экономическому пространству для корпораций ЕС и, встречно, другой стороне – на единый европейский рынок, но при условии гармонизации ее законодательства с правовыми основами Евросоюза и выполнения других критериев соответствия (Копенгагенские критерии). В рамках заблаговременного «подтягивания» стран-кандидатов на вступление в ЕС на уровень стандартов его экономики ориентирами выступают План действий в области интеллектуальной собственности, Новая промышленная стратегия Европы, Стратегия развития малого и среднего бизнеса для устойчивой и цифровой Европы, Долгосрочный план действий по более эффективному осуществлению и обеспечению соблюдения правил внутреннего рынка и др.

Реализации ряда целевых установок этих программ подчинена и договорно-правовая практика ЕС с менее экономически продвинутыми странами. Адресованные странам с низким и средним уровнем развития, новые проекты ЕС, финансируемые им в рамках программы «Глобальный портал» (300 млрд. евро¹⁶), направлены на повышение безопасности обслуживающих его экономику глобальных цепочек поставок посредством формирования в Африке, Средиземноморье и по всему миру контролируемой инфраструктуры коммуникаций в цифровом, энергетическом и

¹⁴ О Европейском союзе и направлениях его деятельности. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейского союза, 2022. С. 36.

¹⁵ EU and Canada Boost their Strategic Digital Partnership to Address New Challenges. European Commission Press release IP/24/614, Brussels, 1 February 2024.

¹⁶ Global Gateway Business Opportunities. International Partnerships. Official Website of the European Union. Available at: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/global-gateway-business-opportunities_en [Accessed: 23th August 2024].

транспортном секторах. Нормативно-правовая составляющая таких соглашений призвана облегчить «вскрытие» разных рыночных сегментов другой стороны для европейских корпораций, обеспечение для них, как минимум, равных, а при возможности, и преференциальных условий деятельности на зарубежных рынках. Акценты все более смещаются на подчинение управлеченческих структур и регламентирующих норм этой группы стран внешнему управлению.

Со странами исхода или транзита миграционных потоков в центре внимания ЕС находятся вопросы укрепления пограничного контроля, перенесения на их территорию функций фильтрации и вычленения нелегальных мигрантов, отделения представителей «востребованных в ЕС профессий» от «нежелательных» категорий, смещение на третьи страны задач реадмиссии и ответственности за возможные эксцессы в случае нарушения требований международного права в вопросах выдворения и т.д. Современные средства коммуникации и организации сетевых связей существенно облегчают практическое решение многих из указанных проблем в практике реализации Евросоюзом внешних компетенций.

Евросоюз поставил перед собой задачу создать «Единый рынок цифровых инноваций» не только в пределах границ ЕС, но и с другими регионами, и апробирует эту возможность с Африкой¹⁷, что совпадает и с целями Стратегии цифровой трансформации Африканского союза на 2020–2030 гг.¹⁸ (Prikhodko & Sherov-Ignatiev, 2024:32). Хотя на этом пути немало препятствий, ввиду серьезного разрыва не только в экономическом отношении, но и между правовыми режимами сторон. Правовое обеспечение конфиденциальности данных в странах Африканского союза (далее – АС) осуществляется на национальном уровне, где возможности стран чрезвычайно ограничены. Примерно в половине стран АС отсутствует законодательство по защите и конфиденциальности данных, а в тех странах, где такая правовая база имеется, отсутствуют реальные механизмы для ее обеспечения.

Со своей стороны, ЕС предлагает странам Африки уже готовый «пакетный» подход к формированию систем цифровой инфраструктуры, включая аппаратные средства и нормативно-правовую регламентацию их использования как элементов интегрирования Панафриканской системы платежей и расчетов с европейской системой электронного правительства, охватывающей электронную службу здравоохранения и телемедицины, сети электронной торговли, Единое платежное европространство, Европейскую систему цифровой идентификации личности в качестве основы подключения к услугам персонального цифрового кошелька. Эти направленияозвучны приоритетам формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли, налаживания взаимодействия органов госуправления, обеспечения трансграничной совместимости цифровых платежных платформ и систем цифровой идентификации и, в целом, задачам формирования собственного отвечающего мировым стандартам Единого цифрового рынка Африканского союза к 2030 г.¹⁹ В рамках проектов взаимодействия с Африкой Евросоюз продвигает уже

¹⁷ EU and African Union will join forces on Digital Single Market. EU Digital Development Alliance (ADDA). April 30, 2019. – Available at: <https://europeandigital.org/eu-and-african-union-will-join-forces-on-digital-single-market> [Accessed: 23th August 2024]

¹⁸ The Digital Transformation Strategy for Africa: 2020-2030. Addis Ababa: African Union. 65 p.

¹⁹ Teevan, C. (2023) Building a Digital Single Market: From the EU to Africa. The Centre for Africa-Europe Relations. Feb. *ECDPM Briefing note No.155*, 1–29.

наработанные им правовые нормативы применения цифровых технологий, «заблаговременно формируя механизмы сохранения за собой функций контроля» (Laptsenak, 2024:195).

Создание «афро-европейской платформы цифровых инноваций» предполагает наличие ИТ-логистики, включая прокладку подводных оптоволоконных кабелей, соединяющих два континента, а также кабельных сетей в странах Африки к югу от Сахары. Это требует больших инвестиций, в том числе на реализацию программ создания спутниковой связи и экологичных центров обработки данных. Заявленный ЕС размер финансирования на эти цели – 150 млрд евро на период до 2030 г.²⁰

Цифровизация охватывает все сферы, в том числе и такие высокотехнологичные, как космическая отрасль, трансформируя ее и повышая эффективность. Спутниковые системы, цифровые технологии связи и телекоммуникаций – ключевое звено космических исследований, неотъемлемая часть цифровой экономики, охватывающая сетевое взаимодействие, дистанционное управление, автоматизацию процессов. Евросоюзом введены в эксплуатацию собственная Глобальная спутниковая система навигации Galileo, которая обеспечивает точное позиционирование и дистанционное наблюдение за всеми видами автомобильного, железнодорожного, авиационного и иного транспорта на большей части территории ЕС, включая 426 аэропортов. Европейская геостационарная служба навигационного покрытия (EGNOS) отслеживает и корректирует навигационные сигналы со спутников для авиационных, морских и наземных приемных устройств на большей части Европы²¹. На космическую отрасль ЕС приходится 1/3 часть всех находящихся на орбите спутников.

Решению задач цифрового перехода подчинена программа инновационных разработок «Горизонт Европы», а также часть средств Фонда объединения Европы, направленная на развитие инфраструктуры цифровой связи в период с 2021 по 2027 гг. Популярным направлением стало внедрение технологий «умный город», «умный дом», интегрирование сети ‘Интернет вещей’ в высокотехнологичные цепочки «умных» производств, апробирование систем эксплуатации «беспилотных автомобилей» на дорогах общего пользования и др. Объем электронной торговли, степень внедрения новейших цифровых технологий – облачных вычислений, больших массивов данных – индикаторы, отражающие динамику продвижения к цифровому обществу (Bocean & Vârzaru, 2023:875). Все эти направления требуют политико-правовых режимов внедрения и функционирования.

Глобальное соперничество цифровых технологий и конкуренция юрисдикций

Усиленный акцент Евросоюза при заключении международных соглашений на торговые аспекты защиты интеллектуальной собственности, патентное право, конфиденциальность баз данных, введение экологических стандартов, другие компоненты «зеленой» повестки вызывают среди союзников-конкурентов ЕС подозрения в осуществляющей им скрытой подготовке к «несогласованному переходу» на новые технологии.

²⁰ Fitri, A. The EU Wants to Create a Digital Single Market with Africa. It won't be Easy. TechMonitor, Apr. 11. Available at: <https://www.techmonitor.ai/digital-economy/african-european-digital-innovation-bridge> [Accessed: 28th March 2025].

²¹ О Европейском союзе..., см. выше с. 32.

В значительной степени это объясняется неделимостью в правовом, технологическом и экономическом отношении производственного цикла глобальных корпораций (Bradford, 2015:18). Принцип такой «технической неделимости» проявляется и в процессе сбора, обработки, хранения и защиты конфиденциальности персональных данных. Так, в порядке защиты своих интересов в сфере ИТ ЕС требует от зарубежных компаний соответствия применяемых ими методов и принципов ведения бизнеса европейским стандартам. Даже «большая пятерка» ведущих мировых информационно-технологических гигантов (Google, Apple, Facebook²², Amazon, Microsoft) вынуждена следовать этим требованиям, лоббируя затем – из соображений унификации своих технологических процессов – внедрение таких же стандартов в странах своей регистрации и дислокации дочерних отделений.

Вместе с тем, в последние годы, в том числе под воздействием внешних факторов, международные позиции Евросоюза серьезно пошатнулись, тогда как возможности «трансформировать» внешних партнеров снизились. Европейскими экспертами признается серьезное отставание ЕС от США и Китая²³.

Основным партнером-соперником ЕС в сфере перехода на цифровую экономику являются США, что объясняет во многом конфликтный характер отношений между сторонами. Уже Соглашение между ЕС и США о принципах конфиденциальности («Безопасная гавань»)²⁴, позволявшее американским компаниям передавать персональные данные из ЕС в США, не отвечало требованиям ЕС по обеспечению конфиденциальности. Такое наблюдение за гражданами третьих стран за пределами США осуществляется в рамках специальных программ сбора электронных данных (PRISM)²⁵, получаемых через американские технологические корпорации, действующие в странах ЕС. Аналогичные задачи, используя оптоволоконные кабельные магистрали и сети, по которым передается большая часть мировых данных в Интернете, а также системы телефонии, выполняет программа перехвата «Upstream».

Тем не менее, поскольку права, которые предоставляет гражданам ЕС вышеупомянутый Генеральный регламент по защите данных, позволяют оспаривать их нарушение в суде²⁶, следствием ряда апелляций, в частности по делу «Максимилиан Шремс против Комиссара по защите данных» («Шремс I») стало аннулирование Судом ЕС (СЕС) в 2015 г. Соглашения «Безопасная гавань»²⁷. Суд признал указанное Соглашение не имеющим юридической силы. Ничтожным с точки зрения права ЕС

²² Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

²³ Marco, J. N. Introduction to Digital Economy in the EU: Class Notes. 1–21. Available at: <https://blogs.uned.es/digitaleconomy/wp-content/uploads/sites/253/2020/12/Introduction-to-Digital-Economy-in-the-EU.pdf> [Accessed: 28th March 2025].

²⁴ Commission Decision 2000/520/EC of 26 July 2000 pursuant to Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council on the Adequacy of the Protection Provided by the Safe Harbour Privacy Principles and Related Frequently Asked Questions Issued by the US Department of Commerce (notified under document number C(2000) 2441) (Text with EEA relevance) Official Journal L 215, 25/08/2000 P. 0007–0047.

²⁵ NSA slides explain the PRISM data-collection program. Washington Post, June 6, 2013. Available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/politics/prism-collection-documents/> [Accessed: 23th August 2024].

²⁶ В ЕС введена специальная регламентирующая норма – «право на разъяснение», предоставляющая пользователям возможность запрашивать разъяснение порядка принятия решений и их мотивов и, при необходимости, оспаривать их либо отказаться от участия в том или ином процессе.

²⁷ ECLI:EU:C:2015:650.: Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 October 2015. Maximillian Schrems v Data Protection Commissioner. Request for a Preliminary Ruling from the High Court (Ireland). In Case C-362/14, REQUEST for a Preliminary Ruling under Article 267 TFEU from the High Court (Ireland), Made by Decision of 17 July 2014, Received at the Court on 25 July 2014, in the Proceedings. Case C-362/14.

было признано Судом ЕС в 2020 г. в рамках дела «Шремс II»²⁸ и последующее Соглашение по этим вопросам между ЕС и США («Щит конфиденциальности»²⁹), ввиду его несоответствия требованиям статьи 45 (1) ГРЗД по смыслу статей 7, 8 и 47 Хартии Европейского союза об основных правах и статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)³⁰. Таким образом, СЕС дважды признавал неправомерный характер передачи данных между ЕС и США и не соответствующими европейскому праву соглашения между сторонами. Систематические нарушения законодательства ЕС в области защиты персональных данных обернулись для социальной сети Facebook³¹ в 2023 г. штрафными санкциями в размере 1,2 млрд евро, выставленными поглотившей ее американской технологической компании Meta³² в связи с передачей Соединенным Штатам конфиденциальных данных пользователей³³.

Большие массивы данных, которыми располагают такие компании и крупные облачные провайдеры, как Amazon Web Services (AWS), Microsoft Azure, Alphabet (обладатель поисковой системы Google Cloud Platform), Oracle Cloud, Salesforce Cloud, широко используется как в коммерческих целях, так и для политических манипуляций³⁴. Невероятный объем информации о потребительских предпочтениях миллионов пользователей цифровых сетей обеспечивает таким конгломератам, как сервис микроблогов и социальная сеть X³⁵ (ребрендинг прежнего Twitter³⁶), корпорациям Microsoft, OS Apple, Alphabet (обладатель поисковой системы Google), владельцам интернет-платформ обмена услугами Airbnb, Uber и им подобным возможность извлекать квазимонопольную ренту на многие миллиарды из своего доминирующего положения на мировых рынках.

Властные структуры многих стран находятся в полной зависимости от этих сформировавших собственную вертикаль глобальной иерархии глобальных корпораций. Европейские государственные учреждения, использующие операционные системы Windows, Windows Phone, Android, macOS, iOS, iPadOS и обслуживающий их офисный пакет корпорации Microsoft, фактически находятся в полной технологической зависимости от американского корпоративного ИТ-сектора, тогда как ЕС не только не обладает контролем, но даже и сколь-нибудь существенным доступом к базам данных гигантских корпораций Силиконовой долины. И ситуация

²⁸ ECLI:EU:C:2019:1145. Opinion of Advocate General & Saugmandsgaard ØE delivered on 19 December 2019 (1) Case C-311/18 Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited, Maximillian Schrems, interveners: The United States of America, Electronic Privacy Information Centre, BSA Business Software Alliance, Inc., DigitalEurope.

²⁹ Agreement between the United States of America and the European Union on the protection of personal information relating to the prevention, investigation, detection, and prosecution of criminal offences. Document 22016A1210(01). OJ L 336, 10.12.2016, p. 3–13.

³⁰ ECLI:EU:C:2019:1145. Opinion of Advocate General..., Op.cit. V. Conclusion. Para 343.

³¹ Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³² Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³³ Binding Decision 2/2023 on the dispute submitted by the Irish SA regarding TikTok Technology Limited (Art. 65 GDPR): Adopted on 2 August 2023. Available at: https://www.edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/binding-decision-board-art-65/binding-decision-22023-dispute-submitted_en [Accessed: 17th August 2024].

³⁴ Rf.: Regulation (EU) 2022/1925 ..., Op.cit.

³⁵ Запрещена на территории Российской Федерации.

³⁶ Запрещена на территории Российской Федерации.

существенно не изменится до тех пор, пока ЕС не разработает собственную операционную систему с глобальным охватом и не создаст свое стандартное программное обеспечение, сети и поисковые системы.

Брюссель, однако, осознает значение и предпринимает практические усилия по формированию совместной с Вашингтоном евроатлантической цифровой инфраструктуры и ее распространению на третьи страны. В 2022 г. ЕС и США инициировали подписание Декларации о будущем Интернета, к которой привлекли более 60 стран (Schütte, 2023: 14). Среди приоритетов трансатлантического взаимодействия – разработки в сфере искусственного интеллекта (ИИ).

В свою очередь, продвигаемый Евросоюзом либеральный подход к принципам функционирования и использования «глобальной паутины» наталкивается на оппозицию Китая, который, руководствуясь соображениями национальной безопасности, противопоставил ему собственное видение «четко выделенного национального интернет-пространства» (Mitter, 2022). Альтернативой открытому Интернету, основанному на единых глобальных стандартах, Китай инициативно продвигает собственный централизованный интернет-протокол (IP) (Montgomery & Lebryk, 2021).

В Африке конкуренция ЕС с Китаем в сфере цифровых технологий усугубляется предпочтением, которое отдают африканские страны условиям, на которых предоставляет свое финансирование Пекин. Китайские технологические корпорации Orange, MTN GlobalConnect, China Mobile International осуществляют совместный проект, который уже в 2024 г. охватил интернет-связью общей протяженностью 37 тыс. км не только весь африканский континент, но и страны Ближнего Востока³⁷. Ввиду серьезных расхождений в позициях и возрастающей напряженности во взаимоотношениях остается нератифицированным Всеобъемлющее соглашение по инвестициям между ЕС и Китаем³⁸, хотя Китай занимает лидирующие позиции по запасам редкоземельных материалов (95 % мирового экспорта), от которых находится в критической зависимости электронная промышленность и сектор ВПК стран ЕС.

Не осталась не затронутой технологической состязательностью и инфраструктура финансовых инструментов, включая глобальную сеть обмена финансовыми сообщениями SWIFT. «Инфраструктурная geopolитика» породила в условиях беспрецедентного по своим масштабам санкционного противостояния последних лет альтернативные SWIFT-аналоги – INSTEX (европейский механизм обхода антииранских санкций США при проведении европейскими экономическими операторами транзакций с Ираном без применения расчетов в долларах США), CIPS (при торговых сделках в юанях), SEPA (для расчетов в евро со странами ЕС), СПФС (российская система передачи финансовых сообщений), BRICS Pay (единая платежная система стран БРИКС)³⁹. Появилось также множество альтернативных корневых систем доменных имен (DNS). Китай разработал и ввел в эксплуатацию собственный интернет-протокол, отгородившись от глобальной сети «цифровой стеной» («Великий китайский файрвол»).

³⁷ Clarke, L. Has China Already Won the Battle for Africa's Internet? TechMonitor, Feb.26. Available at: <https://www.techmonitor.ai/policy/geopolitics/has-china-already-won-battle-for-africa-internet> [Accessed 28th March 2025].

³⁸ EU-China Comprehensive Agreement On Investment – Agreement in Principle. European Commission, December 2020.

³⁹ Лосев А. BRICS Pay – единая платёжная система стран БРИКС / Валдайский клуб, 05.03.2019 г. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/brics-pay/> (дата обращения: 28.03.2025).

В России принят Указ Президента от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», а с 2019 г. вступил в силу закон о «суворенном Рунете» и создании собственной системы маршрутизации интернет-трафика⁴⁰. Указом Президента от 13 июня 2024 г. также внесены изменения в Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации»⁴¹. Самостоятельную инфраструктуру корневых серверов и сетевого взаимодействия Россия предложила ввести странам БРИКС⁴². Альтернативы, предлагаемые новыми финансовыми технологиями, выводят инфраструктуру финансовых систем из-под контроля конкретных государств (Goede & Westermeier, 2022: 10-11). Подрывая гегемонию конкретных стран в сфере управления финансовыми потоками, современные альтернативные платежные системы лишают их возможности диктовать свою волю другим государствам. Среди возможных инструментов – блокчейн, криптовалюты и т.п. (Campbell-Verduyn & Giumelli, 2022; Rosales, 2019).

Неотъемлемым элементом реализации внешних компетенций Евросоюза в условиях нарастающей глобальной конкуренции стали санкционные режимы и трансформация глобальных взаимозависимостей в средство подавления конкурентов. Масштаб всеобъемлющих антироссийских санкционных мер, применяемых в обход СБ ООН странами ЕС в одностороннем порядке либо в составе многонациональных коалиций, приобрел беспрецедентный характер и вышел на уровень фактически тотального бойкота и прекращения торговли, побуждая страны-объекты подобного политическим мотивированным гибридного воздействия к поиску и разработке альтернативных моделей международного взаимодействия.

По состоянию на январь 2025 г. общий пакет антироссийских санкций, введенных странами Запада с 2014 г., охватывал 24 311 мер, среди которых доля ЕС составляет 2482⁴³. Затрагивая значительную часть рыночного ИТ-сегмента, санкции затрудняют функционирование и использование информационных активов, влияют на их устойчивость к кибер-угрозам, ведут к дезорганизации бизнес-процессов.

Новеллой в сфере применяемых ЕС ограничительных мер стало придание с 2022 г. действиям, осуществляемым в обход санкционных предписаний Евросоюза, характера уголовно наказуемых деяний по смыслу ст. 83 ДФЕС, дополняющих перечень правонарушений, предусмотренных п. 1 этой статьи⁴⁴. Нацеленность этих мер на регулирование деятельности, выходящей за рамки внутреннего законодатель-

⁴⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 № 90-ФЗ. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201905010025> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴¹ Указ Президента РФ от 13.06.2024 № 500 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации». Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406130032> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴² Игнатов А., Зиновьева Е. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // РСМД, 24.01.2024. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁴³ Russia Sanctions Dashboard. /Castellum.AI, Jan. 19, 2025.

⁴⁴ Council Decision on Identifying the Violation of Union Restrictive Measures as an Area of Crime that Meets the Criteria Specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union, Inter-institutional File: 2022/0176 (NLE) 10287/1/22 REV 1, Brussels, 30 June 2022, para. 18, p. 7.

ства стороны, применяющей санкции, позволяет рассматривать их как экстерриториальные по своей сути (Beaucillon, 2021:1–17) вторичные санкции (Kiku & Timofeev, 2023:236).

В свою очередь, в рамках принятого Евросоюзом в 2023 г. 12-го санкционного пакета был предусмотрен запрет на владение гражданами России, контроль или занятие российскими лицами и резидентами каких-либо должностей в руководящих органах юридических лиц, организаций или учреждений, предоставляющих услуги по кошельку, счету или депозитарному обслуживанию криптоактивов⁴⁵. Параллельно Евросоюз обуславливает предоставление имеющим «особые отношения» с Россией странам Центральной Азии и Закавказья льготного доступа на рынок ЕС на основе ‘Всеобщей системы преференций +’ строго в увязке с блокированием обхода ими введенных ЕС антироссийских санкций⁴⁶.

ЕС и его ближайшие союзники везде, где они обладают влиянием, используют всю совокупность ассиметричных глобальных взаимозависимостей, опираясь на «эффект паноптикума», когда центральное положение того или иного государства в сетевой системе позволяет ему использовать контроль над ней для извлечения преимуществ над соперниками и оппонентами, а при необходимости, и просто отключать их от системы (Farrell & Newman: 46–53). Это отчетливо проявилось в действиях по отключению ведущих банков России от межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (SWIFT), охватывающей 212 стран мира и свыше 10 тысяч банковских учреждений, страховых компаний и корпораций (Goede, 2020:251–268), осуществляющих почти 80 % всех мировых финансовых транзакций (Scott & Zachariadis, 2014:127). Враждебное кибервторжение в сети другого государства с целью подрыва его системы управления, банковской структуры, дезорганизации товарной либо финансовой биржи, – ввиду масштабов наносимого ущерба, – можно рассматривать как нарушающее обязательства по статьям 2 (3) и 33 Устава ООН разрешать споры мирным путем и в духе «доброй воли».

Вопрос легитимности или правомерности санкционных действий ЕС непосредственно связан с порядком предоставления региональным организациям мандата на использование мер принуждения. В соответствии со ст. 53 (1) Устава ООН, «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности ООН». Лишь этот Совет наделен прерогативой введения принудительных мер в отношении государств-делинквентов.

Субъекты региональной политики вправе применять ограничительные меры лишь в отношении входящих в их состав государств. Более широкий территориально-пространственный охват санкционных мер, осуществляемых региональными объединениями, возможен, разве что, в случае, если они выступают от имени всего мирового сообщества, являясь «агентом-исполнителем», выполняющим мандат, выданный Советом Безопасности. Самостоятельное введение санкций региональными интеграционными объединениями, многонациональными коалициями или отдельными странами возможно лишь в порядке самообороны, реторсий, препрессалий, в

⁴⁵ EU Adopts 12th Package of Economic and Individual Sanctions against Russia / EU NeighboursEast, Dec.19, 2023.

⁴⁶ EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest developments. European Commission Directorate-General for Trade. 2024.

виде расторжения дипломатических или консульских отношений либо их приостановления.

Тем не менее, ЕС руководствуется полномочиями на введение санкций, предусмотренными в его собственных учредительных актах и со вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 г. и получившими закрепление в праве ЕС. Наделив собственное право статусом выше международного и опираясь на ст. ст. 29 ДЕС и 215 ДФЕС, а также на Регламент (ЕС) № 833/2014 Европейского Парламента и Совета от 31 июля 2014 г., Регламент 2020/1998 (замораживание активов, блокирование транзакций, визовые ограничения и др.) с изменениями, внесенными Регламентами 2021/371 от 2 марта 2021 г.⁴⁷ и 2021/478 от 22 марта 2021 г.⁴⁸, Евросоюз самостоятельно вводит ограничительные меры в отношении третьих стран, не подпадающих под его юрисдикцию.

ЕС, пожалуй, единственный пример среди интеграционных объединений, где объявленные санкции имеют прямое действие в государствах-членах (Eckes, 2021:219). Параллельно ЕС разрабатывает механизмы придания своим односторонним санкциям многостороннего характера и с целью максимального расширения их географического охвата добивается, чтобы вводимым им санкционным режимам следовали также не входящие в его состав государства-члены Европейского экономического пространства (ЕЭП), партнеры ЕС в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), Восточного партнерства (ВП), Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и др.

Действия вразрез с принципами свободной международной торговли оборачиваются не только упущеной европейскими корпорациями выгодой, но и утратой ниш на зарубежных рынках, судебными исками, международной ответственностью за неправомерный ущерб⁴⁹, а для ЕС – топливным кризисом, подрывом собственной энергобезопасности, усложнением задач «зеленого перехода». И это далеко не исчерпывающий список. Наметившаяся тенденция к деиндустриализации и «бегству за океан» высокотехнологичных компаний – тревожный для Брюсселя сигнал возвращающегося бумеранга.

Заключение

ЕС на постоянной основе совершенствует свою систему нормативно-правового регулирования цифровой экономики, вводя все новые законодательные акты, директивы, регламенты, системы сертификации и стандарты. Среди очевидных преимуществ ЕС – продвинутая фаза формирования собственного Единого трансграничного цифрового рынка, Единого европейского платежного пространства, Единого телекоммуникационного пространства, всесторонне разработанная система единых пра-

⁴⁷ Council Implementing Regulation (EU) 2021/371 of 2 March 2021 Implementing Regulation (EU) 2020/1998 Concerning Restrictive Measures against Serious Human Rights Violations and Abuses. OJ L 71 I, 2.3.2021, p. 1–5. Document 32021R0371.

⁴⁸ Council Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 Implementing Regulation (EU) 2020/1998 Concerning Restrictive Measures against Serious Human Rights Violations and Abuses. ST/6935/2021/INIT. OJ L 99I, 22.3.2021, 1–12. Document 32021R0478.

⁴⁹ Ряд исков в рамках судебных разбирательств, проведенных Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) и даже собственным Судом ЕС (СЕС), поставили вопрос о международной ответственности Европейского союза.

вил защиты персональных данных и обеспечения их конфиденциальности, оказывая влияние на деятельность компаний не только в Европе, но и во всем мире. Интерес внешних партнеров вызывает к себе Европейская инфраструктура цифровых услуг, объединяющая национальные порталы электронного правительства, электронные системы здравоохранения, дистанционной визуальной идентификации.

Вместе с тем цифровые технологии из средства производства все более трансформируются в инструмент целенаправленного воздействия на потребительские предпочтения граждан, обеспокоенность которых вызывает едва ли ни безграничное влияние, которым обладают ведущие мировые технологические корпорации на рынке труда, товаров и информационных услуг, их ускользающая от контроля со стороны государства и общества деятельность.

Сопутствующая этим процессам широкомасштабная санкционная практика ЕС, порождая расхождения с действующими контрактными обязательствами сторон в рамках частноправовых связей, порождает многочисленные арбитражные разбирательства, штрафы, угрозу банкротства. Неизбежное их следствие – прогрессирующая утрата доверия в отношениях между деловыми партнерами и общая деградация климата экономических и политических отношений.

Обращение ограничительных мер в инструмент деструктивного воздействия на оппонентов создает предпосылки для более глубокой теоретической проработки, международно-правовой регламентации и кодификации этой категории международного права в работе Комиссии международного права.

References / Список литературы

- Beaucillon, C. (ed.) (2021) *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited.
- Bocean, C.G. & Vărzaru, A.A. (2023) EU Countries' Digital Transformation, Economic Performance, and Sustainability Analysis. *Humanities and Social Communications*. 10 (1), 1–15. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02415-1>
- Bradford, A. (2015) The Brussels Effect. *Northwestern University Law Review*. 107 (1), 1–68.
- Campbell-Verduyn, M. & Giumelli, F. (2022) Enrolling into Exclusion: African Blockchain and Decolonial Ambitions in an Evolving Finance/Security Infrastructure. *Journal of Cultural Economy*. 15 (4), 524–543. <https://doi.org/10.1080/17530350.2022.2028655>
- Chander, A. & Lê, U. (2013) Free Speech (February 25). UC Davis Legal Studies Research Paper No. 351. *Iowa Law Review*. 100, 501–547. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2320124>
- Eckes, C. (2021) EU Human Rights Sanctions Regime: Striving for Utopia Backed by Sovereign Power? *European Foreign Affairs Review*. 26 (2), 219–242.
- Goede, M. de. (2020) Finance/Security Infrastructures. *Review of International Political Economy*. 28 (2), 351–68. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1830832>
- Goede, M. de & Westermeier, C. (2022) Infrastructural Geopolitics. *International Studies Quarterly*. 66 (3), 1–12. <https://doi.org/10.1093/isq/sqac033>
- Gordon, J. (2019) The Hidden Power of the New Economic Sanctions. *Current History*. 118, 804, 3–10.
- Kiku, D. & Timofeev, I. (2023) A New Stage in the EU Sanctions Policy: Extraterritorial Measures. In: Timofeev, I.N.; Chupriyanova, P.I.; Trotskaya, K.V. (comp.) *Politics of Sanctions: Goals, Strategies, Tools: Anthology*. 3rd rev. ed. Russian Council for International Affairs (RCIA). Moscow, NP RSMD Publ., 236–240. (in Russian).
- Кику Д.; Тимофеев И. Новый этап политики санкций ЕС: экстерриториальные меры / Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 3-е, перераб. и доп. / [сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 536 с.

- Krylova, I.A. (2016) New Types of War and Russia's Security. *Knowledge, Understanding, Skill*. (3), 58–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.3.4> (in Russian).
Крылова И.А. Новые виды войн и безопасность России // Знание, понимание, умение. 2016. № 3. С. 58–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.3.4>
- Laptsenak, V.A. (2024) Legal Dimension of Digital Transition in the European Union External Competences Practice. *Theory and Practice of Social Development*. (4), 191–196. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.4.24> (in Russian).
Лаптёнок В.О. Цифровой переход и его правовые аспекты в реализации внешних компетенций Европейского союза // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 191–196. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.4.24>
- Loilayeva, A.S. (2021) Digital (Electronic) and Traditional Democracy: Correlation Aspects. *Constitutional and Municipal Law*. (4), 23–26. (in Russian).
Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.
- Mitter, R. (2022) China: Revolutionary or Revisionist? *The Washington Quarterly* 45 (3), 7–21. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2022.2124017>
- Prikhodko, D.V. & Sherov-Ignatiev, V.G. (2024) Digital Economy in Africa: State and Development Problems. *Bulletin of St. Petersburg State University. Economics*. 40 (1), 1–35. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.101> (in Russian).
Приходько Д.В., Шеров-Игнатьев В.Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник СПбГУ. Экономика. 2024. Т. 40. № 1. С. 1–35. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.101>
- Rosales, A. (2019) Radical Rentierism: Gold Mining, Cryptocurrency and Commodity Collateralisation in Venezuela. *Review of International Political Economy*. 26 (6), 1311–1332. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625422>
- Schulmeister, S. (2021) Financial Instability, Climate Change and the “Digital Colonisation” of Europe: Some Unconventional Proposals. In: Bettina, de S.G. et al. (eds.) *Financial Crisis Management and Democracy: Lessons from Europe and Latin America*. Switzerland, Springer Publ., 309–322.
- Schütte, L. (2023) Global Infrastructures: My Way or No Highway. In: *Re:vision: Munich Security Report 2023*. Munich, MSC Publ., 75–86. <https://doi.org/10.47342/ZBJA9198>
- Scott, S.V. & Zachariadis, M. (2014) *The Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT): Cooperative Governance for Network Innovation, Standards, and Community*. London, Routledge.
- Zuboff, S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. NY, PublicAffairs.

Сведения об авторе:

Лаптёнок Виолетта Олегсна – кандидат юридических наук, кафедра интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации; 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-5450-869X, SPIN-код: 8560-6246

e-mail: viola160596@gmail.com

About the author:

Violetta A. Laptsenak – PhD in Law, Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Federation Ministry of Foreign Affairs; 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5450-869X, SPIN-code: 8560-6246

e-mail: viola160596@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-473-493>

EDN: YVNZUF

Научная статья / Research Article

Классификация климатических споров в аспекте международного права

С.А. Ломовский

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
s.lomovsky@mail.ru

Аннотация. Растущее разнообразие правоотношений в климатической сфере, а также специфика правового регулирования в этой области влекут неминуемое появление споров между сторонами соответствующих правоотношений – климатических споров. Значительная вариативность климатических споров в различных юрисдикциях, с одной стороны, обуславливает сложность и многоаспектность данного вида судебных споров, а с другой – свидетельствует о практической значимости их правового анализа. В России климатическое правосудие пока еще не получило широкого распространения, однако имеются объективные предпосылки к увеличению количества климатических дел в нашей стране. Кроме того, высокий интерес вызывают решения международных органов правосудия по климатическим делам, затрагивающие интересы России. В этой связи одним из базовых вопросов при осуществлении правового анализа климатических споров является их классификация, то есть распределение по определенным группам (классам/видам) на основе отличительных признаков. Систематизация различных видов климатических споров и проведение их классификации дает возможность не только более четко определить, в чем состоит специфика данной категории юридических споров, но и позволяет выявить те или иные закономерности и проблемные вопросы подобных судебных дел, найти наиболее эффективные решения. Рассматривается вопрос о понятии климатического спора (иска) и приводятся данные об интенсивном росте числа климатических дел в судебной практике во всем мире в последние годы (для проведения классификации необходимо предварительно определить предмет анализа). Отдельно обосновывается значение международно-правовой основы климатических споров и представлен краткий обзор подходов к классификации в иностранной и российской литературе. В основной части статьи раскрываются критерии классификации, предлагаемые автором, с акцентом на международно-правовые аспекты. В заключении подводятся итоги исследования, делается вывод о том, что в рамках ведения учета и проведения классификации климатических споров эффективность правового анализа (а как следствие, и правоприменительной практики) значительно возрастает. Современная практика климатического правосудия во многом формируется за счет эволютивного толкования международно-правовых норм. Анализируя климатические споры по различным критериям, заинтересованные лица лучше понимают перспективы разрешения возникшего спора.

Ключевые слова: климатический спор, климатический иск, климатическое правосудие, классификация, критерии классификации, международно-правовая основа, Парижское соглашение

© Ломовский С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 17 марта 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Ломовский С.А. Классификация климатических споров в аспекте международного права // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 473–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-473-493>

Classification of Climate Disputes from the Perspective of International Law

Sergey A. Lomovsky

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
s.lomovsky@mail.ru

Abstract. The increasing variety of legal relationships in the climate sphere, as well as the specific nature of legal regulation in this area, inevitably leads to disputes between the parties involved – climate disputes. The significant variability of climate disputes across different jurisdictions, on the one hand, makes this type of judicial disputes complex and multifaceted, and on the other hand, demonstrates the practical significance of their legal analysis. In Russia, climate justice has not yet gained widespread recognition, but there are objective prerequisites for an increase in the number of climate-related cases in our country. Furthermore, decisions of international judicial bodies on climate cases affecting Russia's interests are of high interest. In this regard, one of the basic issues in conducting a legal analysis of climate disputes is their classification, i.e., their distribution into certain groups (classes/types) based on distinctive characteristics. Systematizing various types of climate disputes and classifying them makes it possible not only to more clearly define the specifics of this category of legal disputes, but also to identify certain patterns and problematic issues in such court cases, and to find the most effective solutions. The article examines the concept of a climate dispute (claim) and provides data on the intensive growth in the number of climate cases in judicial practice worldwide in recent years (to carry out the classification, it is necessary to first define the subject of analysis). The significance of the international legal basis of climate disputes is separately substantiated, and a brief review of approaches to classification in foreign and Russian literature is presented. The main part of the article reveals the classification criteria proposed by the author, with an emphasis on international legal aspects. In conclusion, the results of the research are summarized, and it is concluded that within the framework of accounting for and classifying climate disputes, the effectiveness of legal analysis (and, as a consequence, law enforcement practice) increases significantly. Modern practice of climate justice is largely formed through the evolutionary interpretation of international legal norms. By analysing climate disputes according to various criteria, stakeholders better understand the prospects for resolving a newly emerged dispute.

Key words: climate dispute, climate claim, climate justice, classification, classification criteria, international law basis, Paris Agreement

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th March 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Lomovsky, S.A. (2025) Classification of Climate Disputes from the Perspective of International Law. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 473–493. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-473-493>

Введение

Актуальность проблемы сохранения климата, как глобальной проблемы человечества, возрастает с каждым годом. Климатическая повестка расширяется и проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Как следствие, в настоящее время изменение климата в виде глобального потепления рассматривается уже не как исключительно экологическая проблема. Такие вопросы, как основные права и свободы человека (в том числе право на жизнь), переход на альтернативные / возобновляемые источники энергии, климатическая миграция и многие другие играют значительную роль при анализе правовых аспектов сохранения климата (Rodriguez-Garavito, 2022).

Правоприменительная практика не успевает за темпом развития правоотношений в климатической сфере. Это объясняется объективной сложностью юридического толкования многих вопросов, прямо или косвенно связанных с климатом, а также спецификой правового регулирования в этой области как на международном, так и национальном уровнях. В этих условиях неминуемо появление споров между сторонами соответствующих правоотношений – климатических споров¹. Вариативность климатических споров в различных юрисдикциях, с одной стороны, обуславливает сложность и многоаспектность данного вида судебных споров, а с другой – свидетельствует о практической значимости их правового анализа². Так, согласно Докладу ЮНЕП 2023 количество юрисдикций (вкл. международные и региональные суды, трибуналы и квази-судебные и иные органы разрешения споров), где было инициировано хотя бы одно климатическое дело, менее чем за 10 лет увеличилось практически в 3 раза, а именно – 65 (согласно Докладу ЮНЕП 2023) против 24 (согласно одноименному докладу ЮНЕП, выпущенному в 2017 г.)³. В свою очередь, количественная динамика климатических дел легко прослеживается, если привести следующие данные Сабин-Центра: согласно Докладу ЮНЕП 2023, в мире зафиксировано 2180 климатических дел, в то время как согласно докладу 2017 г. – всего 884⁴.

Несмотря на обозначенный тренд, в Российской Федерации до настоящего момента массового инициирования климатических дел не наблюдалось. Вместе с тем имеются объективные предпосылки к тому, чтобы данная категория судебных дел получила распространение в нашей стране. Будучи государством, экономика которого в значительной мере зависит от ископаемых источников энергии,

¹ Появление подобных споров отражается в онлайн-базах климатических споров. См., например, правовую базу Сабин-Центра права в области изменения климата при Колумбийском университете (далее – «Сабин-Центр»). Режим доступа: <https://climaterightsdatabase.com/database/> (дата обращения: 24.11.2024).

² См. статистические данные, включенные в Доклад о климатических тяжбах в мире: обзор за 2023 год, опубликованный Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) совместно с Сабин-Центром – United Nations Environment Programme (2023). Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/43008> (дата обращения: 24.11.2024) (далее по тексту статьи – «Доклад ЮНЕП 2023»).

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 12–13.

последовательно участвуя во всех глобальных межгосударственных климатических инициативах, России очень важно учитывать правоприменительную практику по вопросам климата, складывающуюся в органах международного правосудия, судах интеграционных объединений и национальных судах отдельных зарубежных стран. Большую роль в этом играет постоянный мониторинг климатических судебных дел, рассматриваемых соответствующими судами во всем их многообразии, их правовой анализ и осмысление с точки зрения применимости тех или иных подходов в российской практике (как в текущих условиях, так и в перспективе).

В этой связи одним из базовых вопросов при осуществлении правового анализа климатических споров является их классификация, то есть распределение по определенным группам (классам/видам) на основе отличительных признаков. Систематизация различных видов климатических споров и проведение их классификации дает возможность более четко определить, в чем состоит специфика данной категории юридических споров; позволяет выявить те или иные закономерности и проблемные вопросы подобных судебных дел; помогает находить наиболее эффективные решения для правоприменительной практики. Кроме того, классификация предоставляет возможность выявить правовые основания требований сторон по климатическому спору, систематизировать их и на этой основе делать более обоснованную и взвешенную оценку перспектив того или иного вида исковых требований.

В статье, в первую очередь, будет рассмотрен вопрос о понятии климатического спора/иска, поскольку, не определив предметную область анализа, невозможно рассматривать разновидности таких споров (проводить классификацию). Отдельно будет обосновано значение международно-правовой основы климатических споров. Далее будет приведен краткий обзор подходов к классификации в иностранной и российской литературе. Наконец, будут предложены критерии классификации, предлагаемые автором, и сформулированы общие выводы.

Понятие климатического спора (иска)

Перед анализом вопросов, относящихся непосредственно к классификации климатических споров, необходимо определить, что понимается под «климатическим спором», то есть дать определение данному явлению. Следует оговориться, что данное понятие тесно связано с понятием «климатического иска». По существу, климатический иск является следствием возникшего климатического спора между сторонами. Факт подачи иска формализует претензию истцов, что является прямым индикатором факта возникновения/наличия климатического спора. Конечно, климатический спор может иметь место и при отсутствии поданного в суд климатического иска (например, в рамках досудебной/квазисудебной⁵ или административной процедуры, обмена письменными претензиями и в других случаях), однако, как представляется,

⁵ Отдельно стоит выделить при этом решения договорных органов по правам человека. Складывающаяся в таких органах практика подтверждает, что одной из наиболее перспективных стратегий обоснования исковых требований является ссылка на нарушения ответчиком положений международных договоров по правам человека (данний тезис будет рассмотрен подробнее ниже) (Solntsev & Otrashesvskaya, 2024). Также в контексте квазисудебных процедур необходимо упомянуть работу Комитета по соблюдению Киотского протокола и Комитета по соблюдению Парижского соглашения (Otrashesvskaya, Solntsev & Yusifova, 2023).

для целей исследования данное упрощение является уместным – на практике подавляющее большинство климатических споров рассматриваются в судебном порядке посредством инициирования судебного иска⁶.

В отечественной юридической литературе немногие авторы приводят определение понятия «климатического спора». Коллектив авторов монографии «Правовые основы «зеленого» финансирования в России и ЕС и разрешение климатических споров» констатирует, что «в современном понимании климатические споры – это любые споры, возникающие в связи с последствиями изменения климата и политики в области изменения климата, предусмотренной Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижским соглашением 2015 года» (Ermakova, Kleandrov & Frolova, 2022). Е.В. Новикова при рассмотрении отличительных признаков климатического правосудия указывает на следующие его содержательные характеристики: экологический характер рисков, которые создают угрозу экологической, включая климатическую, безопасности; специфический характер вреда окружающей среде и иным объектам, причиняемый глобальным потеплением; признание причинной связи между негативным воздействием на климат и причинным вредом (вне зависимости от того, затрагиваются ли интересы истца); достаточность юрисдикции суда требовать от регуляторных органов надлежащего обеспечения публичных интересов; а также появление нового феномена экстерриториальности исков климатической направленности (Novikova, 2020). Д.А. Гершинкова отмечает, что в основе судебных климатических исков лежит признание антропогенного происхождения изменения климата: через суд граждане или объединения граждан просят установить юридическую ответственность климатических «загрязнителей» (бизнес-структуры или правительства, регулирующие их деятельность) и ограничить деятельность, связанную с выбросами парниковых газов, возместить причиненный ущерб или сделать государственную политику по предотвращению изменения климата более действенной (Gershinkova, 2021).

Зарубежные авторы предлагают свои авторские определения климатических судебных дел, исходя из опыта рассмотрения подобных дел в соответствующих юрисдикциях. В качестве обобщения можно привести следующее определение климатических судебных дел, которое содержится в комплексном отчете «Судебная практика по вопросу изменению климата: взгляд на меняющуюся глобальную ситуацию», подготовленном коллективом зарубежных экспертов: «...Дела, поданные для рассмотрения в административные, судебные и иные правоохранительные органы, органы финансового надзора и омбудсменам, а также в национальные или международные суды и международные организации, в которых затрагиваются вопросы права или факта, касающиеся науки (сущности) изменения климата и усилий по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним»⁷.

⁶ В этой связи в настоящей статье будут использоваться оба понятия – «климатический спор» и «климатический иск» – с пониманием того, что они тесно взаимосвязаны. В подавляющем большинстве случаев при этом климатический спор будет рассматриваться как спор, инициированный каким-либо лицом в суде, то есть посредством подачи климатического иска в тот или иной орган правосудия. В этом смысле указанные понятия во многих аспектах могут рассматриваться как близкие к тождественным. Аналогичным образом представляется уместным использовать такую терминологию как «климатическое правосудие», «климатическое судебное разбирательство», «климатическое судебное дело» и т.д.

⁷ The Geneva Association. 2021. Climate Change Litigation – Insights into the evolving global landscape. Authors: Maryam Golnaraghi, Joana Setzer, Nigel Brooke, Wynne Lawrence and Lucia Williams. April, p. 11.

Как видно из приведенных определений, климатические споры могут затрагивать очень широкий перечень общественных отношений, прямо или опосредованно связанных с климатом. Потенциально они охватывают неограниченное количество ситуаций в климатической сфере, которые могут привести к возникновению спора и инициированию судебного иска участниками такого спора. Как справедливо отмечается коллективом авторов Центра международных и сравнительно-правовых исследований в Климатическом вестнике № 12 (июль 2023 г.), «...Истцы находят новые возможности «обвинить» ответчика. Например, деятельность с высоким уровнем выбросов теперь оспаривается на разных этапах ее жизненного цикла – от первоначального финансирования до окончательного утверждения проекта» (ICLRC team, 2023).

Можно констатировать, что климатическое правосудие столь многогранное явление (а климатические иски столь разнообразны), что дать четкое, универсальное, исчерпывающее определение климатическому спору объективно сложно, если возможно. Вместе с тем в юридической и иной литературе, посвященной вопросам климатического правосудия, зачастую климатические иски характеризуются как иски против государств с исковыми требованиями к последним о принятии ими более амбициозных мер по решению климатической проблемы⁸. Действительно, большинство знаковых судебных дел в отношении сохранения климата соответствуют данному определению, но все же данная характеристика не является исчерпывающей⁹. В этой связи, с определенной степенью условности, для целей настоящей статьи видится уместным охарактеризовать обозначенные выше климатические иски как «классические»¹⁰. Именно эти иски чаще всего вызывают наибольший интерес в рамках правового анализа (в том числе и для целей классификации), но важно оговориться, что данная категория не единственная и не охватывает всего разнообразия климатических дел.

Таким образом, климатические споры (иски) – судебные споры (иски), предмет исковых требований в которых прямо или косвенно связан с проблематикой изменения климата, зачастую затрагивая обязательства государств и иных субъектов по сохранению климата или адаптации к последствиям изменения климата. Следует согласиться с Д.А. Гершинковой, что в основе климатических исков (как минимум, их большинства) лежит идея об антропогенном характере происхождения изменения климата. По существу, это сильно сближает климатические споры с экологическими, в которых также одним из центральных проблемных вопросов является определение причинно-следственной связи между действиями/бездействиями ответчиков и вредом, причиненным истцу и/или иным лицам.

Однако не все климатические споры являются экологическими, равно как не все экологические споры можно отнести к климатическим. Именно в этой связи видится целесообразным в определении климатического спора включать указание на прямую или косвенную связь спора с климатической проблематикой. Такое определение

⁸ Отметим, что Доклад ЮНЕП 2023 идет значительно дальше и использует словосочетание «климатический кризис», а не «климатическая проблема».

⁹ Например, в известном судебном деле Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc. ответчиком выступало не государство, а частное лицо. Режим доступа: <https://climatecasechart.com/non-us-case/milieudefensie-et-al-v-royal-dutch-shell-plc/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁰ Здесь и далее будет использоваться данный термин в указанном значении.

является достаточно широким, чтобы потенциально охватить любые виды климатических споров, которые могут появиться в судебной практике.

Международно-правовой базис климатических споров

Несмотря на то, что подавляющее большинство климатических дел инициируются в национальных судах, международно-правовые аспекты имеют важное (а чаще всего – первостепенное) значение при проведении правового анализа того или иного судебного дела. Это объясняется объективными причинами. Так, международно-правовой базис климатических споров проявляется уже в том, что оспариваемые в них права и обязанности производны из международно-правовых обязательств государств, принятых в соответствии с международными климатическими соглашениями, в первую очередь, Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (РКИК ООН), Киотского протокола 1997 г. и Парижского соглашения по климату 2015 г.)¹¹.

Антропогенное воздействие на окружающую среду и его негативные последствия в виде глобального потепления – априори общемировая проблема. Поскольку глобальное потепление и соответствующее изменение климата имеют трансграничный характер, решение обозначенной проблемы требует скоординированных, комплексных усилий государств. Эффективного решения климатической проблемы тем или иным государством в одиночку невозможно.

Субъектный состав, предмет иска и правовое основание исковых требований в климатических спорах в значительной мере разнятся от дела к делу. Вместе с тем, при рассмотрении судами соответствующих исков, как правило, возникает вопрос о соотношении норм международного и национального права при имплементации международно-правовых обязательств государств по сохранению климата, в первую очередь, в соответствии с вышеуказанными климатическими соглашениями.

Углубленный анализ многих климатических судебных дел выявляет и массу других вопросов, входящих в сферу регулирования международного права (например, стратегия защиты интересов истцов с отсылкой на нарушение основных прав человека, гарантируемых международными соглашениями (Heri, 2022), рассмотрение климатических споров в органах международного правосудия (Voigt, 2023) и др.). Каждый из этих аспектов может служить самостоятельной темой для отдельного исследования.

Как следствие, международно-правовые аспекты занимают в климатическом правосудии центральное место. Сама сущностная основа климатических судебных споров, при всем их многообразии, базируется на нормах международного права. При этом с практической точки зрения достаточно сложно выделить конкретные нормативные положения международных климатических соглашений и внутренних законодательных актов, которые потенциально создают спорные ситуации: даже схожие исковые требования обосновываются истцами с учетом особенностей

¹¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 9 мая 1992 г.). Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 24.11.2024); Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (принят 11 декабря 1997 года); Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 24.11.2024); Парижское соглашение (принято 12 декабря 2015 г.). Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 24.11.2024).

той или иной правовой системы, где инициирован иск, а также множества иных факторов.

Таким образом, с учетом распространения климатических исков в различных юрисдикциях по всему миру, их многообразия как с точки зрения содержания исковых требований, так и конечного результата, которого добились истцы, защищая свои права и законные интересы в судебном порядке на базе международно-правовых климатических норм или производных от них норм национального климатического законодательства, систематизация климатических исков имеет важное практическое значение. Обзор классификации (видов) климатических споров (исков) дает предметное понимание о том, что представляет собой это явление¹². Без претензии на то, чтобы исчерпывающим образом рассмотреть все возможные виды климатических споров, в рамках предложенной ниже классификации будем делать основной акцент на сущностной международно-правовой основе климатических исков в целом и прикладных международно-правовых вопросах их отдельных видов, в частности.

Классификации климатических споров/исков в российской и зарубежной юридической литературе

В современной юридической литературе, в первую очередь зарубежной, уже в значительной мере проработаны различные аспекты климатического правосудия. Однако отдельного комплексного исследования, посвященного классификации климатических исков, не встречается. В иностранных исследованиях вопросы классификации климатических споров, как правило, рассматриваются опосредованно: как подвиды той или иной группы споров. Классификация при этом проводится с учетом реалий соответствующей правовой системы.

В качестве условного обобщающего примера классификации климатических судебных дел в западной правовой традиции можно привести подразделение на виды, предложенное в докладе «*Судебные дела в сфере изменения климата: взгляд на меняющуюся глобальную ситуацию*», подготовленном в апреле 2021 года коллективом авторов¹³:

Первая группа – по критерию личности ответчика и истца:

➤ Дела, истцами в которых выступают государства, коммерческие предприятия, некоммерческие организации и физические лица;

➤ Дела, ответчиками в которых выступают государства и корпорации.

Вторая группа – по критерию мотивации (“motivation”) истцов:

➤ Иски, преследующие частный интерес;

➤ Стратегические иски (направленные на совершенствование регулирования в климатической сфере, изменение поведения ключевых участников, оказывающих влияние на изменение климата, популяризацию знаний о климате и направленные на усиление публичного обсуждения вопросов климата).

Третья группа – по степени связи судебного дела с изменением климата:

¹² Под «классификацией» в самом общем виде понимается распределение объектов по определенным группам (классам) на основе отличительных признаков. Для целей настоящей работы, аналогичным образом, будем понимать распределение климатических споров / исков / судебных дел по определенным группам (классам) на основе тех или иных отличительных (сущностных) признаков соответствующей категории споров (исков, судебных дел).

¹³ The Geneva Association. 2021. Climate Change Litigation – Insights into the evolving global landscape. Authors: Maryam Golnaraghi, Joana Setzer, Nigel Brooke, Wynne Lawrence and Lucia Williams. April. P. 18.

- Вопросы климата лежат в основе судебного дела;
- Вопросы климата имеют второстепенное значение;
- Вопросы климата являются побочными в деле.

В целом в иностранной (особенно западной) юридической литературе при рассмотрении климатических споров наблюдается акцент на анализ практических (прикладных) аспектов судопроизводства. Это объясняется тем, что широкое распространение климатических судебных дел во многих развитых государствах – это уже текущая правовая реальность. В свою очередь, теоретические аспекты климатических споров по большей части преобладают среди анализируемых вопросов в работах авторов из стран, где практика климатического правосудия пока не так развита.

В российской доктрине проработка вопроса по объективным причинам значительно меньше, чем в США и странах Европы: практика климатического правосудия в России весьма ограничена. В публичном поле господствует точка зрения, что в России зафиксирован лишь единичный случай инициирования климатического иска¹⁴. Представляется, однако, что данная позиция не в полной мере верна и актуальна. В условиях отсутствия четких критериев разграничения климатических споров от иных (в первую очередь, экологических), нередко встает вопрос об отнесении того или иного спора к «климатическим». Например, судебное дело «Павлов и др. против России»¹⁵, рассмотренное ЕСПЧ в конце 2022 года, как минимум, имеет существенные признаки климатического дела. И хотя высказываются точки зрения, согласно которым вопросы сохранения климата в данном судебном деле (и подобных) в определенной степени вторичны («*peripheral*»)¹⁶, это не может являться достаточным основанием для того, чтобы не учитывать соответствующие позиции судов в контексте анализа судебной практики по климатическим спорам. Напротив, в условиях разнородной судебной практики по делам в отношении климата очень важно принимать во внимание всю доступную к изучению правоприменительную практику и особенно формирующуюся в органах международного правосудия.

В юридической литературе в России вопрос классификации споров затрагивался отечественными авторами в двух наиболее значимых монографиях последних лет по проблеме климатических споров, которые цитировались ранее при рассмотрении вопроса об определении климатических споров (Novikova, 2020; Ermakova, Kleandrov & Frolova, 2022).

Так, коллектив авторов монографии «*Правовые основы „зеленого“ финансирования в России и ЕС и разрешение климатических споров*» обращает внимание на

¹⁴ См., например: Старикова М. Правительство просят не парниковать. Газета «Коммерсант» № 169 от 14.09.2022. С. 5. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5559563> (дата обращения: 24.11.2024); <https://climatecasechart.com/non-us-jurisdiction/russia/> (дата обращения: 24.11.2024); Waseem M. First climate lawsuit against Russian government launched over emissions. The Guardian. 14.09.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/13/first-climate-lawsuit-russia-emissions> [Accessed 24th November 2024]; Качан А. В России впервые подали климатический иск против правительства. 13.09.2022. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/09/13/klimat_isk/ (Дата обращения: 24.11.2024).

¹⁵ Pavlov and others v. Russia (Application no. 31612/09). Judgement. October 11, 2022. ECtHR. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/fre%22tabview%22:\[%22document%22,%22itemid%22:\[%22001-219640%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre%22tabview%22:[%22document%22,%22itemid%22:[%22001-219640%22]}) [Accessed 24th November 2024].

¹⁶ См., например, материалы для отчета на ГА от доцента Аннализы Савареси (С. 3). Режим доступа: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/climatechange/cfi-enhancing-climate-change-legislation/CFI-SR-Climate-GA-2023-NGO-annalisa-savaresi.docx> (дата обращения: 24.11.2024).

факт смешения различных критериев классификации иностранными авторами (Ermakova, Kleandrov & Frolova, 2022).

Справедливо отмечается, что один и тот же спор может подпадать под различные категории (по разным критериям). Как следствие, российские авторы, по существу, придерживаются позиции, что климатические иски целесообразно классифицировать исходя из отраслевого признака (конституционные иски, административные, корпоративные, финансовые и др.).

В своей монографии «*Правовое обеспечение «зеленой» экономики*» Е.В. Новикова приводит краткий обзор классификации климатических судебных дел в США. Далее автор ссылается на упоминавшуюся ранее базу данных Сабин-Центра и дает общую характеристику классификации климатических споров (как в США, так и в остальном мире) по критериям, обозначенных на данном ресурсе (Novikova, 2020). В частности, судебные процессы группируются по юрисдикции или по применяемому закону: иски против государств с требованиями о сокращении выбросов парниковых газов и торговли ими; о доступе к информации; об экологической оценке и об экологических разрешениях; об экологических правах граждан; о защите биоразнообразия и экосистем; против корпораций; требования, основанные на доктрине общественного доверия и некоторые др.

Теоретическая классификация климатических споров в соответствии с критериями базы данных, используемой учеными и практикующими юристами со всего мира, могла бы претендовать на определенную универсальность. Для целей настоящей статьи, однако, такой подход не видится целесообразным по следующим причинам. Во-первых, такое разделение дает представление лишь о характере (предмете) судебного спора, но не раскрывает иные значимые аспекты климатических споров. Соответственно, данная классификация не может заменить собой комплексный подход (то есть проведение классификации по группе различных критериев). Во-вторых, в условиях текущих структурных изменений в международных отношениях в связи с отходом от однополярного мироустройства трудно прогнозировать насколько актуальным и объективным может быть учет правоприменительной практики климатических споров в России в рамках обозначенной базы данных в будущем (Shumilov, 2024).

Россия входит в пятерку стран с наибольшим объемом углеродных выбросов в мире¹⁷ и является стороной Парижского соглашения¹⁸, ее ОНУВ заявлен в соответствии с установленной процедурой¹⁹. В конце 2023 года была утверждена обновленная Климатическая доктрина Российской Федерации²⁰. В соответствии с данной доктриной, признается, что изменение климата создает угрозы для безопасности государства, реагировать на которые необходимо с использованием средств, способных обеспечить желаемые экологические и экономические эффекты в долгосрочной перспективе. Констатируется необходимость учета экономических рисков в связи с введением другими государствами мер по борьбе с изменением климата. При этом отмечается большое значение самостоятельности в оценках и выводах, полученных

¹⁷ Режим доступа: <https://energystats.enerdata.net/co2/emissions-co2-data-from-fuel-combustion.html> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁸ Режим доступа: <http://government.ru/docs/37917/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁹ Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_soobshchila_o_svoem_pervom_oppredelyemom_na_nacionalnom_urovne_vklade_v_realizaciyu_parizhskogo_soglasheniya.html (дата обращения: 24.11.2024).

²⁰ Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 24.11.2024).

на основе полных и достоверных сведений о происходящих и ожидаемых последствиях изменения климата для Российской Федерации и других государств.

Между тем проблема климатических споров и климатического правосудия в российской обновленной Климатической доктрине прямо не упоминается. В условиях текущей трансформации международного права для России важно сформировать свою собственную концептуальную позицию по данным вопросам, направленную на обеспечение интересов государства и всех его граждан при рассмотрении климатических споров в судебном порядке. Видя динамику развития судебной практики по климатическим спорам в других странах и в органах международного правосудия, и находясь при этом все еще близко к начальной точке формирования своей собственной, у российской доктрины есть все шансы выработать наиболее прогрессивные и эффективные подходы к рассмотрению споров в климатической сфере. Формирование устойчивого понимания о видах и типологии климатических споров (исков) безусловно является одним из базовых вопросов в этом направлении.

Предлагаемые критерии классификации

С учетом вводных, приведенных выше, попробуем сформулировать критерии классификации, отражающие опыт рассмотрения климатических споров за рубежом и в международных органах правосудия.

1. Наиболее очевидным исходным критерием, открывающим классификацию, представляется *наличие или отсутствие международно-правовой основы в климатическом споре в принципе*. Являясь во многих правопорядках все еще достаточно новым явлением, климатическое правосудие в конкретной юрисдикции может формироваться с учетом местных особенностей; и если, например, в странах Европы, где в последнее годы имели место знаковые климатические судебные дела, трудно себе представить появление в настоящее время классического климатического спора, который не содержит отсылки к Парижскому соглашению или международным соглашениям по правам человека, то в странах, где подобная судебная практика отсутствует, такой прецедент представляется вполне возможным.

Ранняя судебная практика по климатическим делам (преимущественно в США) по большей части базировалась именно на внутреннем законодательстве об охране окружающей среды. Так, во многих внутренних американских климатических спорах с начала 2000-х годов истцы обосновывали свои исковые требования со ссылкой на такие внутренние законодательные акты как Закон о чистом воздухе²¹ и Закон о чистой воде²².

Другим примером, когда международно-правовой базис в споре отсутствует, могут служить специфические климатические споры, которые по характеру исковых требований ни прямо, ни косвенно не связаны с международно-правовыми обязательствами государств по сохранению климата. Такими являются, например, некоторые дела по гринвашингу (“greenwashing”, или «зеленый камуфляж»), то есть судебные дела, в которых истцами утверждается, что реклама содержит ложную или

²¹ Режим доступа: <https://climatecasechart.com/case-category/clean-air-act/> (дата обращения: 24.11.2024).

²² Режим доступа: <https://climatecasechart.com/case-category/clean-water-act/> (дата обращения: 24.11.2024).

вводящую в заблуждение информацию о влиянии изменения климата, нарушая законодательство и стандарты ответственной рекламы или честной конкуренции²³.

Иными словами, существует практика по делам в отношении климата, когда истцы ссылались исключительно на нормы внутреннего права (в первую очередь, экологического, но не только), которые необязательно основаны на международных климатических соглашениях²⁴. Вместе с тем, исходя из текущих правовых реалий, и с учетом судебной практики последних лет, видится очевидным, что в настоящее время климатическое правосудие в принципе базируется на международно-правовых нормах.

Иски, базирующиеся на нормах международного права, более сложны в рассмотрении, но зачастую имеют большие перспективы для истцов. Об этом свидетельствует факт, что большинство наиболее известных и цитируемых судебных климатических исков или полностью основывались на нормах международного права, или, как минимум, имели отсылки к ним в том или ином объеме. В качестве показательных примеров можно привести дело *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands* (2015)²⁵, в котором истцы добились решения суда о понуждении правительства Нидерландов сократить выбросы парниковых газов, и дело *Neubauer, et al. v. Germany* (2020)²⁶, в котором истцы смогли обосновать факт нарушения прав человека недостаточностью амбициозности цели ФРГ по сокращению выбросов парниковых газов; исковые требования по обоим делам базировались на международно-правовых нормах Парижского соглашения и Европейской конвенции по правам человека.

Значение международного права для развития климатического правосудия наглядным образом продемонстрировано в аналогии, приведенной старшим научным сотрудником Национального центра научных исследований Франции Сандрин Мальжан-Дюбуа: «...Учитывая, однако, механизм, заложенный в Парижском соглашении, и несмотря на то, что его положения не имеют или почти не имеют прямого действия, Соглашение усиливает давление на государства, в том числе, и возможно это самое важное, на национальном уровне. Шаг за шагом мы видим, как благодаря участию гражданского общества *Парижское соглашение стало топливом для климатического судопроизводства* в решительной манере и предоставило национальным судам возможность позиционировать себя в качестве ключевых игроков в сфере управления климатом...» (Maljean-Dubois, 2022).

В данном контексте важно отметить, что по общему правилу иск частного лица со ссылкой на международное право невозможен. Редкие исключения основаны на

²³ Annual Report 2023. UN Environment Programme. Available at: <https://www.unep.org/resources/annual-report-2023> [Accessed 24th November 2024].

²⁴ Как представляется, предлагаемый подход потенциально может повлечь вопрос о соотношении понятий «климатического спора» и (сугубо) «экологического спора». Вместе с тем в условиях отсутствия очевидного доктринального разграничения этих понятий, соответствие спора одновременно критериям «климатического» и «экологического» видится возможным и адекватным. Более того, данная позиция поддерживается и в литературе: например, Е.В. Новикова отмечает, что «...Иски о правах, затронутых глобальным потеплением, имеют большой шанс быть отделенными от **большинства экологических исков** или даже выделены в сферу обособленного производства в силу ряда специфических характеристик, о которых мы говорим в этой монографии...» (Novikova, 2020).

²⁵ *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands*. 2015. HAZA C/09/00456689. Available at: <https://climatecaselchart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/> [Accessed 24th November 2024].

²⁶ *Neubauer, et al. v. Germany*. 2020. Available at: <https://climatecaselchart.com/non-us-case/neubauer-et-al-v-germany/> [Accessed 24th November 2024].

тех случаях, когда государство соглашается с этим посредством подписания международных соглашений (например, международные договоры о защите прав человека и международные инвестиционные договоры). В случае же с современными климатическими исками, частные лица в обоснование своих исковых требований против государств ссылаются на Парижское соглашение и иные нормы международного права, считая, что они предоставляют им определенные права. В этом, очевидно, стоит феномен климатического правосудия.

2. Поскольку климатические споры возникают между самыми разными субъектами (физические и юридические лица, муниципальные образования, государственные органы и должностные лица, правительства и др.), отдельное место в классификации климатических споров должно быть отведено критериям классификации, связанным с личностью сторон спора и субъектным составом спора. Видится уместным провести условное разделение на две группы: (а) по субъектному составу на стороне истца и (б) по субъектному составу на стороне ответчика.

Так, по субъектному составу на стороне истца климатические иски можно классифицировать *на иски, инициированные отдельными физическими лицами, или группой/объединением лиц* (в т.ч. групповые и классовые иски). Следует отметить, что множественность лиц на стороне истца является характерной (хотя и не обязательной) чертой для климатического правосудия. Это объясняется характером климатических прав. Климат – сложное, комплексное явление, имеющее глобальный масштаб. Бороться с проблемой изменения климата гораздо эффективнее коллективно. Причем не только в количественном плане, но и с точки зрения «географии» истцов. Известно, что гораздо большее общественное внимание привлекают к себе судебные иски, которые инициируются заинтересованными лицами из нескольких различных государств. Имеются примеры, когда истцами выступали лица с различных континентов. Ярким примером может служить так называемое «Народное климатическое дело» (*Armando Ferrão Carvalho and Others v. The European Parliament and the Council – “The People’s Climate Case”*) (2018), в котором истцами выступили 10 семей, включая детей, из Португалии, Германии, Франции, Италии, Кении, Фиджи и Швеции²⁷. В эпоху стремительного развития технологий, информация о коллективном иске быстро получает широкое распространение. Чем больше общественный резонанс, тем де-факто большее давление оказывается на сторону-ответчика. Отметим также мощную PR-поддержку указанного коллективного климатического иска в виде открытого письма истцов «Народного климатического дела» к главам государств Европейского союза²⁸.

По субъектному составу на стороне ответчика, аналогичным образом, иски можно разделить на *иски против отдельного лица* (например, государственного органа, должностного лица или корпорации) или *иски со множественностью лиц на стороне ответчика* (например, правительства нескольких государств или иски против нескольких юридических лиц, которые явились источником загрязнения).

²⁷ *Armando Ferrão Carvalho and Others v. The European Parliament and the Council “The People’s Climate Case”*. 2018. Case no. T-330/18. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/armando-ferrao-carvalho-and-others-v-the-european-parliament-and-the-council/> [Accessed 24th November 2024].

²⁸ Letter from the plaintiffs to the EU Presidents. Available at: <https://peoplesclimatecase.caneurope.org/2019/04/letter-from-plaintiffs-to-the-eu-presidents/> [Accessed 24th November 2024].

В качестве примера можно привести дело *Soubeste and Others v. Austria and 11 Other States* (2022)²⁹, где ответчиками выступили 12 государств.

3. В контексте критериев, связанных с личностью сторон спора, можно выделить и такой как критерий бенефициарного интереса (иными словами, критерий того, чьи интересы отстаиваются истцами) – «альtruистические» исковые требования и требования, направленные на удовлетворение личного интереса отдельного лица (лиц). Примером судебного дела с альтруистическими исковыми требованиями можно считать дело *Plan B Earth and Others v. Prime Minister* (2021)³⁰, в котором истцы заявляли, что правительство Великобритании нарушило права человека, не выполнив обязательства по Парижскому соглашению. Характерным примером искового требования, направленного на удовлетворение личного интереса, могут служить дела так называемых «климатических мигрантов», то есть тех, кто покидает свое место жительства из-за опасных климатических явлений, угрожающих здоровью или жизни. Так, широкую известность получило дело *Ioane Teitiota v. The Chief Executive of the Ministry of Business, Innovation and Employment* (2015)³¹, в котором гражданин Кирибати оспаривал отказ в предоставлении ему статуса беженца в Высоком суде Новой Зеландии (Solntsev, 2020).

Следует заметить, однако, что исковые требования могут быть смешанными, то есть преследовать и альтруистические, и личные цели. Так, в деле *Luciano Lliuya v. RWE AG* (2015)³² перуанский фермер требовал от немецкой компании RWE AG возмещения не только его личных расходов на создание защитных сооружений от наводнений, но и возмещения расходов властей города Уарас на восстановление поврежденной инфраструктуры в городе.

По мере дальнейшего распространения климатических судебных дел частный и общественный интерес все больше пересекаются (то есть исковые требования начинают уже носить смешанный характер). Отсюда возникают совершенно новые категории, которые из абстрактных трансформируются в правовые: например, такие категории как «будущие поколения», «наиболее уязвимые к воздействию климата категории лиц» и т.д. Данная терминология с течением времени все чаще и чаще встречается не только в климатических судебных делах, но и в национальных правовых актах³³.

Учитывая практику наиболее известных дел, которые, можно констатировать, обретают или уже обрели характер убедительного прецедента, при рассмотрении новых дел суды активно ссылаются на соответствующие судебные дела (в том числе рассмотренные в других юрисдикциях) и основывают на них свои выводы. Например, ранее упоминавшееся знаковое судебное дело *Urgenda Foundation v. State of the*

²⁹ *Soubeste and Others v. Austria and 11 Other States*. 2022. No. 31925/22. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/soubeste-and-others-v-austria-and-11-other-states/> [Accessed 24th November 2024].

³⁰ *Plan B Earth and Others v. Prime Minister*. 2021. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/plan-b-earth-and-others-v-prime-minister/> [Accessed 24th November 2024].

³¹ *Ioane Teitiota v. The Chief Executive of the Ministry of Business, Innovation and Employment*. [2015] NZSC 107. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/ioane-teitiota-v-the-chief-executive-of-the-ministry-of-business-innovation-and-employment/> [Accessed 24th November 2024].

³² *Luciano Lliuya v. RWE AG*. 2015. Case No. 2 O 285/15 Essen Regional Court. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/lliuya-v-rwe-ag/> [Accessed 24th November 2024].

³³ См., например, текст Климатической доктрины Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/> (дата обращения: 24.11.2024).

Netherlands (2015) цитируется в материалах многих последующих климатических дел, как то в деле *Association of Swiss Senior Women for Climate Protection v. Federal Department of the Environment Transport, Energy and Communications (DETEC) and Others* (“*Verein KlimaSeniorinnen Schweiz v. Bundesrat*”).³⁴ Это свидетельствует о том, что содержательная судебная практика по климатическим делам в отдельных государствах, безусловно, оказывает влияние на формирование позиции судов и в других государствах по схожим делам. Практика органов международного правосудия имеет еще большее влияние на любые последующие решения как международных судов, так и национальных.

4. Контекст рассмотрения критериев классификации, связанных с субъектным составом спора, также эволюционирует по мере появления и разрешения судами новых климатических дел. Так, еще несколько лет назад могло показаться очевидным, что только государства (как субъекты международного права) могут выступать ответчиком по климатическому иску, предметом которого является соблюдение международно-правовых обязательств по сокращению выбросов в соответствии с Парижским соглашением. После появления дела *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.* (2019)³⁵ стало понятно, что данный подход будет меняться.

В указанном деле Гаагский окружной суд постановил частной компании Royal Dutch Shell к 2030 г. сократить выбросы CO₂, связанные с ее продукцией, на 45 % по сравнению с уровнем 2019 г. Данное решение представляет собой первый случай, когда частной компании было предписано судом сократить выбросы парниковых газов в соответствии с климатическими целями, включенными в Парижское соглашение.

Данный прецедент открывает истцам гораздо более широкие возможности по защите климатических прав и сильно расширяет круг потенциальных ответчиков³⁶. В подобном толковании Парижское соглашение выступает в новом качестве – хотя непосредственно на юридическое лицо (ответчика) оно не может возлагать обязательства, отдельные его общие положения, такие как температурные цели, в совокупности с нормами внутреннего законодательства соответствующего государства и международными соглашениями в области прав человека, могут оказать решающее значение при вынесении судом решения о наличии корпоративной ответственности у компании по климатическому иску. По существу, теперь и частным субъектам предписывается соблюдать некий разумный стандартальной заботы и осмотрительности в отношении климатических прав граждан, который опосредованно сле-

³⁴ *Association of Swiss Senior Women for Climate Protection v. Federal Department of the Environment Transport, Energy and Communications (DETEC) and Others* (“*Verein KlimaSeniorinnen Schweiz v. Bundesrat*”). 2016. No. A-2992/2017. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/union-of-swiss-senior-women-for-climate-protection-v-swiss-federal-parliament/> [Accessed 24th November 2024].

³⁵ *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.* 2019. Available at: <https://climatecasechart.com/non-us-case/milieudefensie-et-al-v-royal-dutch-shell-plc/> [Accessed 24th November 2024].

³⁶ Как представляется, данный комментарий является справедливым, в первую очередь, применительно к «классическим» климатическим искам. Применимительно к другим видам климатических споров (менее характерным в контексте климатического правосудия), очевидно, субъектный состав на стороне ответчика в виде юридического лица представляет собой меньший интерес с точки зрения правового анализа.

дует в том числе из общих положений Парижского соглашения и Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, одобренных Советом по правам человека ООН 16 июня 2011 г.³⁷

За обозначенным выше судебным делом последовали и иные, в которых ответчиками выступали юридические лица, к примеру дело *Notre Affaire à Tous and Others v. Total* (2019)³⁸. Совершенно очевидно, что подобные судебные дела задают абсолютно новый вектор развития климатического правосудия. Налицо проникновение норм международного права в сферу, где до возникновения подобной судебной практики соответствующее регулирование, по существу, не принималось в расчет. Расширение круга потенциальных ответчиков по климатическим искам, с одной стороны, выводит на новый уровень возможности лиц, обращающихся в судебные органы за защитой климатических прав; с другой стороны, подобный подход оказывает значительное влияние на корпоративный сектор, существенно пополняя карту рисков того или иного предприятия в сфере ESG.

В целом, в контексте классификации климатических споров видится уместным выделить споры, вытекающие из публично-правовых международных отношений, и частно-правовых. Несмотря на то, что первые доминируют как в плане статистики климатических дел³⁹, так и с содержательной точки зрения (регулирование вопросов климата, как правило, находится в публично-правовой плоскости), нельзя недооценивать роль и возможные перспективы последних в климатическом правосудии. Напротив, в юридической литературе приводятся убедительные аргументы в пользу дальнейшего роста значения частноправовых аспектов в судебной защите климатических прав (Michaels, Ruiz Abou-Nigm & van Loon, 2021).

5. Одним из основополагающих вопросов любого климатического иска является выбор правовой стратегии, применяемой истцами. В попытке обобщить и систематизировать подходы к стратегиям истцов по защите их прав и законных интересов представляется обоснованной базовая классификация климатических исков по обозначеному критерию, предложенная научным сотрудником Амстердамского центра международного права Мейко Мегуро. Так, автором замечено, что большинство климатических исков можно разделить на те, в которых:

а) *Стратегия истцов базируется на правах* (обращение в национальные и международные суды за защитой от ущерба, причиненного экологии/климату на основе прав человека);

б) *Стратегия истцов базируется на обязательствах* (признание характера *erga omnes* в отношении обязательств по охране окружающей среды в целом и по сохранению климата в частности, нарушение которых является основанием для обращения в международные суды) (Meguro, 2020).

На текущий момент в судебной практике по климатическим делам как в национальных судах, так и органах международного правосудия преобладает подход базирования исковых требований на правах. Важно подчеркнуть, что правозащитный

³⁷ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Режим доступа: <https://rspp.ru/document/1/c/e/ce0cd7062a40ecd0e1613a9acba6137d.pdf> (Дата обращения: 24.11.2024).

³⁸ *Notre Affaire à Tous and Others v. Total*. Available at: <https://climatecaseschart.com/non-us-case/notre-affaire-a-tous-and-others-v-total/> [Accessed 24th November 2024].

³⁹ *What Role for Private International Law in Youth-Led Climate Change Litigation?* Available at: <https://eapil.org/2022/03/31/what-role-for-private-international-law-in-youth-led-climate-change-litigation/> [Accessed 24th November 2024].

подход лежал в основе исковых требований во многих знаковых климатических делаах. Подобная стратегия защиты климатических прав оказалась востребована в том числе за счет расширительного толкования правозащитных норм международных конвенций. Примером могут служить ссылки на ст. 2 и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴⁰, провозглашающие право на жизнь и право на уважение частной и семейной жизни, соответственно: положения указанных статей приводятся в обоснование исковых требований во многих исках, поданных в Европейский суд по правам человека и национальные суды европейских государств⁴¹. Подобная отсылка к правозащитным нормам международных соглашений, сформулированным в общем виде (в которых даже не содержится явных положений, относящихся к климату) – одна из особенностей климатического правосудия как явления. В этой связи видится возможным выделение подобных исков в отдельную категорию – *иски, базирующиеся на основных правах человека*.

Без ущерба сказанному выше можно ожидать, что по прошествии времени существенно возрастет значение второго из указанных выше подходов (базирования стратегии истцов на обязательствах), который, с высокой долей вероятности, будет подтвержден устойчивой судебной практикой и закреплен в явном виде в международных соглашениях и во внутреннем законодательстве многих стран.

6. Важное место в классификации климатических споров занимают *критерии деления на виды (дифференциации) правовых норм, регулирующих оспариваемые правоотношения*. Анализируя данные вопросы, необходимо учитывать особенности механизма правового регулирования вопросов сохранения климата на национальном (в отдельных юрисдикциях) и наднациональном уровне.

В частности, можно выделить судебные дела, в которых в обосновании позиции идет отсылка на: (1) непосредственно Парижское соглашение; (2) определяемый на национальном уровне вклад государства (ОНУВ) в соответствии со ст. 3 Парижского соглашения; (3) иные международные соглашения, прямо или косвенно регулирующие вопросы экологии и климат⁴²; (4) другие международные соглашения, которые по сфере своего регулирования вопросы климата не регулируют⁴³; (5) национальное законодательство отдельных стран.

7. При рассмотрении обозначенных выше видов регулирующих норм следует учитывать международно-правовой базис климатических обязательств и принимать во внимание специфику метода правового регулирования, заложенного в Парижском соглашении. Одним из ключевых принципов, заложенных в механизм Парижского соглашения, является принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, в свете различных национальных условий⁴⁴. В силу

⁴⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, г. Рим, 4.XI.1950 г. Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 24.11.2024).

⁴¹ См., например, материалы дела Greenpeace Nordic and Others v. Norway (2021). Режим доступа: <https://climatecasechart.com/non-us-case/greenpeace-nordic-assn-v-ministry-of-petroleum-and-energy-ecchr/> (дата обращения: 24.11.2024); материалы дела A Sud et al. v. Italy (2021). Режим доступа: <https://climatecasechart.com/non-us-case/a-sud-et-al-v-italy/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁴² Например, Конвенция ООН по морскому праву или Конвенция о биологическом разнообразии. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 24.11.2024).

⁴³ Например, Европейская Конвенция по правам человека, г. Рим, 4.XI.1950 г. Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 24.11.2024).

⁴⁴ См. Преамбулу Парижского соглашения. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 24.11.2024).

того, что ответственность различных государств «дифференцирована», обязательства государств по сохранению климата также неодинаковы. В этой связи, отдельные авторы различают так называемые «делимые» *климатические обязательства государств* и «неделимые» (Voigt, 2016). Делимые обязательства являются международно-правовыми обязательствами отдельных государств (несмотря на глобальный характер вреда от изменения климата). Очевидным примером делимых обязательств является ОНУВ отдельного государства. Неделимые обязательства – те, что в равной степени применимы ко всем государствам-участникам Парижского соглашения. Примером такого обязательства может служить следование общей цели удержания прироста глобальной температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложение усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C (пункт 1(а) ст. 2 Парижского соглашения). Как представляется, указанное деление обязательств на делимые и неделимые одновременно может служить критерием для классификации климатических исков (по характеру оспариваемых обязательств государств)⁴⁵.

8. Одной из особенностей многих «классических» климатических исков является следующая. Посредством инициирования дела в суде истцы нередко добиваются от государств не только исполнения уже принятых ими на себя конкретных международно-правовых обязательств (например, при отклонении от графика исполнения уже принятого ОНУВ), но и *принуждения государств к принятию на национальном уровне более конкретных или амбициозных положений по регулированию климатических вопросов*. Иными словами, в данном случае речь идет не о предъявлении требования к стороне исполнить ее обязательства по суду, а о принуждении такой стороны к принятию на себя более амбициозных/четко сформулированных обязательств. Безусловно, юридическая природа подобных исковых требований нетипична для судопроизводства в широком смысле слова и требует отдельного рассмотрения в рамках правового анализа. Примером исковых требований, где истцы требовали от государств более амбициозных действий, может служить дело *Neubauer, et al. v. Germany* (2020)⁴⁶. По мнению истцов, климатические цели, установленные в Федеральном законе Германии о защите климата, недостаточны и нарушают права граждан, защищаемые Основным законом ФРГ.

9. Наконец, важным критерием классификации климатических споров является *орган правосудия, рассматривающий климатический спор*. Вариативность здесь весьма большая: от национальных судов отдельных государств до различных органов международного правосудия и региональных судов. Весьма показателен перечень форумов для разрешения климатических споров, правоприменительная практика которых рассматривается во втором разделе книги «*Правосудие в сфере изменения климата: глобальные перспективы*» коллектива зарубежных авторов: региональные суды, международные суды, орган по разрешению споров ВТО и др. (Alogna, Bakker & Gauci, 2021). Нельзя не отметить и тот факт, что арбитраж также используется как средство разрешения климатических споров (Ermakova, 2021).

⁴⁵ На русском языке термины «делимые» и «неделимые» следует признать не в полной мере удачными. Возможными альтернативами могут служить термины «общие (коллективные)» и «индивидуальные». Практика покажет, какая терминология лучше приживется.

⁴⁶ *Neubauer, et al. v. Germany*. 2020. Available at: <https://climatecaselaw.com/non-us-case/neubauer-et-al-v-germany/> [Accessed 24th November 2024].

Завершая обзор предлагаемых критериев, целесообразно еще раз отметить, что предложенный перечень критериев (оснований) классификации достаточно условный и ни в коем случае не исчерпывающий. В качестве возможных критериев классификации могут быть взяты и иные – главное, чтобы соответствующая классификация была полезна с практической точки зрения и способствовала повышению эффективности правового анализа различных аспектов климатического правосудия.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка привести комплексную классификацию климатических споров, основанную на сложившейся судебной практике в различных правопорядках и в международных органах правосудия. Разбор типологии климатических исков и раскрытие ее содержания явным образом подтверждают тезис, что климатическое правосудие в своей основе имеет существенную международно-правовую составляющую.

Классификация климатических исков является одним из основополагающих вопросов при анализе климатического правосудия как правового явления, получившего широкое распространение в последние годы во всем мире. При этом она имеет не только сугубо теоретическое, но и практическое значение: классификация споров раскрывает сущность правовых подходов, лежащих в основе стратегии сторон, а также способствует наиболее эффективному сравнительному правовому анализу и учету правоприменительной практики по делам об изменении климата. Кроме того, системно проанализировав различные виды климатических споров, конфликтующие стороны лучше понимают перспективы разрешения возникшего климатического спора.

Развитие климатического правосудия во многом осуществляется посредством эволютивного толкования международно-правовых норм. Соответственно, и само международное право в определенной мере меняется вместе с правоприменительной практикой по климатическим спорам. Появляются не только новые стратегии по защите климатических прав, но и, по сути, новые виды климатических споров/исков. В рамках ведения их учета и проведения классификации, в том числе в рамках сравнительно-правового анализа, эффективность проработки юридических вопросов климатического правосудия (а как следствие, и правоприменительной практики) значительно повышается.

В текущих условиях трансформации международного права для России видится важным формирование собственной концептуальной позиции по различным аспектам климатического правосудия, соответствующей действующей Климатической доктрине и направленной на обеспечение интересов государства и всех его граждан.

References / Список литературы

- Alogna, I., Bakker, C., & Gauci, J. (eds.) (2021) *Climate Change Litigation: Global Perspectives*. Leiden, Brill Nijhoff Publ.
- Ermakova, E.P. (2021). Arbitration as Climate Change Dispute Resolution. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 16 (5), 55–78. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-5-ermakova> (in Russian).
- Ермакова Е.П. Арбитраж как средство разрешения споров об изменении климата // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 5. С. 55–78. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-5-ermakova>

- Ermakova, E.P., Kleandrov, M.I. & Frolova E.E. (2022) *The legal basis of «green» financing in Russia and the EU and the resolution of climate disputes*. Moscow, Literra Publ. (in Russian). *Ермакова Е.П., Клеандров М.И., Фролова Е.Е. Правовые основы «зеленого» финансирования в России и ЕС и разрешение климатических споров*. М. : Литтерра, 2022. 352 с.
- Gershinkova, D.A. (2021). Climate Litigation: Foreign Experience and Prospects in Russia. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 17 (3), 116–131. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.033> (In Russian)
- Гершинкова Д.А. (2021). Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 116–131. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.033>
- Heri, C. (2022) Climate Change before the European Court of Human Rights: Capturing Risk, Ill-Treatment and Vulnerability. *European Journal of International Law*. 33 (3), 925–951. <https://doi.org/10.1093/ejil/chac047>
- ICLRC team (2023). Climate Change: A Hot Topic in Case Law. *Climate Bulletin*. (12), 15–20 (in Russian).
- Коллектив ЦМСПИ. Изменение климата: актуальная тема в судебной практике // Климатический вестник. 2023. № 12. С. 15–20.
- Luporini, R. & Savaresi, A. (2023) International human rights bodies and climate litigation: Don't look up? *RECIEL*. 32 (2), 267–278. <https://doi.org/10.1111/reel.12491>
- Maljean-Dubois, S. (2022) International law as fuel for climate change litigation. *Revista de Direito Internacional*. 19 (1), 43–45.
- Mayer, B. & van Asselt, H. (2023) The rise of international climate litigation. *RECIEL*. 32 (2), 175–184. <https://doi.org/10.1111/reel.12515>
- Meguro, M. (2020) Litigating climate change through international law: Obligations strategy and rights strategy. *Leiden Journal of International Law*. 33, 934–935. <https://doi.org/10.1017/S0922156520000473>
- Novikova, E.V. (2020) *Legal support for the “Green” Economy*. Moscow, Statut Publ. (in Russian). *Новикова Е.В. Правовое обеспечение «зеленой» экономики: монография*. М. : Статут, 2020. 128 с.
- Otrashevskaya, A.M., Solntsev, A.M. & Yusifova, P.N. (2023) The role of treaty bodies in monitoring compliance with international environmental obligations. *Moscow Journal of International Law*. (1), 47–75. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-1-47-75> (in Russian).
- Отрашевская А.М., Солнцев А.М., Юсифова П.Н. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств. *Московский журнал международного права*. 2023. № 1. С. 47–75. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-1-47-75>
- Peel, J. & Lin J. (2019) Transnational Climate Litigation: The Contribution of the Global South. *American Journal of International Law*. 113 (4), 679–726. <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.48>.
- Michaels, R., Ruiz Abou-Nigm, V. & van Loon, H. (eds.) (2021) *The Private Side of Transforming our World – UN Sustainable Development Goals 2030 and the Role of Private International Law*. Cambridge, Intersentia Publ.
- Ramírez Bañuelos, J.F. (2021) El cambio climático frente al derecho internacional. *Revista Electrónica De Derecho Internacional Contemporáneo*. 4 (4), 017. <https://doi.org/10.24215/2618303Xe017> (in Spanish).
- Rodríguez-Garavito, C. (ed.) (2022) *Litigating the Climate Emergency: How Human Rights, Courts, and Legal Mobilization Can Bolster Climate Action*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Shumilov, V.M. (2024) A General View of the Contemporary International Economic Legal Order. In: Shumilov, V.M. (ed.) *International Legal Problems of the Contemporary International Economic Legal Order*. Moscow, VAVT Publ., 9–34. (in Russian).

- Шумилов В.М. Общий взгляд на современный международный экономический правопорядок // Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка: коллективная монография кафедры международного права ВАБТ МЭР РФ / под ред. В.М. Шумилова. М. : ВАБТ, 2024. 176 с.
- Solntsev, A. (2020) Halfopening Pandora's box: Review of the Human Rights Committee's 2020 view on climate refugees. *International Justice*. (3 (35)), 41–54. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-3-41-54> (in Russian).
- Солнцев А.М. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года // Международное правосудие. 2020. № 3 (35). С. 41–54. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-3-41-54>
- Solntsev, A.M. & Otrshevskaya, A.M. (2024) UN Human Rights Committee: Opinion commentary on the climate change compensation case (Torres Strait Islanders Case). *International Justice*. 14, (1 (49)), 3–23. EDN: YZOMBE (in Russian).
- Солнцев А.М., Отрашевская А.М. Комитет ООН по правам человека: комментарий Решения от 13 сентября 2023 года по делу о компенсации за ущерб от последствий изменения климата (о жителях Торресова пролива) // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 3–23. EDN YZOMBE.
- van Zeben, J. (2021) The Role of the EU Charter of Fundamental Rights in Climate Litigation. *German Law Journal*. 22 (8), 1499–1510. <https://doi.org/10.1017/glj.2021.78>
- Voigt, C. (2016) The Paris Agreement: What is the standard of conduct for parties? *QIL, Zoom-in*. (26), 17–28.
- Voigt, C. (2023) The power of the Paris Agreement in international climate litigation. *RECIEL*. 32 (2), 237–249. <https://doi.org/10.1111/reel.12514>

Сведения об авторе:

Ломовский Сергей Александрович – аспирант кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; Российской Федерации, 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А

ORCID: 0009-0003-8765-2051, SPIN-код: 9711-5571

e-mail: s.lomovsky@mail.ru

About the authors:

Sergey A. Lomovsky – PhD student, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Department of International Law; 6A Vorobiyovskoye Highway, Moscow, Russian Federation, 119285

ORCID: 0009-0003-8765-2051, SPIN-code: 9711-5571

e-mail: s.lomovsky@mail.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-494-508>

EDN: ZBRJGA

Научная статья / Research Article

Искусственный интеллект в атомной энергетике: правовые вызовы и международное сотрудничество в поисках подходов к регулированию

Л.Р. Клебанов¹ , М.С. Лизикова²

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,

Российская Федерация

lizikova_m@mail.ru

Аннотация. Применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) способно обеспечить революционный прорыв в атомной энергетике, в связи с чем авторами отмечается необходимость создания основы для обеспечения безопасного и надежного применения данных технологий в атомной энергетике, где важная роль в части адаптации существующего регулирования и разработки новых подходов, концепций и правовых конструкций отводится праву. Цель исследования – выявление потенциально возможных угроз применения ИИ в атомной энергетике и обусловленных ими правовых вызовов, в том числе режиму ядерного нераспространения и системе гарантий МАГАТЭ, режиму ответственности за ядерный ущерб, причиненный ИИ на АЭС, страхованию и др., анализ деятельности МАГАТЭ и других международных организаций, направленной на изучение вопросов использования потенциала ИИ для ускорения технологического развития в атомной энергетике и формирования соответствующей международной регуляторной среды, а также характеристика современного состояния международного сотрудничества государств в этой сфере. Основу методологии исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы, а также метод прогнозирования. В результате сделан вывод, что в ближайшем будущем выработка принципов и стандартов безопасного использования ИИ в атомной энергетике будет происходить в рамках сотрудничества между отдельными государствами, где уже начался процесс формирования политического пространства. В связи с чем представляется важным для России использовать этот опыт и рассмотреть возможности реализации коллективного подхода (например, в рамках БРИКС и БРИКС+) к регулированию ИИ в атомной энергетике.

© Клебанов Л.Р., Лизикова М.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: искусственный интеллект, атомная энергетика, АЭС, международное сотрудничество, этические принципы, правовое регулирование, регулирование искусственного интеллекта, МАГАТЭ, стандарты МАГАТЭ

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Лизикова М.С.* – общая концепция статьи, введение, выводы, общая редакция; *Клебанов Л.Р.* – основная часть, список литературы. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Клебанов Л.Р., Лизикова М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: правовые вызовы и международное сотрудничество в поисках подходов к регулированию // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 494–508. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-494-508>

Artificial Intelligence in Nuclear Energy: Legal Challenges and International Cooperation in the Search of Approaches to Regulation

Lev R. Klebanov , **Marina S. Lizikova**

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation
lizikova_m@mail.ru

Abstract. The application of artificial intelligence (AI) holds the potential for revolutionary advancements in civil nuclear energy. However, this necessitates establishing a framework to ensure the safe and reliable use of AI technologies within the nuclear sector. Law plays a crucial role in adapting existing regulation and developing innovative approaches, concepts and legal structures. This study aims to identify potential threats from the use of AI in nuclear energy and the associated legal challenges, including those related to the nuclear non-proliferation regime and the IAEA safeguards system. It also examines the liability regime for nuclear damage caused by AI at nuclear power plants, insurance considerations, and the activities of the IAEA and other international organizations in exploring AI's potential to accelerate technological development in nuclear energy and to establish a suitable international regulatory environment. The study further characterizes the current state of international cooperation in this area. The research methodology incorporates formal-legal, comparative-legal, and historical methods, as well as forecasting techniques. The study concludes that the development of principles and standards for the safe use of AI in nuclear energy will initially occur through cooperation among individual states, where the formation of a political space is already underway. Therefore, it is crucial for Russia to leverage this experience and create opportunities for collective cooperation (for example, within BRICS and BRICS+) to regulate AI in the nuclear energy sector.

Key words: artificial intelligence, nuclear energy, nuclear power plants, international cooperation, ethical principles, legal regulation, regulation of artificial intelligence, IAEA, IAEA standards

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Lizikova M.S.: Conceptualization, Introduction, Conclusions, Editing; Klebanov L.R.: Main Body, References. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 28th November 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Klebanov, L.R., Lizikova, M.S. (2025) Artificial Intelligence in Nuclear Energy: Legal Challenges and International Cooperation in the Search of Approaches to Regulation. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 494–508. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-494-508>

Введение

В настоящее время атомная энергетика, получив признание в качестве чистой, надежной, безопасной и доступной, находится на этапе небывалого подъема. При этом осуществление возложенных на нее надежд предполагает быстрый и крупномасштабный рост – на Конференции ООН по изменению климата (COP-28)¹ были поставлены амбициозные задачи по устроению глобальных ядерных энергетических мощностей к 2050 году. Достижение таких показателей невозможно без повышения ее конкурентоспособности на энергетическом рынке, однако применяемая в отрасли бизнес-модель не дает оснований для таких прогнозов.

Путь к достижению экономической устойчивости отрасли лежит через ее «преобразование» посредством внедрения инновационных технологий, в том числе и искусственного интеллекта (далее – ИИ). Применение технологий ИИ в рассматриваемой области может помочь упростить сложные проблемы, обеспечить более быстрое и эффективное принятие обоснованных решений, открыв широкие возможности для развития отрасли, укрепить ядерную и радиационную безопасность, принести экологические и социальные выгоды и способствовать реализации целей устойчивого развития. В свою очередь, интеграция двух технологий сугубит повышение производительности критически важных инфраструктур, улучшение качества и безопасности эксплуатации АЭС, сокращение сроков и стоимости строительства, и, что немаловажно, обеспечение притока инвестиций.

В условиях стремительного возрастания интереса отрасли к ИИ требуется не только и не столько преодоление барьеров, стоящих на пути внедрения этой технологии, сколько создание основы, необходимой для обеспечения безопасного и надежного применения ИИ в атомной энергетике. И важную роль в части адаптации существующего регулирования и разработки новых подходов, концепций и правовых конструкций призвано сыграть право.

Правовые вызовы, обусловленные применением ИИ в атомной энергетике

Потенциально возможные угрозы применения ИИ в атомной энергетике порождают целый спектр правовых вопросов, связанных с данными технологиями. В их числе риски, обусловленные двойным назначением рассматриваемых технологий, вероятным несоответствием правового обеспечения ядерной, физической и информационной (компьютерной) безопасности дополнительным потенциальным угрозам в областях, сопряженных с ИИ, вопросы ответственности за ядерный ущерб, причиненный ИИ на АЭС, страхования и др.

¹ COP28 agreement recognises nuclear's role. Available at: <https://world-nuclear-news.org/Articles/COP28-agreement-recognises-nuclear-s-role> [Accessed 15th October 2024].

Как любая не до конца изученная инновационная технология, ИИ может быть использован не только в мирных, но и в военных целях, «поскольку любой алгоритм, который может обеспечить важные экономические применения, может также привести к использованию систем ядерного оружия преднамеренно или нет» (Anastassov, 2021), поставив тем самым под угрозу ядерную стратегическую стабильность и вызвав эскалацию ядерного конфликта (Geis & Lohn, 2018). Ограниченност современных знаний о возможностях использования ИИ в системах ядерного вооружения ставит мировое сообщество перед дилеммой между применимостью в существующем виде традиционных концепций национальной и международной безопасности, степенью соответствия международно-правового регулирования влиянию милитаризации ИИ и необходимостью разработки концепции ИИ в современном международном гуманитарном праве, а также создания особого международно-правового режима, регулирующего возможное использование ИИ в ядерной сфере, на основе консенсуса по принципиальным вопросам пропорциональности, человечности и контроля.

На стыке международного гуманитарного и международного атомного права не следует недооценивать потенциал ИИ применительно к режиму ядерного нераспространения и системе гарантий МАГАТЭ. Возможности обнаружения с помощью ИИ признаков испытаний ядерного оружия, запрещенных в соответствии с Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), повышения качества данных, предоставляемых государствам, и их анализа, укрепления доверия международному мониторингу и самому режиму, повышения эффективности мер технических проверок, проводимых МАГАТЭ в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и соглашениями о гарантиях, имеют и обратную сторону. А именно: правовые, этические и технические проблемы, связанные, в первую очередь, с конфиденциальностью и безопасностью данных, антидискриминационной политикой, прозрачностью, предвзятостью и доверием (Anastassov, 2021; Siserman-Gray et al, 2023). Правовая наука в качестве путей преодоления указанных проблем предлагает до решения «непростой задачи» по созданию совершенно новых правовых норм, требующей согласия всех заинтересованных сторон, определить, являются ли необходимыми специальные правила для обращения к ИИ в целях гарантий, проведения проверок и иных применений и задач (Siserman-Gray et al., 2023), интерпретировать и актуализировать существующие нормы, применяемые в новых обстоятельствах (Anastassov, 2021), уделить «немедленное внимание» таким нормативным и правовым областям, как интеллектуальная собственность (авторское право и патенты), антидискриминационная политика, защита и обмен данных, надежность и прозрачность, конфиденциальность и наблюдение (Siserman-Gray et al., 2023). Ключевая роль в этом процессе должна принадлежать МАГАТЭ (вплоть до пересмотра политики и задач, направленных на постепенное укрепление системы гарантий от необходимых до всеобъемлющих протокольных процедур) (Karim & Muhammad-Sukki, 2023) для недопущения причинения потенциального ущерба как собственным институциональным интересам, так и интересам его государств-членов.

В свою очередь, применение ИИ на АЭС способно обеспечить революционный прорыв в атомной энергетике (Yavuz & Şentürk Lüle, 2022; Suman, 2021). Однако преодоление существующих в настоящее время барьеров, таких как сложности в обеспечении интерпретируемости, достоверности и надежности мер

производительности для ИИ, проблемы и риски в области кибербезопасности, а также оценки уязвимости системы в случае, например, неисправности источника данных или преднамеренной фальсификации и многие другие, требуют разработки нормативно-правового регулирования применения ИИ, начиная с инженерного этапа проектирования АЭС.² А в связи с тем, что для применения ИИ на АЭС потребуется одобрение регулирующих органов, то на первый план выходит потребность в разработке и внедрении общих и гибких принципов и рекомендаций, касающихся наиболее общих проблем, возникающих при получении одобрения, и проведение анализа влияния технологий ИИ на существующие рекомендации и стандарты МАГАТЭ, а в перспективе постоянный мониторинг на предмет устаревания стандартов и их валидация³.

Кроме того, применение ИИ на АЭС бросает вызов и существующему режиму ответственности за ядерный ущерб, в случае если причиной последнего стала данная технология. Потеря, повреждение или уничтожение данных из-за использования алгоритмов ИИ и машинного обучения, что может сделать АЭС уязвимой; трудности в отслеживании причины повреждения на АЭС, которая включает систему ИИ в приятие операционных решений; невозможность включить все операции ИИ в договорные обязательства между оператором АЭС и производителем технологий ИИ; невозможность установить причинно-следственную связь между правонарушением и невыполнением ответчиком своих обязательств из-за сложности технологий, как это происходит в ходе традиционного процесса рассмотрения дел об ответственности, – далеко неполный перечень причин для пересмотра существующих режимов ядерной ответственности. И если выдвигаемые в юридической литературе (Karim & Muhammad-Sukki, 2023; Trout, 2024; Fitzpatrick, 2019; Lambrini & Kougias, 2019) предложения о введении строгой ответственности оператора при условии дополнения ее режимом ответственности за продукт с целью гарантировать безопасность продукта и ввести ответственность для производителей ИИ и страхованием технологий с чрезвычайно высоким риском для возмещения будущего ущерба представляются дискуссионными, то нельзя не согласиться с тем, что вопросы ответственности и страхования за ядерный ущерб, причиненный ИИ, требуют проактивного регулирования.

Деятельность МАГАТЭ

Так как обеспечение соблюдения мер безопасности и защиты в области мирного использования атомной энергии и содействие передаче соответствующих технологий и навыков государствам по всему миру входит в задачи МАГАТЭ, то и вопросы использования потенциала ИИ для ускорения технологического развития во многих областях атомной энергетики, а также формирования международной регулирующей среды для этих технологий являются в настоящее время одними из самых актуальных в повестке Агентства.

Пристальное внимание данной проблематике уделяется МАГАТЭ начиная с 2020 года, когда на полях 64-й очередной сессии Генеральной ассамблеи МАГАТЭ

² Artificial Intelligence for Accelerating Nuclear Applications, Science and Technology Available at: <https://www.iaea.org/publications/15198/artificial-intelligence-for-accelerating-nuclear-applications-science-and-technology> [Accessed 15th October 2024].

³ Ibid.

состоялось «первое в истории совещание МАГАТЭ по использованию искусственного интеллекта для ядерных применений», а в 2021 году в рамках Глобального саммита МСЭ «AI for Good» сессия «ИИ для атомной энергии». В поддержку потенциального применения ИИ на АЭС МАГАТЭ был опубликован доклад «Искусственный интеллект для ускорения ядерных приложений, науки и технологий»⁴, запланированы разработка и выпуск ряда публикаций, посвященных: общим соображениям и рекомендациям по разработке и внедрению решений на основе ИИ для ядерной промышленности; методам и показателям ИИ; успешному внедрению ИИ; конкурентоспособным тестовым упражнениям и ИИ, сохраняющим конфиденциальность, а также публикации, фиксирующие достигнутый регулирующими органами всех заинтересованных государств-членов консенсус по согласованию нормативно-правовой базы, специфичной для каждой страны.

Продолжением этой работы стало создание в 2023 году рабочих групп по этическим, нормативным и техническим аспектам внедрения ИИ в рамках Международной сети инноваций для поддержки действующих атомных электростанций (ISOP)⁵. А в марте 2024 года в рамках уже 3-го Технического совещания состоялось завершение работы над новым документом МАГАТЭ серии TECDOC «Разворачивание решений на основе искусственного интеллекта для ядерной энергетики: соображения и рекомендации», содержащем рекомендации по внедрению ИИ на АЭС для заинтересованных государств-членов, а также обсуждение проекта нового отчета МАГАТЭ «Разворачивание решений искусственного интеллекта для ядерной энергетики: соображения и руководство»⁶.

Формирование регуляторной среды в атомной сфере требует проведения полевых испытаний, осуществляемых МАГАТЭ в рамках скоординированных исследовательских проектов (ПКИ), результаты которых распространяются среди всех государств-членов посредством научных и технических публикаций. Примерами таких явлений являются ПКИ «Искусственный интеллект для ускорения исследований и разработок в области термоядерного синтеза»⁷, нацеленный на ускорение исследований и разработок в области термоядерного синтеза с использованием ИИ посредством создания платформы и межсообщественной сети для инноваций и партнерства; ПКИ «Внедрение инновационных цифровых технологий для эффективного вывода из эксплуатации ядерных объектов»⁸, призванный способствовать укреплению международного сотрудничества и оказанию поддержки странам в планировании и осуществлении операций по выводу из эксплуатации; ПКИ «Технологии, повышающие

⁴ Artificial Intelligence for Accelerating Nuclear Applications, Science and Technology. Available at: <https://www.iaea.org/publications/15198/artificial-intelligence-for-accelerating-nuclear-applications-science-and-technology> [Accessed 15th October 2024].

⁵ Ядерные инновации для мира без выбросов: Бюллетень МАГАТЭ. Вена: МАГАТЭ, 2023. С. 15. Режим доступа: <https://www.iaea.org/ru/bulletin/64-3> (Дата обращения: 15.10.2024).

⁶ Technical Meeting on the Deployment of Artificial Intelligence Solutions for the Nuclear Power Industry: Considerations and Guidance. Available at: <https://www.iaea.org/events/evt2300917> [Accessed 15th October 2024].

⁷ New CRP: Artificial Intelligence for Accelerating Fusion R&D (F13022) Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/new-crp-artificial-intelligence-for-accelerating-fusion-rd-f13022> [Accessed 15th October 2024].

⁸ New CRP: Deployment of Innovative Digital Technologies for Efficient Decommissioning of Nuclear Facilities (DEDICATE). Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/new-crp-deployment-of-innovative-digital-technologies-for-efficient-decommissioning-of-nuclear-facilities-dedicate> [Accessed 15th October 2024].

конкурентоспособность и раннее развертывание малых модульных реакторов»⁹ для выявления таких технологий и согласования изменения кодов и стандартов для них при необходимости и др.

Кроме того, стремление МАГАТЭ расширить использование текущих и будущих инноваций ИИ нашло реализацию в создании платформы обмена знаниями «AI for Atoms»¹⁰. Также поддержке программной деятельности МАГАТЭ и обмену знаниями о достижениях и инновациях в области ИИ для атомной энергетики призвано способствовать и создание центров сотрудничества по ИИ для атомной энергетики. Первыми в числе таковых стали Центр научной информации при Университете Пердью в США и Центр плазменной науки и термоядерного синтеза Массачусетского технологического института¹¹.

Анализ деятельности МАГАТЭ в рассматриваемой области позволяет констатировать, что универсальное регулирование технологии ИИ в атомной энергетике в настоящее время находится в самом начале своего становления. Подход МАГАТЭ к его формированию можно охарактеризовать как комплексный, охватывающий этическое, нормативное, правовое и техническое регулирование, что, в свою очередь, может значительно облегчить регулирование в области ИИ с учетом контекста, предотвратив непредвиденные проблемы и этически сложные сценарии, которые невозможно предсказать, только лишь правовыми нормами.

Конвергенция искусственного интеллекта и атомных технологий в силу присущих им риска и неопределенности может как усугубить существующие, так и породить новые проблемы, создав угрозу человеку и окружающей среде, сопоставимую с глобальными проблемами современности. МАГАТЭ исходит из приоритета этики при разработке, внедрении и применении ИИ в области использования атомной энергии как основы ответственного управления в данной сфере, без чего невозможно принятие социально приемлемых решений¹².

На основе сопоставления этических принципов, отраженных в «Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ»¹³, и принципов ядерной этики была начата работа над «Этикой приложений и технологий ИИ в ядерной науке, приложениях и технологиях» (ENAI). Такие проблемные области, как трансдисциплинарность и междисциплинарность исследований; ответственный подход к исследованиям и инновациям; взаимодействие всех заинтересованных сторон, в том числе общественности; этические вопросы приемлемости риска, обеспечения значимого человеческого контроля и человеческого надзора и взаимодополняемости принятия решений человеком и машиной; разработка методологий, поддерживающих мониторинг производительности ядерных систем с ИИ; смягчение проблем социальной и

⁹ Technologies Enhancing the Competitiveness and Early Deployment of Small Modular Reactors. Available at: <https://www.iaea.org/projects/crp/i31039> [Accessed 15th October 2024].

¹⁰ AI for Atoms: The IAEA's knowledge-sharing platform for partnership on AI applications in the nuclear field. Available at: <https://nucleus.iaea.org/sites/ai4atoms> [Accessed 15th October 2024].

¹¹ IAEA Designates First Collaborating Centre on Artificial Intelligence for Nuclear Power. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-designates-first-collaborating-centre-on-artificial-intelligence-for-nuclear-power> [Accessed 15th October 2024].

¹² Artificial Intelligence for Accelerating Nuclear Applications, Science and Technology. Available at: <https://www.iaea.org/publications/15198/artificial-intelligence-for-accelerating-nuclear-applications-science-and-technology> [Accessed 15th October 2024].

¹³ Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 15.10.2024).

экологической справедливости; повышение этической осведомленности и грамотности относительно этих технологий; подотчетность и ответственность за результаты этих технологий выступают ключевым контекстом ENAI. И по мере развития технологий их перечень будет только расширяться.

В этой же плоскости лежит и вопрос о поисках путей дальнейшего регулирования ИИ в атомной энергетике: формировании «мягкого» или «жесткого» регулирования, пропорций их сочетания, а также сроках перехода к таковому. Переходом к надежной и гибкой правовой основе, способной своевременно изменяться по мере развития технологий, при переходе от этического регулирования к нормативно-правовому, является стандартизация и сертификация (Lizikova, 2020). Это справедливо и для внедрения технологий ИИ в атомную энергетику¹⁴, где способом преодоления сложности демонстрации соответствия нормативным стандартам при развертывании решений ИИ, обусловленных быстро меняющимся характером технологий ИИ и временными задержками, вызванными работой по систематизации передовой практики в этих технологиях, является создание специализированных подкомитетов ISO/IEC, работающих над продвижением технологий ИИ от пилотных исследований к широкому внедрению.

В условиях отсутствия в настоящее время системы руководящих принципов и стандартов для безопасной разработки и использования технологии ИИ в отрасли, звучат предложения о возможности применения в переходный период существующей нормативной базы МАГАТЭ для регулирования ИИ при последующей ее адаптации (Cha, 2024).

Наряду с необходимостью постоянной адаптации регулирующих норм к темпам развития технологий ИИ, интеграции требований и стандартов ядерной и радиационной безопасности и приложений ИИ, международного сотрудничества и координации в этой области, при разработке дорожной карты МАГАТЭ, определяющей нормативное регулирование по вопросам применения систем ИИ в атомной энергетике, необходимо исходить не только из пересмотра существующих подходов к регулированию и изучения новых стратегий, адаптированных к сложности и разнообразию технологий ИИ, но и из учета превентивного регулирования (Cha, 2024; Lizikova, 2023: 94), что позволит выявить и устранить потенциальные проблемы до их возникновения, повысив доверие к технологии ИИ и обеспечив ее безопасность, а также пропорционального подхода, учитывающего потенциальный ущерб.

Не только МАГАТЭ, но и иные международные организации, осуществляющие деятельность в области использования атомной энергии, исследуют возможности и проблемы применения ИИ в отрасли. Например, в рамках Агентства по ядерной энергии (NEA-OECD) проводится не только работа над научно-технологическими аспектами ИИ в атомной энергетике¹⁵, но и осуществляется деятельность по обмену

¹⁴ Shaukat, S. Building Inclusive AI for Nuclear Tech: Navigating Politics, Practice & Innovation. AI methodologies, primarily machine learning and autonomy, have emerged as powerful tools in optimizing nuclear operations. Modern Diplomacy, March 9.

¹⁵ Ее примером является исследовательская деятельность Целевой группы по искусственному интеллекту и машинному обучению для научных вычислений в ядерной инженерии (CHF), внесшая значительный вклад в подготовку спецификации «Эталон искусственного интеллекта и машинного обучения для научных исследований вычислений в ядерной технике». См. подробнее: Task Force on Artificial Intelligence and Machine Learning for Scientific Computing in Nuclear Engineering: Critical Heat Flux (CHF) Exercises. Режим доступа: https://oecd-nea.org/jcms/pl_86257/task-force-on-artificial-intelligence-and-ma

опытом в области применения ИИ. В частности, в рамках прошедшего в Оттаве 1 октября 2024 года Семинара по цифровым инновациям в ядерной энергетике: раскрытие потенциала искусственного интеллекта¹⁶, наряду с вопросами использования ИИ для ускорения развертывания атомной энергетики, переосмысления ядерных приложений с использованием ИИ, направленных на оценку возможностей замены роли человека помощью ИИ и объединения ИИ с другими цифровыми технологиями, связанных с ИИ организационных изменений, были подняты вопросы, касающиеся возможностей и проблем его регулирования. В этой части были отмечены сложившиеся благоприятные условия для разработки регулирующих норм для ИИ. Это, во-первых, принятые в 2019 году и обновленные в мае 2024 года с учетом новых технологических и политических разработок Принципы ИИ ОЭСР, составляющие этическую основу развития ИИ и являющиеся частью Рекомендации ОЭСР по ИИ¹⁷, документа, позиционирующегося как первого межправительственного стандарта по ИИ, свою приверженность которому в настоящее время подтвердили 47 государств. А, во-вторых, роль «международной песочницы» как безопасного пространства для разработки пилотных проектов, первых руководств и определения потребностей в дорожной карте регулирования.

Исследования, направленные на внедрение прорывных инноваций, в том числе и в области ИИ, и разработка соответствующих норм в сфере ядерной и радиационной безопасности, реализуются Евратором в рамках программы Horizon Europe, а также дополняющих его рабочих программ исследований и обучения¹⁸, что соответствует задаче поддерживать политику ЕС и его членов по постоянному улучшению ядерной безопасности, гарантий и защиты.

Международное сотрудничество

Несмотря на актуальность разработки и принятия глобально согласованных международных стандартов и передовых практик для надзора за ИИ в сфере атомной энергетики, маловероятно, что это произойдет в ближайшем будущем. Такой вывод обусловлен не только непредсказуемостью и неисследованностью потенциальных последствий и рисков применения самой технологии ИИ как в рассматриваемой области, но и в целом отсутствием единых подходов государств к правовому регулированию искусственного интеллекта, их концептуальными различиями (Atabekov, 2024), что, в свою очередь, может породить ряд этических, правовых, политических

chine-learning-for-scientific-computing-in-nuclear-engineering-critical-heat-flux-chf-exercises (Дата обращения: 15.10.2024); Benchmark on Artificial Intelligence and Machine Learning for Scientific Computing in Nuclear Engineering (NEA/WKP(2023)). Режим доступа: https://oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2024-01/nea_wkp_2023_1_2024-01-18_16-23-40_237.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

¹⁶ Workshop on Digital Innovation in Nuclear: Unleashing the Power of AI. Available at: https://oecd-nea.org/jcms/pl_94957/workshop-on-digital-innovation-in-nuclear-unleashing-the-power-of-ai [Accessed 15th October 2024].

¹⁷ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449). Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> [Accessed 15th October 2024].

¹⁸ Refer to: Annex Euratom Research and Training Programme. Work Programme 2021-2022. Available at: https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021-2027/euratom/wp-call/2021-2022/wp_euratom-2021-2022_en.pdf [Accessed 15th October 2024].; Annex Euratom Research and Training Programme. Work Programme 2023-2025 (European Commission Decision C (2024) 3263 of 24 May 2024). Available at: https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021-2027/euratom/wp-call/2023-2025/wp_euratom-2023-2025_en.pdf [Accessed 15th October 2024].

проблем, проблем безопасности и др. между государствами, реализующими разные модели регулирования ИИ. Так, например, если подход Европейского союза можно охарактеризовать в качестве «всеобъемлющего» (Huang et al., 2024), основанного на риске, запрете неприемлемых видов использования и требовании надежных оценок и мониторинга, то, например, подход Великобритании отличает адаптивность к будущему технологическому развитию и, как следствие, некоторая правовая неопределенность и ограниченное внимание к надзору, наряду с большей гибкостью и отраслевым характером. «Комплексного подхода» к нормативно-правовому регулированию регулирования ИИ придерживается Россия (Atabekov, 2024:32), для которой актуальным является проведение унификации на уровне федерального закона, регулирующего общие положения ИИ (Kologermanskaya, 2024). В США несмотря на «рекордно высокий уровень импульса для регулирования ИИ»¹⁹ все еще не выработана единая стратегия, о чем свидетельствуют сложности с принятием федерального законодательства по ИИ²⁰. В то время как характерной чертой гибридного подхода Китая к регулированию ИИ, исходящего из отраслевой самодисциплины и целевого вторичного законодательства, является закрепление принципа экстерриториального действия как основы «всеобъемлющих обязательств по использованию генеративного ИИ и алгоритмических рекомендательных услуг» (Franks et al., 2024), Япония, напротив, придерживается мягкой модели регулирования, исходящей из приоритета экономического развития и гибкости над строгим нормативным надзором, а Индия и вовсе избегает формального регулирования данных технологий.

Наряду с отмеченным выше, в числе факторов, осложняющих осуществление глобального скоординированного международного сотрудничества, направленного на регулирование ИИ, следует отметить проводимую государствами политику поддержки национальной конкурентоспособности вкупе с geopolитическими и институциональными реалиями (Roberts et al., 2024; Johnson, 2023; Erman & Furendal, 2024). Несмотря на то, что в теории создание универсального международного режима нормативно-правового регулирования ИИ смягчило бы существующие разногласия, предложения о создании нового международного органа по ИИ представляются гораздо более сложно реализуемыми на практике нежели укрепление существующего режима ИИ посредством улучшения международной координации.

Идея создания «МАГАТЭ для ИИ»²¹ не лишена и недостатков. Применительно к последним указывают на: абсолютную несходность сфер мирного атома и ИИ, что создаст совершенно разные политические и технологические проблемы и приведет в лучшем случае к низкой эффективности устанавливаемого режима; разницу в geopolитических условиях создания этих двух органов – отсутствие на современном этапе фактора, способствующего достижению консенсуса по ключевым вопросам; более высокий риск регуляторного захвата из-за коммерческих стимулов для крупных технологических компаний формировать управление, вероятность появления проблем, связанных с суверенитетом, обусловленных сопротивлением отдельных

¹⁹ US State-By-State AI Legislation Snapshot. Available at: <https://www.bclplaw.com/en-US/events-insights-news/us-state-by-state-artificial-intelligence-legislation-snapshot.html> [Accessed 15th October 2024].

²⁰ Показательно, что 118-й Конгресс по состоянию на июнь 2023 года внес не менее 40 законопроектов, касающихся ИИ, ни один из которых не был принят. См.: 18. United States approach to artificial intelligence. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/757605/EPRS_ATA\(2024\)757605_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/757605/EPRS_ATA(2024)757605_EN.pdf) [Accessed 15th October 2024].

²¹ Глава OpenAI заявил о необходимости создать "МАГАТЭ" в сфере ИИ Режим доступа: <https://1prime.ru/20240213/843055915.html?ysclid=m27q4s5hr5386966540> (дата обращения: 15.10.2024).

государств международному надзору за своими системами ИИ, сложности в достижении консенсуса по глобальным стандартам безопасности и этическим нормам для ИИ по причине культурных, социальных и политических различий между государствами и др. (Roberts et al., 2024; Huang, 2024). Кроме того, нельзя не учесть и тот факт, что МАГАТЭ сегодня представляет собой результат длительного экспертного международного сотрудничества, и идея экстраполяции накопленного опыта на уникальную и инновационную сферу ИИ не выдерживает критики, в то время как использование опыта МАГАТЭ в качестве «важного урока для разработки регулирующих стратегий, обеспечивающих безопасное и этическое использование технологий ИИ» (Cha, 2024) может оказаться незаменимым.

Упомянутые факторы во многом определяют виды и формы международного сотрудничества, направленного на регулирование ИИ в целом, так и в области использования атомной энергии. Наряду с взаимодействием в рамках МАГАТЭ и иных международных организаций, рассмотренном нами выше, в настоящее время начинает развиваться сотрудничество преимущественно на двусторонней основе. Так, первым в мире соглашением, направленным на сотрудничество в области безопасности ИИ – тестирование ИИ и оценку рисков, обмен техническими знаниями, информацией и специалистами – стала договоренность между США и Великобританией, достигнутая 2 апреля 2023 года²².

В условиях высокой конкуренции за лидерство в таких высокотехнологичных, чувствительных и критически важных областях, как атомная энергетика и ИИ, на первый план выходят продвижение собственных научных исследований и разработок, а непременным условием для сотрудничества с другими государствами выступают национальные интересы и ценности, соответствующие собственному видению международной экономической архитектуры²³, что обуславливает формирование новых партнерских отношений между государствами в новых сферах.

В качестве примеров договоренностей по ИИ, имеющих отношение непосредственно к атомной сфере, можно привести соглашение, достигнутое в ноябре 2023 г., между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом США Джо Байденом о начале двусторонних переговоров о запрете использования ИИ в автономном оружии и управлении ядерными боеголовками²⁴, а в области мирного атома – двусторонние соглашения Комиссии по ядерному регулированию США (NRC) о деятельности по ИИ с Канадой, Францией, Германией и Великобританией, предусматривающие совместные исследования и обмен информацией по нормативным подходам и передовому опыту в области ИИ²⁵.

В этой части следует отметить стремление Комиссии по ядерному регулированию США (NRC) к активному взаимодействию с национальными регулирующими

²² США и Великобритания подписали первое в мире соглашение по безопасности в сфере ИИ. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/953600> (дата обращения: 15.10.2024).

²³ The Atlantic Declaration: A Framework for a Twenty-First Century U.S.- UK Economic Partnership. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1161879/THE_ATLANTIC_DECLARATION.pdf [Accessed 15th October 2024].

²⁴ Hiebert, K. (2024) The United States Quietly Kick-Starts the Autonomous Weapons Era: De-escalation mechanisms may stop future military accidents from becoming catastrophe. Available at: <https://www.cigionline.org/articles/the-united-states-quietly-kick-starts-the-autonomous-weapons-era/> [Accessed 15th October 2024].

²⁵ How the NRC is Preparing to Review AI Technologies Partnership. Available at: <https://www.nrc.gov/ai/externally-focused.html#international> [Accessed 15th October 2024].

органами в области использования атомной энергии, а также к сохранению в нем сильной руководящей роли, что отвечает ее программно-стратегическим целям²⁶. Результатом такового стало трехстороннее соглашение «Соображения по разработке систем искусственного интеллекта в ядерных приложениях»²⁷, заключенное в сентябре 2024 г. между Комиссией по ядерному регулированию США (NRC), Управлением по ядерному регулированию Великобритании (ONR) и Комиссией по ядерной безопасности Канады (CNSC). Его подписание – «это первый случай, когда международные регулирующие органы объединились для разработки принципов, касающихся ИИ в ядерном секторе»²⁸, «значительный шаг на пути к предоставлению возможности ответственным за ядерную сферу развертывать технологии ИИ там, где это безопасно и надежно»²⁹.

Описываемые в Соглашении принципы, необходимые для учета всеми участниками жизненного цикла ИИ с целью обеспечения постоянной безопасности и надежности эксплуатации ядерных установок и других видов использования ядерных материалов, направлены на гармонизацию подходов к регулированию (насколько это практически возможно) подписавших сторон. В документе подчеркивается преимущественный потенциал использования ИИ; возможность снижения или смягчения трудностей развертывания ИИ для ядерных приложений посредством эффективного управления; необходимость поиска оптимального уровня доверия между человеком и машиной, обеспечивающего преимущества ИИ при сохранении надлежащего надзора; важность международного сотрудничества в преодолении сложностей регулирования ИИ; признание существующих стандартов в атомной энергетике от правной точки в сочетании с уникальными атрибутами, введенными ИИ, в условиях недоступности в ближайшее время консенсуальных стандартов, учитывающих специфику ИИ.

Определяя ИИ как спектр технологий, способных обучаться на основе данных или опыта для выполнения задач, которые традиционно требуют человеческого интеллекта, Стороны рассматривают применение передовых принципов техники безопасности и защиты, учет человеческих и организационных факторов, архитектуру системы ИИ, управление жизненным циклом технологий ИИ, документацию по мерам безопасности и защиты ИИ в качестве важнейших аспектов внедрения ИИ.

Что касается проблем безопасности, связанных с системами ИИ, то в соглашении подчеркивается их сопоставимость (в некоторых случаях более высокая степень значительности) с проблемами, связанными с обычным программным обеспечением, а также прямое соотношение эффективности системы ИИ с качеством обрабатываемых ею данных.

²⁶ См.: AI Strategic Plan 2023–2027 (NUREG-2261). Available at: <https://www.nrc.gov/reading-rm/doc-collections/nuregs/staff/sr2261/index.html> [Accessed 15th October 2024]; Future Focused Research (FFR) Program. Available at: <https://www.nrc.gov/docs/ML2132/ML21326A184.pdf> [Accessed 15th October 2024].

²⁷ Considerations for Developing Artificial Intelligence Systems in Nuclear Applications: September 2024. Available at: https://onr.org.uk/media/03z11osf/canukus_trilateral_ai_principles_paper_2024_08_28-final.pdf [Accessed 15th October 2024].

²⁸ Guidelines drawn up for AI use in nuclear sector. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/articles/guidelines-drawn-up-for-ai-use-in-nuclear-sector> [Accessed 15th October 2024].

²⁹ New paper's international considerations for AI in the nuclear sector [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.onr.org.uk/news/all-news/2024/09/new-paper-shares-international-principles-for-regulating-ai-in-the-nuclear-sector/> international [Accessed 15th October 2024].

Подписание этого соглашения наглядно иллюстрирует целесообразность коллективного подхода к регулированию ИИ в атомной сфере, способного с большей долей вероятности обеспечить достижение успехов в области ИИ, и в то же время указывает на формирование политического пространства в области ИИ в атомной отрасли.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что нормативно-правовое регулирование ИИ в атомной энергетике находится на начальном этапе своего формирования. Проведенный анализ современных подходов к нему выявил не только необходимость адаптации существующего регулирования к данной технологии, но и показал целесообразность формирования нормативного-правового регулирования непосредственно ИИ в рассматриваемой области, учитывая отраслевую специфику использования ИИ, предполагаемые на современном этапе риски и потенциальный ущерб, а также роль в этом процессе международного сотрудничества и необходимость его глобальной координации со стороны МАГАТЭ.

Несмотря на актуальность принятия глобально согласованных международных стандартов и передовых практик для надзора за ИИ в сфере атомной энергетики, маловероятно, что в ближайшем будущем это произойдет. Соответственно, выработка принципов и стандартов безопасности ИИ в атомной энергетике будет происходить в рамках сотрудничества между отдельными государствами. Подписание первого на сегодняшний день трехстороннего соглашения о руководящих принципах для использования ИИ в атомной отрасли указывает на формирование политического пространства в области ИИ рассматриваемой сферы, в связи с чем представляется важным для России использовать этот опыт и, в свою очередь, рассмотреть возможности реализации коллективного подхода к регулированию ИИ в атомной энергетике. Это особенно актуально в условиях углубления сотрудничества посредством создания платформы по атомной энергетике в рамках БРИКС, что отвечает целям развития и внедрения лучших практик и передовых подходов применения атомных технологий в мирных целях на рынках БРИКС и БРИКС+, а также развития стимулирующих механизмов и моделей выполнения проектов в атомной отрасли стран-членов объединения.

References / Список литературы

- Anastassov, A. (2021) Artificial intelligence and its possible use in international nuclear security law. *Humanities and Social Sciences*. 8 (1), 92–103.
- Atabekov, A.R. (2024) *Conceptual approaches and practice of legal regulation of artificial intelligence in the public sphere: Comparative legal research*. Doctor of Legal of Sciences dissertation. Moscow, RUDN. (in Russian).
- Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РУДН, 2024. 486 с.
- Cha, S. (2024) Towards an international regulatory framework for AI safety: Lessons from the IAEA's nuclear safety regulations. *Humanit Soc Sci Commun*. 11, 506. <https://www.doi.org/10.1057/s41599-024-03017-1>
- Erman, E. & Furendal, M. (2024) Artificial Intelligence and the Political Legitimacy of Global Governance. *Political Studies*, 72 (2), 421–441.

- Fitzpatrick, M. (2019) Artificial intelligence and nuclear command and control. *Survival*. 61(3), 81–92. <https://www.doi.org/10.1080/00396338.2019.1614782>
- Franks, E., Lee, B. & Xu, H. (2024) China's New AI Regulations. *Global Privacy Law Review*. 5 (1), 43–49. <https://www.doi.org/10.54648/GPLR2024007>
- Geist, E. & Lohn, A.J. (2018) *How might artificial intelligence affect the risk of nuclear war?* Santa Monica, RAND Corporation. <https://www.doi.org/10.7249/PE296>
- Huang, K., Joshi, A., Dun, S. & Hamilton, N. (2024). AI Regulations. In: Huang, K., Wang, Y., Goertzel, B., Li, Y., Wright, S. & Ponnappalli, J. (eds) *Generative AI Security. Future of Business and Finance. Springer*, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-54252-7_3
- Johnson, J. (2023) 'AI-security dilemma: Insecurity, mistrust, and misperception under the nuclear shadow', AI and the Bomb: Nuclear Strategy and Risk in the Digital Age. *Oxford Academic*. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192858184.003.0005>
- Karim, R. & Muhammad-Sukki, F. (2023) Artificial Intelligence (AI) in the Nuclear Power Plants: Who Is Liable When AI Fails to Perform. In: Taghizadeh-Hesary F., Zhang D. eds. *The Handbook of Energy Policy*. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-6778-8_27
- Kologermanskaya, E.M. (2024) Legal regulation of artificial intelligence and robotics technologies in the energy sector in the Russian Federation: Problems and prospects. *Pravovoi energeticheskii forum*. (2), 29–38. <https://doi.org/10.61525/S231243500031369-3> (in Russian).
Кологерманская Е.М. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 29–38. <https://doi.org/10.61525/S231243500031369-3>
- Lambrini, S. & Kougias I. (2019) Legal issues within ambient intelligence environments. In: *10th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications*, IISA. <https://doi.org/10.1109/IISA.2019.8900748>
- Lizikova, M.S. (2020) Artificial intelligence in nuclear energy: Application and regulation. In: Mogilevskii, S.D., Leskova, Yu.G., Karelina, S.A., Ruzanova, V.D., Shmalii, O.V., Zolotova, O.A. & Sushkova, O.V. (eds.) *Law and business: Legal space for business development in Russia*. Moscow, Prospect Publ., 131–139. (in Russian).
Лизикова М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: применение и регулирование // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография: в 4 томах. Т. 3 / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Проспект, 2020. 368 с.
- Lizikova, M.S. (2023). International nuclear law: Innovative development of the legal environment. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 18 (5), 80–97. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-5-lizikova> (in Russian).
Лизикова М.С. Международное атомное право: инновационное развитие правовой среды. Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 80–97. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-5-lizikova>
- Roberts, H., Hine, E., Taddeo, M. & Floridi, L. (2024) Global AI governance: Barriers and pathways forward. *International Affairs*. 100 (3), 1275–1286. <https://doi.org/10.1093/ia/iae073>
- Siserman-Gray, C., Barr, J., Burniske, J., Eftekhari, P., Marek, R. & Means, A. (2023) *Regulatory Challenges Related to the Use of Artificial Intelligence for IAEA Safeguards Verification*. Available at: https://resources.inmm.org/sites/default/files/2023-07/finalpaper_379_0512065638.pdf [Accessed 15th October 2024].
- Suman, S. (2021) Artificial intelligence in nuclear industry: Chimera or solution? *Journal of Cleaner Production*. 278, 124022. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124022>

Trout, C. (2024) *Liability and Insurance for Catastrophic Losses: The Nuclear Power Precedent and Lessons for AI*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.06673>

Yavuz, C. & Şentürk Lüle, S. (2022) The Application of Artificial Intelligence to Nuclear Power Plant Safety. In: Mercier-Laurent, E., Kayakutlu, G. (eds) *Artificial Intelligence for Knowledge Management, Energy, and Sustainability*. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Switzerland, Springer Publ., 117–127. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96592-1_9

Сведения об авторах:

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1452-9568, SPIN-код: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

Лизикова Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-5538-4385, SPIN-код: 7033-5240

e-mail: lizikova_m@mail.ru

About the authors:

Lev R. Klebanov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1452-9568, SPIN-code: 8500-609

e-mail: solomon70@bk.ru

Marina S. Lizikova – Candidate of Legal Sciences, Senior Research Fellow, Department of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5538-4385, SPIN-code: 7033-5240

e-mail: lizikova_m@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-509-523>

EDN: ZFUWHU

Научная статья / Research Article

Правовая характеристика робототехники в контексте юридической ответственности

Л.В. Иванова[✉], Д.Е. Аржиловский[✉], Н.А. Калашников[✉]

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

[✉l.v.ivanova@utmn.ru](mailto:l.v.ivanova@utmn.ru)

Аннотация. Робототехника имеет широкие перспективы применения, однако отсутствует единое понимание этой сферы и ее компонентов, что затрудняет разработку концептуальной модели юридической ответственности. Цель исследования – рассмотрение и анализ понятий, признаков и основных характеристик категорий «робототехника» и «робот». Для разрешения фундаментального вопроса юридической ответственности систем робототехники рассмотрены некоторые правовые проблемы данной сферы. Анализ научной литературы и нормативных актов являются основополагающими методами в данном труде. Применены методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования. Использованы общенаучные методы, включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию. Проведено сопоставление различных подходов к определению ключевых понятий в сфере робототехники. В частности, проводится соотношение категорий «робот» и «искусственный интеллект». Выделяются проблемные аспекты в содержании юридической ответственности в сфере робототехники. В контексте юридической ответственности необходимо отдельно рассматривать ситуации, в которых вред причинен роботом и робототехническим устройством, действующим автономно, и ситуации, в которых человек осуществляет определенный вид деятельности совместно с автономным роботом или робототехническим устройством. Делается вывод о том, что юридическую ответственность в сфере робототехники следует дифференцировать в зависимости от степени автономности робота (полной или частичной) и в зависимости от осуществления роботом конкретного вида деятельности (совместно с человеком либо в его отсутствие). Однако на данном этапе развития технологий за искусственным интеллектом стоит определенный разработчик (или группа разработчиков). И прежде всего необходимо выработать четкие правила регулирования и закрепить допустимые и недопустимые действия разработчиков и всех субъектов, принимающих участие в создании конкретного механизма, на каждом из циклов «жизни» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: робот, робототехника, ответственность, искусственный интеллект, автономность, самостоятельность, робототехническое устройство, машинное обучение, нейронная сеть (нейросеть)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Иванова Л.В. – разработка концепции исследования, подбор и анализ нормативных материалов, написание введения, заключения и текста статьи; Аржиловский Д.Е. – подбор и анализ нормативных материалов, подготовка аннотации и заключения к статье, написание текста статьи; Калашников Н.А. – обзор исследований по теме научной статьи, работа с научными выводами статьи. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01112, <https://rscf.ru/project/24-28-01112/>

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Иванова Л.В., Аржиловский Д.Е., Калашников Н.А. Правовая характеристика робототехники в контексте юридической ответственности // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 509–523. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-509-523>

Defining ‘robotics’ for legal responsibility: A conceptual framework

Liliya V. Ivanova , Dmitriy E. Arzhilovskiy, Nikita A. Kalashnikov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

l.v.ivanova@utm.ru

Abstract. Robotics offers significant potential, yet the absence of a universally accepted definition of the field and its components hinders the development of a clear conceptual model for legal liability. This study examines and analyzes the concepts, features, and key characteristics of “robotics” and “robot”, correlating them with the concept of “artificial intelligence”. It identifies problematic aspects of legal liability in the field of robotics to facilitate the development of a conceptual model of legal responsibility in this area. The research is based on the analysis of legal acts and scholarly literature. Methodology employed include system analysis, comparative legal analysis, formal legal analysis, and legal modeling, along with general scientific methods such as analysis, synthesis, induction, and deduction. The study compares various approaches to defining key concepts in robotics, particularly correlating “robot” and “artificial intelligence”. It highlights problematic aspects within the content of legal liability in robotics. The study argues that legal liability should differentiate between situations where harm is caused by an automated robot or robotic device and situations where harm occurs when a person collaborates with such a device. It concludes that legal responsibility in robotics should be differentiated based on the degree of autonomy (full or partial) and whether the robot performs the activity independently or in conjunction with a person. Given that artificial intelligence is currently created and managed by developers, it is essential to implement clear regulatory frameworks that define permissible and impermissible actions for developers and all stakeholders involved in the AI development process at every stage of its lifecycle.

Key words: robot, robotics, responsibility, artificial intelligence, autonomy, self-sufficiency, robotic device, machine learning, neural network

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Ivanova L.V. developed the research concept, selected and analyzed normative materials, wrote the introduction and conclusion, and drafted the main body of the article; Arzhilovsky D.E. selected and analyzed normative materials, prepared the abstract and conclusion, and contributed to the main body of the article; Kalashnikov N.A. reviewed existing research on the topic and validated the scientific conclusions presented in the article. All authors have read and approved the final version of the article.

Founding. The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01112).

Received: 12th September 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Ivanova, L.V., Arzhilovskiy, D.E., Kalashnikov, N.A. (2025) Defining ‘robotics’ for legal responsibility: A conceptual framework. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 509–523. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-509-523>

Введение

Информационные технологии прочно вошли практически во все сферы жизнедеятельности человека. На законодательном уровне поднимается вопрос о необходимости четкого правового регулирования сферы робототехники и искусственного интеллекта. Ученые различных стран исследуют проблемы правосубъектности искусственного интеллекта, установления виновного субъекта при причинении вреда в сфере робототехники и искусственного интеллекта (Girme, Bendale & Gharde, 2024:5207-5216). В большинстве случаев категории «робототехника», «искусственный интеллект» используются совместно при рассмотрении той или иной сферы применения информационных технологий (Kashkin, 2019:151-159).

Как отмечается в российской Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р)¹, отсутствует единое понимание таких терминов, как «искусственный интеллект», «робот», «умный робот», «робототехника» и других. В самом же акте содержится интересная мысль, что устанавливать единую терминологию необходимости нет, поскольку данная сфера меняется слишком часто и нецелесообразно строго определять какой-то из этих элементов, ведь регулирование может оказаться на прошлой ступени развития, не поспевая за изменяющейся реальностью.

Несмотря на многообразие сфер применения продуктов робототехники и систем искусственного интеллекта², в случае причинения вреда здоровью, жизни человека или материального ущерба возникают вопросы об установлении виновных лиц и привлечении их к соответствующему виду ответственности. Поэтому для решения ряда правовых вопросов в сфере юридической ответственности необходимо прежде всего определиться с категориально-понятийным аппаратом. Анализ научных работ в данной области показывает, что исследователи сосредотачивают основное свое внимание на искусственном интеллекте, его признаках и правовом регулировании, обходя стороной рассмотрение робототехники с позиции права. Представляется, что в целях выработки в будущем концептуальной модели юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта и робототехники, необходимо проанализировать основные категории, в частности, понятие робототехники, основные признаки и характеристики данной сферы, соотношение робототехники и технологий искусственного интеллекта.

¹ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» от 19.08.2020 № 2129-р. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/ (дата обращения: 12.07.2024).

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорика». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 17.07.2024).

Исследование основано на анализе нормативных правовых актов, регулирующих сферу робототехники, и научных работ, касающихся вопросов ответственности в сфере робототехники и искусственного интеллекта. Применены методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования. Использованы общенаучные методы, включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию. Проведено сопоставление различных подходов к определению ключевых понятий в сфере робототехники.

Основные категории нормативного регулирования сферы робототехники

В законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие робототехники. Вышеназванная Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. называет, но не раскрывает данную категорию.

Понятие робототехники и смежных категорий можно найти в национальном стандарте России «Роботы и робототехнические устройства³», соответствующем международному стандарту ИСО 8373:2021. Согласно данному акту, робототехника – это наука и практика проектирования, производства и применения роботов. В стандарте (ГОСТ Р 60.0.0.4-2019) не содержалось уточнения, что термин «робототехника» относится также к робототехническим устройствам. Стандарт является важным источником для понимания содержания понятия «робототехника».

Робот, в свою очередь, представляет собой механизм, который можно запрограммировать для выполнения задач, обладая при этом определенной степенью автономии. Это означает, что робот способен решать поставленные задачи, ориентируясь на свое текущее состояние и внешние условия, без необходимости в постоянном контроле со стороны человека. Основное назначение робота заключается в перемещении, манипуляциях с объектами или их точном позиционировании посредством контроля со стороны системы управления. Другими словами, робот не находится в полной свободе выполнения действий, не обладает полной автономностью, т.к. контролируется определенным механизмом или программой. Необходимо отметить, что вопрос относимости к данным положениям робота под управлением самообучающейся нейронной сети (нейросети) требует отдельного рассмотрения.

Исходя из даваемого в ГОСТе определения, робот характеризуется следующими признаками. Во-первых, это программируемый механизм, т.е. предполагается, что возможность совершения каких-либо манипуляций, действий со стороны робота обусловлено программой, кодом, написанным человеком (или искусственным интеллектом, учитывая активное создание программ для написания кодов). Во-вторых, это исполнительный механизм, т.е. служит для выполнения определенных задач. В-третьих, обладает частичной автономностью, т.е. полная самостоятельность совершаемых действий робота, на данном этапе развития робототехники, с позиции нормотворчества, исключается. В-четвертых, предназначен для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования с целью выполнения задач по назначению. Отдельными исследователями высказывается точка зрения, что данное определение робота, введенное в оборот в 2018 г., ограниченное лишь тремя

³ ГОСТ Р 60.0.0.4-2023/ИСО 8373:2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 20.04.2023 № 255-ст). Режим доступа: <https://files.stroyinf.ru/Data/800/80030.pdf> (дата обращения: 17.07.2024).

составляющими выполнения задач: «перемещение», «манипулирование», «позиционирование», несколько сузило его понимание, так как ранее робот определялся как «исполнительный механизм, ...обладающий определенной степенью автономности» (Begishev, 2021:57). Однако представляется, что указание в измененном определении не только на возможность перемещения робота, но и его манипулирования и позиционирования, позволяет рассматривать категорию «робот» как не только двигающийся в пространстве механизм, но и как статичное устройство, обладающее вышеуказанными признаками робота.

В обыденном понимании робот ассоциируется с человекоподобной машиной, но в реальности под категорию «робот» попадают различные по форме и размерам механизмы. Примерами конструктивных разновидностей роботов являются манипулятор (с функцией перемещения), мобильная платформа (с функцией передвижения) и носимый робот (инструмент для дополнения или увеличения возможностей человека).

Роботы могут быть рассчитаны на выполнение ограниченного круга задач, либо, наоборот, иметь широкий спектр возможностей.

Согласно ГОСТ, важно отличать робота от робототехнического устройства, под которым понимается механизм, созданный на основе робототехнических технологий, но не обладающий всеми свойствами полноценного робота (например, манипуляторы с дистанционным управлением, тактильные устройства, рабочие органы или экзоскелеты без приводов). Представляется, что подобное определение «робототехнического устройства» (как отсутствие всех признаков робота) затрудняет понимание его сущности. Можно сказать, что робототехническое устройство – это механизм, являющийся частью робота, управляемый дистанционно человеком. Исходя из этого определения, категории «робототехническое устройство» и «робот» соотносятся как часть и целое.

В настоящее время существует множество технических стандартов в сфере робототехники применительно к различным видам роботов и робототехнических устройств.

В принятой в России Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорика»⁴ указано, что данная технология охватывает такие области, как разработка автоматизированных технических систем и методов их управления, создание сенсорных систем и методов обработки информации от сенсоров, а также взаимодействие технических систем как между собой, так и с человеком.

В зарубежном законодательстве основное внимание уделяется проблемам регулирования систем и технологий искусственного интеллекта, зачастую сфера робототехники не раскрывается отдельно, основная категория, используемая в действующих нормативных актах – «робот». Среди лидеров по установлению правового регулирования робототехники в мире до недавнего времени считалась Южная Корея, где еще в 2008 г. был принят Закон о развитии и распространении умных роботов (Tikhomirov et al, 2018:8). Важным элементом подобного робота, с точки зрения закона, является его возможность распознания ситуации⁵.

⁴ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорика». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. (2008). Закон о содействии развитию и распространению умных роботов. Режим доступа: https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008/ (дата обращения: 17.07.2024).

В Резолюции Европейского парламента от 20 октября 2020 г.⁶ робототехника рассматривается как технологии, которые позволяют автоматически управляемым, перепрограммируемым многоцелевым машинам выполнять действия в физическом мире, традиционно выполняемые или инициируемые людьми, в том числе с помощью искусственного интеллекта или связанных с ним технологий (например, нейронных сетей).

Национальная стратегия Австралии в области робототехники⁷, принятая в мае 2024 г., определяет роботов как машины со степенью автономии, которые могут перемещаться в своей физической среде или манипулировать объектами. Все роботы обладают 4 основными характеристиками: чувствительностью, движением, энергией и автономностью.

В Японской стратегии развития робототехники (Japan's Robot Strategy)⁸ отмечается, что традиционное определение роботов, возможно, больше не является окончательным в связи с наступлением нового этапа в робототехнике, связанного с развитием цифровизации, облачных вычислений и других сетевых технологий, развитием искусственного интеллекта.

В Китайском 14-м пятилетнем плане развития робототехнической отрасли⁹ роботы названы как «жемчужина короны производственной индустрии», их исследования и разработки, производство, применение является важным показателем научно-технических инноваций страны и высокого уровня производства.

В настоящее время роботы могут помочь человеку при производстве опасных видов работ, работ, требующих повышенной внимательности, при этом возможно выполнение задач только роботами, либо совместное выполнение задач человеком и роботом. Робототехнику необходимо рассматривать как комплексную отрасль, сочетающую в себе знания различных наук. Основными категориями данной сферы являются робот и робототехнические устройства, соотносящиеся как целое и часть. Различная степень автономности таких механизмов влияет на последствия совершаемых ими действий. Представляется, что в контексте юридической ответственности необходимо отдельно рассматривать ситуации, в которых вред причинен роботом и робототехническим устройством, действующим автономно, и ситуации, в которых человек осуществляет определенный вид деятельности совместно с автономным роботом или робототехническим устройством, что будет рассмотрено в завершающей части настоящей работы.

Подходы к пониманию сферы робототехники в научной литературе

Отсутствие на протяжении долгого времени нормативного закрепления понятия робототехники и основных составляющих данной сферы способствует научной

⁶ European Parliament Resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a framework of ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2012(INL)).

Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020IP0275#ntr7-C_2021404EN.01006301-E0007 (дата обращения: 05.08.2024).

⁷ National Robotics Strategy. Режим доступа: <https://www.industry.gov.au/publications/national-robotics-strategy> (дата обращения: 05.08.2024).

⁸ Japan's Robot Strategy. Режим доступа: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/robot_honbun_150210EN.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

⁹ 14th Five-Year Plan for the Development of the Robot Industry (“十四五”机器人产业发展规划) // Ministry of Industry and Information Technology (工业和信息化部). Режим доступа: https://wap.miit.gov.cn/zwgk/zcwb/tz/art/2021/art_14c785d5a1124f75900363a0f45d9bbe.html (дата обращения: 05.08.2024).

дискуссии относительно понимания и содержательного наполнения отдельных категорий.

Рассматривая категорию робототехники, одни исследователи определяют ее как отрасль инженерии и компьютерных наук (Gayatri & Nilima, 2024:223), иногда ее оценивают как отрасли науки по проектированию, производству роботов и их применению (Begishev, 2021:53-56). Рассмотрение робототехники как самостоятельной отрасли требует наличия собственного предмета и метода правового регулирования, комплексного нормативного правового акта. Однако в настоящее время сфера робототехники регламентирована только различными стандартами. Это касается не только Российской Федерации, но и стран БРИКС, а также мирового сообщества в целом. На данный момент лишь предпринимаются попытки в области установления единого категориально-понятийного аппарата в разных странах мира.

Учитывая, что робототехника охватывает определенную сферу общественных отношений, связанных с роботами, следует проанализировать, какими характеристиками наделяют роботов исследователи в области права.

В целом, слову «робот» более 100 лет (и обычно первое употребление этого термина связывают с научно-фантастической пьесой «Р.У.Р.», написанной Карелом Чапеком в 1920 году), хотя сама идея роботов как «искусственных людей» возникла гораздо раньше. Различные механизмы, функционал которых можно было бы отнести к сегодняшним роботам, встречаются еще до нашей эры (например, статуя, которая способна наливать вино механика Филона Византийского)¹⁰.

Среди исследователей-юристов нет единого устоявшегося понимания термина «робот». Отмечается, что удовлетворительного понятия робота нет и не будет из-за его технической природы, и предлагается вместо формулирования единообразного определения сосредоточиться на характеристиках, которые будут иметь значение с позиции права (Bertolini, 2013:219). Так, некоторые авторы выделяют среди важных признаков робота автономность, программную природу, практический функционал и полезность для человека (Baranov, 2018:42). Представляются спорными последние два признака ввиду того, что любой механизм, устройство (не только робот), а в более широком аспекте – любые товары, работы, услуги – должны быть безопасны в использовании. А функция блокирования возможности причинения вреда роботом человеку зависит от заложенного в него программного кода, т.е., по сути, охватывается признаком наличия специального программного обеспечения.

Ключевым свойством робота, отличающим его от программного обеспечения, предлагается рассматривать его кибернетическое начало (Begishev, Khasanova, 2022:27). Как отмечается, различное понимание учеными категории «робот» обусловлена в том числе и различиями в культурологическом понимании и установках относительно природы человека и его взаимодействия с миром. Так, в немецкой культуре роботов человек занимает центральное положение во вселенной. Японская культура роботов демонстрирует иную концепцию, подчеркивая единство технологических артефактов и людей. В китайском языке понятие «робот» передается словами «машина» и «человек» (Lin, 2023).

Интересным представляется рассмотрение популярной в англоязычной литературе парадигмы «чувства–мышление–действие», что может быть применимо, как к телесным, так и бестелесным сущностям. С данной парадигмой соотносятся такие выделяемые признаки, как, во-первых, наличие датчика или механизма ввода, без

¹⁰ Роботизированная история с древних времен до наших дней. Хабр. Сообщество IT-специалистов. Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/inferit/articles/761622/> (дата обращения: 10.07.2024).

которого не может быть стимула для реакции; во-вторых, наличие управляющего алгоритма или другой системы, которая будет управлять реакцией на полученные данные; и в-третьих, некоторая способность реагировать таким образом, чтобы это влияло или, по крайней мере, было заметно миру за пределами самого робота (Froomkin, 2016).

Рассматривая роботов и робототехнику в контексте юридической ответственности, важное значение приобретает то, как человек взаимодействует с новыми технологиями и с другими людьми в процессе использования этих технологий. В таких отношениях основное внимание необходимо сосредоточить на социальном контексте, в котором могут появляться роботы. Не согласимся с тем, что в разных контекстах роботы могут означать что-то несколько иное и нет необходимости использовать одно определение, которое охватывало бы их всех (Matnak, 2023:5). Категорию «робот» следует рассматривать как собирательное понятие, включающее в том числе и робототехнические устройства, по аналогии как категория «киберпреступления» применима ко всем преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, несмотря на разнообразие таких преступлений. При этом робот может быть любой формы и размера, не обязательно являясь похожим на человека. Робот, являясь программируемым устройством, обладает различной степенью автономности. Наделение робота искусственным интеллектом повышает степень такой автономности.

Робототехника и искусственный интеллект

Искусственный интеллект рассматривается как следующая стадия развития робототехники (Matveeva, 2022:228). Такие роботы, способные к автономии, считаются роботами с системами ИИ (Rakhmatulina, Savina & Sviridova, 2019:210).

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 г.¹¹ искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Не углубляясь в проблему понимания искусственного интеллекта, что представляется предметом отдельного изучения, отметим, что в широком смысле искусственный интеллект является программным обеспечением, набором алгоритмов, а робот – аппаратным обеспечением, устройством, оболочкой, вмещающей в себя определенную программу действий. По сути, робот – это искусственный интеллект с физическим телом (Winfeld, 2012:8).

Важно отметить, что искусственный интеллект представляет собой программное обеспечение, которое может выполнять задачи, требующие когнитивных способностей, таких как распознавание изображений, обработка естественного языка, принятие решений и обучение, то есть выходит за рамки функций «передвижения» или «перемещения» в пространстве. Поэтому, говоря об интеллектуальном наполнении робота, мы все же имеем в виду алгоритмизированное программное обеспечение, и лишь в редких случаях – собственно искусственный интеллект.

¹¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

Искусственный интеллект и робототехника тесно переплетены: каждая область извлекает выгоду из достижений другой и вносит свой вклад в их развитие. Технологии и алгоритмы искусственного интеллекта расширяют возможности роботов, делая их более интеллектуальными, автономными и адаптируемыми. В то же время роботы обеспечивают физическую платформу для систем искусственного интеллекта, позволяющую им взаимодействовать с окружающим миром, например, обработка окружающего мира, алгоритмы, компьютерное зрение (Gobinath et al., 2024:2).

Как отмечается в Регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте¹², способность делать выводы – главная характеристика искусственного интеллекта.

Робототехника, с другой стороны, включает в себя создание физических устройств, способных взаимодействовать с окружающей средой, выполнять механические действия, перемещаться и манипулировать объектами. Робот может не иметь сложного искусственного интеллекта и быть запрограммирован на выполнение простых задач, таких как сборка деталей или перемещение объектов по заданной траектории. Например, промышленные роботы часто запрограммированы на выполнение конкретных задач без какой-либо формы интеллектуального поведения или обучения. Они не имеют способности принимать решения на основе данных или адаптироваться к изменениям.

Технологии искусственного интеллекта, такие как виртуальные ассистенты, системы рекомендаций, программное обеспечение для диагностики заболеваний, не имеют физического воплощения и работают исключительно в цифровом пространстве. Их функциональность не зависит от наличия «физического тела», что подчеркивает отличие искусственного интеллекта от робота.

Вместе с тем синергия искусственного интеллекта и робототехники позволяет создавать и развивать автономные системы, способные действовать независимо в сложных условиях.

Автономность робота является главной характеристикой, отличающей его от других механизмов. Машины, полностью управляемые дистанционно человеком, работающими с помощью технологии «теле присутствия», при внешнем сходстве с роботами, по своей сущности таковыми не являются ввиду отсутствия возможности самостоятельно и независимо реагировать на внешние раздражители и действовать соответствующим образом (Froomkin, 2016:2).

В контексте юридической ответственности интерес как раз представляют роботы, наделенные искусственным интеллектом, способные за счет этого действовать автономно (полностью или частично) от человека.

Юридическая ответственность в сфере робототехники

Вопрос юридической ответственности в сфере робототехники также является дискуссионным. Рассматривая робота как основную категорию данной сферы, в

¹² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. Access to European Union Law. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 05.08.2024).

научно-правовой доктрине выделяются различные позиции в отношении определения статуса робота, что влияет и на определение виновного субъекта в случае причинения вреда роботом. Так, выделяется несколько таких подходов, когда робот рассматривается либо как вещь, либо как раб, либо как источник повышенной опасности, либо приравнивается по правовому положению к животным и юридическим лицам, либо рассматривается как электронное лицо (по аналогии с юридическим лицом) (Klyuchko & Kluneyko, 2019:114–115). Первые четыре подхода предполагают рассмотрение робота как объекта права, и лишь последняя концепция создает функцию деликтоспособности робота. Вместе с тем, как и с ответственностью юридических лиц, например, в сфере уголовно-правовых отношений, остается проблема и с привлечением к ответственности электронного лица.

Кроме того, для определения правоспособности любого субъекта гражданско-правовых отношений необходимо решить вопрос о наличии у него воли на совершение определенных значимых для правового регулирования действий (Mikhaleva & Shubina, 2019:30). Признание робота субъектом права имеет смысл, если это позволяет более эффективно и сбалансированно распределить ответственность, и, если робот способен возместить нанесенный им вред (Gadzhiev & Voynikanis, 2018:41). Другими словами, признание за роботом возможности нести ответственность за «свои поступки» связано и с наделением его соответствующими правами и обязанностями.

Согласимся с тем, что об автономности робота говорить преждевременно, поскольку за его действиями все равно стоит человек, управляющий им или дистанционно, или внутри устройства (Vasiliev & Ibragimov, 2019:51), или посредством установленного запрограммированного контрольного механизма. Однако технический прогресс стремительно развивается и, как отмечается, при наличии в будущем комплекса условий (глобальная роботизация, антропологизация и интеллектуализация роботов, появление программных аналогов воли, технически непреодолимых задач этического программирования) (Zhmurov, 2023:538), робопреступность окажется реальным правовым явлением. Необходимо выработать единый подход к модели юридической ответственности в сфере робототехники, применимый в любых ситуациях.

Следует отметить, что в большинстве случаев исследователи анализируют вопросы ответственности применительно к искусственному интеллекту. Так, интересным представляется введение категории «киберответственности» искусственного интеллекта и его юнитов как объекта правоотношения, отличной от юридической ответственности за деятельность определенного круга субъектов права, что предлагается закрепить на уровне федерального конституционного закона об искусственном интеллекте (Zutyanov, 2023). Действительно, на данный момент к системам искусственного интеллекта сложно применить традиционную модель юридической ответственности. Рассматривая в настоящей работе вопросы ответственности в сфере робототехники и учитывая, что робот и искусственный интеллект рассматриваются как взаимосвязанные категории, представляется возможным остановиться на ответственности роботов, наделенных системами искусственного интеллекта.

В зарубежной научной литературе анализируется несколько подходов к ответственности роботов с системами искусственного интеллекта, так как применительно к таким роботам можно вести речь об автономности и самостоятельности принимаемых решений (Girme, Bendale & Gharde, 2024:5214–5215). Во-первых, предлагается юридическое признание правосубъектности таких роботов, что может позволить

роботам с ИИ иметь деликтоспособность (Kurki, 2019:175–188). Во-вторых, рассматривается так называемая строгая ответственность, в соответствии с которой владелец, разработчик или оператор системы с искусственным интеллектом автоматически становится ответственным за любой ущерб, причиненный таким роботом, независимо от намерений (Wendehorst, 2020:150–180). В-третьих, в качестве альтернативы обсуждается установление стандарта халатности для роботов с искусственным интеллектом, в соответствии с которым разработчики, владельцы или операторы привлекаются к ответственности, если они не предпримут разумных мер предосторожности, чтобы предотвратить причинение вреда¹³. В-четвертых, предлагаются распространить на роботов с искусственным интеллектом положения законов об ответственности за качество продукции, то есть рассмотрение таких роботов как продуктов, подверженных дефектам или повышенной опасности¹⁴. В-пятых, к ответственности могут быть привлечены и третьи лица (физические или юридические лица) в случаях, когда роботы с искусственным интеллектом находятся под их управлением¹⁵.

Соответственно, в сфере робототехники возможно выделить две группы ситуаций: причинение вреда робототехническим устройством и причинение вреда роботом. При причинении вреда робототехническим устройством вопрос об установлении виновного субъекта и привлечении его к ответственности не вызывает затруднений. Такое устройство, как было отмечено выше, не обладает всеми характеристиками робота и всегда подконтрольно человеку, следовательно, в зависимости от фактических обстоятельств происшествия ответственность всегда несет или разработчик соответствующего алгоритма, программы, или оператор, осуществляющий техническое обслуживание, или конкретный пользователь при нарушении им правил обращения с таким устройством и наступлении общественно вредных последствий, или третье лицо, например, неправомерно завладевшее управлением таким устройством и причинившее какой-либо вред или ущерб.

При причинении вреда роботом представляется, что во многом решение вопроса об ответственности конкретного субъекта зависит от степени автономности робота и самостоятельности «принимаемых решений» в конкретных обстоятельствах. Юридическую ответственность в сфере робототехники можно дифференцировать в зависимости от степени автономности робота (полной или частичной) и в зависимости от осуществления роботом конкретного вида деятельности (совместно с человеком либо в его отсутствие).

Любое правонарушение – это результат деятельности субъекта, способного направлять и контролировать свою волю и поведение, рефлексируя и отдавая себе отчет в своих действиях, будучи способным нести ответственность за наступившие негативные последствия. На данном этапе развития технологий, даже если робот наделен искусственным интеллектом, нельзя забывать, что система «обучается» на основе входных данных, которые ему дает разработчик. Алгоритмы пишет человек.

¹³ Conklin, M. (2020) *The Reasonable Robot Standard: Bringing Artificial Intelligence Law into the 21st Century*. Available at: <https://yjolt.org/blog/reasonable-robot-standard> [Accessed 5th August 2024].

¹⁴ Chandler, K., Behrendt, Ph. & Bakier, Ch. (2023) *AI product liability – moving ahead with a modernised legal regime*. Available at: <https://www.taylorwessing.com/en/interface/2023/ai---are-we-getting-the-balance-between-regulation-and-innovation-right/ai-product-liability---moving-ahead-with-a-modernised-legal-regime> [Accessed 5th August 2024].

¹⁵ Renieris, E.M., Kiron, D, Mills, S., Gupta, A. *Responsible AI at Risk: Understanding and Overcoming the Risks of Third-Party AI*. Available at: <https://sloanreview.mit.edu/article/responsible-ai-at-risk-understanding-and-overcoming-the-risks-of-third-party-ai/> [Accessed 5th August 2024].

Если алгоритм пишет соответствующая программа, данные также берутся не сами по себе. Если поиск происходит из каких-либо источников (опять же согласно соответствующему коду), то выводы искусственным интеллектом делаются на основе этих данных (например, на основе статистических данных о лицах, совершающих преступления, программой может быть сделан вывод о неблагонадежности определенных кандидатов при приеме на работу). Можно утверждать, что какое общество, такой и искусственный интеллект, и на данном этапе развития общества только человек несет ответственность за сознательно совершаемые им деяния. Представляется, что необходимы четкие правила регулирования и установления допустимых и недопустимых действий разработчиков и всех субъектов, принимающих участие в создании конкретного механизма, так как работоспособность робота помимо высокоразвитого искусственного интеллекта зависит еще и от надлежащей работы различных датчиков, сканеров и т.п., позволяющих оценивать окружающую обстановку.

Заключение

В рамках данного исследования была предпринята попытка представить характеристику робототехники с позиции права, в контексте юридической ответственности. Робототехника – стремительно развивающаяся сфера, включающая проектирование, производство и применение роботов и робототехнических устройств в различных сферах жизнедеятельности. Было установлено, что отсутствие единых определений и подходов к регулированию в этой области создает значительные сложности для разработки правовых норм, способных адекватно отвечать на вызовы, связанные с внедрением робототехнических систем и искусственного интеллекта в различные сферы жизни.

Анализ показал, что различие между роботами и искусственным интеллектом является ключевым аспектом, который необходимо учитывать при создании правовой базы. Робототехника включает в себя не только программное обеспечение (искусственный интеллект), но и аппаратные компоненты, которые требуют особого правового регулирования. Применение технологий искусственного интеллекта в робототехнических системах порождает проблемы определения виновного субъекта в случае причинения вреда, что требует дифференцированного подхода к установлению юридической ответственности, учитываяшего степень автономности и характер взаимодействия роботов с человеком.

Синергия искусственного интеллекта и робототехники позволяет создавать и развивать автономные системы, способные действовать независимо в сложных условиях. Автономность робота является главной характеристикой, отличающей его от других механизмов. В контексте юридической ответственности интерес как раз представляют роботы, наделенные искусственным интеллектом, способные за счет этого действовать частично или полностью автономно от человека. Однако на данном этапе развития технологий за «поведением» искусственного интеллекта стоит определенный разработчик (или группа разработчиков) или конкретный пользователь.

Юридическую ответственность в сфере робототехники можно дифференцировать в зависимости от степени автономности робота (полной или частичной) и в зависимости от осуществления роботом конкретного вида деятельности (сов-

местно с человеком либо в его отсутствие). Однако прежде всего необходимо выработать четкие правила регулирования и закрепить допустимые и недопустимые действия разработчиков и всех субъектов, принимающих участие в создании конкретного механизма, на каждом из циклов «жизни» искусственного интеллекта. В работе также рассмотрены международные примеры регулирования в области робототехники и искусственного интеллекта, что позволило выделить определенные тенденции и перспективы для отечественного законодательства. Результаты исследования показывают, что для эффективного правового регулирования необходимо не только формирование четких определений и классификаций, но и гибкость правовых моделей, которые могли бы адаптироваться к быстрому развитию технологий. Важно отметить, что настоящая работа не охватывает всех аспектов юридической ответственности в сфере робототехники и искусственного интеллекта. Представляется перспективным самостоятельное исследование частноправовых и публичноправовых механизмов регулирования ответственности в данной области, что позволит, с учетом понимания основных категорий данной сферы, сформулировать единую концепцию юридической ответственности в сфере робототехники.

References / Список литературы

- Baranov, P.P. (2018) Legal regulation of robotics and artificial intelligence in Russia: Some approaches to solving the problem. *North Caucasian Legal Bulletin*. (1), 39–45. (in Russian).
Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39–45.
- Begishev, I.R. (2021) Digital Terminology: Approaches to Defining the Concepts of “Robot” and “Robotics”. *Information Society*. (2), 53–66. (in Russian).
Бегишиев И.Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. 2021. № 2. С. 53–66.
- Begishev, I.R. & Khasanova, Z.I. (2022) *Artificial intelligence and criminal law*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Бегишиев И.Р., Хасanova З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М. : Проспект, 2022. 192 с.
- Bertolini, A. (2013) Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules. *Law, Innovation and Technology*. 5 (2), 214–247. <https://doi.org/10.5235/17579961.5.2.214>
- Froomkin, A.M. (2016) *Introduction: Robot Law*. In: Calo, R., Froomkin, A.M., Kerr, I. (eds.). Cheltenham, UK, Edward Elgar Publ.
- Gadzhiev, G.A. & Voynikanis, E.A. (2018) Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)? *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (4), 24–48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48> (in Russian).
Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48
- Gayatri, M.G. & Nilima, P.J. (2024) Latest Innovation in Robotics. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*. 4 (2), 223–228. <https://doi.org/10.48175/IJARSCT-15740>
- Girme, A., Bendale, U.S. & Gharde, U. (2024) The Dark Side of AI: Autonomous Crimes by AI Robots and the Need for Legal Reform. *Indian Journal of Law and Legal Research*. 5 (6), 5204–5218.
- Gobinath, A. et al. (2024) AI-Enabled Robotics. In: D. Satishkumar, M. Sivaraja (eds.) *Using Real-Time Data and AI for Thrust Manufacturing*. IGI Global, pp. 1–19. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-2615-2.ch001>

- Kashkin, S.Yu. (2019) Artificial intelligence and robotics: The possibility of invasion of human rights and legal regulation of these processes in the EU and the world. *Lex Russica*. 7, 151–159 (in Russian).
- Кашкин С.Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 151–159.
- Klyuchko, R.N. & Kluneyko, A.O. (2019) Problems of determining the subject of a crime committed using robotics or artificial intelligence, taking into account the principles of criminal law and criminal liability. *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 9 (3), 110–119. (in Russian).
- Ключко Р.Н., Клунейко А.О. Проблемы определения субъекта преступления, совершенного с использованием робототехники или искусственного интеллекта, с учетом принципов уголовного закона и уголовной ответственности // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2019. Т. 9. № 3. С. 110–119.
- Kurki, Visa A.J. (2019) The Legal Personhood of Artificial Intelligences in *A Theory of Legal Personhood*, Oxford Legal Philosophy. Oxford Academic, 19 Sept., 175–189. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198844037.003.0007>
- Lin, Ch. (2023) Differences and Origins of German and Japanese Robot Culture and Construction of the “Third Robot Culture” in China. *Technologos*. (4), 14–33. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2023.4.02> (in Russian).
- Чен Линь. Происхождение и различия немецкой и японской культуры роботов и построение «Третьей китайской робокультуры» // Технologos. 2023. № 4. С. 14–33. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2023.4.02>
- Mamak, K. (2023) *Robotics, AI and Criminal Law: Crimes Against Robots*. London, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003331100>
- Matveeva, D.M. (2022) Legal conceptualization of robotics: Main types and characteristics. *Tribune of the scientist*. (6), 225–242. (in Russian).
- Матвеева Д.М. Правовая концептуализация робототехники: основные виды и характеристики // Трибуна ученого. 2022. № 6. С. 225–242.
- Mikhaleva, E.S. & Shubina, E.A. (2019) Problems and prospects of legal regulation of robotics. *Actual problems of Russian law*. (12), 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035> (in Russian).
- Михалева Е.С., Шубина Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
- Rakhmatulina, R.Sh., Savina, V.S. & Sviridova, E.A. (2019) Legal regulation of artificial intelligence and robotics – a new stage in economic development. *Humanitarian and legal studies*. (4), 209–216. (in Russian).
- Рахматуллина Р.Ш., Савина В.С., Свиридова Е.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации – новый этап развития экономики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 209–216.
- Tikhomirov, Yu.A., Krysenkova, N.B., Nanba, S.B. & Margusheva, Zh.A. (2018) Robot and Human: A New Partnership? *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. (5), 5–10. <https://doi.org/10.12737/art.2018.5.1>. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А., Крысенкова Н.Б., Нанба С.Б., Маргушева Ж.А. Робот и человек: новое партнерство? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 5–10. <https://doi.org/10.12737/art.2018.5.1>
- Vasiliev, A.A. & Ibragimov, Zh.I. (2019) Legal regulation of robotics and artificial intelligence in the European Union. *Russian-Asian Legal Journal*. (1), 50–54. (in Russian).
- Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском Союзе // Российско-Азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 50–54.

- Zhmurov, D.V. (2023) Sins of the machine: At the origins of robotic crime. *All-Russian Criminological Journal*. 17 (6), 536–542. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(6\).536–542](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(6).536–542) (in Russian).
- Жмуров Д.В. Грехи машин: у истоков робопреступности. // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 536–542. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(6\).536–542](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(6).536–542).
- Zyryanov, I.A. (2023) On the introduction of cyber-liability of artificial intelligence // Constitutional and Municipal Law. (5), 53–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-5-53-58>.
- Зырянов И.А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 53–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-5-53-58>.
- Wendehorst, Ch. (2020) *Strict Liability for AI and other Emerging Technologies*, JETL. 11 (2), 150–180. <https://doi.org/10.1515/jetl-2020-0140>.
- Winfeld, A. (2012) *Robotics: A Very Short Introduction. Very Short Introductions*. New York, US, Oxford University Press USA.

Сведения об авторах:

Иванова Лилия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет; 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

ORCID: 0000-0001-5255-3182, SPIN-код: 5920-9782

e-mail: l.v.ivanova@utmn.ru

Аржиловский Дмитрий Евгеньевич – старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет; 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

ORCID: 0009-0004-2740-4862, SPIN-код: 8010-1528

e-mail: d.e.arzhilovskij@utmn.ru

Калашников Никита Анатольевич – лаборант-исследователь Лаборатории «4 Bio», Институт государства и права, Тюменский государственный университет; 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

ORCID: 0009-0006-6657-7939, SPIN-код: 9618-9446

e-mail: n.a.kalashnikov@utmn.ru

About the authors:

Liliya V. Ivanova – Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of State and Law, University of Tyumen; 6, Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5255-3182, SPIN-code: 5920-9782

e-mail: l.v.ivanova@utmn.ru

Dmitriy E. Arzhilovskiy – senior lecturer of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Institute of State and Law, University of Tyumen; 6, Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-2740-4862, SPIN-code: 8010-1528

e-mail: d.e.arzhilovskij@utmn.ru

Nikita A. Kalashnikov – laboratory research assistant of the Laboratory “4 Bio”, Institute of State and Law, University of Tyumen; 6, Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-6657-7939, SPIN-code: 9618-9446

e-mail: n.a.kalashnikov@utmn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-524-543>
EDN: ZNDTRO

Научная статья / Research Article

Возможности правового нивелирования политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта

А.С. Киселев

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация
alskiselev@fa.ru

Аннотация. Рассматриваются основные риски применения технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта, а также правовые меры, которые рационально было бы предпринять для минимизации этих рисков. Установлено, что использование технологий, основанных на отдельных элементах искусственного интеллекта (далее – ИИ), в политической сфере несет с собой как потенциал для улучшения эффективности управленческой работы, так и серьезные риски. Подчеркивается отсутствие у искусственного интеллекта человеческой морали, и вытекающие отсюда этические проблемы применения ИИ, проблема сохранения конфиденциальности данных, с которыми работает ИИ, проблема создания и распространения ложной информации (на примере дипфейков), проблема дискриминации искусственным интеллектом и неравного доступа граждан к технологиям ИИ и др. Вполне очевидно, что прямо сейчас не создан сильный ИИ, имеющий в своем арсенале набор возможностей, который максимально приблизят его к человеку по когнитивным способностям. Тем не менее, тенденции последних лет говорят о том, что общество, государство, даже сами разработчики не всегда могут предвидеть негативные последствия новых технологий. В этой связи представляется наиболее целесообразным выстроить механизм опережающего регулирования, который будет учитывать самые ключевые риски внедрения технологий, основанных на ИИ. В качестве правовых мер минимизации указанных рисков предложено создать и контролировать соблюдение новых правовых норм, создать как государственные, так и независимые экспертные органы и комиссии по контролю за ИИ и этике искусственного интеллекта, обучать граждан, и особенно чиновников, работающих с ИИ, не только необходимым навыкам, но так же и вопросам этики использования ИИ, особое внимание уделить принципам прозрачности и открытости в применении этих новых технологий. Указывается на необходимость учитывать зарубежный опыт и создать международные этические и юридические нормы, призванные снизить риски, сопутствующие распространению технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: государство, искусственный интеллект, право, риски применения ИИ, политические риски, управленческие риски, правовое регулирование ИИ, опережающее регулирование, общество

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Киселев А.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 22 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Киселев А.С. Возможности правового нивелирования политических // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 524–543. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-524-543>

The Possibilities of Legal Leveling of Political, Organizational and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence

Alexander S. Kiselev

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", *Moscow, Russian Federation*
 alskiselev@fa.ru

Abstract. The article examines the primary risks associated with the application of artificial intelligence (AI) technologies and legal measures to minimize these risks. It establishes that the use of AI technologies in the political sphere presents both potential for improved efficiency in governance and significant risks. The absence of human morality in artificial intelligence is emphasized, leading to ethical concerns regarding AI application, data privacy issues, the creation and spread of misinformation (for example, deepfakes), AI-driven discrimination, and unequal access to AI technologies. While a “strong AI” with cognitive abilities closely matching humans does not currently exist, recent trends suggest that society, governments, and even developers may not always foresee the negative consequences of emerging technologies. Therefore, proactive regulation is crucial to address key risks associated with the implementation of AI technologies. Proposed legal measures to minimize these risks include creating and enforcing new legal norms, establishing governmental and independent expert bodies to oversee AI and AI ethics, educating citizens (especially officials working with AI) on necessary skills and ethical considerations, and prioritizing transparency and openness in the application of these technologies. The article also emphasizes the need to consider international experience and develop international ethical and legal norms to reduce the risks associated with the proliferation AI technologies.

Key words: state, artificial intelligence, law, risks of AI application, political risks, governance risks, AI legal regulation, proactive regulation, society

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 22th August 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Kiselev, A.S. (2025) The Possibilities of Legal Leveling of Political, Organizational and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 524–543. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-524-543>

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ), бурно развивающийся в последние годы, имеет широкий спектр возможностей и перспектив в сфере управления. Уже в середине XX века ЭВМ использовались для автоматизации повторяющихся

монотонных задач, для обработки данных, составления отчетов, аналитики и т.д. В этом состояла, например, суть проекта ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации), который реализовывался в СССР согласно идеям академика В.М. Глушкова.

Сегодня похожие проекты, где-то в меньших, где-то в больших масштабах, но на новом техническом уровне, реализованы во многих странах мира. Управление с помощью информационно-телекоммуникационных технологий позволяет руководителям разных уровней и сотрудникам фокусироваться на более сложных и стратегических важных задачах. Этот процесс начался в XX веке, а сегодня автоматизированное управление становится необходимым, как воздух, для любого государства. Во многих экономических и производственных процессах просто невозможно участвовать, если в стране не произошла интеграция ИКТ-технологий в медицине, науке, искусстве, образовании, промышленности, а, прежде всего, в политике и управлении государством (Novitsky, 2020:48-49).

Современные исследователи посвящают свои научные работы специфике трансформации политики посредством внедрения технологий, основанных на элементах ИИ. Так, С.В. Володенков изучает возможности перевода политики в цифровой формат, цифровую инфраструктуру гражданско-политического активизма. Аналогичные вопросы поднимаются в научных исследованиях ученых О.А. Башевой, С.Е. Козлова, К. Кравфорд, Р. Кало. Исследование Е.М. Ильиной посвящено политике и управлению в условиях цифровой трансформации. Другая группа исследователей, среди которых В.П. Казарян, К.Ю. Шутова, Е.Д. Сорокина, Р. Юсти, С. Геринг, поднимают проблему существования этических рисков. Инвестиционным рискам при внедрении ИИ уделено большое внимание в работе Н.А. Новицкого. Риски противоправного применения ИИ отражены в исследованиях С.В. Лемайкиной, А.М. Постарнак, Н.Н. Черногора. О.А. Ястребов и Ю.А. Гаврилова в своих научных трудах указывают, что регулировать ИИ необходимо для обеспечения безопасности социума. Можно сделать заключение о том, что в доктрине широко обсуждаются вопросы как перспектив применения ИИ, так и рисков, которые сопутствуют этому процессу.

Методологическая основа. Использованы общенаучные методы, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, системный метод, а также частно-научные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой.

Цель исследования – формирование предложений по правовому нивелированию политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта.

Задачами, служащими раскрытию цели, являются: выявление основных рисков применения ИИ на сегодняшний день в политике и в управлении; оценка их потенциальной опасности; изучение зарубежного опыта организационно-правового преодоления существующих и потенциальных рисков; формулировка предложений по минимизации и нивелированию выявленных рисков.

Искусственный интеллект в политике: вчера и сегодня

Невозможно представить современную внутреннюю и внешнюю политику без прогнозирования грядущих событий и детальной аналитики уже произошедших.

Современные программы, основанные на работе элементов искусственного интеллекта, имеют возможность быстро анализировать большие объемы данных и обнаруживать скрытые паттерны и тенденции. Это, несомненно, помогает в принятии более конструктивных управленческих решений и прогнозировании дальнейших действий. К примеру, для выявления закономерностей и прогнозирования результатов президентских или парламентских выборов. В частности, «пермскими учеными за полтора года до президентских выборов 2008 г. в России была спрогнозирована победа Д.А. Медведева, когда его личность как политика была еще не была широко известна» (Пуйна, 2022:407–408).

Искусственный интеллект и машинное обучение расширяют потенциал технологий моделирования «цифровых двойников» (от англ. *digital twin*) – виртуальных аналогов любых физических объектов или процессов (например, ЭБ-карта Сингапура или трехмерная модель левых камер сердца пациента от Philips Heart Model). Эти технологии становятся ядром системы «интеллектуальных двойников» (Intelligent Twins) – новой открытой архитектуры для интеллектуальной трансформации государственных органов и городских служб (интеллектуальный двойник города), отраслей промышленности (интеллектуальный двойник промышленности) и предприятий (интеллектуальный двойник бизнеса), способной воспринимать трехмерные объекты, взаимодействовать в любых областях, выносить точные решения, непрерывно эволюционировать, совместно с другими программами и людьми работать в любых сферах деятельности, выносить точные суждения и непрерывно эволюционировать, обеспечивая интеллектуальный опыт для людей, городов будущего и предприятий во всех сценариях»¹.

При этом, стоит отметить, что под интеллектуальными двойниками понимается инновационная система пошаговой модернизации государственных органов власти и частных компаний, предприятий, в основе которой лежат технологии, основанные на элементах искусственного интеллекта. Иными словами, посредством ИИ создаются механизмы, способные в режиме реального времени воспринимать все изменения в законодательстве, экономике, социальной сфере, выносить точные суждения по разным вопросам, работать с любыми типами информации, а что самое главное – эволюционировать и подстраиваться под запросы государства и общества.

Перспективы применения технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта, в политике

ИИ может предоставлять рекомендации и советы на основе анализа данных и изучения предыдущих решений во многих сферах жизнедеятельности. С.В. Володенков указывает, что «Цифровые решения, интерфейсы, алгоритмы и механики большинством специалистов рассматривались преимущественно как надстройки по отношению к традиционным общественно-политическим процессам. Однако в определенный момент стало очевидно, что цифровизация не является лишь надстройкой, расширением, дополнением традиционного общественно-политического пространства. Интенсивное развитие цифровых технологий и их активное внедрение в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества привело к формированию

¹ Intelligent Twins. Совместное создание интеллектуальных двойников и построение мира интеллектуальных технологий. Huawei, IDC, 2020. Р. 28. Режим доступа: <https://www.huawei.ru/intelligent-twins/> (дата обращения: 01.08.2024).

принципиально новых моделей, принципов и механизмов цифрового общественно-политического взаимодействия, появлению новых акторов, способных конкурировать с традиционными политическими игроками и эффективно влиять на массовое сознание» (Volodenkov, 2022: 341).

Стоит отметить возможности автоматизированного анализа рисков с помощью ИИ. Специализированные программы, функционируя в штатном режиме, позволяют обнаруживать и предсказывать потенциальные риски и угрозы для крупного, среднего и малого бизнеса, помогая как в управлении отдельным предприятием, так и целыми отраслями экономики. При больших вычислительных мощностях и скоростях обработки данных возможно создать системы, позволяющие оценивать риски в режиме реального времени при управлении всем государством, соответственно, хозяйственная роль суперкомпьютеров и программ, основанных на ИИ, сильно возрастет в ближайшее десятилетие. Анализ рисков позволяет как отдельным компаниям, так и чиновникам принимать соответствующие меры для снижения рисков и повышения эффективности управления. Для планирования этих мер опять же, можно использовать возможности ИИ.

О подобных изменениях говорит Г. Ловинг, отмечая, что «эффекты, которыми сопровождается распространение современных цифровых технологических, и следующая из этого трансформация традиционных общественно-политических институтов и процессов, самым непосредственным образом влияют на содержательные, структурные и функциональные параметры жизнедеятельности государства и общества, а также их ключевых институтов, оказывают непосредственное влияние на существующий политический порядок, систему традиционных властных отношений и общественно-политическую динамику в целом» (Loving, 2019).

Еще одной позитивной тенденцией является автоматизация процесса обслуживания клиентов в сфере государственных и коммерческих услуг. Ранее данные новшества начали появляться в работе колл-центров коммерческих предприятий и банков. Затем МФЦ и отдельные органы власти также начали заимствовать положительный опыт, передавая искусственно-интеллекту некоторым несложные стандартизированные функции сотрудникам. Например, чат-боты и виртуальные помощники могут предоставлять быстрые и точные ответы на стандартные вопросы обращающихся граждан. Стоит отметить, что порой в процессе оказания подобных услуг возникают трудности, однако алгоритмы доказали свою эффективность. Их применение в процессе оказания консультационных услуг развивается, так как предыдущий опыт оценивается как положительный.

В работе органов власти программы, основанные на элементах ИИ, могут помочь в планировании и управлении ресурсами, в оптимизации рабочих процессов, таких как снабжение и логистика. Это позволяет как коммерческим организациям, так и органам власти сократить издержки, увеличить скорость работы.

Перспективы использования искусственного интеллекта в управлении очень обширны. С развитием технологий ИИ ожидается, что они будут играть все более значимую роль в повышении производительности труда, эффективности и инновационности в управленческой практике. Уже сейчас зарубежные исследователи отмечают, что ИИ может получить доступ к автономному регулированию сферы энергетики и иных общественно важных систем (Ren Hu, 2022: 447–448). В этой связи, как отмечают исследователи, «особый интерес представляет сегодня исследование цифровых корпораций как новых посредников между гражданами и властью, способных

влиять на уровень включенности первых в процессы обсуждения и принятия политических решений. Кроме того, цифровые корпорации, как показывает анализ актуальной практики, могут сегодня выступать в качестве мощного фактора, влияющего на возможности и форматы демократического участия граждан в значимых социально-политических процессах» (Volodenkov, 2021:101).

Рассматривая результаты применения новых технологий, стоит помнить, что технологии, как правило, нужны, чтобы облегчить труд человека, а не усложнить его. Поэтому, при внедрении любой технологии, стоит учитывать, как с ней будет взаимодействовать пользователь, обращающийся за получением услуги, чиновник, занимающийся вопросами их оказания населению, работник, компании, директор и многие другие участники процесса цифрового взаимодействия. Необходима всесторонняя оценка и учет интересов лиц, которым предстоит столкнуться на практике с новыми технологиями в сфере управления. Это значит, что не стоит сразу вводить новшество, которое, по ключевым показателям, приносит прибыль и оценивается как высокоэффективный инструмент. На первом месте всегда должен стоять человек, его ментальное и физическое здоровье, его права и законные интересы. В противном случае, без учета данных факторов, человек может стать «заложником» цифровизации, невольным участником процессов, которые претят нормам гуманизма и человеческой природе. Поэтому, для таких технологий требуется длительный процесс тестирования и обучения, запуск pilotных проектов, работа в «тестовых» режимах, оценка общественностью и специальными рабочими группами и т.п. Данные меры позволяют снизить риски внедрения искусственного интеллекта сегодня и в будущем. Одновременно с этим следует также учитывать этические и социально-бытовые аспекты использования ИИ, чтобы обеспечить безопасность его применения. Но все мы, в любом случае, должны привыкнуть к тому, что ИИ уже сейчас является неотъемлемой частью нашей жизни.

Тема политического использования искусственного интеллекта вызывает широкое обсуждение среди исследователей в сферах политики, экономики и права. Несомненно, ИИ предлагает огромный потенциал в улучшении эффективности политических процессов и в принятии решений, однако с его использованием связаны и некоторые очевидные и неочевидные риски.

Риски применения технологий, основанных на искусственном интеллекте

Первый риск, который следует учитывать при внедрении ИИ в системы политического управления, – это потеря человеческого контроля. ИИ, будучи основанным на алгоритмах и машинном обучении, может лишь имитировать понимание норм морали, этики и эмоций, что на первый взгляд может казаться преимуществом. Однако политика включает в себя множество нюансов, которые практически невозможно учесть с помощью алгоритмов. От человека, занимающейся политикой, часто требуется эмоциональный подход к решению проблем населения. Особенно опасно отсутствие человеческой морали, например, при применении вооружений, оснащенных ИИ. Обыкновенное оружие контролируется людьми: политиками и военными, и без их воли не применяется. Автономные «умные» системы вооружений представляют глобальную опасность именно в силу отсутствия у ИИ человеческой морали.

Такие системы уже стоят на вооружении ряда наиболее развитых стран, и уже принимали решения атаковать людей (Kazaryan & Shutova, 2023: 350-351). Регулярно высказываются мнения, что такое вооружение должно быть запрещено, как особо опасное. Например, такой позиции придерживается действующий генеральный секретарь ООН².

Ученые еще в конце XX в. доказали, что без развитого эмоционального интеллекта сложно строить коммуникации как в сфере управления коммерческими организациями, так и в сфере политики. Эмоциональный интеллект имеется только у человека, он основан на понимании своих и чужих эмоций, контроле и управлении ими. Человек может, с помощью обращения к эмоциям, доказать состоятельность той позиции, которую зачастую нельзя донести только логикой. Если политический процесс будет полностью зависеть от ИИ, то потеря человеческого фактора может привести к отсутствию эмпатии, сочувствия в процессе управления, которые необходимы для создания связи между политиками и населением страны. Таким образом, ИИ может предлагать идеи, но их воплощение и процесс взаимодействия с людьми, учет их мнений, должен осуществлять исключительно человек.

Второй риск связан с проблемой безопасности и конфиденциальности данных. Использование ИИ неразрывно связано со сбором и анализом больших объемов данных, в том числе, персональных. В политической сфере, где точная информация является важнейшим инструментом при принятии решений, возникает риск злоупотребления данными. Используя возможности ИИ, злоумышленники могут создавать средства и инструменты для взлома паролей, распознавания уязвимостей и обхода систем безопасности для получения доступа к конфиденциальной информации, данным тысяч и миллионов пользователей, зарегистрированных на государственных и муниципальных порталах.

Нарушение конфиденциальности может привести к неправомерному использованию информации, манипуляциям и подрыву демократических ценностей. С помощью алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных ИИ может быть использован различными политическими силами для манипулирования мнением общественности.

Е.С. Козлов подтверждает данную мысль, указывая, что «распространение социально-политических видео в интернет-среде действительно может приводить к реальным действиям и прогрессу в отношении стратегических целей различных кампаний» (Kozlov, 2020:160). Или же, например, ИИ может использоваться для создания качественно сделанных фальшивых новостей на основе дипфейков (реалистичной замены изображения и звука, в том числе лиц и голоса, с помощью ИИ) или манипулирования информацией в социальных сетях, чтобы влиять на общественное мнение и результаты выборов (Kiselev, 2021:56–57; Lemaykina, 2023:144). Так, например, в 2018 году в США распространялось видео-дипфейк, на котором предыдущий президент негативно высказывался о действующем. Это была просто демонстрация возможностей подобных технологий. Однако стоит ожидать, что в ближайшие годы этот новый вид «черного пиара» будет активнейшим образом использоваться в политической борьбе, и в мошеннических коммерческих схемах (Kiselev, 2021:58).

² Ranger S. Killer AI robots must be outlawed, says UN chief // Официальный сайт «ZDnet». 2018. Режим доступа: <https://www.zdnet.com/article/ killer-ai-robots-must-be-outlawed-says-un-chief/> (дата обращения: 04.11.2024).

Стоит отметить, что с помощью ИИ также можно создавать автоматизированные системы для распространения дезинформации и проведения информационных атак на конкретных политиков или на всю политическую систему целиком. Например, ИИ может использоваться для создания ботов, которые распространяют фейковую информацию и поддерживают определенные политические мнения, создавая иллюзию поддержки или протестов. В 2019 году в США распространялось дипфейковое видео с якобы пьяным спикером Палаты представителей (Lemaykina, 2023:144). Уже есть множество примеров из разных стран, когда с помощью дипфейков мошенники успешно обманывали банки и граждан с целью доступа к их финансам.

Еще в 2021 г. с помощью ИИ злоумышленники изменили голос и обманули представителей банка в ОАЭ. Позвонивший «директор» потребовал сделать перевод на сумму в 35 млн долл. После звонка на электронную почту банка пришло письмо от компании и от юриста, что убедило сотрудников банка в легитимности операции³. После инцидента меры предосторожности стали повышать, тем не менее технологии тоже не стоят на месте, как и лица, которые их применяют в своих противоправных схемах. Например, в 2024 г. в Гонконге сотруднику крупной финансовой компании якобы позвонил по видеоконференцсвязи финансовый директор из Лондона и дал задание перечислить на указанные счета деньги на общую сумму более 25 млн долл.⁴ Дело в том, что образ руководителя фирмы был сделан посредством технологии Deepfake настолько реалистично, что работник не заметил подвоха и выполнил операцию, обман раскрылся лишь спустя некоторое время⁵. Известным элементом современной политики являются розыгрыши пранкеров, которые звонят известным политикам и другим гражданам и, имитируя чью-либо речь, подводят собеседника к неосторожным высказываниям. Инструменты по созданию дипфейков открывают бесконечный простор для подобных спекуляций. В результате в ближайшем будущем подлинность любой информации будет вызывать всеобщие сомнения.

В будущем, с ускорением обработки информации и совершенствованием таких инструментов, как чат GPT и его аналогов, возможна автоматизация процессов дезинформации в круглосуточном режиме. Программы, основанные на самообучении, могут следить, каким новостям доверяет подавляющее большинство пользователей социальных сетей и зрителей телеканалов и генерировать на основе собранных данных новости, включая как текст, так и любое изображение в таком контексте, чтобы максимальное количество пользователей поверили в это.

Сегодня (в 2024 г.) тексты, составляемые ИИ, не всегда походят на те, которые написал бы реальный человек, но нейросети очень быстро учатся и уже могут писать рассказы, письма, длинные тексты, и даже стихи, с учетом стиля письменной речи конкретных авторов (писать официальные письма в стиле Петра Первого, стихи в стиле Пушкина, Лермонтова, рассказы в стиле Зощенко, Беляева, а также современных деятелей искусства, политики, героев фильмов и т.д.). Чат-боты GPT и его

³ Bank Robbers in the Middle East Reportedly ‘Cloned’ Someone’s Voice to Assist with \$35 Million Heist. Официальный сайт «Gizmodo». 2021. Режим доступа: <https://gizmodo.com/bank-robbers-in-the-middle-east-reportedly-cloned-someo-1847863805> (дата обращения: 04.11.2024).

⁴ Прим.: ок. 200 миллионов гонконгских долларов.

⁵ A company lost \$25 million after an employee was tricked by deepfakes of his coworkers on a video call: Police. Официальный сайт “Business Insider”. 2024. Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/deepfake-coworkers-video-call-company-loses-millions-employee-ai-2024-2> (дата обращения: 04.11.2024).

аналоги доступны бесплатно любому пользователю Интернета через поисковые системы и в соцсетях: дело двух минут открыть подобную страницу и попросить ИИ написать текст на заданную тему в стиле конкретного писателя, поэта, персонажа. Социальные сети все больше заполняются вполне качественным по форме контентом, созданным искусственным интеллектом. Возможно, недалек уже тот день, когда никто из нас не сможет определить, писал ли конкретный пост ИИ или человек, и только специальные программы смогут вычислять это, обладая всеми возможностями ИИ, недоступными человеку. Именно поэтому стоит сосредоточить внимание не на препятствовании развитию ИИ (что в принципе уже невозможно на сегодняшний день), а технологиям, которые могут «разоблачать» ИИ, находя закономерности, свойственные только алгоритмизированной машине.

Рассмотрим данный риск с другой стороны. Используя ИИ-системы анализа поведения, правительства стран по всему миру могут отслеживать и изучать в режиме реального времени действия граждан в социальных сетях, в том числе обходя режимы анонимности. О такой проблеме, в частности, писал С. Джадали, отмечая, что действия миллионов пользователей отслеживаются благодаря установленным расширениями в интернет-браузерах Chrome и Firefox. Специалист приходит к следующему выводу: «Если в момент установки расширение не передает и не анализирует информацию об интернет-серфинге пользователя, нет никаких гарантий, что этого не произойдет в будущем»⁶. Примечательно, что в 2020 г. Апелляционный суд девятого округа США признал факт массового сбора и анализа метаданных, включая информацию о телефонных переговорах граждан, что нарушает Конституцию США⁷. Решение было вынесено спустя семь долгих лет после того, как Эдвард Сноуден обнародовал прямые доказательства прослушивания телефонных переговоров спецслужбами США. Помимо этого, каждому человеку свойственен определенный стиль устной и письменной речи. Поэтому даже скрывающего свои персональные данные и местонахождение пользователя можно с высокой долей вероятности идентифицировать по стилю речи. Чем больше будет образцов текста, которые сможет обработать ИИ, тем точнее будет результат анализа.

Очевидно, что в связи с вышеописанным, под угрозой находятся, закрепленные во многих правовых системах, права на свободу информации, тайну частной корреспонденции и личной жизни, авторское право и т.д. Эти вопросы станут актуальны в ближайшем будущем, так как пока ИИ не настолько совершенен, чтобы следить постоянно за всем и каждым. Но решать их нужно уже сегодня. Следует учитывать различные варианты того, как ИИ может быть использован для наблюдения за общественной активностью, незаконным сбором персональных данных и проведением массовой слежки за населением.

Третий риск – это потенциальные этические проблемы. ИИ может столкнуться с такими дилеммами в процессе принятия решений, которые мы относим к области морали. До сих пор нет четкого ответа на следующие вопросы: какими критериями руководствуется и должен руководствоваться ИИ в выборе наиболее эффективных решений? Или: как программа определит достоинства и приоритеты политических

⁶ Jadali S. DataSpii: The catastrophic data leak via browser extensions. Сайт “SecurityWithSam”. Режим доступа: <https://securitywithsam.com/2019/07/dataspii-leak-via-browser-extensions/> (дата обращения: 05.11.2024).

⁷ United States Court of Appeals for The Ninth Circuit, No. 13-50572, 2020. Режим доступа: <https://cdn.arstechnica.net/wp-content/uploads/2020/09/nsa-ruling.pdf> (дата обращения: 05.11.2024).

целей? Вполне логично, что ИИ должен руководствоваться базовыми правилами социальной справедливости, которые характерны для конкретной страны и общества, где ИИ может значительно повлиять на распределение ресурсов или принятие решений, основываться на информации, которая не вызовет сомнений и нареканий у большинства граждан. Соответственно, здесь стоит проблема создания этического кодекса искусственного интеллекта, о которой ведутся дебаты как в нашей стране, так и за рубежом. В апреле 2021 г. «Европейская комиссия представила проект Регламента о гармонизации правил, применяемых к системам ИИ (далее – Регламент), в основу которого был положен риск-ориентированный подход; в октябре 2021 г. в России крупнейшие технологические компании, университеты, исследовательские центры и фонды подписали Кодекс этики в сфере ИИ⁸ (далее – Кодекс); в ноябре 2021 г. был принят важный международный документ – Рекомендации ЮНЕСКО в сфере этики ИИ⁹» (Sorokova, 2022: 159).

Центральное место в Рекомендациях ЮНЕСКО занимают четыре основных принципа, закладывающие основу для систем ИИ: уважение прав и свобод человека, мирное сосуществование, обеспечение инклюзивности и благополучие окружающей среды, экосистем мира. Схожие принципы заложены в отечественном Кодексе: человеко-ориентированный и гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, соответствие закону, недискриминация, оценка рисков и т.д.

Вполне очевидно, что наш Кодекс соответствует большей части положений, закрепленных в Рекомендациях ЮНЕСКО в сфере этики ИИ. В США, например, нет закона или этического кодекса, который бы вводил единые требования ко всем системам, основанным на ИИ. Во времена президентства Б. Обамы в 2016 г. была создана дорожная карта развития ИИ¹⁰, в ней, прежде всего, внимание уделено перспективам технологического развития государства, и лишь малая часть уделялась вопросам этики ИИ. Тем не менее, такие компании как Amazon, Google, Apple, IBM и Microsoft в скором времени создали некоммерческое партнерство, одна из ключевых целей которого состояла в разработке и продвижении общих стандартов этики ИИ для коммерческих компаний – участников соглашения¹¹. Развитие вопросов этики ИИ на сегодняшний день в США происходит фрагментарно.

Примечателен опыт Китая: подавляющее внимание сосредоточено на обеспечении информационной безопасности как части национальной безопасности, в частности, защите персональных данных, немалый акцент сделан на недопущении

⁸ Кодекс этики в сфере ИИ (создан Альянсом в сфере искусственного интеллекта, Аналитическим центром при Правительстве РФ, Минэкономразвития РФ и др.) // Официальный сайт «ethics.a-ai». 2021. Режим доступа: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (Рекомендации об этике искусственного интеллекта), UNESCO. Национальный портал в сфере искусственного интеллекта (ИИ) и применения нейросетей в России «ai.gov.ru». 2021. Режим доступа: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2021_rekomendaciya_ob_etike_iskusstvennogo_intellekta_recommen-dation_on_the_ethics_of_artificial_intelligence_unesco/?ysclid=m332zmgs77785714662 (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁰ The Obama Administration’s Roadmap for AI Policy. Сайт Harvard Business Review. 2016. Режим доступа: <https://hbr.org/2016/12/the-obama-administrations-roadmap-for-ai-policy> (дата обращения: 05.11.2024).

¹¹ Amazon, Google, Facebook, IBM, and Microsoft form AI non-profit. Сайт «ZDnet». 2016. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7c676982-672a0683-3533a4a8-74722d776562/https/www.zdnet.com/article/amazon-google-facebook-ibm-and-microsoft-form-ai-non-profit/ (дата обращения: 05.11.2024).

недобросовестной конкуренции посредством ИИ. Выделим базовые принципы этики ИИ в Китае: люди должны иметь право применять ИИ или отказаться от его применения, ИИ должен быть направлен на обеспечение благосостояния граждан, ИИ не должен использоваться в незаконной деятельности, ИИ должен обеспечивать справедливость, невмешательство в частную жизнь граждан Китая¹². В целом можно сказать, что принципы этики ИИ в Китае являются самыми подробными и конкретными на сегодняшний день.

С 2019 г. в России и на западе было принято несколько документов, призванных ускорить развитие ИИ и обеспечить снижение возможных при этом рисков. О необходимости этического подхода к внедрению ИИ говорили как российские, так и западные политики. Хотя европейские и российские документы различаются не только содержанием, но и характером применения, они имеют схожие черты: человекоцентрированность, гуманистичность, различие степеней риска систем ИИ, опора на экспертные научные знания. Значительное внимание в них уделяется защите персональных данных и выстраиванию системы взаимодействия акторов ИИ. Разница заключается, в первую очередь, в том, что в ЕС существуют уровни общеевропейского законодательства и множества различных национальных законодательств, которые необходимо согласовывать¹³. В России же законодательство едино на территории всей страны. Этические нормы применения ИИ в Евросоюзе, как замечает Е.Д. Сорокова, демонстрируют эволюцию от «мягких» к более обязывающим (Sorokova, 2022:160). Вероятно, эта тенденция будет только усиливаться (как следствие увеличения рисков применяемого ИИ), и будет наблюдаться и в других правовых системах.

Отметим, что хотя бы минимального «этического кодекса ИИ», внедрение его в управление людьми настолько опасно, что становится вообще нецелесообразным.

Четвертым риском, который мы считаем необходимым выделить, является усиление социального неравенства в обществе. Исследования, проводившиеся в США, показали, что алгоритмы Google дискриминируют женщин, предлагая им менее оплачиваемые вакансии по сравнению с мужчинами (что может быть верным отражением перекоса на рынке труда, а не в алгоритмах Google), а также темнокожих – распознавая в их фотографиях обезьян (горилл) и предлагая им более криминальную информацию (Yuste & Goering, 2017:159–161). Были и более резонансные случаи. Например, Американский союз защиты гражданских прав (прим.: правозащитная некоммерческая организация) в 2019 г. подал жалобу в полицию Детройта в связи с тем, что система распознавания лиц, функционирующая на основе ИИ, определила добропорядочного и не имеющего судимости афроамериканца Роберта Уильямса как разыскиваемого преступника. Юристы союза предоставили доказательства о том, что система много лет предвзято относилась к людям определенной расы, делая существенные ошибки. Даже в полицейском участке отметили, что лицо настоящего преступника совершенно не похоже на лицо задержанного. Через две недели после

¹² Волков К. В Китае выпустили кодекс этических принципов для искусственного интеллекта // Официальный сайт «Российская газета». 2021. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/04/v-kitae-vypustili-kodeks-eticheskikh-principov-dlia-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 05.11.2024).

¹³ A European approach to artificial intelligence. Официальный сайт Европейской Комиссии. 2021. Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 01.08.2024).

ареста Уильямса освободи¹⁴. Однако стоит учесть, что гражданину был нанесен существенный репутационный ущерб.

Так же отмечалась неэффективность ИИ-систем, использующихся в некоторых штатах в судебных процессах (Crawford & Calo, 2016:311). Если доступ к используемому ИИ будет ограничен и доступен только богатым корпорациям, государству и отдельным гражданам, это может привести к укреплению их власти и усилению неравенства, конфликтности в обществе. Помимо этого компания, имеющая возможность использовать передовые технологии, основанные на ИИ, и конкретные политики могут использовать ИИ в своих интересах, в том числе коррупционных, поскольку разработка систем контроля за самыми передовыми технологиями всегда отстает от развития и применения этих технологий. Это верно и для искусственного интеллекта. Если к основанным на элементах ИИ технологиям, которые значительным образом могут повлиять на нашу жизнь, не будут иметь доступ все слои общества, то это может усилить уже существующие социальные, управленические и иные проблемы, продуцируя раскол между социальными группами и слоями населения. Так, например, большая часть статей про искусственный интеллект в крупнейшем западном научном журнале «Nature» – это статьи про использование ИИ в медицине. Технологии искусственного интеллекта позволяют более точно распознавать болезни на ранних стадиях, создавать новые методы лечения и лекарственные препараты. Естественно, что при существующей экономической модели все новейшие достижения будут доступны только некоторым наиболее богатым процентам населения. Но ведь и среди тех, кто может лишен доступа к новейшим достижениям в силу нехватки денежных средств, есть и очень полезные для общества и государства люди. По нашему мнению, доступ к лучшим социальным благам должен быть у каждого человека, т.к. здоровое и образованное население может дать лучшие результаты во всех видах деятельности, чем бедное, больное и неграмотное.

Кроме того, рост неравенства в обществе может привести к росту недовольства, что может ухудшить жизнь всем. В российской истории есть прекрасный пример М.В. Ломоносова – человека из низшего сословия, который, получив доступ к науке и поддержку государства, принес немалую пользу стране. Если открыть перед каждым путь Ломоносова, то, вероятно, и «Ломоносовых» станет больше. Более того, развитие технологий ИИ открывает перспективы, еще недавно казавшиеся совершенно фантастическими: не только излечения многих сложных генетических и психических болезней, но совершенно новые способы обмена информацией и управления физическими структурами силой мысли и т.п. (Yuste & Goering, 2017:159–163). С другой стороны, если новейшие технологии останутся привилегией ограниченного круга людей, то у них может возникнуть желание использовать свой доступ к этим инструментам противоправно.

Следующий риск связан с технической стороной внедрения ИИ, а именно с недостатком прозрачности и объяснимости принятия решений искусственным интеллектом. Этот риск актуален в текущих условиях, поскольку в некоторых судах США начали активно применять ИИ в правосудии. Одна из таких систем искусственного интеллекта получила название «Система оценки общественной безопасности» (Public Safety Assessment, PSA). Она была разработана частным Фондом Лауры и

¹⁴ ACLU of Michigan Complaint re Use of Facial Recognition. Сайт ACLU. 2020. Available at: <https://www.aclu.org/documents/aclu-michigan-complaint-re-use-facial-recognition> (дата обращения: 05.11.2024).

Джона Арнольдов. Среди факторов, по которым анализируется личность: возраст, характер предъявленных обвинений, наличие криминальной биографии и т.д. (всего 9). Кроме того, PSA присваивает каждому проверяемому рейтинг общественной опасности – от 1 до 6. Оценка предназначена для того, чтобы помочь судьям оценить уровень риска для обвиняемого в случае освобождения из-под стражи в ожидании суда по уголовному обвинению¹⁵. Судьи штата Нью-Джерси, Техаса, Юта и некоторых других штатов уже начали использовать PSA в своей работе. Причем для широких кругов общественности не раскрываются принципы работы данной системы. Главная опасность заключается в том, что алгоритмы могут «отпустить на волю» опасного преступника, а судья доверится системе и примет волевое решение. Последствия, вне всякого сомнения, могут быть очень трагичные.

Многие алгоритмы ИИ работают на основе сложных математических моделей, трудных для понимания среднестатистическим человеком. Часто даже разработчики конкретного ИИ не могут объяснить, как и почему ИИ принимает именно те решения, которые он принимает. Следовательно, возникает опасность неправильного или изначально предвзятого принятия решений без возможности объяснения причины таких действий. Это может стать проблемой, особенно когда требуется дать пояснения о принятых решениях общественности или заинтересованным гражданам. В то же время возможны случаи сбоев и систематических ошибок, которые не поддаются прогнозированию.

Итак, можно констатировать, что использование искусственного интеллекта и технологий, основанных на его отдельных элементах, в политической сфере несет с собой как потенциал для улучшения эффективности управленческой работы, так и серьезные риски, такие как утрата человеческого фактора в управлении, проблемы безопасности и конфиденциальности данных, этические вопросы и усиление социального неравенства, недостаток прозрачности и объяснимости решений, принимаемых искусственным интеллектом. Поэтому внедрение ИИ должно осуществляться с учетом этих и многих других рисков, при активном участии представителей широкой общественности, в целях обеспечения баланса между автоматизацией процессов, ответственностью государства и общества и паритетом интересов всех и каждого.

Все эти примеры подчеркивают важность этического и ответственного использования ИИ в политике и управлении. Именно поэтому применение искусственного интеллекта именно в политике (где часто практикуется обман, коррупция, манипуляции общественным мнением, засекречивание информации, тайные договоренности, и т.д.) и в управлении может быть сопряжено с многочисленными рисками, такими как технические несовершенства ИИ, возможности потенциального нарушения прав человека и гражданина.

Организационно-правовые меры и предложения по минимизации и нивелированию рисков от внедрения ИИ в сферу управления государством

Как отмечают В.П. Казарян и К.Ю. Шутова «Законы робототехники Айзека Азимова более полувека оставались фантастикой, но сегодня юридическое регулирование ИИ и его использование в самой юриспруденции становится повседневной

¹⁵ Utah Public Safety Assessment Frequently Asked Questions. Официальный сайт The Journal Brench of Utah. Режим доступа: <https://www.utcourts.gov/en/court-records-publications/publications/court-publications/court-reports/psa/faq.html> (дата обращения: 05.11.2024).

практикой» (Kazaryan & Shutova, 2023: 353). Именно поэтому отсутствие закрепленных правил этики и мер ответственности за незаконное применение ИИ, включая злоупотребление ИИ для достижения политических и управленческих целей, значительно повышает воплощение этих рисков в реальность. Если речь идет о менее опасных и незначительных рисках применения ИИ, то возможно регулирование посредством издания подзаконных нормативно-правовых и локальных нормативных актов. К примеру, когда речь идет о внедрении ИИ в процессы принятия решений на уровне муниципальных органов власти или отдельного предприятия. С помощью правовых инструментов можно значительно минимизировать эти риски и обеспечить более безопасное и эффективное использование ИИ в государственном управлении и в политике.

Считаем, что для минимизации рисков необходимо разработать и применять соответствующее законодательство. Нормативная база должна обеспечивать ответственность за неправомерное использование ИИ, нарушения базовых конституционных прав человека и гражданина, исключая любое вредоносное вмешательство в личную жизнь граждан. В законодательстве также следует предусмотреть механизмы контроля за системами ИИ, чтобы гарантировать их безопасность и соответствие этическим нормам. Действующее законодательство в области регулирования ИИ¹⁶ предусматривает принципы работы с технологиями ИИ, цели и задачи внедрения таких технологий, обязанности субъектов и многое другое. В законах и подзаконных нормативно-правовых актах отмечается особая опасность систем, работающих на основе технологий ИИ, однако до сих пор не принят ни один закон, предусматривающий ответственность за неправомерное использование ИИ. Считаем, что необходимо законодательно предусмотреть меры ответственности за самые опасные для национальной безопасности противоправные деяния.

В Российской Федерации с 2024 г. действуют отдельные нормы, предусматривающие административную ответственность за применение дипфейков в определенных случаях. Укажем, что в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 17 «Привлечению к административной ответственности по части 1 статьи 5.12 КоАП РФ подлежат также заказчики и лица, выполнившие работы, оказавшие услуги по созданию (подготовке) агитационных материалов всех видов с использованием изображений любого физического лица, в том числе умершего (фотографий, видеозаписей или произведений изобразительного искусства, изображений, созданных с использованием компьютерных технологий...)»¹⁷. Более того,

¹⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ) // Российская газета. 2020. № 173; Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (ред. от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ) // Российская газета. 2020. № 92; Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700; Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 8.

мошенники начинают использовать дипфейки для создания голосов умерших родственников для совершения преступлений¹⁸. К сожалению, не предусматривается ответственность за оскорбление посредством создания дипфейка, хотя потенциальный ущерб может быть очень высоким, гораздо выше, чем «обычное» оскорбление. На наш взгляд, следует предусмотреть административную и уголовную ответственность за создание и распространение дипфейков, основных на образах мировых лидеров, знаменитостей и, разумеется, любого человека.

Отсюда следует, что в российском законодательстве тема дипфейков еще не проработана: отсутствуют не только конкретные нормы, но даже и необходимые определения. Все больше исследователей, среди которых следует отметить Т.Я. Хабриеву, Н.Н. Черногора, которые говорят о необходимости регулирования искусственного интеллекта в различных сферах человеческой жизнедеятельности (Khabrieva, 2023:5–12, Chernogor, 2023:5–15). Л.В. Бертовский делает вывод о формировании «высокотехнологичного права, внутренней стороной которого является использование высоких технологий для решения задач, появляющихся в процессе правоприменения, а внешней – регулирование общественных отношений, возникающих при их использовании» (Bertovsky, 2021:735).

На наш взгляд, требуется создание как государственных, так и независимых экспертных органов и комиссий по этике искусственного интеллекта. Это поможет в оценке и контроле использования ИИ в сфере политики и управления как на общегосударственном уровне, так и на местах. Эти органы должны формироваться из высококвалифицированных специалистов, которые смогут анализировать и оценивать все виды рисков, включая вопросы технологического применения, и рекомендовать меры по их полному нивелированию или минимизации.

Кроме того, считаем целесообразным проведение обучения государственных и муниципальных служащих всех органов власти с применяемыми в их работе новыми технологиями. При этом в процессе прохождения ими образовательных программ должны быть раскрыты вопросы этики применения искусственного интеллекта, возможные риски его использования и иные проблемы, которые мы отразили в настоящем исследовании. Государственные органы власти в лице Правительства РФ и Министерства высшего образования и науки РФ на федеральном уровне должны, на наш взгляд, поддерживать различные образовательные программы, в том числе курсы и семинары, способствующие осведомлению сотрудников органов власти о правовых и этических аспектах использования ИИ как в текущей деятельности, так и в недалеком будущем.

Для расширения доступа к информации о применении ИИ в политике принципы прозрачности и открытости играют важнейшую роль. Открытые научные дискуссии, публикации данных и отчетов о федеральных и региональных проектах, связанных с ИИ, помогут снизить риски непринятия гражданами технологий, основанных на ИИ, а также риски принятия недемократичных решений. Представители гражданского общества, к примеру, независимые эксперты и группы общественного контроля за внедрением отдельных технологий в сфере управления, основанных на ИИ, должны иметь возможность участвовать в обсуждении и в непосредственном контроле применения ИИ. По оценкам О.А. Башаевой, «развитие современных социальных платформ послужило толчком к формированию сетевого сообщества и

¹⁸ Аферисты начали просить у россиян деньги под видом умерших родственников // Сайт Life. Режим доступа: <https://life.ru/p/1700173?ysclid=m34d2h07u3374638819> (дата обращения: 05.11.2024).

появлению нового типа гражданских онлайн-приложений, основанных на самостоятельном решении гражданским обществом целого ряда проблем (отслеживание качества воздуха в городах или образования стихийных свалок, ликвидация последствий стихийных бедствий и прочее» (Bashaeva, 2020:46). Аналогичные платформы можно создавать в целях осуществления общественного контроля за ИИ.

В целях минимизации рисков использования искусственного интеллекта в сфере политики и управления мы предлагаем закрепление в законах и иных нормативно-правовых актах следующих норм:

– о прозрачности использования и применения искусственного интеллекта (алгоритмы и системы искусственного интеллекта должны быть понятными и объяснимыми, чтобы их действия мог проверить любой человек, жизнь которого затрагивают такие технологии, включая решения, которые влияют на политические и управлочные процессы в государстве на любом уровне; с этой целью с 2018 г. в США создается объяснимый искусственный интеллект (Explainable Artificial Intelligence – XIA), тем не менее, пока ни в одной стране мира нет закона, регламентирующего его применение);

– о запрете дискриминации и обеспечении социального и политического равенства (никто не должен быть ограничен в использовании высоких технологий, основанных на ИИ – вне зависимости от пола, расы, социального положения, ровно как и подвергаться предвзятой оценке со стороны технологий ИИ). Как в ситуации с Робертом Уильямсом в США, любые системы поиска преступников, основанные на обработке биометрии ИИ, должны проверяться человеком, в противном случае может пострадать репутация гражданина, а доверие к правоохранительным органам будет подорвано. Примечательно, что пока только в этических рекомендациях и кодексах прописывают принцип недискриминации ИИ, но в конкретных нормах (УК РФ, КОАП РФ) данный принцип еще не нашел отражения;

– о неприкосновенности человеческих прав и свобод (Это означает, что искусственный интеллект не должен принимать решения, которые нарушают основные права и свободы, включая запрет на обработку и анализ персональных данных, разрешения на обработку которых человек не давал). К примеру, в ст. 7 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ указано, что системы ИИ должны собирать только обезличенные данные. Однако требуется по аналогии с законом Евросоюза об ИИ дополнить отечественное законодательство положениями о том, что в любых ситуациях управлочные решения на основе анализа данных должен принимать исключительно человек;

– об использовании дипфейков и установлении ответственности за их неправомерное использование, включая гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность. Помимо этого, требуется установление пределов использования дипфейков, как это было сделано в Китае и США. Например, 3 октября 2019 г. в штате Калифорния были опубликованы два законопроекта, подписанные губернатором. Assembly Bill № 730, запрещающий публикацию в средствах массовой информации, вводящих в заблуждение аудио- или видеоматериалов с кандидатом на государственную должность, с намерением нанести ущерб репутации кандидата или обманом заставить избирателя проголосовать за или против кандидата. Законопроект определял «существенно вводящие в заблуждение аудио- или визуальные носители» как изображения или аудио- или видеозапись внешнего вида, речи или поведения кандидата, которыми намеренно манипулировали таким образом, что изображение,

аудио- или видеозапись должно показались бы разумному лицу подлинными и привели бы к тому, что у разумного человека возникло бы принципиально иное понимание или впечатление о выразительном содержании изображения или аудио- или видеозаписи, чем если бы он слышал или видел неизмененную, оригинальную версию изображения или аудио- или видеозаписи»¹⁹.

Второй законопроект, Assembly Bill № 602, запрещал публикацию контента порнографического характера, в том числе «измененных» видеороликов без согласия изображенного лица²⁰. Эти законопроекты критиковались как недостаточные для борьбы с дипфейками. Позднее в разных штатах было разработано еще несколько документов того же направления, готовятся и федеральные нормы (Postarnak, 2023:271).

В КНР, где интернет-пространство контролируется властями значительно плотнее, чем в западных странах, отказались от полного запрета дипфейков, однако любое использование дипфейков должно сопровождаться указанием на ложность предоставляемой информации. За несоблюдение этого требования предусмотрена уголовная ответственность²¹.

В Европейском Союзе идет процесс согласования норм о дипфейках, вырабатываемых национальными законодателями стран-членов ЕС. Важная роль в выработке таких норм принадлежит крупнейшим транснациональным социальным сетям, для которых ограничение дипфейков и вообще деятельности ИИ, – это неотложная практика (Postarnak, 2023:271–272). Их опыт обязательно должен быть учтен отечественными законодателями.

Мы считаем, что китайский вариант вполне рационален и применим в отечественных реалиях: в развлекательных и творческих целях дипфейки должны быть допустимы, однако видео обязательно должно быть промаркировано, чтобы зритель изначально понимал, что смотрит видео, сгенерированное нейросетью или с изменившими элементами (вставками).

Предложенные нами нормы являются основными примерами возможных законодательных изменений, которые можно принять в рамках минимизации рисков использования искусственного интеллекта в сфере политики и управления. Однако они все же направлены на человека, т.е. подразумевают, что любой ИИ будет находиться под контролем конкретных людей. В то же время, в западной юридической науке обсуждается вопрос о придании искусственноому интеллекту нового юридического статуса, вроде «цифрового юридического лица». В случае, если ИИ будет действовать в обществе полностью самостоятельно, соблюдение им правовых норм, скорее всего, не будет «человеческим». Эта проблема также требует изучения техническими специалистами, а также юристами, философами, психологами, и т.д. – проблема эта настолько важна для человечества будущего, что для ее изучения должны быть привлечены все необходимые ресурсы.

¹⁹ Assembly Bill № 730. Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201920200AB730 (дата обращения: 01.08.2024).

²⁰ Assembly Bill № 602. Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201920200AB602 (дата обращения: 01.08.2024).

²¹ Criminal Law of the People's Republic of China. Сайт Congressional-Executive Commission on China. Режим доступа: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 04.11.2024).

Заключение

Технологии ИИ, несомненно, изменят существующее законодательство, и, возможно, приведут к возникновению совершенно новых областей права. Эти технологии развиваются в последние годы «не по дням, а по часам», что требует от законодателей, политиков и юристов быстрой и адекватной реакции. Изменения, вносимые искусственным интеллектом во все стороны нашей жизни, настолько велики, что многие исследователи говорят о том, что происходит новый этап научно-технической революции. Столь сильные инструменты, применимые практически в любой деятельности, приносят не только новые возможности, но значительные риски для общества и всей планеты. Эти риски весьма разнообразны: военные, экологические, коренная перестройка рынка труда и структуры занятости населения, ошибки искусственного интеллекта, прямо противоправная деятельность людей с использованием новых технологий, законная деятельность, несущая неявную опасность для граждан и государства, и т.д.

Все эти новые вызовы обязательно должны быть отражены в действующем законодательстве, как на национальном, так и на международном уровнях. В данной статье мы предложили некоторые наиболее необходимые меры. Должны быть созданы новые структуры для контроля над новыми технологиями и соблюдением касающегося этой сферы законодательства.

Практика показывает, что в развитых странах уже идут все эти процессы, но идут по-разному: в зависимости от государственного устройства, политического режима, уровня развития применяемых технологий и т.д. Считаем важным изучать опыт всех участников этого процесса, включая и крупные корпорации, и применять тот опыт, который максимально подойдет под отечественные условия. В этой сфере вряд ли стоит устанавливать правила раз и навсегда. Вместо этого законодатели должны быть готовы быстро корректировать их с учетом эффективности принятых мер, и эволюции технологий. Считаем необходимым создание универсальных международных этических правил использования ИИ, в центре которых будут стоять интересы не только государств, но, в первую очередь людей, уже сегодня взаимодействующих с этими технологиями ежедневно.

References / Список литературы

- Basheva, O. A. (2020) Digital activism as a new method of civil mobilization. *Scientific result of Sociology and management*. 6 (1), 41–57. (in Russian).
Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57.
- Bertovsky, L.V. (2021) High-tech law: Understanding, genesis and prospects. *RUDN Journal of Law*. 25 (4), 735–749. (in Russian).
Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 4. С. 735–749.
- Chernogor, N.N. (2022) Artificial intelligence and its role in the transformation of modern law. *Journal of Russian Law*. 26 (4), 5–15. (in Russian).
Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 4. С. 5–15.
- Crawford, K. & Calo, R. (2016) There are gaps in artificial intelligence research. *Nature*. 538, 311–313.

- Gavrilova, Yu. A. (2021) The concept of integrating artificial intelligence into the legal system. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 673–692. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-673-692>
- Ilina, E.M. (2022) Politics and management in the Government of the Russian Federation: The political course of public administration. *Ars Administrandi*. 3, 403–421. (in Russian).
Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi. 2022. № 3. С. 403–421.
- Kazaryan, V.P. & Shutova, K.Yu. (2023) Ethical risks in the practice of artificial intelligence. *Ideas and ideals*. (2–2), 346–364. (in Russian).
Казарян В.П., Шутова К.Ю. Этические риски в практике искусственного интеллекта // Идеи и идеалы. 2023. № 2–2. С.346–364.
- Kiselev, A.S. (2021) On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: Deepfake as a threat to national security. *Bulletin of the Moscow State University. Series: Jurisprudence*. (3), 54–64. (in Russian).
Киселев А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64.
- Khabrieva, T. Ya. (2023) Technological imperatives of the modern world and law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 19 (1), 5–12. (in Russian).
Хабриева Т.Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5–12.
- Kozlov, S.E. (2020) Internet activism as a form of political participation in modern Russia. *State administration Electronic Bulletin*. (79), 154–169. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10053> (in Russian).
Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 154–169. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10053>
- Lemaikina, S.V. (2023) Problems of countering the use of deepfakes for prestigious purposes. *Lawyer-Jurist*. (2 (105)), 143–148. (in Russian).
Лемайкина С.В. Проблемы противодействия использования дипфейков в преступных целях // ЮП. 2023. № 2 (105). С. 143–148.
- Lovink, G. (2019) *Critical theory of the Internet*. Moscow, Ad Marginem Publ. (in Russian).
Ловинк Г. Критическая теория интернета. М. : Ad Marginem, 2019. 304 с.
- Novitsky, N.A. (2020) Issues of combining public administration in general, reducing investment risks in the development of digital systems with artificial intelligence. *Eurasian Union of Scientists*. (8–3 (77)), 48–54. (in Russian).
Новицкий Н.А. Вопросы совершенствования государственного управления в целях снижения инвестиционных рисков при развитии цифровых систем с искусственным интеллектом // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 8–3 (77). С. 48–54.
- Postarnak, A.M. (2023) Analysis of foreign legal regulation of deepfakes: The problem of intellectual integrity protection. *Theory and practice of social development*. (6 (182)), 269–273. (in Russian).
Постарнак А.М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). С. 269–273.
- Sorokova, E.D. (2022) Ethics of artificial intelligence in Russia and the European Union: Common in risk-oriented approaches. *Discourse-Pi*. (3), 157–169. (in Russian).
Сорокова Е.Д. Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе: общее в риск-ориентированных подходах // Дискурс-Пи. 2022. № 3. С. 157–169.
- Ren, Hu. (2022) Artificial intelligence and the legal system of the future: The right to access the electric energy of artificial intelligence. *Open Journal of Social Sciences*. 10 (12), 447–458.

- Volodenkov, S.V. & Fedorchenko, S.N. (2021) Digital infrastructures of civil and political activism: Current challenges, risks and limitations. *Monitoring*. 6, 97–118. (in Russian).
Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг. 2021. № 6. С. 97–118.
- Volodenkov, S.V. (2022) Politics in digital format in the research of Russian and foreign scientists: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*. 24 (3), 339–350. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350> (in Russian).
Володенков С.В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 339–350. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350
- Yastrebov, O.A. (2018) Artificial intelligence in the legal space. *RUDN Journal of Law*. 22 (3), 315–328. (in Russian).
Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российской Федерации дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
- Yuste, R., Goering, S. et al. (2017) These four priorities for neurotechnology and artificial intelligence. *Nature*. 551 (7679), 159–163.

Сведения об авторе:

Киселев Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследований и экспертиз; доцент кафедры международного и публичного права, юридический факультет, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; заместитель главного редактора журнала «Банковское право» ИГ «Юрист»; 125468, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

ORCID: 0000-0002-5044-4721, SPIN-код: 3570-8911

e-mail: alskiselev@fa.ru

About the author:

Alexander S. Kiselev – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher at the Center for Research and Expertise, Associate Professor of the Department of International and Public Law at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy editor-in-chief of the Banking Law journal, Lawyer Publishing group; 49 Leningradsky Prospekt str., Moscow, 125468, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5044-4721, SPIN-code: 3570-8911

e-mail: alskiselev@fa.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-544-561>
EDN: ZOHSXX

Научная статья / Research Article

Последствия использования искусственного интеллекта в процессе обучения в юридическом вузе

Т.В. Ефимцева , Е.Э. Жукова

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал), *Оренбург,*

Российская Федерация

 tve-26@mail.ru

Аннотация. Исследуя проблему в образовании, остро стоит вопрос о мотивации обучающихся. В нашем случае мы хотим разобрать вопрос мотивации к изучению иностранного языка студентами в неязыковом вузе. Практика показала, что повышению мотивации к образовательному процессу способствует целый комплекс мероприятий, включая грамотную организацию учебного процесса и широкое использование новейших технологий. В связи с этим следует отметить появление искусственного интеллекта и масштабное применение нейросетей, что влечет за собой как положительные, так и негативные последствия. Таким образом, такое нововведение как искусственный интеллект может быть использовано как во благо, так и во вред обучающимся. Для того, чтобы новые технологии служили прогрессу, необходимо изменить сложившийся в мире порядок. Цель исследования – рассмотрение возможностей использования искусственного интеллекта для подготовки юристов и обучения английскому языку студентов-юристов, нам также будет необходимо выявить преимущества и недостатки искусственного интеллекта и составить рекомендации для улучшения образовательного процесса с использованием нейросетей. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания. В настоящем междисциплинарном исследовании проанализированы работы зарубежных и отечественных специалистов, посвященные различным темам, касающимся в первую очередь вопросов применения искусственного интеллекта в образовании.

Ключевые слова: образование, мотивация, информация, искусственный интеллект, нейросети, chat GPT, качество, научность, конфиденциальность, безопасность, защита прав.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Ефимцева Т.В. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Жукова Е.Э. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 22 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

© Ефимцева Т.В., Жукова Е.Э., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ефимцева Т.В., Жукова Е.Э. Последствия использования искусственного интеллекта в процессе обучения в юридическом вузе // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 544–561. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-544-561>

Consequences of Using Artificial Intelligence in the Process of Studying at a Law School

Tatiana V. Efimtseva , **Elena E. Zhukova**

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Orenburg Institute (Branch), *Orenburg, Russian Federation*
 tve-26@mail.ru

Abstract. In education, student motivation is a crucial issue. This study focuses on the motivation of non-linguisticcs students to learn a foreign language. Practice has shown that a combination of factors, including effective organization of the learning process and the extensive use of modern technologies, enhances motication in education. The emergence of artificial intelligence (AI) and the widespread application of neural networks have both positive and negative consequences. Therefore, AI can be used for both the benefit and detriment of students. To ensure that new technologies serve progress, changes to the existing order are necessary. The study aims to examine the possibilities of using AI to train lawyers and teach English to law students. It identifies AI advantages and disadvantages and formulates recommendations to improve the educational process using neural networks. The research methodology is based on the dialectical method of scientific knowledge. This interdisciplinary study analyses the works of foreign and domestic experts on various topics, primarily concerning the application of AI in education.

Keywords: education, motivation, artificial intelligence, neural networks, ChatGPT, quality, confidentiality, security, protection of rights, information literacy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Efimtseva T.V. – data collection and processing, data analysis, text writing; Zhukova E.E. – data collection and processing, data analysis, text writing. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 22nd June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Efimtseva, T.V., Zhukova, E.E. (2025) Consequences of Using Artificial Intelligence in the Process of Studying at a Law School. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 544–561. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-544-561>

Введение

Искусственный интеллект основан на алгоритмах, которые позволяют машинам имитировать форму человеческого интеллекта. Эта инновационная технология помогает минимизировать ошибки и улучшить пользовательский опыт в различных областях, включая образование.

Российская сфера образования находится в начале пути внедрения искусственного интеллекта. В образовательной индустрии искусственный интеллект предлагает инновационные решения текущих образовательных задач. В частности, он обеспечивает индивидуальный подход к каждому отдельному ученику, то есть

персонализацию обучения, вовлеченность учеников в учебную деятельность, автоматизацию управленческих задач и постоянную связь учителя и ученика в режиме реального времени. Искусственный интеллект и нейросети (ChatGPT) могут произвести революцию в академических исследованиях, быстро обрабатывая и анализируя большие объемы данных, делая выводы, выдвигая гипотезы и проводя обзоры литературы намного быстрее, чем традиционные методы. Программа ChatGPT может помочь исследователям в написании статей, предоставляя комментарии и предложения и даже генерируя части текста.

Однако важно отметить, что эти возможности должны использоваться совместно с человеческим интеллектом, поскольку искусственный интеллект и ChatGPT могут только высказывать предположения и оказывать помощь, а окончательное решение и ответственность за результаты всегда лежат на исследователях. В то же время следует очень четко представлять угрозы применения искусственного интеллекта и помнить о том, что человека не заменит никто и никогда, и что в погоне за научно-техническими достижениями можно потерять самое главное – человека, его будущее и будущее всего человечества.

Цель статьи состоит в рассмотрении различных способов применения искусственного интеллекта в образовании, его преимуществ и связанных с ним проблем, а также перспектив его использования в будущем. Задачи исследования состоят в изучении понятия искусственного интеллекта, в кратком описании истории создания чата GPT, в раскрытии преимуществ и недостатков использования новых технологий в образовательном процессе, в выявлении тенденций новой политики в сфере образования.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания. В работе используются всеобщие принципы (объективность, всесторонность, историзм, единство теории и практики), общенаучные методы (анализ и синтез, логический, статистический, индукция и дедукция, систематизация и структурирование, функциональный подход), специальные методы, к которым относятся формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

В настоящем междисциплинарном исследовании проанализированы работы зарубежных и отечественных специалистов, посвященные различным аспектам достаточно широкой и малоизученной темы, связанной с использованием программ искусственного интеллекта в образовательной сфере деятельности. Так, Стивен Даггэн в Аналитической записке о взаимосвязи образования и информационных технологий, подготовленной по инициативе Института ЮНЕСКО, представил возможности искусственного интеллекта, а также обратил внимание на существующие здесь проблемы (Duggan, 2020). При этом в данной работе приводятся исследования, проведенные группой (Cassell et al, 2016).

В статье иностранных авторов Sh.G. Shete, A.A. Patil, V.K. Kasote, V.I. Pujaari «Use of artificial intelligence in education» объясняется, как искусственный интеллект используется в сфере образования, высказываются некоторые сомнения в реальном масштабировании таких программ и в достижении с их помощью результата обучения, заключающегося в усвоении обучающимися определенных базовых знаний, конечно, только в том случае, если именно такая цель ставится перед педагогами в образовательном процессе изначально (Shete et al, 2022). Все это подтверждается данными из краткого статистического сборника «Цифровая экономика: 2024»¹.

¹ Цифровая экономика: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

L. Floridi и M. Chiriatti пишут о природе и значении чата GPT, о масштабах, пределах и последствиях его использования (Floridi & Chiriatti, 2020).

D.O. Negoită и M.A.M. Popescu в своей работе предлагают всесторонний обзор последних научных исследований, представляя различные точки зрения на роль искусственного интеллекта в образовании, и проливают свет на потенциал искусственного интеллекта, его этические аспекты и новые тенденции в этой области (Negoită & Popescu, 2023).

Актуальность и важность использования искусственного интеллекта в образовании интересует многих современных авторов, к которым мы можем отнести M. Ayala-Pazmiño (Ayala-Pazmiño, 2023), Д.Т. Мухамедиеву, Е.К. Самандарова (Mukhamedieva & Samandarov, 2022), Ф. Уласана (Ulasan, 2023) и других.

О том, может ли нейросеть заменить ученого, и о сохранении баланса между правом на информацию и необходимостью защиты персональных данных от незаконного использования пишут Р.М. Янковский, М.А. Иванова и Е.В. Васякина (Yankovsky, 2023; Ivanova & Vasyakina, 2024). Вопросу о защите персональных данных по российскому и европейскому законодательству посвящены многочисленные работы С.А. Шадрина, которые приведены в списке литературы (Efimtseva & Shadrin, 2020; Shadrin, 2018).

О проблемах применения искусственного интеллекта в образовании в своей статье рассуждают Н.А. Шобонов, М.Н. Булаева, С.А. Зиновьева (Shobonov, Bulaeva & Zinovieva, 2023).

В работах А.С. Букина и В.Ю. Лапиной представлены направления, в которых перспективно и необходимо применять искусственный интеллект, например, в преподавании иностранных языков, что позволит повысить мотивацию у студентов, которые не соприкасаются с изучением языков (Bukin, 2023; Lapina, 2023). Одновременно с этим авторы сделали вывод о том, что искусственный интеллект хотя и имеет преимущество по обработке, анализу и иным видам деятельности, однако полностью заменить преподавателя пока что не может.

В свою очередь Н.И. Лопатина (Lopatina, 2017) рассмотрела проблему мотивации студентов в образовательных учреждениях на современном этапе развития высшего образования, перечислила возможные способы повышения уровня образования, которые сочетают в себе традиционные и инновационные формы учебной деятельности.

Понятие и развитие искусственного интеллекта

В процессе подготовки квалифицированных кадров, соответствующих требованиям экономики, владеющих основными языками международного общения, готовых к профессиональной и деловой иноязычной коммуникации, преподаватели системы высшего образования действуют в рамках критериев и компетенций, обозначенных в образовательных программах. Однако в работе со студентами неязыкового вуза преподавателям иностранных языков приходится прилагать больше усилий для мотивации студентов (Lopatina, 2017:95–99). С одной стороны, студенты понимают, что владение иностранным языком на высоком уровне повышает их шансы на хорошую карьеру, но, с другой стороны, есть основные предметы, студенческая жизнь, и преподавателю иностранного языка нужно встроиться со своими заданиями во внеурочную деятельность, чтобы у студентов было желание не только выполнить

домашнее задание, но и сделать немного больше. В связи с этим преподавателям необходимо использовать новые технологии, оправдывать стереотипы, что преподаватели иностранного языка – самые современные, продвинутые, знакомые с новинками науки и техники, поскольку имеют возможность читать иностранные источники. И здесь на помощь преподавателям приходит искусственный интеллект (ИИ). Преподаватели вузов применяют такие технологии для моделирования учебных ситуаций и подготовки специалистов с профессиональными и цифровыми навыками, для проведения дебатов, для отработки разговорных ролей в реалистичных ситуациях (Bukin, 2023:14–20; Lapina, 2023:149).

Возможности использования искусственного интеллекта и нейросетей сегодня поражают (Ulasan, 2023). В медицине это диагностика заболеваний, прогнозирование результатов лечения, создание индивидуальных планов лечения. В искусстве – создание новых произведений самых разнообразных жанров. В видеоиграх – разработка умных персонажей, которые могут адаптироваться к новому стилю игры, обучаться и развиваться. В юридической науке и практике нейросети составляют различные документы², формируют статистические данные, генерируют идеи и формулируют концепции. Можно сказать, что нейросети уже стали неотъемлемой частью нашей жизни в различных сферах, включая образование. Нейросети, обладающие способностью обрабатывать и анализировать большие объемы информации, могут значительно улучшить процесс обучения, обеспечивая студентам доступ к более эффективным и глубоким знаниям юридической терминологии и практики. Ведь сама суть образования – быть впереди, вести за собой, и поэтому нейросеть – это вызов? Несомненно. Но вместе с тем это и прогресс, и будущее, которое уже не остановить. А значит, нужно возглавить процесс, использовать эти возможности в благих целях.

Очевидно, что искусственный интеллект и нейронная сеть – современные технологии, использование которых в образовании наряду с другими сквозными технологиями такими, как большие данные, квантовые технологии, робототехника и сенсорика, интернет вещей, облачные технологии, технологии дополненной и виртуальной реальности, является гарантией успешной профессиональной деятельности участников образовательного процесса (Shobonov, Bulaeva & Zinovieva, 2023:289).

Появление и дальнейшее развитие искусственного интеллекта – прорыв, по масштабам напоминающий появление телефонов, а чуть позже Интернета. ChatGPT как новация в программировании актуализировала и популяризовала идею развития новых технологий, способных облегчить процесс обучения студентов и ускорить, а также индивидуализировать подход преподавателей к обучению. Аналогичные продукты будут выпущены десятками конкурентов. У OpenAI сейчас есть технологическое преимущество и отрыв по времени, но они не очень большие, условные Google или даже «Яндекс» могут их догнать, – комментирует один из основателей United Investors Александр Горный³.

² Как заявил представитель пресс-службы Верховного суда КНР, уже сейчас ИИ принимает участие в каждом судебном деле, а прокуратура страны проверяет способность машинного интеллекта самостоятельно выдвигать версии обвинения (См. об этом: Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом. Режим доступа: <https://pravo.ru/news/242025/> (дата обращения: 13.10.2024).

³ Крецу К., Титова И. Программисты, визионеры и гении бизнеса: кто придумал ChatGPT и куда они его ведут // Forbes. Технологии. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486215-programmisty-vizionery-i-genii-biznesa-kto-pridumal-chatgpt-i-kuda-oni-ego-vedut> (дата обращения: 13.05.2024).

Значение искусственного интеллекта и его практическое применение в образовании

В чем же заключается значение искусственного интеллекта в образовании, и как его можно применять на практике? Этим вопросом задаются ведущие университеты страны, и ответом является тот факт, что на данный момент технология искусственного интеллекта выступает мощным инновационным инструментом, которым смело могут пользоваться преподаватели для обучения студентов иностранным языкам. Сама по себе технология искусственного интеллекта предполагает под собой компьютерную программу, которая по функционалу напоминает человеческий мозг и способна обучаться на основе большого количества данных⁴.

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в изучении английского языка в вузах имеет большое значение и ряд преимуществ. ИИ-системы способны анализировать уровень знаний, индивидуальные особенности и предпочтения каждого студента. На основе этого анализа ИИ-системы могут адаптировать содержание, темп и методы обучения под нужды конкретного студента. Чат-боты и виртуальные ассистенты на основе ИИ могут вступать в диалог со студентами, отвечать на вопросы, предоставлять обратную связь в режиме реального времени, это способствует более эффективному усвоению материала и развитию разговорных навыков.

ИИ-системы могут отслеживать прогресс студентов, выявлять слабые места и предлагать дополнительные упражнения. Преподаватели получают возможность уделять больше внимания студентам, нуждающимся в индивидуальной поддержке. Использование ИИ-технологий позволяет организовывать обучение английскому языку в онлайн-формате, что делает его более доступным для студентов, так как студенты могут заниматься в удобное для них время, повторяя материал столько, сколько необходимо.

Еще одним способом повышения мотивации у студентов служит геймификация обучения с помощью ИИ-технологий, что подразумевает под собой использование игровых элементов, элементы соревновательности повышают вовлеченность студентов и их мотивацию к изучению английского языка.

Произошедший прорыв можно отследить по статистике, которая сформировалась на основе данных, полученных на протяжении последних нескольких лет. Например, в самом начале зарождения искусственного интеллекта в 2018 г. программа имела 117 млн параметров, обучение системы основывалось на книгах и статьях из Интернета. На следующий год вышла вторая часть Chat GPT-2, которая в базе имела уже не 117 млн параметров, а уже 1,5 млрд и выполняла функционал переводчика, копирайтера, ИТ-специалиста, занималась решением алгебраических выражений и могла генерировать синтетические новости и контент. В 2020 г. создана программа Chat GPT-3, которая имела небывалое до этого времени число параметров – 175 млрд – и использовала уже две трети сведений из Интернета. В марте 2023 г. разработчики компании Open AI представили более совершенный вариант Chat GPT-4, основанный уже на 100 трлн параметров, и, соответственно, более умная, творческая, распознающая иллюстрации, практически безошибочная. В конце 2023 г. появляется обновленная версия чат-бота на основе искусственного

⁴ Букаев И. Нейросети и обучение иностранным языкам. Образование. Профессиональный блог на VC.RU. Режим доступа: htvc.ru/education/682042-neyrosseti-i-obuchenie-inostrannym-yazykam (дата обращения: 13.05.2024).

интеллекта ChatGPT-4 Turbo. Это более мощная версия языковой модели GPT-4, созданной OpenAI, с большим контекстным окном, актуальными данными (теперь до апреля 2023 г.), общением голосом, поддержкой разных форматов. И, наконец, 13 мая 2024 г. технический директор Мира Мурати объявила о выходе GPT-4o («о» от «omni»)⁵. Эта модель обладает высокой скоростью ответа и способностью обрабатывать текст, аудио и изображения. GPT-4o поддерживает более 50 языков и более естественно взаимодействует с пользователем⁶. Главная характеристика современной нейроселеной – мультимодальность, поскольку новая ChatGPT может обрабатывать и воспроизводить с файлами аудио-видеотекстового формата, то есть идентифицировать информацию с записей, генерировать субтитры, переводить на разные языки в режиме реального времени. Программы, способные к генерации, становятся умнее, это проявляется в функции создания видео по описанию, и в скором времени программа научится создавать 3D миры.

Согласно опросу более 1200 обучающихся в крупных российских городах, проведенному аналитиками онлайн-платформы Skillfactory, больше половины обучающихся высших учебных заведений (65 %) имеют общее представление о нейросетях, а примерно половина студентов использует их в своей учебной деятельности.

Изучив статистику о том, разбираются ли люди в механизме работы нейросетей, можно сказать, что лишь 31 % опрошенных не представляют, как же все-таки работает искусственный интеллект и для чего он нужен, и одновременно с этим примерно около 30 % респондентов не видят особого смысла в использовании алгоритмов. Студенты наиболее часто прибегают к таким нейросетям, как Kandinsky, Midjourney, Skillfactory. При этом к российской разработке Kandinsky обращаются примерно 20 %, Midjourney используют 36 %, а рекордсменом среди нейросетей вполне обоснованно и заслуженно выступает ChatGPT, с которой работают 93 % участников опроса.

Если учитывать источник, из которого студенты взяли информацию о том, как пользоваться нейросетями, то 44 % опрошенных научились пользоваться самостоятельно, используя статьи и рекомендации из Интернета, 36 % студентов самостоятельно освоили программы, а еще 15 % респондентов прибегали к помощи родственников и знакомых. Если говорить о значимости и направлении использования нейросетей, то 12 % студентов используют их для сдачи зачетов и экзаменов во время сессий, 25 % – для работы с фотографиями, для осуществления переводов – 29 %, но наиболее часто (83 %) нейросети помогают студентам в написании текстов, причем 45 % опрошенных пишут сочинения, курсовые работы, статьи, рефераты, а 28 % дополняют свои работы картинками. В разработке компьютерных программ и написании кодов нейросети применяют 44 % обучающихся вузов, которые, скорее всего, учатся на программистов. Получается, что сферы применения искусственного интеллекта достаточно разнообразны. Участники опроса полагают, что искусственный интеллект может заменить многие специальности, а 79 % респондентов хотели бы обучаться в вузах правильному использованию нейросетей⁷.

⁵ Режим доступа: <https://ispace.news/tech/chatgpt-4-turbo-novye/> (дата обращения: 13.05.2024).

⁶ Режим доступа: <https://openai.com/index/hello-gpt-4o/> (дата обращения: 13.05.2024).

⁷ Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495175-polovina-rossijskih-studentov-ispol-zuut-nejroseti-v-licebe> (дата обращения: 15.05.2024).

Мы опросили студентов отделения непрерывного образования Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) направления подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», которые обучаются на бакалавриате и специалитете. Отвечая на вопрос, как они используют нейросеть в обучении, респонденты ответили, что используют ее для того, чтобы составлять тезисы, писать эссе и статьи, переводить тексты, а также создавать презентации. Для создания презентаций на английском языке студенты используют приложение Gamma.app, о котором они узнали из телеграм-канала кафедры иностранных языков. Приложение HeyGenLab (нейросеть HeyGen автоматически переводит речь в видеороликах на другие языки, при этом сохраняя тембр голоса спикера и адаптируя движение его губ под сгенерированную дорожку⁸) было впервые опробовано на уроках иностранного языка при подготовке ролика для канала. Вместе с тем студенты с помощью преподавателя пришли к выводу, что бесплатно этим приложением можно воспользоваться один раз, а потому и дешевле, и полезнее выучить текст самому. Более 35 % студентов узнают о новых приложениях через телеграм-каналы кафедры и преподавателей⁹.

Используя искусственный интеллект (Chat GPT-3.5-turbo) в образовании, можно сказать о том, что он применяется в качестве автоматического перевода текста или аудиозаписей студентами, выступает помощником преподавателей в качестве генератора грамматических упражнений по заполнению пропусков, перефразированию, выбора из предложенных вариантов, по созданию диалогов для практики коммуникации. Сервис определяет и самостоятельно исправляет допущенные ошибки грамматические, орфографические и пунктуационные. В то же время существуют голосовые помощники, которые помогают совершенствовать произношение, а также подбирать персонализированные учебные материалы и рекомендации, исходя из уровня подготовки конкретного студента.

А применительно к образованию в области права преподаватели используют нейросети для моделирования судебных процессов и разработки заданий – кейсов, поскольку юридический профиль требует от студентов не только теоретических знаний, но и практических навыков. С помощью ИИ студенты разрабатывают стратегии защиты или обвинения, отрабатывая навыки аргументации. В частности, в рамках учебного процесса студенты проводят симуляции судебных заседаний, где нейросеть выступает в роли судьи или эксперта, что добавляет элемент реализма в обучение.

Учитывая, что работа юриста связана с составлением документов, изучением договоров (контрактов) и подготовкой отчетов, нейросеть может значительно сэкономить время и усилия посредством создания шаблонов документов, таблиц, графиков, схем; решения конкретных казусов и задач; поиска информации, актуальных источников и материалов по заданной теме; представления ответов и разъяснений на каверзные вопросы преподавателей; первичного анализа юридических текстов. Например, студентка долго не могла нигде найти сведения об организационных и тактических приемах, тактических решениях и тактических операциях, их научных основах и правовых условиях применения в следственной деятельности, а чат GPT оперативно нашел подробный и структурированный ответ на поставленный вопрос.

⁸ Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/65045d119a7947e1667ca792?from=copy> (дата обращения: 13.05.2024).

⁹ Режим доступа: <https://www.heygen.com/> (дата обращения: 13.05.2024).

Также полезным студенты признают сайт Gamma.app, который позволяет создавать презентации с тематическими картинками и текстом, красивым дизайном. Так, выпускница юридического вуза воспользовалась данным сайтом, подготовила презентацию на защиту диплома по теме «Пенсионное обеспечение военнослужащих по контракту и членов их семей» и получила отличную оценку.

Далее приведем собственное мнение о возможностях GigaChat – мультимодальной модели Сбера, анонсированной в конце апреля 2023 года. Эта программа легко справляется с разработкой планов, с подготовкой презентаций, с написанием текстов, в том числе стихотворных, с поиском ответов на простые вопросы, с поддержкой элементарного общения. При этом нейросеть свободно «владеет» двумя языками – русским и английским. Сильной стороной GigaChat является креатив, и поэтому желательно прибегать к ней для выполнения именно творческих заданий (например, для составления рецептов, поздравлений, стихотворений, рекламных слоганов). В ситуациях же, когда требуется рациональное мышление, нейросеть не справляется и начинает ошибаться, то есть проявляет свое «творчество». К сожалению, программа GigaChat при работе с текстами использует за неимением собственных языковые модели (ruGPT-3, FRED-TP), аналогичные моделям Google.

Разработчики данной программы анонсировали тот факт, что GigaChat обучен на 18 миллиардах параметров и может использоваться при анализе больших объемов юридических текстов, чтобы выявить тенденции и паттерны, что позволяет студентам разобрать и вникнуть в саму суть юридических концепций, а это улучшает навыки идентификации и применения законов. Более того, студенты нуждаются в применении теоретических знаний на практике, и поэтому искусственный интеллект может воссоздавать симуляцию судебных заседаний, где студенты могут отрабатывать навыки аргументации и ведения переговоров. ИИ может быть использован для автоматизации процесса тестирования, что позволит студентам быстрее получать обратную связь о своих успехах и недостатках. Это снизит нагрузку на преподавателей, освободив их время для более важных задач, таких как индивидуальная работа со студентами. ИИ может применяться для создания персонализированных учебных планов, которые учитывают уникальные потребности и интересы каждого студента. Это поможет студентам лучше усвоить материал и повысить их мотивацию к обучению. ИИ может быть использован для развития «мягких» навыков, таких, как эмоциональный интеллект и критическое мышление. Например, программы могут анализировать эмоции студентов и предлагать им упражнения для развития этих навыков¹⁰.

Таким образом, сама нейросеть определила три направления своего использования: автоматизация некоторых процессов, предоставление персонализированного подхода и улучшение качества обучения¹¹. И это лишь некоторые из способов использования ИИ в образовании.

По мере развития технологий и увеличения объема данных, доступных для анализа, возможности использования искусственного интеллекта в образовании будут закономерно и постоянно расширяться.

¹⁰ Режим доступа: <https://developers.sber.ru/gigachat/login> (дата обращения: 13.05.2024).

¹¹ Режим доступа: trychatgpt.ru (дата обращения: 13.05.2024).

Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в образовании

Искусственный интеллект быстро набирает обороты в сфере образования, предоставляя возможности для улучшения процесса обучения и преподавательской деятельности. Преимущество использования ИИ заключается в уникальности обучения посредством генерирования большого объема информации, которая и формирует оценку, и повышает административную эффективность. Однако для того, чтобы всецело рассмотреть влияние ИИ на процесс обучения, важно помнить о недостатках, среди которых на первом месте находятся предвзятость при подготовке данных, проблемы конфиденциальности, этические соображения и необходимость проведения содержательных исследований в данной сфере. Приоритетом в образовании остается обеспечение этичного и конструктивного использования ИИ (Negoită & Popescu, 2023:212–213).

Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании подготовил Аналитическую записку, в которой представлена образовательная деятельность будущего, направленная на развитие у обучающихся определенных качеств – «навыков XXI века», которые могут гарантировать успешную карьеру, но которые никак не связаны с получением хоть каких-то элементарных знаний. «Навыки XXI века» по сути представляют собой некий набор разнообразных компетенций, включающих в себя цифровую грамотность, критическое и неординарное мышление, широту взглядов, упорство, умения работать в команде и добиваться результатов, и иные способности, набор которых может видоизменяться в зависимости от запросов потенциальных работодателей, в качестве которых сегодня выступают транснациональные корпорации. В образовательном процессе как в деятельности по приобретению указанных навыков важная роль отводится искусственному интеллекту и другим информационным технологиям (Daggen, 2020).

При этом нагляднее всего значимость ИИ для улучшения результатов обучения доказывает его способность оценивать учебные достижения, используя обширный перечень разнообразных показателей, собирать данные по всем способам обучения и анализировать их, обеспечивая целостное представление о достижениях каждого отдельного учащегося (Floridi & Chiratti, 2020:1–14). К преимуществам искусственного интеллекта некоторые авторы относят также его достаточно низкую стоимость, возможность повторного использования учебного материала и изучения предметов на платформе студентом самостоятельно в удобном месте и в удобное для него время, индивидуальный подход к каждому студенту, объективную оценку знаний студентов (Mukhamedieva & Samandarov, 2022).

Различные сферы деятельности, включая образование, невозможно сегодня представить без использования большого объема сведений, называемых большими данными, с которыми нужно уметь производить различные операции, и этому тоже приходится учиться. Процесс сбора и обработки таких сведений трудно представить без технологии искусственного интеллекта, который и задумывался для работы с большими данными. Один из специалистов по теории организации сравнил отсутствие больших данных у корпорации с отсутствием у нее органов чувств.

В этой связи надо сказать, что корпорации давно и успешно применяют информационные технологии для проведения анализа своей коммерческой деятельности и ее результатов, главным из которых, как известно, является максимальное получение

прибыли. В погоне за прибылью корпорации прибегают ко все более сложным ухищрениям, и здесь им большую помощь оказывает искусственный интеллект, подсказывающий наиболее верные решения для управления потенциальными покупателями и для воздействия на широкие массы людей, которые часто и совершенно не явно для них выступают в качестве подопытных лиц в экспериментах по изучению мыслей, действий, поступков, эмоций, иных качеств и способностей. В настоящее время сфера образования перенимает соответствующие алгоритмы, чтобы применить их уже к обучающимся не только в качестве опытов над ними, но и для подготовки соответствующих кадров для транснациональных корпораций¹².

Искусственный интеллект позволяет обучающимся приобрести знания и навыки, развивающие критическое мышление, чтобы противостоять таким негативным явлениям, как нарушение конфиденциальности персональных данных людей и их частной жизни; злоупотребление в виде различных форм психического и психологоческого давления, обращения исключительно к эмоциям; использование деструктивного контента (сцен с насилием, агрессией, суицидом, развратом, призыва к незаконным действиям и т.д.); распространение заведомо недостоверных и искаженных сведений.

Таким образом, ключевой момент в образовании и его дальнейшем развитии – использование ChatGPT, YandexGPT и других аналогичных программ научно-педагогическими работниками и обучающимися.

Однако не все здесь складывается гладко и безоблачно. Специалисты, изучающие внедрение ИИ в учебных заведениях, полагают, что частое использование нейросетей может привести к ухудшению когнитивных способностей человека и негативно сказаться на развитии навыков мышления, а образовательный процесс может остановиться, замкнувшись в себе самом¹³.

Помимо указанных выше недостатков искусственный интеллект отрицательно влияет на отношения, связанные с духовно-нравственными ценностями и морально-этическими правилами. Так, по мере расширения использования искусственного интеллекта в образовании существует вероятность того, что обучающиеся станут более зависимыми от технологий, и что межличностные отношения между участниками учебного процесса будут непременно ухудшаться. Очевидно, это будет приносить вред образовательному процессу. Хотя ИИ может предложить широкий спектр возможностей для обучения, он не может заменить человеческий контакт. Преподаватель играет важную роль в мотивации студентов, поддержке их эмоционального состояния и помощи в преодолении трудностей. Некоторые студенты испытывают проблемы с мотивацией при использовании ИИ для обучения и предпочитают взаимодействие с живым человеком, который может вдохновить и мотивировать их продолжать учиться.

¹² Cassell, J., Paranjape, B., Sinha, T., Slebodnick, D. & Tan, L.Y. (2016) Sensing Curiosity in Play and Responding. The ArticuLab, Carnegie Mellon University. Available at: <http://articulab.hcii.cs.cmu.edu/projects/scipr/> [Accessed 13th May 2024].

¹³ Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 14.05.2024).

Преподаватели справедливо опасаются, что их заменят бездушные алгоритмы, и для таких опасений имеются серьезные основания¹⁴. Так, во время пандемии многие организации, в том числе образовательные, были переведены в дистанционный формат. Введение локдауна и других антиковидных мер в Германии вызвало волну судебных исков в Конституционный Суд. В результате рассмотрения заявленных требований Конституционный Суд ФРГ постановил, что ограничения свободы передвижения в условиях опасной пандемии были оправданы и вполне совместимы с положениями Конституции Германии; в частности, введенные меры отвечали критерию адекватности и пропорциональности (соразмерности), несмотря на серьезность государственного вмешательства в частную сферу личных прав и свобод человека¹⁵. Чтобы избежать замены живого человека машинами, следует применять подход к снижению рисков, заключающийся в разработке задач, требующих творческого подхода, критического мышления и навыков решения проблем, которые машины не смогут воспроизвести (Ayala-Pazmiño, 2023:897).

Безусловно, нейросети могут где-то кого-то заменить, но все равно именно человек должен управлять этими алгоритмами, а это повод нам всем учиться. И сам учитель в ближайшем будущем, конечно, тоже изменится, он станет не источником, а проводником знаний. Директор по взаимодействию с органами власти в сфере образования «Яндекса» Дмитрий Растворов отмечает, что еще несколько лет назад в проект «Яндекс Учебник» были постепенно введены элементы ИИ, но роль учителя при этом не ослабла: «Миссия учителя – научить пользоваться информацией. Роль педагога в информационном обществе меняется – он становится навигатором в цифровой среде вместо источника знаний»¹⁶. Иными словами, учитель теперь – бесплатное приложение к алгоритму.

ИИ предлагает структурированный подход к обучению, но менее гибкий, полный и конкретный, чем традиционное обучение. Особенно в тех случаях, когда необходим индивидуальный подход к каждому обучающемуся или адаптация программы обучения под конкретные запросы.

В обучении английскому языку еще одним недостатком может стать ограниченность в понимании контекста: ИИ способен анализировать тексты и предложения, но он не всегда полностью понимает нюансы языка, что может привести к неправильной интерпретации или непониманию определенных ситуаций.

Несмотря на эти отрицательные аспекты, использование ИИ в преподавании английского языка может быть полезным и эффективным. При этом важно найти баланс между использованием технологий и традиционными методами обучения, чтобы создать оптимальную среду для обучения.

¹⁴ В ближайшие годы начнется активное внедрение искусственного интеллекта в образовательные процессы. ИИ сможет частично выполнять функции школьных учителей и университетских преподавателей. Такой прогноз в беседе в «Газетой.RU» дал вице-президент по стратегии и инновациям МТС и генеральный директор Future Crew Евгений Черешнев. Эксперт предрек появление в России кибершкол с ИИ-учителями. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/07/24087529.shtml> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁵ Бекназар-Юзбашев Т. Антиковидные ограничения прав и свобод признаны конституционными: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/12/23/antikovidnye_ogranicheniya_prav_i_svobod_priznany_konstitucionnymi_reshenie_federalnogo_konstitucion (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁶ Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/231334/2024-01-31/2024-w05/1008/iskusstvennyy-intellekt-izmenit-rol-pedagoga-informacionnom-obschestve> (дата обращения: 20.05.2024).

Кроме того, для систем с искусственным интеллектом требуется много данных, включая конфиденциальную информацию о студентах и персонале, что вызывает серьезные опасения по поводу обеспечения конфиденциальности и защиты персональных данных (Efimtseva & Shadrin, 2020; Shadrin, 2018). В конечном счете невозможно определить точный объем потерянных данных, когда ИИ требует ремонта из-за аварии или другого непредвиденного события (Shete et al, 2022).

В практике использования искусственного интеллекта возникает множество вопросов, в том числе касающихся качества текста и его авторства (Yankovsky, 2023:126–133). Нужно отметить, что некоторые российские вузы (например, Московский городской педагогический университет) разрешают для написания письменных работ использовать нейросети, в том числе чат-боты. Однако в отечественных вузах сложилось неоднозначное отношение к нейросетям, что можно объяснить следующей ситуацией. В Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) студент при помощи ИИ подготовил выпускную квалификационную работу (диплом), защитил ее на удовлетворительную оценку, а потом написал об этом в социальных сетях. При этом студент уточнил, что искусственный интеллект сгенерировал весь объем дипломной работы, по всем структурным частям, включая ссылки на используемую литературу, тем самым создав прецедент, так как до него, по крайней мере в России, никто не писал работу с помощью ИИ. Именно поэтому администрация РГГУ выступила с инициативой запретить обучающимся использовать чат-бот ChatGPT, так как применение данной программы негативно влияет на процесс обучения. Произошедший казус можно рассмотреть с двух противоположных позиций. С одной стороны, студент не нарушил правила, подготовил работу, отвечающую всем предъявляемым требованиям, и самостоятельно ее защитил, но с другой стороны, его поступок можно считать обманом, так как дипломная работа написана не самим студентом.

После данного инцидента в РГГУ посчитали, что студентам необходимо ограничить доступ к программе ChatGPT в российских учебных заведениях. Судя по официальному заявлению данного вуза, ИИ негативно воздействует на процесс обучения, а также подвергает сомнению точность и безопасность генерируемого контента¹⁷. В этой связи в РГГУ усложнили допуск работ к защите, а при проверке в системе «Антиплагиат» программа «определяет» возможно сгенерированный текст, однако конкретно в самом тексте его не определяет, а лишь обращает внимание проверяющего на то, что текст возможно был сгенерирован. Минусы данной проверки состоят в том, что доказательств использования искусственного интеллекта программа не предоставляет, указывает лишь страницы в диапазоне, например: 3–4, 5–10 и т.д., и, основываясь на этом, преподаватели отправляют работу студента на доработку. Мы считаем, что программа «Антиплагиат» тоже по сути является ИИ, так как он собирает информацию из Интернета, анализирует ее и подсчитывает процент совпадения за считанные секунды, а значит, полностью исключать искусственный интеллект из образовательного процесса неуместно.

Такие авторы, как М.А. Иванова и Е.В. Васякина, исследовали проблему оценки качества текстов, сгенерированных нейросетью. Они считают, что, как правило, в таких текстах имеется достоверность и объективность запрашиваемого материала,

¹⁷ Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2023-02-01_nejroset_chatgpt_napisala_diplom (дата обращения: 15.05.2024).

а также присутствует необходимая новизна, однако в них зачастую отсутствует глубина проработки проблемы, существенная аргументация предложенных вариантов и т.д. Таким образом, ответ нейросети на научные вопросы сегодня более похож на памятку или инструкцию по заданной теме, что подтверждает мнение о том, что в ближайшее время искусственный интеллект вряд ли сравняется с человеком в написании научной работы (Ivanova & Vasyakina, 2024:24).

Каковы же перспективы использования искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности общества и особенно в области образования, включая подготовку юристов-специалистов высшей квалификации, владеющих иностранными языками? Очевидно, что все гении прошлого получили от своей эпохи необходимые инструменты для всестороннего развития и оказались в таком экономическом и социальном положении, которое позволило им творить. Следовательно, если обеспечить большинство населения необходимым уровнем жизни, доступом к науке, культуре и искусству, инструментами познания и изменения реальности, то можно получить целые поколения гениальных творцов, посвящающих себя и свои открытия людям. Именно к такому будущему и нужно стремиться.

Сегодня человечество выработало огромное количество инструментов, правильное распределение и использование которых может открыть перед людьми путь в социально-ориентированную деятельность. К тому же с доступом к информации и с расширением социальных связей за счет интернета реализовать свои идеи стало гораздо проще. Развитие нейросетей в перспективе открывает небывалый простор для человеческого творчества. Где ранее для создания того или иного произведения искусства (фильма, концертного исполнения, компьютерной игры) требовалось большое количество людей, уже завтра с помощью нейросетей сможет действовать только один человек. Однако, учитывая настоящую политэкономическую реальность (буржуазное общество периода ультраимпериализма), следует отметить, что все достижения научно-технического прогресса используются не во благо, а во вред людям: нейросети – для сокращения штатов программистов и художников, роботизация – для извлечения прибыли, покорение космоса грозит перейти в военное русло, а радикальный индивидуализм с его распущенностью приводит к полному отрицанию общества как такового¹⁸.

Вместе с тем важно отметить, что построение счастливого общества будущего с высокоразвитым населением, обладающим разнообразными общественно-полезными качествами, возможно при условии накопления мощных производственных мощностей, которые позволят обеспечить подавляющее большинство людей всем необходимым при минимальных затратах труда. Сегодня человечество выработало множество таких важнейших инструментов, одним из которых являются искусственный интеллект вообще и нейросети в частности.

Однако проблема заключается в том, что само устройство общества и производственные отношения противоречат уровню развития производительных сил и противодействуют дальнейшему научно-техническому прогрессу, гармоничному и всестороннему развитию личности (Ostrovyianov, 2021:6).

¹⁸ Наше общество лишили гениальной молодежи. Современное общество строит коммунизм, само того не зная. Но делает это из рук вон плохо. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZjLdJhFonwO0ukgl> (дата обращения: 15.05.2024).

Напротив, сегодня многие ученые игнорируют достижения марксизма, отрицают учение о социально-экономических формациях и предпочтение отдают цивилизационному подходу либо чисто технократическому подходу без учета объективных законов общественного развития. Так, например, Н.А. Новицкий полагает, что именно благодаря освоению квантовых цифровых компьютеров, развитию коммуникаций и открытиям в области искусственного интеллекта реализуется цивилизационно-государственный подход к формированию цифровой экономики, что позволяет сфокусировать мультиплектический эффект на прорывных фронтах освоения искусственного интеллекта и формирования единой сети квантовых коммуникаций и цифровых квантовых вычислительных систем, способных контролировать, эффективно управлять и обеспечивать кибербезопасность коммуникаций (Novitsky, 2023).

Заключение

Научно-технический прогресс не остановить. С учетом того, что перед человечеством постоянно встают новые вызовы, то непременно будут найдены и пути их решения. По мере дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта их роль будет становиться все более динамичной. Искусственный интеллект способен внести существенные изменения в образование, и для реализации его потенциала необходим продуманный междисциплинарный подход. Преобразующее влияние ИИ на образование продолжает оставаться актуальной темой, требующей постоянного изучения и обсуждения.

Одним из основных преимуществ использования ИИ в юридическом образовании является автоматизация рутинных задач. Это означает, что искусственный интеллект помогает студентам проанализировать большой объем правовой информации и выделить ключевые моменты, а будущие юристы могут сосредоточиться на более сложных аспектах анализа и интерпретации права и не тратить время на механическое чтение и поиск информации. Однако проблема здесь заключается в том, что машина уже на данном этапе сама принимает решения, которые человек не может предвидеть и предсказать, и это является существенным риском для человечества. Именно поэтому многие специалисты выступили против дальнейшего легкомысленного и беспринципного применения искусственного интеллекта в целом и в образовании в частности¹⁹. Мы полностью разделяем такую позицию и поддерживаем инициативу по ограничению использования нейросетей в юридическом образовании.

К тому же важно не забывать о критическом мышлении и морально-этических качествах, которыми должен обладать ответственный высококвалифицированный юрист для эффективной, продуктивной, честной и добросовестной деятельности на благо каждого конкретного человека и всего общества в быстро меняющемся современном мире.

¹⁹ В программе «Жизнь и судьба» на канале «Россия 1» приняла участие президент группы компаний в сфере информационной безопасности Наталья Касперская. Сейчас в мире стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта. Эксперт рассказала, чем это может грозить человечеству. Наталья Касперская назвала главную опасность искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZIBJT49VxzA8Z7H1> (дата обращения: 10.10.2024).

References / Список литературы

- Ayala-Pazmiño, M. (2023). Inteligencia artificial en la educación: Explorando los beneficios y riesgos potenciales. *593 Digital Publisher CEIT*. 8 (3), 892-899. <https://doi.org/10.33386/593dp.2023.3.1827> (in Spanish).
- Bukin, A.S. (2023) The use of neural networks for teaching English using the example of chatgpt: Opportunities and challenges for modern education. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology*. (2), 14–20. (in Russian).
- Букин А.С. Использование нейросетей для обучения английскому языку на примере chatgpt: возможности и вызовы для современного образования // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 2. С. 14–20.
- Daggen, S. (2020) *Artificial intelligence in education: Changing the pace of learning. Analytical note by UNESCO IITE*. In: Knyazeva, S.Yu. (ed.) Trans. Parshakova, A.V. Moscow, UNESCO Institute for Information Technologies in Education Publ. (in Russian).
- Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С.Ю. Князева; пер. с англ.: А.В. Паршакова. М. : Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 45 с.
- Efimtseva, T. & Shadrin, S. (2020) Legal Regulation of Personal Data in the Digital Economy: Leading Problems and Prospects. 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. (441), 398–407. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200526.058>
- Floridi, L. & Chiratti, M. (2020) GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences. *Minds and Machines*. (30), 1–14.
- Ivanova, M.A. & Vasyakina, E.V. (2024) Artificial intelligence against a scientist on the issue of maintaining a balance between the right to information and the need to protect personal data from illegal use. *Legal World*. (3(327)), 20–24. (in Russian).
- Иванова М.А., Васякина Е.В. Искусственный интеллект против ученого в вопросе о сохранении баланса между правом на информацию и необходимостью защиты персональных данных от незаконного использования // Юридический мир. 2024. № 3 (327). С. 20–24. <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2024-3-20-24>
- Lapina, V.Yu. (2023) Artificial intelligence in teaching foreign languages. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 10-1 (85), 149–152. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-10-1-149-152> (in Russian).
- Лапина В.Ю. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Volume 10-1 (85). С. 149–152. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-10-1-149-152>
- Lopatina, N.I. (2017) Problematic nature of the development of educational motivation of university students. *Gaudemus*. 16 (2), 95–99. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2017-16-2-95-99> (in Russian).
- Лопатина Н.И. Проблемность развития учебной мотивации студентов вуза // Гаудеамус. 2017. Т. 16, № 2. С. 95–99. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2017-16-2-95-99>
- Mukhamedieva, D.T. & Samandarov, E.K. (2022) The role of artificial intelligence in education. *O'zbekistonda ilm-fanning rivojlanish istiqbollari" xalqaro ilmiy-amaliy anjumani*. 39-45. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7325327>
- Negoită, D.O. & Popescu, M.A.M. (2023) The use of artificial intelligence in education. *11th International Conference of Management and Industrial Engineering*, Bucharest. (11), 208–214. <https://doi.org/10.56177/11icmie2023.43>
- Novitsky, N.A. (2023) A civilizational approach to managing the digital economy of big data based on multi-matrix models using artificial intelligence and quantum systems. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. (10-3), 391–404.

- Новицкий Н.А.* Цивилизационный подход к управлению цифровой экономикой больших данных на основе мультиматричных моделей с применением искусственного интеллекта и квантовых систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10-3. С. 391–404.
- Ostrovityanov, K.V. (2021) *Political economy*. Moscow, Soviet textbooks Publ. (in Russian).
- Островитянов К.В.* Политическая экономия. М. : Советские учебники, 2021. 640 с.
- Shadrin, S.A. (2018) Scope of the Right to Privacy according to Russian and European Legislation. *Actual Problems of Russian Law*. (9(94)), 208–217. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.208-217> (in Russian).
- Шадрин С.А.* Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 208–217. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.208-217>
- Shadrin, S.A. (2018) Some aspects of the mechanism of legal regulation of personal data protection in the Republic of Ireland. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. (3), 129–133. (in Russian).
- Шадрин С.А.* Некоторые аспекты механизма правового регулирования защиты персональных данных в Республике Ирландия // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 129–133.
- Shadrin, S.A. (2018) The current state of legal regulation of personal data protection in the European Union. *Law and the State: Theory and Practice*. (4(160)), 114–125. (in Russian).
- Шадрин С.А.* Современное состояние правового регулирования защиты персональных данных в Европейском Союзе // Право и государство: теория и практика. 2018. № 4 (160). С. 114–125.
- Shete, Sh.G., Patil A.A., Kasote V.K. & Pujari V.I. (2022) Use of artificial intelligence in education. *Seybold Report*. (17-10), 1951–1956. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7221805>
- Shobonov, N.A., Bulaeva, M.N. & Zinovieva, S.A. (2023) Artificial intelligence in education. *Problems of modern pedagogical education*. (79-4), 288–290. (in Russian).
- Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А.* Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-4. С. 288–290.
- Ulasan, F. (2023) The Use of Artificial Intelligence in Educational Institutions. *Korkut Ata Turkiyat Arastimalan Dergisi*. <https://doi.org/10.51531/korkutaturkiyat.1361112>
- Yankovsky, R.M. (2023) Is artificial intelligence capable of writing an article in a law journal? *Law*. (3), 126–133. (in Russian).
- Янковский Р.М.* Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 126–133.

Сведения об авторах:

Ефимцева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, Оренбургский институт (филиал), ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50; профессор кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

ORCID: 0000-0003-4295-6046, SPIN-код: 6169-1721

e-mail: tve-26@mail.ru

Жукова Елена Эльбрусовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Оренбургский институт (филиал), ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50

ORCID: 0009-0003-5374-7706, SPIN-код: 9265-6290

e-mail: lenazh2020@mail.ru

About the authors:

Tatiana V. Efimtseva – Doctor of Legal Sciences, Associate professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Natural-Resources Law, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA); 50, Komsomolskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Orenburg State University; Professor of the Department of Civil and Business Law, TISBI University of Management

ORCID: 0000-0003-4295-6046, SPIN-code: 6169-1721

e-mail: tve-26@mail.ru

Elena E. Zhukova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor of the Department of Foreign Languages, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSLA); 50, Komsomolskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-5374-7706, SPIN-code: 9265-6290

e-mail: lenazh2020@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-562-581>
EDN: ZRNZKD

Научная статья / Research Article

Правовое регулирование телемедицины в России

В.О. Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
makarov_vo@volsu.ru

Аннотация. Телемедицина является активно развивающейся формой оказания медицинской помощи, требующей сбалансированного правового регулирования. В связи с внедрением в российское законодательство экспериментальных правовых режимов (регулятивных песочниц), одним из направлений принятия которых является применение телемедицинских технологий, изучение указанного вопроса обретает дополнительную актуальность. Цель работы – анализ истории и современного состояния правового регулирования телемедицины в России, определение содержания рассматриваемого понятия, а также выявление проблем правового регулирования в данной сфере. Исследование основано на отечественных и иностранных научных источниках правового и медицинского характера, а также действующих и утративших силу нормативных правовых актах в области медицинских услуг и экспериментальных правовых режимов. Использованы формально-юридический, исторический, прогностический методы. В работе проанализированы «широкий» и «узкий» подходы к определению телемедицины, проведено разграничение телемедицины и смежных явлений, которые можно отнести к категории цифровизации здравоохранения. Выделены три этапа в истории развития правового регулирования телемедицины в России, проанализированы одновременно действующие базовое и экспериментальное правовое регулирование, а также выделены проблемы современного правового регулирования применения телемедицинских технологий.

Ключевые слова: телемедицина, телемедицинские технологии, экспериментальный правовой режим, регулятивная песочница, цифровые инновации, медицинские услуги, цифровая медицина, цифровое здравоохранение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

Поступила в редакцию: 25 марта 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Макаров В.О. Правовое регулирование телемедицины в России // *RUDN Journal of Law* // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 562–581. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-562-581>

Legal regulation of telemedicine in Russia

Vladislav O. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
makarov_vo@volsu.ru

Abstract. Telemedicine is a rapidly evolving form of healthcare that necessitates balanced legal regulation. The implementation of experimental legal regimes (regulatory sandboxes) in Russian legislation, particularly concerning the adoption of telemedicine technologies, further underscores the relevance of this issue. This study aims to analyze the historical and current state of telemedicine's legal regulation in Russia, define the scope of the concept, and identify existing regulatory challenges. The research draws upon national and international scholarly works in law and medicine, as well as current and superseded regulatory legal acts governing medical services and experimental legal regimes. Formal legal, historical, and forecasting methods were employed. The analysis examines “broad” and “narrow” definitions of telemedicine, differentiating it from related phenomena within healthcare digitalization. The study identifies three stages in the evolution of telemedicine's legal framework in Russia, analyzes both basic and experimental legal regulations, and highlights contemporary regulatory issues pertaining to the use of telemedicine technologies.

Keywords: telemedicine, telemedicine technologies, experimental law regime, regulatory sandbox, digital innovation, medical services, digital medicine, digital health

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project No 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

Received: 25th March 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Makarov, V.O. (2025) Legal regulation of telemedicine in Russia. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 562–581. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-562-581>

Введение

Стремительно развивающаяся и получающая все большее распространение в последние годы телемедицинская деятельность предполагает использование информационно-коммуникационных технологий для оказания медицинской помощи или передачи медицинской информации. Преимущества применения телемедицинских технологий можно выделить для всех субъектов: пациентов (исключение расходов на удаленные поездки, своевременность, доступность), медицинской организации (исключение расходов на командировки консультантов), консультантов (оптимизация рабочего времени специалистов высшей квалификации), страховой медицинской организации (снижение расходов на транспортировку пациента или доставку

консультанта) (Melik-Gusejnov et al., 2019). Снижение затрат, в качестве одного из преимуществ телемедицины, выделяется в научной литературе наравне с доступностью и эффективностью (Kraevskaya, 2023:2). При этом технологические составляющие телемедицины опережают правовое регулирование (Bulanova, 2020:205). Возникает распространенная за последние 20 лет ситуация, когда право, будучи консервативным явлением, не успевает за развивающимися информационно-коммуникационными технологиями (Davydova & Makarov, 2016).

Между тем необходимость сбалансированного нормативного регулирования применения телемедицинских технологий не вызывает сомнений, поскольку указанная сфера напрямую влияет на жизнь и здоровье людей, следовательно, право должно обеспечить условия для минимизации потенциальных рисков для пациентов.

Первые правовые исследования в сфере телемедицины были достаточно редки до 2017 года, то есть в период, когда телемедицина была не урегулирована законодательно. Одной из первых публикаций стала работа В.Б. Наумова и Д.А. Савельева, в которой предпринимается попытка изучения телемедицины через синтез информационного и медицинского права (Naumov & Saveliev, 2002). В данный период в правовой науке исследовался зарубежный опыт в сфере телемедицины (Bogdanovskaya, 2007), а также рассматривалось указанное явление в качестве одного из направлений правового регулирования отношений в сети Интернет (Dashyan, 2007). После законодательного закрепления возможности применения телемедицинских технологий, данная сфера привлекла внимание юридического сообщества. Вместе с тем развитие законодательства о телемедицине, включая интеграцию возможности применения телемедицинских технологий в экспериментальное правовое регулирование, обуславливает необходимость комплексного исследования вопросов современного правового регулирования телемедицины в России.

Понятие телемедицины

Исследование правового регулирования телемедицины невозможно без определения содержания его предмета, в связи с чем необходимо изучить понятие указанного явления. Анализ подходов к определению содержания термина «телемедицина» ранее проводился в исследовании С.В. Блестникова, Н.М. Кузьминой, С.Н. Ревиной и А.В. Сидоровой, в котором обобщаются две позиции ученых к понятию телемедицины, представленные в отечественной научной литературе. Согласно первой точке зрения телемедицина – это, в первую очередь, медицинская услуга, согласно второй точке зрения – комплекс технологий. Дополняя исследование анализом действующего регулирования, авторы приходят к выводу о том, что телемедицина – это оказание медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий и иных электронных способов обмена информацией (Blinov et al., 2019).

На «широкое» и «узкое» понимание телемедицины указывают также Н.В. Косолапова, Е.П. Третьякова. При широком понимании телемедицина включает в себя использование цифровых средств для получения информации о здоровье, состоянии человека, иных данных, источником которых является организм человека, включая программное обеспечение, анализирующее информацию о здоровье (Kosolapova, 2023:4), или же является отраслью отношений, возникающих в связи с использованием цифровых средств для получения информации о здоровье, состоянии человека, иных данных, источником которых является организм человека (программы,

обобщающие информацию о здоровье (например, мобильное приложение), или же программы, которые направлены на расчет необходимой доли принимаемых препаратов, например, как это делают помпы, контролирующие уровень сахара в крови и сообщающие через специальное мобильное приложение о необходимой дозировке инсулина (Tretyakova, 2020:55–56). Телемедицина в узком смысле представляет собой двухуровневое взаимодействие: «пациент–врач» (по вертикали) и «врач–врач» (по горизонтали) (Tretyakova, 2020:59).

Наличие «широкого» и «узкого» подходов к пониманию содержания телемедицинской деятельности отмечает и М.Л. Давыдова, анализируя различные виды наднационального регулирования (Davydova, 2023). Обобщение подходов к определению правовой сущности телемедицины было предпринято в исследовании А.М. Винокуровой и Т.В. Пашниной, которые к пришли к выводу о существовании «широкого» понятия телемедицины как атрибута информационного общества, ставшего его «лицом» в области здравоохранения, и «узкого», которое рассматривает оказание медицинской помощи с использованием телекоммуникационных технологий как дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента посредством приложений электронно-информационного характера (Vinokurova & Pashnina, 2022:130).

Представляется, что проблема содержания, скорее всего, обусловлена разноштатностью подходов к определению телемедицины в ЕАЭС и в регулировании англоязычных стран. При этом Н.В. Путило и Н.С. Волкова обращают внимание, что в Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации 2001 г. телемедицина («медицина на расстоянии»), включала в себя лечебно-диагностические консультации, управляемые, образовательные, научные и просветительские мероприятия в области здравоохранения, реализуемые посредством телекоммуникационных технологий. Основными направлениями применения телемедицины являлись: 1) телемедицинские консультации (теленаставничество); 2) телемониторинг функциональных показателей; 3) телемедицинская лекция/семинар; 4) телемедицинское совещание/консилиум/симпозиум; 5) интернет-медицина (веб-сайты, информационные базы данных, справочно-консультативные системы); 6) дистанционное образование в сфере здравоохранения и др. Таким образом, изначальное представление о телемедицине в российском законодательстве исходило из широкого подхода, охватывая собой все возможные области применения телекоммуникационных технологий в здравоохранении (Putilo & Volkova, 2018:131). Однако последующее правовое регулирование существенно сузило содержание телемедицинских технологий.

В этой связи следует отметить, что некоторые авторы предлагают к видам телемедицинских технологий также относить видеоконференции и дистанционное обучение (Demina et al., 2019:30). Подобный подход представляется сомнительным в строгого юридическом смысле, даже с учетом широкого понимания телемедицины. С 2001 года (год утверждения вышеуказанной концепции, включающей в себя схожие направления телемедицины) нормативное регулирование и технологии достигли существенного прогресса. Проводя аналогию в правовой сфере, отметим, что видеоконференции и дистанционное обучение не являются телемедициной, также как конференции юристов или их обучение не является правоприменением.

В российском законодательстве отсутствует определение термина «телемедицина». Статьи 2 и 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

используют понятие «*телемедицинскими технологиями*». В одном из ГОСТов можно встретить термин «*телемедицинскими услугами*», под которыми понимается сбор и предоставление медицинской информации и оказание медицинских услуг (таких как отсроченные консультации, консультации в реальном времени, дистанционный контроль за физиологическими параметрами организма пациента, дистанционное проведение диагностических и лечебных манипуляций, медицинские видеоконференции, телеконсилиумы, телесеминары, телелекции и прочие услуги) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

М.А. Винокурова и Т.В. Пашнина предлагают рассматривать телемедицину как общее явление, включающее различные грани: средства (телемедицинскими технологиями), процесс (применение телемедицинских технологий) и результат (телемедицинскими услугами), а понимать под ней медицинскую помощь консультационного характера, а также осуществление медицинского наблюдения (контроля) за состоянием здоровья пациента с использованием цифрового инструментария (Vinokurova & Pashnina, 2022:131).

Наличие разности подходов к определению содержания обуславливает необходимость **разграничения телемедицины и смежных явлений**. В своем докладе 2012 года Всемирная организация здравоохранения указывала, что телемедицина имеет четыре характерных черты: 1) ее целью является предоставление клинической поддержки; 2) она преодолевает географические барьеры, устанавливая связь между пользователями, физически находящимися далеко друг от друга; 3) она включает в себя использование различных видов ИКТ; 4) ее целью является улучшение здоровья населения². Если обратиться к опыту Европейского союза, то к формам и услугам телемедицины не относятся порталы информации о здоровье, интернет-продажа лекарств, электронные медицинские истории болезней, электронная выдача рецептов, электронное направление пациентов (Maksimov et al., 2018:106). Таким образом, следует различать *телемедицинскую и цифровизацию медицинской деятельности*. К последней можно отнести и описываемую Д.В. Черняевой передачу интерактивно собранных данных и удаленный мониторинг пациента (например, автономно от пациента, через технологии IoT – так называемого Интернета вещей), в том числе на базе мобильных приложений (Chernyaeva, 2019).

А.С. Михайлова указывает на использование в научной литературе таких терминов, как кибермедицина, интернет-медицина и цифровая медицина (Mikhailova, 2022). Однако более подходящим с правовой точки зрения представляется предлагаемый Н.В. Путило и Н.С. Волковой термин «*цифровое здравоохранение*», который охватывал бы все аспекты применения информационных технологий в сфере охраны здоровья граждан и создавал бы основу дальнейшей модернизации системы здравоохранения Российской Федерации с учетом современных потребностей и технологических возможностей (Putilo & Volkova, 2018:132). Так, статья 2 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья

¹ Пункт 3.11 ГОСТа 34244-2017 «Системы телемедицинские. Общие требования безопасности с учетом основных функциональных характеристик к стационарным телемедицинским консультативно-диагностическим центрам».

² Телемедицина. Возможности и развитие в государствах-членах. Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения. Серия «Глобальная обсерватория по электронному здравоохранению». Том 2 // Всемирная организация здравоохранения, 2012. Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/87687/9789244564141_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 24.03.2024).

граждан в Российской Федерации», содержащая определения используемых понятий, содержит указание и на «медицинскую деятельность», и на «медицинские услуги», однако именно «охрана здоровья» является наиболее широким термином, включающим в себя явления, переходящие в свою цифровую форму, но напрямую не являющиеся оказанием медицинской помощи³.

Возникает вопрос относятся ли электронные медицинские карты (EHR) (Akulin et al., 2022) к элементам цифровизации здравоохранения или непосредственно к телемедицине? Часть 7 ст. 36. 2 Федерального закона 323-ФЗ предусматривает, что документирование информации об оказании медицинской помощи пациенту с применением телемедицинских технологий, включая внесение сведений в его медицинскую документацию, осуществляется с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинского работника. Представляется, что содержание данной нормы, а также место ее закрепления (в специализированной статье) позволяет сделать вывод о возможности отнесения электронных медицинских карт непосредственно к телемедицине.

История развития правового регулирования в России

Несмотря на современное восприятие телемедицинских технологий как следствия процесса цифровизации, история возникновения и развития применения телемедицинских технологий уходит в конец XIX века. Так, например, первое использование телефона для телемедицинских консультаций датируется 1897 годом (Maksimov et al., 2018:105). Задачей настоящей статьи не является изучение истории телемедицины, более того, данный вопрос подробно исследован в специализированной монографии А.В. Владизимирского (Vladzimirsky, 2016), который выделяет 4 периода: ранний экспериментальный (1850–1920 гг.), первичной систематизации (1921–1954 гг.), масштабного применения (1955–1979 гг.), смены технологий и постепенного перехода к современной клинической телемедицине (1981 – н.в.).

В истории развития непосредственно правового регулирования телемедицины в России представляется возможным выделить три этапа.

Первый этап (1998–2017 гг.) характеризовался отсутствием комплексного регулирования применения телемедицины на федеральном уровне. В письме Минздрава РФ от 30 апреля 1998 г. № 2510/4071-98-32 было отражено положение, согласно которому в Российской Федерации разрабатывается Целевая государственная программа «Российская телемедицина»⁴. В 2001 г. приказом Минздрава РФ утверждается Концепция развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и план ее реализации⁵. В данной концепции впервые были выделены основные направления телемедицинских технологий: а) телемедконсультация /

³ В литературе также можно встретить синонимичное «электронное здравоохранение». Подробнее про международное электронное здравоохранение см. (Akimtseva, 2023).

⁴ Письмо Минздрава РФ от 30.04.1998 № 2510/4071-98-32 «О формировании Целевой государственной программы «Российская телемедицина». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=320815&cacheid=3187A44E858F8769E6F1004BD6DBDC04&mode=splus&rnd=Ccv7w#DIgV18UyDQ3Seavs> (дата обращения: 24.03.2024).

⁵ Приказ Минздрава РФ № 344, РАМН № 76 от 27.08.2001 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=98525&cacheid=778BE9F1622A812D9514E410232C62F6&mode=splus&rnd=Ccv7w#5PoV18UUn1zpVSvj> (дата обращения: 24.03.2024).

теленаставничество, где консультация – это обсуждение пациента врачом с консультантом или специалистом, а теленаставничество – это обсуждение пациента преподавателем со студентом; б) телемониторинг функциональных показателей организма; в) телемедицинская лекция, где преподаватель может обращаться ко всем участникам одновременно, а они, в свою очередь, могут обращаться к лектору; г) телемедицинское совещание/консилиум, где все участники могут общаться друг с другом (Bystrova et al., 2023). В 2002 г. утверждается федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»⁶. Одним из направлений развития инфраструктуры выпуска и обслуживания универсальных электронных карт являлось использование электронной карты для получения услуг в рамках системы государственного медицинского страхования, а также обеспечения однозначной идентификации гражданина при каждом случае осуществления государственных гарантий в сфере социального и медицинского обеспечения, в том числе при выдаче рецептов и получении медикаментов. В 2011 г. утверждается действующая по настоящее время Концепция создания Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, в которой отмечается статистика по ведению электронной истории болезни или электронных медицинских карт, оснащению средствами телемедицины⁷. Технологии лишь начинали свое появление, в связи с чем государство стимулировало их внедрение посредством принятия государственных целевых программ. При этом вопрос о возможности введения единого стандарта телемедицинских услуг, который было бы возможно распространить на федеральном уровне, начал обсуждаться в Госдуме РФ с 2002 г. (Bulanova, 2020:204).

Второй этап (2017–2020 гг.) был ознаменован закреплением телемедицины в федеральном законодательстве. В 2017 г. в федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вносятся изменения, а также он дополняется статьей 36.2 (Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий)⁸. Впервые законодательно было закреплено определение телемедицинских технологий, а также отыскочная норма, предполагающая разработку и принятие порядка оказания медицинской помощи с применением таких технологий. Установлены две цели консультации пациента или его законного представителя медицинским работником с применением телемедицинских технологий, а также обязательность первичного очного приема для коррекции ранее назначенного лечения или дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента. В этом же году принимается и основной подзаконный нормативный правовой акт, определяющий порядок и оказание медицинской помощи с применением

⁶ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=101540&cacheid=EBD8B760CE67977ECB92B911A6ACD8B3&mode=splus&rnd=Ccv7w#jdtV18UEtGEmydos2> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷ Приказ Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 № 364 (ред. от 12.04.2012) «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=129055&cacheid=AC7852F841340A8D34E9224DD0C79DBE&mode=splus&rnd=Ccv7w#2hxV18Ua6vSxKZR11> (дата обращения: 24.03.2024).

⁸ Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // СЗ РФ, 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4791.

телемедицинских технологий⁹. В 2018 г. утверждается положение о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения, концепция которой была принята в 2011 г.¹⁰ Кроме того, необходимо отметить издание Министерством здравоохранения РФ письма от 09.04.2018 № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий», которое хоть и не имеет нормативного характера, оказало существенное влияние на понимание правовой природы телемедицинских технологий и практику их применения¹¹. Также на данном этапе была продолжена работа по принятию государственных программ¹².

Анализ нормативного регулирования телемедицины в рассмотренный период уже являлся предметом отдельных отраслевых научных исследований (Levanov et al., 2017; Vavilova & Demchenko, 2020). Вместе с тем произошедшие законодательные изменения позволяют дополнить перечень нормативных актов, регулирующих телемедицинскую деятельность, выделив в предлагаемой периодизации **третий этап (2020 г. – н.в.)**. Он обусловлен принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹³, предусматривающего применение телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан в качестве одного из предусмотренных направлений развития цифровых инноваций. Заменяется и положение о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения¹⁴. При этом в 2023 году было принято постановление Правительства РФ, устанавливающее конкретные требования и механизмы применения телемедицинских технологий при оказании медицинской

⁹ Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2018 N 49577) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 05.05.2018 № 555 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» (вместе с «Положением о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения») // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.05.2018.

¹¹ Письмо Минздрава России от 09.04.2018 № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=298788&catcheid=035F00596F33A46C199174B5584DCF8E&mode=splus&rnd=Ccv7w#dWSW18UoxDn2XUcs2> (дата обращения: 24.03.2024).

¹² «Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319304&catcheid=C9933CEFACDD7B2BF98FC7612C969F4D&mode=splus&rnd=Ccv7w#alYW18UwjADsdN> (дата обращения: 24.03.2024).

¹³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5017.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 (ред. от 30.11.2022) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» (вместе с «Положением о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения») // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 11.02.2022.

помощи в рамках экспериментальных правовых режимов¹⁵. Таким образом, с 2023 года возникает два вида параллельно существующего правового регулирования телемедицинской деятельности¹⁶.

Опираясь на работы М. С. Варюшина (Varyushin, 2018), М.А. Винокурова и Т.В. Пашнина, выделяют 6 групп источников правового регулирования телемедицины: 1) нормативные правовые акты, относящиеся к медицинскому праву (законодательству о здравоохранении); 2) источники информационного права, регулирующие оборот медицинской информации; 3) документы стратегического планирования, определяющие векторы цифровой трансформации здравоохранения; 4) комплексные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинских услуг), в том числе посредством телемедицинских технологий; 5) документы технического регулирования, гарантирующие оказание качественной медицинской помощи; 6) международные документы модельного и рекомендательного характера, задающие рамки национального законодательного регулирования телемедицины (Vinokurova & Pashnina, 2022:137).

В настоящей работе рассматриваются источники правового регулирования телемедицины в ее «узком», строго юридическом смысле, не затрагивая нормативные акты, регулирующие смежные явления цифровизации здравоохранения.

Базовое правовое регулирование применения телемедицинских технологий

Традиционным правовым регулированием телемедицины, начиная с 2017 г., является федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Телемедицинские технологии – информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациентов (п. 22 ст. 2). Указанное определение предусматривает две указанные ранее формы взаимодействия: «врач–врач» и «врач–пациент».

Между тем специализированная ст. 36.2 вышеуказанного закона регламентирует особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий, то есть исключительно форму «врач–пациент». В ней содержатся 2 цели консультации пациента или его законного представителя медицинским работником с применением телемедицинских технологий:

1) профилактика, сбор, анализ жалоб пациента и данных анамнеза, оценка эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента;

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 (ред. от 18.07.2023) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ, 24.07.2023, № 30, ст. 5693.

¹⁶ Проблема параллельного правового регулирования применительно к экспериментальным правовым режимам отмечалась ранее в (Davydova & Makarov, 2023:125).

2) принятие решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации).

При проведении консультаций с применением телемедицинских технологий лечащим врачом может осуществляться коррекция ранее назначенного лечения при условии установления им диагноза и назначения лечения на очном приеме (осмотре, консультации). Дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента назначается лечащим врачом после очного приема (осмотра, консультации). Дистанционное наблюдение осуществляется на основании данных о пациенте, зарегистрированных с применением медицинских изделий, предназначенных для мониторинга состояния организма человека, и (или) на основании данных, внесенных в предусмотренные законом информационные системы о здравоохранении.

Регулирование второй формы взаимодействия с применением телемедицинских технологий («врач–врач»), проигнорированное в федеральном законодательстве, возникает лишь в специальном подзаконном нормативном акте (приказе Министерства здравоохранения РФ от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»), который дополняет перечень целей:

а) получение заключения медицинского работника сторонней медицинской организации, привлекаемого для проведения консультации и (или) участия в консилиуме врачей с применением телемедицинских технологий (далее – консультант, врачи – участники консилиума) по вопросам оценки состояния здоровья пациента, уточнения диагноза, определения прогноза и тактики медицинского обследования и лечения, целесообразности перевода в специализированное отделение медицинской организации либо медицинской эвакуации;

б) получение протокола консилиума врачей по вопросам оценки состояния здоровья пациента, уточнения диагноза, определения прогноза и тактики медицинского обследования и лечения, целесообразности перевода в специализированное отделение медицинской организации либо медицинской эвакуации.

Телемедицинские технологии могут использоваться при любых видах (первичная, специализированная, скорая, паллиативная), условиях (вне медицинской организации, амбулаторно, в дневном стационаре, стационарно) и в формах (экстренная, неотложная, плановая) медицинской помощи, закрепленных в ст. 32 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Процедурная составляющая приказа подробно регламентирует: 1) порядок проведения консультаций (консилиумов врачей) при дистанционном взаимодействии медицинских работников между собой при оказании медицинской помощи в экстренной и неотложной формах с применением телемедицинских технологий; 2) порядок проведения консультаций (консилиумов врачей) при дистанционном взаимодействии медицинских работников между собой при оказании медицинской помощи в плановой форме с применением телемедицинских технологий; 3) порядок проведения консультаций при дистанционном взаимодействии медицинских работников между собой с применением телемедицинских технологий в целях вынесения заключения по результатам диагностических исследований; 4) порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий при дистанционном взаимодействии медицинских работников с пациентами и (или) их

законными представителями; 5) требования к дистанционному наблюдение за состоянием здоровья пациента. Кроме того, устанавливаются общие правила организации медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, предельные сроки, обеспечивающие доступность оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, а также требования к документированию и хранению информации, полученной по результатам оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Экспериментальное правовое регулирование применения телемедицинских технологий

Практика применения телемедицинских технологий выявила ряд проблем и ограничений введенного в 2017 г. правового регулирования, как, например, невозможность установления диагноза, дистанционное наблюдение и корректирование лечения только лечащим врачом (Davydova & Korobkina, 2022). Накапливаются обусловленные регулятивными ограничениями проблемы, не позволяющие обеспечить распространение телемедицины.

При этом в 2020 г. в России появилось новое для отечественной науки и юридической практики понятие «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций». Подобное наименование было введено для обозначения правового института регулятивных песочниц (regulatory sandboxes), в течение последнего десятилетия активно развивающегося во множестве современных стран. Появление данного механизма обусловлено тем, что современные цифровые инновации зачастую не вписываются в сложившееся правовое регулирование. Попытки апробировать ту или иную технологию на практике сталкиваются с ограничениями в действующем законодательстве. Чтобы преодолеть подобные ограничения, и устанавливается экспериментальный правовой режим.

В 2020 г. в Российской Федерации был принят, а 1 января 2021 г. вступил в силу федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный закон направлен на создание в Российской Федерации регулятивных песочниц – специальных нормативно предусмотренных ограниченных во времени и по своему предмету экспериментальных правовых режимов, направленных на тестирование цифровых инноваций, путем применения к участникам исключений из действующего правового регулирования и реализуемых под контролем законодательно определенного регулятора (Makarov & Davydova, 2021).

Одним из предусмотренных направлений развития цифровых инноваций является применение телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, что создало юридическую возможность установления экспериментальных правовых режимов в сфере телемедицины.

В 2021 г. происходит гармонизация действующего законодательства, то есть наступает этап нормативной подготовки к установлению и проведению правовых экспериментов в медицинской сфере путем принятия федерального закона от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации“», закрепляющий перечень тех статей действующих федеральных законов,

которые потенциально могут подлежать «заморозке» на основании решения правительства об установлении конкретного экспериментального правового режима. Статья 9 этого закона перечисляет соответствующие положения медицинского законодательства (закона об основах охраны здоровья граждан), снимая тем самым потенциальные препятствия для проведения экспериментов в области телемедицины (Davydova, 2023:572).

В данный период выходит ряд правовых исследований, анализирующих представленные, но не принятые проекты в сфере телемедицины, а также прогнозирующие перспективы развития телемедицины в рамках экспериментальных правовых режимов (Platonova, 2021; Davydova & Korobkina, 2022; Davydova, 2023).

С 2023 г. начинается непосредственная реализация экспериментального правового регулирования цифровых инноваций в сфере телемедицины.

18 июля 2023 г., в рамках упомянутого Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» было принято постановление Правительства РФ № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан».

Данным постановлением был расширен перечень **целей консультаций** пациента врачом с применением телемедицинских технологий. К вышеуказанным двум целям были добавлены также назначение лабораторных, инструментальных и иных дополнительных исследований; назначение и осуществления дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента; назначение (коррекция) лечения при условии установления лечащим врачом диагноза и назначения лечения (при его наличии) по тому же заболеванию на очном приеме (осмотре, консультации).

Однако экспериментальное правовое регулирование сохраняет главное ограничение традиционного правового регулирования, поскольку все вышеупомянутые действия возможны после первичного очного приема пациента, совершенного в течение 30 дней до телемедицинской консультации.

При его отсутствии возможно только назначение необходимых лабораторных, инструментальных или иных дополнительных исследований, в том числе дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента, а также рекомендация пациенту обратиться за медицинской помощью очно в целях установления диагноза.

Вместе с тем ключевое нововведение экспериментального правового регулирования в сфере телемедицины заключается в том, что дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента может назначаться в том числе врачом, не проводившим очного приема (осмотра, консультации), той же медицинской организации, стаж работы по специальности которого составляет не менее 7 лет.

Таким образом, пациент не скован ограничением в выборе врача, обусловленным своей территориальной удаленностью от необходимого профильного специалиста. При обращении за телемедицинской консультацией пациент может быть первично осмотрен врачом, который находится на территории муниципального образования или субъекта федерации, в котором проживает пациент, а в дальнейшем уже целенаправленно наблюдать у профильного специалиста, являющегося врачом той же медицинской организации. В перспективе подобная конструкция может иметь

организационные последствия, при которых возникает первичное звено медицинских работников, проводящих первичный медицинский осмотр, а также уровень специализированных врачей, оказывающих последующую медицинскую помощью удаленно. Таким образом, расширяется география и обеспечивается доступность медицинской помощи для пациентов.

Критериями эффективности и результативности экспериментального правового режима являются: а) ежеквартально не менее 95 процентов консультаций с применением телемедицинских технологий, проведенных без дефектов; б) удовлетворенность пациентов результатом проведения консультаций с применением телемедицинских технологий не менее 70 процентов ежегодно по результатам проведенного анкетирования пациентов; в) проведение не менее 30 процентов консультаций с применением телемедицинских технологий, в рамках которых осуществлена коррекция назначенного на очном приеме лечения или назначено лечение (при его отсутствии).

В настоящее время в эксперименте участвуют 28 медицинских учреждений, однако законодательство устанавливает возможность присоединения к экспериментальному правовому режиму новых субъектов. Предположим, что наиболее эффективное применение телемедицинских технологий будет осуществляться медицинскими организациями с разветвленной структурой, предполагающей наличие филиалов. В такой ситуации может обеспечиваться доступность для пациентов, проживающих за пределами крупных агломераций.

В настоящее время перед экспериментальным правовым регулированием стоит задача аprobации телемедицинских технологий и их постепенное внедрение в медицинскую помощь при условии исключения риска причинения вреда жизни и здоровью пациентов. Кроме того, возникает необходимость устранения потенциальной проблемы параллельного правового регулирования, отмечавшуюся ранее при анализе установления экспериментальных правовых режимов. Правовой эксперимент должен быть направлен на deregулирование отдельных процессов или на адаптацию правовых процедур к стремительно развивающимся цифровым технологиям, создающим новые формы общественных отношений. Результаты экспериментального правового режима в сфере телемедицины позволят поставить вопрос о целесообразности внесения изменения в законодательство с целью ослабления нормативных ограничений, что, в свою очередь, может создать условия для сбалансированного развития как телемедицины, так и цифровизации здравоохранения в целом.

Проблемы правового регулирования телемедицины

Одной из основных проблем, на которую указывают как врачи, так и юристы, является уже затронутый в настоящей работе при обосновании необходимости принятия экспериментального правового регулирования вопрос **регулятивных ограничений**. Необходимость первичного очного приема становится препятствием для онлайн-обращения пациентов к врачам (Bazina & Simenyura, 2020), а врачами зачастую игнорируется нормативный запрет на назначение лекарственных средств (Mogozov et al., 2020). К данной проблеме относится и обязательность корректирования схемы лечения исключительно лечащим врачом, а не иными, может быть даже более квалифицированными докторами, при применении телемедицинских технологий. На постепенное преодоление такого ограничения направлено внедряемое экспериментальное правовое регулирование в сфере телемедицины.

Частые опасения вызывает также и проблема **персональных данных** (Zapisnaya, 2021; Makareyko, 2022), в связи с чем указывается на потребность в проработке вопроса соотнесения необходимости защиты персональных данных пациента с необходимостью проведения полноценной экспертизы его здоровья и подбора индивидуального правильного лечебного курса в каждом конкретном случае (Vavilova & Demchenko, 2022). Между тем помимо уже ставшего традиционным после осознания ценности персональных данных опасения за их сохранность, в литературе встречается и противоположная точка зрения, которая заключается в том, что проще изменить психологию общества в отношении персональных данных, а единственный метод «защиты» – это научиться жить с открытыми данными, и сделать это общественной нормой (Almazov et al., 2020:33).

Е.П. Третьякова справедливо отмечает, что данные о состоянии здоровья являются специальной категорией персональных данных (Tretyakova, 2020:65). В силу этого, в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных», согласие субъекта персональных данных на их обработки должно быть обязательно письменным. Исключение делается только для обработки персональных данных, касающихся состояния здоровья, полученных в результате обезличивания персональных данных, в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления, а также в иных целях, предусмотренных Федеральным законом от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» и Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», в порядке и на условиях, которые предусмотрены указанными федеральными законами.

Подобный подход создает исполнимые условия для правовой конструкции, предусматривающей обязательный первичный очный прием, однако, является регулятивным ограничением для более глубокого внедрения телемедицинских технологий. Так, например, европейское регулирование допускает получение не только письменного, но и точно выраженного устного согласия (Tretyakova, 2020:65).

В качестве отдельной проблемы выделяют **идентификацию и аутентификацию** участников дистанционного взаимодействия при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. В указанных целях используется единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА)¹⁷, являющаяся одной из структурных составляющих Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Таким образом, большинство пользователей «Госуслуг» имеют необходимую для идентификации и аутентификации в качестве пациентов при получении телемедицинской консультации учетную запись. Вместе с тем определенные группы населения могут

¹⁷ Приказ Минкомсвязи России от 13.04.2012 № 107 (ред. от 19.08.2022) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.04.2012 № 23952) // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 112, 18.05.2012.

ее не иметь, например: иностранные граждане, лица без гражданства, а также дети в возрасте до 14 лет (Melik-Gusejnov et al., 2019:9; Bystrova et al., 2023). При этом в отношении медицинских работников, оказывающих телемедицинскую документацию или документирование информации об оказании медицинской помощи пациенту с применением телемедицинских технологий, включая внесение сведений в его медицинскую документацию, законодательно установлено требование об использовании усиленной квалифицированной электронной подписи. И если для профессиональных участников – медицинских организаций обеспечение медицинских работников усиленной квалифицированной электронной подписью не должно вызывать затруднения, то отсутствие регистрации в ЕСИА у определенного сегмента населения обуславливает возникновение предложений о создании альтернативных способов подтверждения личности для участников телемедицинских консультаций и добавления их в нормативные акты (Bystrova et al., 2023:14). Между тем представляется, что любой иной способ идентификации и аутентификации в настоящее время будет охватывать еще меньшую часть населения, поскольку к концу 2023 г. число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн. человек¹⁸. В совокупности с простотой регистрации в ЕСИА выбранный законодателем способ идентификации и аутентификации становится единственным механизмом, обеспечивающим доступность применения телемедицинских технологий.

Среди информационно-технических рисков можно выделить применение технологий искусственного интеллекта (Bulanova, 2020), сбой техники и программного обеспечения¹⁹, утрата и повреждение технических средств, несанкционированное завладение информацией, ее искажение, подлог, незаконное распространение, ее утрата, а также повреждение и утрата носителей информации, специфические риски телекоммуникационной сети и т.д. (Mikhailova, 2022). Но является ли это действительно специфическим риском или Интернет выступает лишь в качестве средства передачи информации, которая и так передается и хранится на специальных носителях (например, результаты анализов или медицинских исследований, МРТ, УЗИ и т.п.)? Подобная проблема, в случае ее наличия, сводится к классической дискуссии о цифровизации или сохранении аналоговых средств хранения и передачи информации. Однако практика развития современных российских сервисов (в том числе государственно-правового характера) свидетельствует о превалировании цифрового пути развития.

Также среди проблем правового регулирования телемедицинской деятельности в научной литературе выделяют отсутствие объективной медицинской информации в государственной информационной автоматизированной системе в случае, если пациент получал медицинскую помощь в частной клинике (Kraevskaya, 2023), порядок оплаты телемедицинских услуг (и предложение о включении их в базовую программу государственных гарантий) (Vavilova & Demchenko, 2022), процедуру получения и содержание информированного согласия (Starchikov, 2021).

Заключение

Телемедицина – дистанционное оказание медицинской помощи при взаимодействии «врач–пациент», а также обмен медицинской информацией с помощью

¹⁸ Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 года. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (дата обращения: 24.03.2024).

¹⁹ Шинкаренко И.Э. Страхование ответственности: справочник. М., 2006. 410, [1] с.

информационно-коммуникационных технологий при взаимодействии «врач–врач». При этом телемедицина является частью более широкого явления – цифрового здравоохранения, включающего в себя и иные формы применения информационных технологий в сфере охраны здоровья граждан. В связи с внедрением возможности применения телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи в российское законодательство в 2017 г. наблюдается увеличение юридических исследований, посвященных данному вопросу. Вместе с тем представляется, что описательный период накопления научного знания в условиях, когда право начинает регулировать специфическое явление, уже является пройденным, в связи с чем научные работы юристов должны сконцентрироваться исключительно на проблемах правового регулирования или правоприменения в сфере телемедицины.

В истории развития правового регулирования телемедицины в России можно выделить три этапа: 1) отсутствие комплексного регулирования применения телемедицины на федеральном уровне (1998–2017 гг.); 2) закрепление базового правового регулирования телемедицины (2017–2020 гг.); 3) установление экспериментального правового регулирования телемедицины (2020 – н.в.). В настоящее время одновременно и параллельно существует и базовое правовое регулирование (на основании федерального закона № 323-ФЗ и приказа Минздрава России № 965н), и экспериментальное правовое регулирование (на основании федерального закона № 331-ФЗ и постановления Правительства РФ № 1164). При этом в первом случае отсутствует закрепление взаимодействия «врач–врач» на уровне федерального закона, а его регулирование происходит лишь с помощью специального подзаконного нормативного акта. Экспериментальное правовое регулирование отменяет часть нормативных ограничений для участников правового эксперимента, расширяет перечень целей телемедицинской консультации, сохраняя, однако, базовое из них – возможность назначения или коррекции лечения только при условии очного приема в пределах 30 дней до проведения такой удаленной консультации.

Среди проблем правового регулирования можно выделить регулятивные ограничения применения телемедицинских технологий, сохранность персональных данных при удаленной консультации или передаче медицинской информации, идентификацию и аутентификацию пациента, а также специальные информационно-технические риски, возникающие, при усложнении взаимодействия врачей и пациентов.

References / Список литературы

- Akimtseva, Y.V. (2023) Constitutional foundations of cross-border digital healthcare. *RUDN Journal of Law*. 27 (1), 76–96. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-76-96> (in Russian).
- Акимцева Я.В. Конституционные основы трансграничного цифрового здравоохранения // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 76–96. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-76-96>
- Akulin, I.M., Chesnokova, E.A., Presnyakov, R.A., Pryadko, A.E. & Guryanova, N.E. (2022) Electronic medical record: Experience of legal regulation of the EAEU countries. *Medical doctor and information technology*. (1), 72–83. https://www.doi.org/1025881/18110193_2022_1_72 (in Russian).
- Акулин И.М., Чеснокова Е.А., Пресняков Р.А., Прядко А.Е., Гурьянова Н.Е. Электронная медицинская карта: опыт правового регулирования стран ЕАЭС // Врач и информационные технологии. 2022. № 1. С. 72–83. https://www.doi.org/1025881/18110193_2022_1_72

- Almazov, A.A., Rumyantsev, P.O., Kupreev, P.P., Murashko, M.M., Rodin, S.A. & Melerzanov, A.V. (2020) Multimodal data analysis, “Human” and “Machine” approaches difference, social problematics of biomedical data collection and turnover. *Medical doctor and information technology*. (2), 28–35. <https://www.doi.org/10.37690/1811-0193-2020-2-28-35> (in Russian).
Алмазов А.А., Румянцев П.О., Купреев П.П., Мурашко М.М., Родин С.А., Мелерзанов А.В. Системы поддержки принятия врачебных решений; анализ мультимодальных данных, разница «человеческого» и «машинного» подходов, социальная проблематика сбора и оборота биомедицинских данных // Врач и информационные технологии. 2020. № 2. С. 28–35. <https://www.doi.org/10.37690/1811-0193-2020-2-28-35>
- Bazina, O.O. & Simenyura, S.S. (2020) Telemedicine: Advantages, disadvantages, realities (legal analysis and practical application). *Medical Law*. (3), 32–38. (in Russian).
Базина О.О., Сименюра С.С. Телемедицина: достоинства, недостатки, реалии (правовой анализ и практическое применение) // Медицинское право. 2020. № 3. С. 32–38.
- Blinov, S.V., Kuzmina, N.M., Revina, S.N. & Sidorova, A.V. (2019) Basic approaches to defining the content of the term “telemedicine”. *Lawyer*. (5), 58–63. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3929-2019-5-58-63> (in Russian).
Бlinov С.В., Кузьмина Н.М., Ревина С.Н., Сидорова А.В. Основные подходы к определению содержания термина «телемедицина» // Юрист. 2019. № 5. С. 58–63. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3929-2019-5-58-63>
- Bogdanovskaya, I.Yu. (2007) Legal regulation of telemedicine: US experience. *Doctor and information technologies*. (3), 64–68. (in Russian).
Богдановская И.Ю. Правовое регулирование телемедицины: опыт США // Врач и информационные технологии. 2007 № 3. С. 64–68.
- Bulanova, V.S. (2020) The role of telemedicine and telemedicine services in the context of new challenges and threats: Information and legal problems. *Law and State: Theory and Practice*. (3 (183)), 203–206. (in Russian).
Буланова В.С. Роль телемедицины и телемедицинских услуг в условиях новых вызовов и угроз: информационно-правовые проблемы // Право и государство: теория и практика. 2020. №3 (183). С. 203–206.
- Bystrova, Yu.V., Grib, V.G. & Sizov, G.G. (2023) Telemedicine in modern Russia: Problems of legal regulation and ways to solve them. *Modern society and law*. (6 (67)), 12–16. (in Russian).
Быстрова Ю.В., Гриб В.Г., Сизов Г.Г. Телемедицина в современной России: проблемы правового регулирования и пути их решения // Современное общество и право. 2023. № 6 (67). С. 12–16.
- Chernyaeva, D.V. (2019) The importance of telemedicine in labor. *Law*. (11), 88–95. (in Russian).
Черняева Д.В. Значение телемедицины в трудовых // Закон. 2019. № 11. С. 88–95.
- Davydova, M.L. & Makarov, V.O. (eds.) (2023) *Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): Foreign practice and experience of formation in modern Russia*. Moscow, RUSCIENCE Publ. (in Russian).
Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России : монография / кол. авторов ; под ред. М.Л. Давыдовой, В.О. Макарова. Москва : РУСАЙНС, 2023. 185 с.
- Davydova, M. L. & Korobkina, P. S. (2022) Experimental legal regimes in the field of telemedicine. *Advances in Law Studies*. (4), 26–30. <https://www.doi.org/10.29039/2409-5087-2022-10-4-26-30> (in Russian).
Давыдова М.Л., Коробкина П.С. Экспериментальные правовые режимы в сфере телемедицины // Advances in Law Studies. 2022. № 4. С. 26–30. <https://www.doi.org/10.29039/2409-5087-2022-10-4-26-30>
- Davydova, M.L. (2023) Telemedicine and experimental legal regimes in the field of healthcare: Problems and prospects for implementation. *RUDN Journal of Law*. 27 (3), 564–582. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-564-582> (in Russian).

- Давыдова М.Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 3. С. 564–582. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-564-582>
- Davydova, M.L. & Makarov, V.O. (2016) Transformation of the legal system under the influence of the Internet. *Bulletin of VolSU. Series 5. Jurisprudence*. 15, (4 (33)), 50–57. (in Russian).
- Давыдова М.Л., Макаров В.О. Трансформация правовой системы под влиянием сети Интернет // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. 2016. Том 15. № 4 (33). С. 50–57.
- Dashyan, M.S. (2007) *Law of information highways: Issues of legal regulation in the Internet sphere*. Moscow: Wolters Kluwer Publ. (in Russian).
- Дашян М. С. Право информационных магистралей : вопросы правового регулирования в сфере Интернет. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 275 с.
- Demina, N.V., Sabanova, L.V. & Sabanova, V.A. (2019) Videoconferencing and distance learning as the main types of telemedicine services. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. (V2), 28–33. Available at: <http://e-koncept.ru/2019/196014.htm> [Accessed 24th March 2024]. (in Russian).
- Демина Н. В., Сабанова Л. В., Сабанова В. А. Видеоконференции и дистанционное обучение как основные виды телемедицинских услуг // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № V2. С. 28–33. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2019/196014.htm> (дата обращения: 24.03.2024).
- Kosolapova, N.V. (2023) Telemedicine: Possible risks for patients' information security. *Bulletin of the East Siberian Open Academy*. (49 (49)), 7. (in Russian).
- Косолапова Н.В. Телемедицина: возможные риски для информационной безопасности пациентов // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2023. № 49 (49).
- Kraevskaya, A.G. (2023) Telemedicine: Legal analysis and feasibility of implementation at this stage of the evolution of society. *Bulletin of the East Siberian Open Academy*. (49 (49)), 10. (in Russian).
- Краевская А. Г. Телемедицина: правовой анализ и целесообразность внедрения на данном этапе эволюционирования общества // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2023. № 49 (49).
- Levanov, V.M., Perevedentsev, O.V., Sergeev, D.V. & Nikolsky, A.V. (2017) Regulatory support for telemedicine: 20 years of development. *Journal of telemedicine and electronic health care*. 3 (5), 160–170. (in Russian).
- Леванов В.М., Переведенцев О.В., Сергеев Д.В., Никольский А.В. Нормативное обеспечение телемедицины: 20 лет развития // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2017. № 3 (5). С. 160–170.
- Makareyko, N.V. (2022) Legal risks of digitalization of medical care. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1 (57)), 67–74. <https://www.doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-67-74> (in Russian).
- Макарейко Н.В. Правовые риски цифровизации оказания медицинской помощи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 67–74. <https://www.doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-67-74>
- Makarov, V.O. & Davydova, M.L. (2021). On the Concept of Regulatory Sandboxes. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) *“Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 155. Springer, Cham., pp. 1014–1020. https://www.doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_112
- Maksimov, I.B., Diashev, A.N. & Sinopalnikov, V.I. et al. (2018) History, analysis of the state and prospects for the development of telemedicine. *Journal of Telemedicine and eHealth*. (3), 103–110. (in Russian).
- Максимов И.Б., Диашев А.Н., Синопальников В.И. и др. История, анализ состояния и перспективы развития телемедицины // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2018. № 3. С. 103–110.

- Melik-Guseinov, D.V., Khodyreva, L.A., Turzin, P.S., Kondratenko, D.V., Gozulov, A.S. & Emanuel, A. (2019) Telemedicine: Regulatory support, realities and prospects for use in domestic health care. *Experimental and clinical urology*. (1), 4–11. <https://www.doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-1-4-10> (in Russian).
Мелик-Гусейнов Д.В., Ходырева Л.А., Турзин П.С., Кондратенко Д.В., Гозулов А.С., Эмануэль А. Телемедицина: нормативно-правовое обеспечение, реалии и перспективы применения в отечественном здравоохранении // Экспериментальная и клиническая урология. 2019. № 1. С. 4–11. <https://www.doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-1-4-10>
- Mikhailova, A. S. (2022) On the issue of telemedicine and more. *Medical law*. (4), 38–44. (in Russian).
Михайлова А. С. К вопросу о телемедицине и не только // Медицинское право. 2022. № 4. С. 38–44.
- Morozov, S.P., Vladzimirsky, A.V. & Simenyura, S.S. (2020) Quality of primary telemedicine consultations "patient – doctor" (based on the results of testing telemedicine services). *Doctor and information technologies*. (1), 52–61. (in Russian).
Морозов С.П., Владзимирский А.В., Сименюра С.С. Качество первичных телемедицинских консультаций "пациент – врач" (по результатам тестирования телемедицинских сервисов) // Врач и информационные технологии. 2020. № 1. С. 52–61.
- Naumov, V.B. & Savelyev, D.A. (2002) *Legal aspects of telemedicine*. St. Petersburg, Anatolia Publ. (in Russian).
Наумов В.Б., Савельев Д.А. Правовые аспекты телемедицины. СПб.: Анатолия, 2002. 107 с.
- Platonova, N.I. (2021) On the issue of an experimental legal regime in the field of telemedicine technologies. *Journal of the Belarusian State University. Law*. (3), 32–37. (in Russian).
Платонова Н.И. К вопросу об экспериментальном правовом режиме в сфере телемедицинских технологий // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 32–37.
- Pospelova, S.I., Sergeev, Yu.D., Pavlova, Yu.V. & Kamenskaya, N.A. (2018) Legal regime for the use of telemedicine technologies and the introduction of electronic document management: The current state of legal regulation and development prospects. *Medical Law*. (5), 24–33. (in Russian).
Поспелова С.И., Сергеев Ю.Д., Павлова Ю.В., Каменская Н.А. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития // Медицинское право. 2018. № 5. С. 24–33.
- Putilo, N.V. & Volkova, N.S. (2018) Telemedicine: The needs of society and the possibilities of legislation. *Journal of Russian Law*. (6), 124–130. https://www.doi.org/10.12737/art_2018_6_12 (in Russian).
Путило Н.В., Волкова Н.С. Телемедицина: потребности общества и возможности законодательства // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 124–130. https://www.doi.org/10.12737/art_2018_6_12
- Starchikov, M.Yu. (2021) *Problematic issues of legal regulation of the provision of medical care (services) using telemedicine technologies: Legislation and judicial practice*. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=135931&date=24.03.2024> [Accessed 24th March 2024] (in Russian).
Старчиков М.Ю. Проблемные вопросы правовой регламентации оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: законодательство и судебная практика // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=135931&date=24.03.2024> (дата обращения: 24.03.2024).
- Tretyakova, E.P. (2020) Legal aspects of telemedicine. *Digital Law Journal*, (1 (2)), 53–66. <https://www.doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-2-53-66> (in Russian).

- Третьякова Е. П. Правовые аспекты регулирования телемедицины // Цифровое право. 2020. № 1 (2). С. 53–66. <https://www.doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-2-53-66>
- Vavilova, E.M. & Demchenko, M.V. (2020) Development of legal regulation of telemedicine in the Russian Federation. *Medical Law*. (1), 48–51. (in Russian).
- Вавилова Е.М., Демченко М.В. Развитие правового регулирования телемедицины в Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 1. С. 48–51.
- Varyushin, M. S. (2018) Legal regulation of telemedicine in Russia and the EU: Two steps forward and one back. *Law*. (1), 165–174. (in Russian).
- Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. 2018. №1. С. 165–174.
- Vinokurova, M. A. & Pashnina, T. V. (2022) On the Application of a Systematic Approach in the Legal Regulation of Telemedicine Technologies. *Journal of Russian Law*. 26 (6), 126–139. <https://www.doi.org/10.12737/jrl.2022.066> (in Russian).
- Винокурова М. А., Пашина Т. В. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 126–139. <https://www.doi.org/10.12737/jrl.2022.066>
- Vladzimirsky, A.V. (2016) *Telemedicine: Curatio Sine Tempore et Distantia*. Moscow, Aegitas Publ. (in Russian).
- Владзимирский А.В. Телемедицина: Curatio Sine Tempora et Distantia. М. : Aegitas, 2016. 663 с.
- Zapisnaya, T.V. (2021) On the concept of development of legal regulation of relations in the field of digitalization of domestic healthcare. *Lawyer*. (5), 78–86. (in Russian).
- Записная Т.В. О концепции развития правового регулирования отношений в сфере цифровизации отечественного здравоохранения // Юрист. 2021. № 5. С. 78–86.

Сведения об авторе:

Макаров Владислав Олегович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации», Волгоградский государственный университет; Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100

ORCID: 0000-0002-3818-6328, SPIN-код: 3641-3417

e-mail: makarov_vo@volsu.ru

About the author:

Vladislav O. Makarov – Candidate of Legal Sciences Senior Researcher at Legal Regulation in the Context of Digitalization Research Laboratory, Volgograd State University; 100, University prosp., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3818-6328, SPIN-code: 3641-3417

e-mail: makarov_vo@volsu.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-582-588>

EDN: AAMCJY

Информационная статья / Information Article

Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право: обзор Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, 7 декабря 2024 г.

В.С. Никитина , К.П. Перегудова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 peregudova-kp@rudn.ru

Аннотация. 7 декабря 2024 года проведена ежегодная межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право», посвященная актуальным проблемам правового регулирования в условиях цифровизации и технологических изменений. В работе конференции приняли участие более 150 участников, включая студентов, молодых ученых, экспертов в соответствующих областях и юристов-практиков. Конференция прошла в очном формате и предусматривала пленарное заседание, интерактивные элементы и выставочные экспозиции, а также шесть форсайт-сессий.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, киберпреступность, национальная безопасность, сравнительное правоведение, форсайт-сессия, правовое регулирование, цифровая экономика

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 24 января 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Никитина В.С., Перегудова К.П. Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право: обзор Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, 7 декабря 2024 г. // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 582–588. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-582-588>

Key Insights in Jurisprudence and Law from the Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation, December 7, 2024

Valentina S. Nikitina , Kseniia P. Peregudova

RUDN University, Moscow, Russian Federation
peregudova-kp@rudn.ru

Abstract. On December 7, 2024, the annual interuniversity scientific and practical conference with international participation ‘Jurisprudence 2.0: Key Insights on Law’ addressed current challenges in legal regulation arising from digitalization and technological change. The conference gathered over 150 participants, including students, early career researchers, subject-matter experts and legal professionals. The event, held in person, features a plenary session, interactive elements, exhibition displays, and six foresight sessions.

Key words: digitalization, artificial intelligence, intellectual property, cybercrime, national security, comparative law, foresight session, legal regulation, digital economy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 24th January 2025

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Nikitina, V.S., Peregudova, K.P. (2025) Key Insights in Jurisprudence and Law from the Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation, December 7, 2024. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 582–588. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-582-588>

Ежегодно на базе юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы проводятся студенческие научные конференции, ориентированные на обсуждение наиболее актуальных проблем правовой сферы, в частности, 7 декабря 2024 года состоялась ежегодная межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право». Конференция организована и проведена юридическим институтом РУДН, Научным студенческим обществом «Opinio Juris» и Студенческим комитетом юридического института РУДН. Основная цель мероприятия – формирование научно-обоснованного представления о правовом регулировании в таких областях, как искусственный интеллект (далее – ИИ) и интеллектуальная собственность, финансовое право, национальная безопасность и правоохранительная деятельность, а также юридическая ответственность за преступления, совершенные с использованием современных технологий. Кроме того, форум направлен на развитие навыков использования сравнительно-правового метода и понимания взаимосвязи государства, права и личности. В работе конференции приняли участие около 150 участников, включая студентов, молодых ученых, экспертов и юристов-практиков.

Пленарное заседание открыл директор юридического института РУДН, доцент кафедры теории права и государства, канд. юрид. наук, С.Б. Зинковский, подчеркнув, что конференция «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право» является одной из ключевых площадок для обсуждения вопросов, находящихся на острие правового

регулирования. В качестве экспертов-спикеров на пленарное заседание были приглашены *И.Ю. Гриценко*, адвокат Коллегии Адвокатов «Правовая политика», спикер профильных конференций по защите врача и клиники от необоснованных претензий, автор телеграм-канала «Правовая медицина», *А.В. Покровская*, эксперт патентной практики по национальным фазам РФ ЦИС «Сколково».

В докладе, посвященном применению ИИ в медицине, *И.Ю. Гриценко* рассмотрела ключевые аспекты внедрения цифровых технологий в здравоохранение, подчеркнув необходимость тщательного анализа правовых рамок, касающихся сбора и обработки данных пациентов, а также общения с пациентом посредством «чат-ботов». Особое внимание было уделено проблеме диагноза, поставленного с помощью ИИ, и вопросу о том, кто несет ответственность за возможные врачебные ошибки. Выступающая отметила, что врач остается ответственным за качество лечения, а ответственность за врачебные ошибки может быть распределена между врачом и медицинским учреждением. Гражданскую ответственность, как правило, несет медицинское учреждение, а уголовную – лично врач¹.

В докладе *А.В. Покровской* «Нарушение авторских прав при обучении искусственного интеллекта: правовые последствия и примеры из практики» рассмотрены ключевые аспекты, связанные с использованием материалов для тренировки ИИ и правовыми последствиями таких действий. Обучение ИИ требует больших объемов информации, что часто приводит к нарушениям авторских прав и вызывает вопросы о том, кто несет ответственность – разработчики, пользователи и администрации, владельцы данных или операторы платформ. Доклад также анализирует концепцию добросовестного использования произведений для обучения ИИ и ее правовую обоснованность в различных юрисдикциях. Примеры из судебной практики, такие как исковые заявления в отношении Stability AI и GitHub Copilot², иллюстрируют актуальность проблемы и ее неразрешенность. В заключение, докладчик подчеркивает необходимость совершенствования законодательства с целью создания единых стандартов защиты интеллектуальных прав в эпоху ИИ.

Формат конференции предусматривал форсайт-сессии, которые существенно отличаются от традиционных научных секций. В то время как классические секции в основном сосредоточены на обсуждении докладов и презентации результатов исследований, форсайт-сессии направлены на проектирование и формирование будущего³.

Форсайт 1 «Сравнительное правоведение: новые вызовы в условиях деглобализации» был направлен на выявление тенденций к созданию более устойчивой и справедливой правовой среды, способствующей всесторонней защите прав человека. Экспертами выступили заместитель директора юридического института РУДН по научной работе, доцент кафедры теории права и государства, канд. юрид. наук, *Р.М. Аллалыев* и управляющий партнер Исследовательского центра ABL, доцент

¹ FutureMed 2024: «искусственный интеллект меняет медицину уже сегодня, но в центре системы всегда будет врач». Режим доступа: https://www.invitro.ru/moscow/about/press_releases/futuremed-2024-iskusstvennyy-intellekt-menyet-meditsinu-uzhe-segodnya-no-v-tsentre-sistemy-vsegda-b/ (дата обращения: 14.01.2025).

² См.: Authors Guild v. OpenAI Inc., 1:23-cv-08292, (S.D.N.Y.). Режим доступа: <https://www.courtlistener.com/docket/67810584/authors-guild-v-openai-inc/> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Крюков С.В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra economicus. 2010. Т. 8. №. 3–2. С. 7–17.

Высшей школы права РЭУ им. Г.В. Плеханова, член комиссии по финансовому законодательству Московского отделения Ассоциации юристов России, канд. юрид. наук, *Е.Л. Венгеровский*. Участники конференции представили различные аспекты сравнительного правоведения, включая его роль в законотворчестве, соотношение понятий «правовая система» и «система права», а также влияние правовых семей на формирование правовых традиций. Активно обсуждались методологические аспекты построения юридических карт мира. Темы культурного восприятия права, в частности, в контексте исламского права, также нашли свое отражение в дискуссиях. Были рассмотрены актуальные вопросы разрешения споров в судах обычного права, что позволило выявить особенности правоприменительной практики в различных регионах, включая современную Африку.

В эпоху стремительного технологического прогресса искусственный интеллект становится активно применяемым инструментом во всех видах деятельности, одним из таковых является творчество, результаты которого требуют эффективного правового регулирования. Именно указанному вопросу посвящен форсайт 2 «Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: векторы права и технологий». Эксперты секции – юристконсульт направления «Интеллектуальная собственность» ЦИС «Сколково» *К.В. Колесников* и эксперт патентной практики по национальным фазам РФ ЦИС «Сколково» *А.В. Покровская* – акцентировали внимание на необходимости адаптации существующего законодательства к современным реалиям, а также предложили обсудить практические кейсы использования искусственного интеллекта в творческих индустриях.

Важным направлением дискуссии стало нормативное правовое регулирование ИИ. Обсуждение охватывало вопросы правосубъектности ИИ, правового статуса произведений, созданных с его помощью, а также необходимость законодательного решения для защиты таких произведений. По результатам форсайта участники пришли к выводу, что Указом Президента РФ утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года⁴. Технологии ИИ защищаются авторским и патентным правом, однако сам ИИ не наделяется авторскими правами – создателем произведения считается человек, использующий ИИ. В целом, выступающие констатировали, что правовое регулирование ИИ в России находится на стадии формирования, а развитие нормативной базы в этой области является актуальной задачей для стимулирования инноваций и защиты прав интеллектуальной собственности.

Форсайт 3 «RegTech, FinTech, CorpFin Law: теория и практика» был посвящен обсуждению взаимодействия технологий и права в формировании устойчивых, безопасных и инновационных финансовых систем. Участники конференции обсудили самые актуальные вопросы с экспертами: директором Центра устойчивого развития РУДН, старшим преподавателем кафедры административного и финансового права РУДН *М.Е. Жуковой*, являющейся одновременно доцентом кафедры отраслевых рынков Финансового университета при Правительстве РФ, членом Научно-экспертного совета Института экономики РАН по проблемам управления, канд. экон. наук, *Е.М. Григорьевой* и др. Рассмотрены правовые аспекты цифровых финансовых технологий и их влияние на международные платежные системы. Основное

⁴ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

внимание было уделено разработке платежной системы БРИКС (BRICS PAY) и опыту создания цифрового рубля. Также проанализированы механизмы противодействия легализации преступных доходов посредством цифровых активов, сделаны выводы о необходимости внедрения более строгих регулирующих мер и мониторинга транзакций с цифровыми активами. Обсуждение включало и такую тему, как правовые основы майнинга. Участники отметили проблему отсутствия четких правовых рамок для майнинга в различных странах, проблемы исполнения международных контрактов в условиях санкций. В ходе дискуссии предложено решение использования альтернативных платежных систем и валют, а также проведения переговоров о разработке специальных условий для контрактов, учитывающих санкционные ограничения.

Эпоха высоких технологий стала двойным мечом: с одной стороны, этот меч предоставляет пользователям мощные ресурсы, с другой – высокие технологии расширяют географию преступлений, создавая новые возможности для злоумышленников и усложняя работу правоохранительных органов. Вопросам борьбы с преступностью посвящен форсайт 4 «Преступность в эпоху Hi-Tech: высокие технологии и криминальные вызовы». Экспертами выступали: заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН, д-р юрид. наук, *О.А. Кузнецова*; профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, *Е.С. Стешич*; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН, д-р юрид. наук, *А.А. Чистяков*; главный научный сотрудник НИЦ-1, д-р юрид. наук, профессор, *А.М. Плешаков*; главный научный сотрудник НИЦ-3, д-р юрид. наук, профессор, *Г.С. Шкабин*; преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА, канд. юрид. наук, *И.С. Мочалкина*; доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН, канд. юрид. наук, *А.С. Холоимова*.

Основное внимание было сосредоточено на влиянии международных правовых стандартов на национальные системы уголовного права. Одной из ключевых тем стало применение передовых технологий в процессе расследования преступлений. Также проанализированы и технологии дистанционного обучения для лиц, находящихся в местах лишения свободы, что подчеркивает важность образования даже в условиях изоляции.

Киберпреступность стала одной из наиболее обсуждаемых тем: особое внимание было уделено проблемам кибербуллинга, преследований и домогательств в киберпространстве. Подчеркнута роль международных организаций в борьбе с киберугрозами и транснациональными киберпреступными группами. Обсуждались вопросы уголовной ответственности за преступления в сфере цифровой экономики, а также проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта в уголовном процессе. Во время дискуссии были рассмотрены угрозы, связанные с технологиями deepfake, которые могут быть использованы для создания фальшивых видео и аудиозаписей. Это вызывает серьезные криминальные последствия: дезинформацию, клевету и манипуляцию общественным мнением. Предлагались меры противодействия мошенничеству с использованием высоких технологий.

Важность интеграции усилий государства и гражданского общества для эффективного обеспечения стабильности и защиты от угроз обсуждалась на форсайте 5 «Национальная безопасность и гражданское общество в современных условиях». В качестве экспертов выступили доцент кафедры судебной власти, гражданского

общества и правоохранительной деятельности РУДН, канд. юрид. наук *Д.А. Добряков*, адвокат Адвокатской палаты города Москвы *И.И. Алексеева*, адвокат Адвокатской палаты города Москвы, первый заместитель председателя коллегии адвокатов города Москвы "Конкордия" *Б.А. Махмудов* и адвокат коллегии адвокатов города Москвы «Вердикт» *А.В. Плаксин*.

Особое внимание спикеры уделили кибератакам, рассматриваемым как средство гибридной войны. Участниками конференции предложены такие меры для защиты критической инфраструктуры, как: разработка мер по защите от DDoS-атак и других киберугроз, включая постоянный мониторинг и анализ инцидентов, запрет на использование иностранного программного обеспечения на значимых объектах критической информационной инфраструктуры для повышения безопасности и пр. Темы биометрических технологий и их влияние на безопасность граждан также были в центре обсуждений. Выступающие отметили, что наиболее эффективными биометрическими технологиями с целью обеспечения безопасности следует считать: сканирование отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза, распознавание лица, а также использование нескольких биометрических моделей одновременно.

Заключительный форсайт 6 «СМИ и право: новые границы свободы слова и ответственности» был посвящен сохранению баланса между правом на свободу слова и необходимостью защиты от злоупотребления этой свободой. С одной стороны, СМИ обеспечивают общество разнообразием мнений, доступом к информации и служат важным инструментом демократического контроля. С другой стороны, возникновение фейковых новостей, манипуляций общественным мнением и распространения дезинформации ставит под вопрос основополагающие нормы свободы слова. Указанные вопросы обсуждались совместно с экспертами: канд. юрид. наук *С.Б. Зинковским* и заместителем директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН, экспертом, участником политических программ на федеральных каналах (Первый канал, Россия 24, Соловьев LIVE, Звезда, ОТР и др.), канд. ист. наук, *Е.В. Семибратовым*.

Свобода слова является фундаментальным правом, защищаемым международными документами, такими как Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Всеобщая декларация прав человека⁵. Хотя свобода слова является фундаментальной, она может быть ограничена в интересах национальной безопасности, общественного порядка и защиты прав других лиц.

Основное внимание уделили безопасности журналистов в конфликтных ситуациях и влиянию законодательства о противодействии экстремизму на СМИ. Участники анализировали уровень добросовестности рекламной деятельности и влияние санкционной политики на свободу слова. В результате сделан вывод, что для защиты интересов граждан необходимо установить законодательные рамки, ограничивающие свободу слова в случаях, когда это необходимо для охраны общественного порядка и прав человека.

После завершения работы на форсайтах все участники были приглашены на торжественное закрытие конференции, где были подведены итоги дискуссий. Лучшие доклады были отмечены дипломами первой, второй и третьей степени. По

⁵ См.: Маковей М., Чефранова Е. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Москва. – 2001; Всеобщая декларация прав человека : принятая Генеральной Ассамблей ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.01.2025).

итогам конференции планируется выпустить сборник материалов, который будет проиндексирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Конференция «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право» внесла значительный вклад в развитие юридической науки и практики, определив ключевые направления для дальнейших исследований в области правового регулирования цифровой экономики и новых технологий. Форсайт-сессии позволили разработать «дорожные карты» с конкретными предложениями по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Представляется, что наиболее значительное влияние конференция окажет на следующие направления: разработка концепции правового регулирования искусственного интеллекта, совершенствование законодательства в сфере цифровых финансов и создание эффективных механизмов противодействия киберпреступности. Заключительное слово произнес директор юридического института РУДН, доцент кафедры теории права и государства, канд. юрид. наук, С.Б. Зинковский, высоко оценив уровень работ участников и подчеркнув их интерес к актуальным проблемам юриспруденции.

Сведения об авторах:

Никитина Валентина Сергеевна – ассистент кафедры теории права и государства, младший научный сотрудник, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-код: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Перегудова Ксения Павловна – магистрант кафедры теории права и государства, лаборант-исследователь, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0000-0388-1171, SPIN-код: 4482-3246

e-mail: peregudova-kp@rudn.ru

About the authors:

Valentina S. Nikitina – Assistant, Department of Theory of Law and State, Junior Researcher, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-code: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Ksenia P. Peregudova – Master's student, Department of Theory of Law and State, Research Assistant, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-0388-1171, SPIN-code: 4482-3246

e-mail: peregudova-kp@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-589-593>
EDN: AAYZCU

Информационная статья / Information Article

Судебная власть и судоустройство: обзор II Международной научно-практической конференции

Е.Ю. Комлев , Д.А. Добряков , Ю.В. Сухоставская

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российской Федерации
 dobryakov_d@pfur.ru

Аннотация. 28 марта 2025 года в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы состоялась II международная научно-практическая конференция «Судебная власть и судоустройство». В конференции приняли участие судьи, работники аппаратов судов, представители научного сообщества, адвокаты, нотариусы, аспиранты и студенты из России и зарубежных стран. В рамках пленарного заседания и трех тематических секций участники конференции проанализировали актуальные проблемы и тенденции осуществления правосудия, обсудили вопросы развития судебных систем в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: судебная власть, судоустройство, правосудие, судья, научно-практическая конференция

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 30 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В. Судебная власть и судоустройство: обзор II Международной научно-практической конференции // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 589–593. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-589-593>

Contemporary Challenges in Judicial Power and Judicial Systems: A Review of the II International Conference

Evgeny Y. Komlev , Denis A. Dobryakov , Yuliia V. Sukhostavskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 dobryakov_d@pfur.ru

Abstract. On March 28, 2025, the Department of Judicial Power, Civil Society, and Law Enforcement of the RUDN University hosted the II International Scientific and Practical Conference

© Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

‘Judicial Power and the Judiciary’. The conference was attended by judges, court personnel, members of the scientific community, lawyers, notaries, postgraduate students and students from Russia and abroad. Across the plenary session and three thematic sections, the conference participants analyzed current challenges and trends in the administration of justice and discussed the evolution of judicial systems in Russia and foreign countries.

Key words: judicial power, judicial system, justice, judge, scientific and practical conference

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 30th March 2025

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Komlev, E.Y., Dobryakov, D.A., Sukhostavskaya, Y.V. (2025) Contemporary Challenges in Judicial Power and Judicial Systems: A Review of the II International Conference. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 589–593. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-589-593>

28 марта 2025 года кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы была проведена II Международная научно-практическая конференция «Судебная власть и судоустройство». Среди ста двадцати пяти участников конференции были судьи Верховного Суда, кассационных и апелляционных судов, судов уровня субъектов федерации и их зарубежные коллеги из Белоруссии и Казахстана, сотрудники аппаратов судов, адвокаты, нотариусы, ученые-правоведы, представители гражданского общества, аспиранты и студенты. Следует отметить, что в этом году конференция была организована в очном формате без возможности дистанционного участия.

Проведение конференции имело своей целью организацию дискуссии между представителями судебной власти и научного сообщества по вопросам актуальных проблем в сфере осуществления правосудия и тенденций развития судебных систем в России и зарубежных странах, обеспечение «обратной связи» между судьями и работниками аппаратов судов с одной стороны, а также адвокатами, представителями иных юридических профессий и учеными – с другой. Также одной из основных задач конференции было приобщение студентов к научно-исследовательской деятельности и их знакомство с позициями ведущих ученых и практиков.

В рамках конференции было проведено пленарное заседание, в котором приняли участие представители судебной власти, юридической науки и гражданского общества. Заседание и вместе с ним всю конференцию открыли *Аббасидзе Аслан Хусейнович*, д-р юрид. наук, профессор, и.о. директора юридического института, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, и *Комлев Евгений Юрьевич*, канд. юрид. наук, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

С приветственным словом к участникам конференции обратились *Володина Светлана Игоревна*, канд. юрид. наук, президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, *Гильмутдинов Динар Загитович*, Депутат Государственной

Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Комитета по безопасности и противодействию коррупции, *Омарова Уммутазиль Авадзиеvна*, д-р юрид. наук, профессор, заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – начальник Управления судебной защиты, профессор кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Доклады на пленарном заседании представили *Момотов Виктор Викторович*, д-р юрид. наук, профессор, председатель Совета судей Российской Федерации, секретарь Пленума, член Президиума, судья Верховного Суда Российской Федерации (тема доклада: «Судебная реформа 2018 года: итоги и направления дальнейшего развития»), *Лепёшин Дмитрий Александрович*, канд. юрид. наук, заместитель председателя Первого апелляционного суда общей юрисдикции, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (тема доклада: «Отделные аспекты развития судебной системы Российской Федерации»), *Власов Евгений Васильевич*, канд. юрид. наук, заместитель председателя Арбитражного Суда Центрального Округа (тема доклада: «О некоторых проблемах реализации права частных лиц на доступ к правосудию и защите прав в арбитражных судах») и *Меркачёва Ева Михайловна*, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (тема доклада: «Идеальный суд глазами древних философов и современников»).

После пленарного заседания была организована работа трех секций конференции, где докладчиками помимо практиков и представителей юридической науки выступили также студенты, прошедшие предварительный отбор во время проведения круглого стола «Судебная власть и судоустройство: вчера, сегодня, завтра», состоявшегося 20 марта 2025 года в качестве самостоятельного мероприятия в преддверии конференции «Судебная власть и судоустройство».

Первая секция «Судебная власть и публичное право» (модератор – *Добряков Денис Андреевич*) была посвящена вопросам совершенствования механизмов реализации судебной власти, взаимодействия суда с другими ветвями государственной власти и гражданским обществом, а также актуальным проблемам правосудия в сфере публичных правоотношений. Участники секции рассмотрели вопросы функционирования и развития института суда с участием присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран, проблемы судебного контроля и обеспечения единства цифрового пространства разных ветвей судебной системы Российской Федерации.

Во второй секции «Роль судебной власти в развитии гражданских правоотношений» (модераторы – *Ширёв Денис Андреевич*, *Акобян Карине Арменовна*) обсуждались вопросы современного состояния и перспектив развития судебной защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, а также актуальные проблемы реализации судебной власти в сфере экономической деятельности и смежных сферах. Во время работы секции докладчики уделили внимание, помимо прочего, развитию гражданского и арбитражного судопроизводства, значению нотариата в качестве института «превентивного правосудия», а также внесудебным способам урегулирования гражданско-правовых споров (в частности, медиации).

В рамках третьей секции «Проблемы и тенденции судоустройства» (модераторы – *Терехов Андрей Александрович*, *Бамбаева Байна Станиславовна*) были

рассмотрены проблемы и тенденции совершенствования организационных, правовых и финансовых основ функционирования судебной системы, а также вопросы оптимизации процессов цифровой трансформации правосудия. В ходе обсуждения анализировались теоретические и практические аспекты организации судебной власти, включая соотношение коллегиальности и единоличия, цифровизация судебной системы как фактор повышения эффективности правосудия, правовые и социально-психологические аспекты работы судей и другие вопросы.

В целом, участники конференции отметили положительные результаты реформы 2018–2019 гг., в ходе которой в качестве самостоятельных судебных органов были выделены апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, не «привязанные» к конкретному субъекту федерации и потому потенциально более независимые при осуществлении правосудия. Внимание в данной связи было обращено и на то обстоятельство, что указанные инстанции до настоящего времени остаются недостаточно доступными для граждан – личное обращение в них затруднительно ввиду их небольшого числа (в соответствии с изменениями, внесенными в 2018 г. в Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», было предусмотрено создание в общей сложности пяти апелляционных судов (ст. 23.9) и девяти кассационных судов (ст. 23.1)) и удаленности от места жительства значительного числа граждан (например, Первый кассационный суд общей юрисдикции расположен в Саратове, тогда как в его компетенцию входит пересмотр судебных актов, принятых судами Республики Мордовия, Белгородской области, Брянской области, Воронежской области, Калужской области, Курской области, Липецкой области, Орловской области, Московской области, Нижегородской области, Пензенской области, Саратовской области, Тульской области, а также судебных актов апелляционных судов общей юрисдикции, принятых по жалобам и представлениям на судебные акты указанных судов (п. 1 ч. 2 ст. 23.1)). Отчасти эту проблему призвана решить предусмотренная законом возможность образования постоянных судебных присутствий, расположенных вне места постоянного пребывания конкретно апелляционного или кассационного суда (ч. 3 ст. 23.9 и ч. 3 ст. 23.1 соответственно), однако до сих пор ни одно такое присутствие так и не было образовано.

Другой значимой темой, которая освещалась как на пленарном заседании, так и в секциях конференции, стало внедрение цифровых технологий в деятельность судебных органов, причем речь шла не только о «простой» цифровизации (создание цифровых копий документов, видеоконференцсвязь и так далее), но и о «интеллектуальной» цифровизации (использование различных инструментов, включая нейронные сети, для анализа материалов дела, обобщения данных, подготовки проектов документов и так далее), притом в отношении последней было подчеркнуто, что никакие цифровые и даже самые сложные технологические решения не должны заменять и исключать из правосудия человека, в любом случае оставаясь исключительно вспомогательным инструментом, облегчающим рутинную работу судьи, аппарата суда и участников процесса. Впрочем, несмотря на значительный прогресс в данной сфере нерешенными остаются такие проблемы, как, например, обеспечение электронного взаимодействия между различными ветвями судебной власти – цифровые среды, в которых работают суды общей юрисдикции и арбитражные суды, не объединены на базе единого программного обеспечения, что затрудняет сквозной (можно также сказать – межотраслевой) поиск информации по рассматриваемым делам. Потребность в этом обусловлена, помимо прочего, нередкими в практике

случаями обращения истцов с одним и тем же исковым заявлением одновременно как в суд общей юрисдикции, так и в арбитражный суд, в результате чего оба заявления могут быть рассмотрены по существу, а решения по ним могут оказаться противоположными по смыслу и юридическому обоснованию. Данные факты в очередной раз обращают внимание на совершенно нецифровые проблемы неоднозначности формулирования положений о компетенции судов и подсудности в процессуальном законодательстве, а также необходимости обеспечения единообразия (или даже единства) судебной практики.

Полагаем цели конференции достигнутыми, а ее результаты – основой для проведения новых научно-практических мероприятий кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российской Федерации, а также необходимости обеспечения единообразия (или даже единства) судебной практики.

Сведения об авторах:

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7246-8014, SPIN-код: 4470-8099

e-mail: komlev_eyu@pfur.ru

Добряков Денис Андреевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-2384-8659, SPIN-код: 7147-4646

e-mail: dobryakov_d@pfur.ru

Сухоставская Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-2398-7712, SPIN-код: 8107-1257

e-mail: sukhostavskaya_yuv@pfur.ru

About the authors:

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7246-8014, SPIN-code: 4470-8099

e-mail: komlev_eyu@pfur.ru

Denis A. Dobryakov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2384-8659, SPIN-code: 7147-4646

e-mail: dobryakov_d@pfur.ru

Yuliia V. Sukhostavskaya – Senior Lecturer of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2398-7712, SPIN-code: 8107-1257

e-mail: sukhostavskaya_yuv@pfur.ru